

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
«ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»
СБОРНИК РАБОТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА
2018 – 2019 ГГ.**

**ИД «НЕ СЕКРЕТНО»
МОСКВА-2019**

УДК
ББК
Л34

Сборник работ победителей Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». – К.: ИД «Не секретно», 2019. – 320 с.

ISBN ISBN 978-5-9908894-9-1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Мединский В. Р. – председатель совета, министр культуры Российской Федерации, председатель Российского военно-исторического общества;

Пуликовский К. Б. – заместитель председателя, генерал-лейтенант;

Буздыган В. Д. – директор Департамента культуры Министерства обороны Российской Федерации;

Рябов О. И. – генеральный директор Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы».

В сборнике представлены работы победителей Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы», а также работы участников конкурса, отмеченные жюри.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-9908894-9-1

© ИД «Не секретно», 2019

УДК
ББК

Содержание

Забродин Александр Филиппович «Лихой казак, чуб вьётся на ветру...»	9
Пенявский Станислав Юрьевич Город-герой.....	10
Дырда Анатолий Иванович Ветеран.....	11
Дмитриев Валерий Иванович Встреча с прошлым.....	11
Шкапов Константин Викторович Молчаливые языки	13
Герасимов Владимир Иванович Шли открыто на смерть штрафников батальоны	14
Коньков Владимир Иванович Светлой памяти А. Т. Твардовского	15
Ерёмина Галина Александровна В музее.....	17
Купавых Светлана Александровна Защитникам Курской дуги.....	18
Любушкин Юрий Павлович Солдатские дороги.....	19
Артамонов Андрей Фёдорович Под знаменем Победы	20
Кандаурова Наталья Викторовна Пляшите, бабы! Завтра будем плакать.....	22
Еськов Александр Петрович «Не ходите на русских войной...»	24
Устинов Юлий Петрович Шестеро солдат.....	25
Гладких Ольга Владимировна Уходили девочки... ..	26
Захаров Аркадий Петрович Четыре друга в День Победы... ..	27
Копысов Василий Иванович Старое фото	29
Кузьминых Дмитрий Иванович Подольские курсанты	30
Черницкая Ирина Сергеевна Первый бой.....	31
Хатюхина Лилия Васильевна Медсанбат.....	33
Сергеева Людмила Ивановна Рассказ стрелка штурмовика Ил.....	34
Самолук Людмила Григорьевна В строю опять фронтовики	35
Голубкова Ольга Юрьевна Наро-Фоминск.....	36
Александрова Татьяна Алексеевна День Победы.....	37

Кудрявцева Тамара Васильевна	
Солнышко на санках.....	38
Блинова Зоя Анатольевна	
Берёзы головы склонили	41
Еланцев Константин Викторович	
Андрейка	42
Карауш Пётр Владимирович	
Курай.....	46
Гусев Евгений Павлович	
Они защитили Москву.....	49
Заратуев Алексей Стефанович	
Солдатская гармонь.....	54
Ткаченко Евгений Анатольевич	
Крест	56
Воробьёв Виктор Яковлевич	
Полынок.....	58
Верецкая Виктория Анатольевна	
Бесстрашная Шурка	61
Зайцев Николай Владимирович	
Часы.....	63
Скорик Илья Борисович	
Память о прошлом – путь будущему	67
Воробьёв Илья Евгеньевич	
Остаться в 43-м.....	70
Мишуринский Николай Гордеевич	
«Спасти рядового Райана» – по-русски.....	74
Туголуков Михаил Андреевич	
Его зарыли в шар земной	79
Королёв Виктор Владимирович	
Дожить до Победы и дальше.....	83
Берзин Вячеслав Петрович	
Школа пилотов.....	88
Шибанова Евгения Викторовна	
Лиза	92
Соснин Илья Викторович	
Взятие Рейхстага.....	95
Ивачева Дарья Олеговна	
«Вот смотрю на фото я	95
Кириллов Кирилл Андреевич	
След Великой Победы в моей семье	96
Курдяев Вадим	
Юный партизан Валентин Крохин	97
Амиралиева Хадижа Арсланалиевна	
Вечная память.....	99
Магомеднабиев Абдусалам Тимурович	
Магомеду Нурбагандову	99
Саткангулова Дарья Кайратовна	
Письмо Герою	101
Сурдейкин Сергей Дмитриевич	

День Победы – особый праздник!.....	102
Жирнов Иван Александрович	
Прадеды	103
Маркакова Дарья Павловна	
Диалог с сыном	104
Волкова Ксения Дмитриевна	
Мой прадед.....	107
Богданова Марина Дмитриевна	
Конфетка за Победу!.....	109
Терехова Марина Александровна	
«Неизвестному Солдату»	111
Ермилов Евгений Фёдорович	
Песня «Гранитные строки войны».....	112
Пивоварцева Виктория Николаевна	
Песня «Кланяйтесь оставшимся в живых!»	113
Берёзкин Ян Михайлович	
Песня «Курсантский строй»	114
Санджиев Арсланг Бамбаевич	
Песня «110-я».....	115
Супрун Ирина Евгеньевна	
Песня «Наследники Победы».....	116
Смелова Галина Геннадьевна	
Песня «Гимн Союзу городов воинской славы России».....	117
Идёт Бессмертный полк»	118
Молокова Мария Сергеевна	
Песня «Любимый город»	120
Мартысь Розалия Дмитриевна	
«Бессмертный полк под знаменем Победы»	122
«Девчонки военной поры»	123
Козаренко Анатолий Михайлович	
Разговор с судьбой	124
Крючкова Тамара Юрьевна	
Воспоминания мамы о войне	125
Агарков Михаил Евгеньевич	
Дети военного времени.....	126
Мазняк Варвара Ивановна	
Письмо матери	127
Емельянова Татьяна Николаевна	
Мои воспоминания.....	128
Бабушкино детство	130
Певнев Александр Сергеевич	
Я родом не из детства – из войны	135
Киселёва Юлия Вячеславовна	
Детство, опалённое войной.....	139
Выборных Владислав Евгеньевич	
Героями им быть пришлось	142
Владислав Одегов	
Маленький Герой большой войны.....	146
Из поколения победителей.....	146

Проводы.....	147
Буханка хлеба.....	147
Артиллерист-разведчик	148
Первым пересёк границу германии	148
В боях за Меденау.....	149
«А до смерти четыре шага ... ».....	149
«Как в раю ... ».....	150
Он очень любил детей.....	150
Не на того напали.....	150
Никулин Владимир Николаевич	
Фронтная история	151
Мецгер Александр	
Фотография уходящей истории	156
Кому Васюка, а кому Василий Иванович	156
Кизеева Надежда Алексеевна	
Блокадницы.....	159
Аустрин Август Леонардович	
На долгих дорогах войны.....	163
Гремицкий Владимир Александрович	
Встреча на фронте.....	168
Грачёв Михаил Александрович	
Семь смертей сапёра Белова	173
Ланчёнкова Татьяна Петровна	
Дорога в бессмертие.....	177
Смирнова Екатерина Николаевна	
Расскажи мне про войну.....	180
Проскоков Юрий Владимирович	
Вторая жена	183
Аглеева Мария Ильинична	
Военная ложка.....	189
Гришин Виктор Алексеевич	
Дядя Ля	193
Палагин Сергей Вячеславович	
Три новогодних дня войны.....	198
Хохлова Василиса Андреевна	
Дорогая моя	203
Бочаров Анатолий Николаевич	
История любви по письмам, найденным в окопах.....	205
Кроха Людмила Владимировна	
Крылатая дева великой войны	208
Тарасюк Наталья Сергеевна	
Поезд встреч, поезд расставаний.....	213
Адлер Наталья Савельевна	
А я их ждать буду... ..	216
Емелин Евгений Викторович	
Памяти блокады Ленинграда	220
Лунёв Николай Геннадьевич	
Пиши, поэт!.....	221
Сижук Тамара Михайловна	
Мне было 19.....	223

Решетняк Александр Васильевич	
Песня «Как под вечер вечерок»	225
Петрова Ксения Юрьевна	
Это мы, Господи!	226
Татауров Владимир Владимирович	
Остров шумшу	226
Яскевич Сергей Капитонович	
Комбат	228
Осипов Виктор	
Помню день	229
Конарева Валентина Александровна	
Уходил на войну паренёк	230
Царик Сергей Петрович	
Девятый	232
Герцог Валерий Данилович	
И гореть будет вечный огонь!	233
Маркина Ирина Владимировна	
Песня «Освобождение города Калуги»	235
Пивоварцева Виктория Николаевна	
Песня «Ушедших в небо помяни»	236
Борисов Юрий Анатольевич	
К обелиску	237
Перова Нина Фёдоровна	
Облака	238
Михайлова Полина Александровна	
Песня «Ленинградский зимний салют»	239
Архипов Сергей Александрович	
Солдат-освободитель	240
Миронова Галина Алексеевна	
Песня «Берёзки»	241
Закревская Арина Александровна	
Уроки доброты	242
Глушко Лилия Сергеевна	
Смерти вопреки	244
Балахонова Полина Владимировна	
Фашисту нас не победить!	246
Ефремова Виктория Геннадьевна	
Солдат войны не выбирает	250
Конаков Артём Михайлович	
Мой папа служил в Афганистане	252
Старцева Светлана Анатольевна	
Моя любимая книга о ВОВ	253
Кротова Софья Владимировна	
Они многое могли бы	255
Синько Кирилл Дмитриевич	
Моя прабабушка	257
Князева Варвара Игоревна	
Спасибо за мир на Земле!	258

Селянинов Никита Сергеевич	
Незабудка.....	259
Косякова Алина Вадимовна	
Война	260
Таранова Амалия Витальевна	
Скажи мне, прадед	261
Передерий Владислав Дмитриевич	
Мой прапрадед»	263
Белов Алексей Евгеньевич	
Рассказ о моём прадеде	264
Макаров Сергей Евгеньевич	
Россия начиналась не с меча.....	267
Окотэтто Анастасия Ивановна	
Война в судьбе прадеда	269
Толстик Таисия Евгеньевна	
Ночная вылазка	273
Угрюмова Анастасия Николаевна	
Павел Уваров – мужественный солдат!.....	276
Рахуба Екатерина Александровна	
«Военная тайна» запретного ящика.....	280
Волосникова Дарья Александровна	
Разговор по душам	284
Типцова Анастасия Александровна	
Она слушала своё сердце.....	285
Лапшина Анастасия Михайловна	
Его первый сбитый самолёт	290
Гашимова Хадижа Хайбуллаевна	
Письмо девочкам на войну.....	294
Волкова Анна Александровна	
Мне дед рассказывал однажды	296
Соловьёва Анна Артёмовна	
Страшный сон девочки	298
Косолапова Галина Владимировна	
Нам надо помнить каждого из них	299
Калугина Татьяна Ивановна	
Бушевала и злилась метель.....	302
Филатова Наталья Александровна	
Крепкий тыл	305
Львова Елизавета Витальевна	
После музея.....	306
Мухина Ксения Анатольевна	
А мама ждёт... ..	307
Титова Татьяна Сергеевна	
«О тридцать пятой и не только... ..»	308
Мальшева Алия	
Подвиг	311
Иванов Антон	
Срока у подвига нет.....	318

Забродин Александр Филиппович

Родился в 1947 году в Зауралье, в селе Нижнеполовском Шадринского района Курганской области. Окончил Петуховский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства по специальности техник-электрик. Служил в Советской армии. Стихи начал писать в начале 90-х годов прошлого века под влиянием политических событий в стране.

Неоднократно публиковался в газетах города Шадринска и Шадринского района, выступал со своими стихотворениями в клубах и школах родного города. В 2017 году принимал участие во Всероссийском литературном конкурсе «Герои Великой Победы», вошел в число финалистов. Был

номинарован на соискание литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя». В 2017 году произведения Александра Забродина вошли в шорт-лист национальной литературной премии «Поэт года» в номинации «Лирика».

В настоящее время живёт в городе Шадринске.

«ЛИХОЙ КАЗАК, ЧУБ ВЬЁТСЯ НА ВЕТРУ...»

Лихой казак, чуб вьётся на ветру,
Горячий конь резвится под тобой,
Последний раз проедешь по двору
И, честь отдав, оставишь дом родной.

Жена-казачка днями будет ждать
Твоих вестей с далёкой стороны
И Господа молитвой убеждать,
Чтоб он помог прийти тебе с войны.

На поле брани в яростном бою
Твоя казачья крепкая рука
За смерть людей, за Родину свою
Не пощадит коварного врага.

Настанет час – со Знаменем Святым
Вернёшься ты торжественно домой
К своим любимым, близким и родным –
Лихой казак, защитник и герой...

Пенявский Станислав Юрьевич

Родился 23 августа 1952 года в городе Барнауле Алтайского края. Через некоторое время семья переехала в город Ишим Тюменской области, откуда впоследствии ушёл в Советскую армию, где отслужил 17 лет. Стихи начал писать в 70-е годы прошлого века. Печатался в газетах и журналах «Знаменосец» ВС СССР и «Русское литературное ЭХО», Израиль. Автор поэтических сборников «Перекрёстки судьбы» (2011 г.), «Не написан ещё мною стих» (2012 г.), «Огонь в Душе ещё горит» (2013 г.)

Член Российского союза писателей и региональной общественной организации «Поэты Тюменской области». Ветеран труда, почётный донор России, пенсионер.

ГОРОД–ГЕРОЙ

Сталинград, Сталинград – героический город,
О тебе свою песню я с признаньем пою.
Ты красив и велик, своим подвигом молод,
Пред тобой на колени поколения встают.

Сталинград, Сталинград – неприступная крепость,
Ты врагу его путь своей грудью закрыл.
Ты в тяжёлых боях показал свою верность
И страницу в бессмертье для себя ты открыл.

Сталинград, Сталинград – над великой рекою.
Ты в огне и в руинах, но не сдался врагу.
Весь народ как один за тебя встал стеною
Для России в тяжёлом сорок третьем году.

Сколько крови и слёз, сколько пота пролито,
Сколько лучших сынов там осталось лежать.
И сегодня стоят те бойцы из гранита,
Часовые войны – им бессменно стоять.

Дырда Анатолий Иванович

ВЕТЕРАН

Под грузом времени в развалку
И под одеждой скрытых ран
Идёт, стуча сердито палкой,
На встречу с прошлым ветеран.

Его пиджак сидит свободно.
Но ты на это не смотри,
Пусть он глядится старомодно,
Вся суть солдатская – внутри.

Сегодня он ко Дню Победы
Весь арсенал своих наград
За кровь Страны, за её беды
Несёт достойно на парад.

Таких, как он, все наши дети
И люди разных стран земли
На всей огромнейшей Планете
Навечно в память занесли!

Дмитриев Валерий Иванович

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

С войны в земле лежал солдат
На дне заросшего окопа,
Сжимая ржавый автомат, –
Он лишь сегодня был откопан.

К нему, лежащему во рву,
Склонилась плачущая верба.
Казалось, смотрят в синеву
Глаза, не видящие неба.

Давно закончилась война,
А он вершит свой подвиг ратный.
И не пришла к нему весна
Тогда, в далёком сорок пятом.

Не дождалась старушка-мать,
Как ни просила, ни молила.
Не суждено ей было знать,
В каком краю его могила.

И лишь солдатский медальон
Сегодня воскресил героя.
И всполошил родной район
Земляк, вернувшийся из боя.

Шкапов Константин Викторович

Родился 5 июня 1965 года в городе Первоуральске Свердловской области. В 1986 после службы в армии устроился работать вальцовщиком на Первоуральский новотрубный завод. Без отрыва от производства окончил вечерний металлургический техникум.

Ещё в детстве услышал поздравление с юбилеем в стихах. С тех пор все поздравления писал только в стихотворной форме. Со временем рифмовать мысли стало необходимостью.

Победитель городских и региональных литературно-поэтических конкурсов.

Лауреат конкурса самодеятельных поэтов им. Ф.Т. Селянина, проводимого ГМПР России.

В свободное время пишет стихи и собирает модели военной техники времён Великой Отечественной Войны.

МОЛЧАЛИВЫЕ ЯЗЫКИ

Мой дед рассказывал когда-то:

«В полк пополнение пришло,

И все солдаты – азиаты,

Не знают русский, как назло.

Из них создать хотели роту –

Не получилось, что сказать.

Пришлось отправить всех в пехоту–

Передовую пополнять.

Прошло буквально две недели,

Пропали двое из полка.

Фашисты, видимо, хотели

Взять сразу оба языка.

Ну, это всем понятно сразу,

Какой у немцев был провал:

Никто из них не то что фразу,

А даже слова не сказал.

А через день пришли батыры:

Бутылка шнапса на руках,

Ещё письмишко командиру

И лица малость в синяках.

Письмо по-русски, резко крайне,

И фразы ярости полны:

«Такие языки, рус швайне,

Нам даже даром не нужны».

Герасимов Владимир Иванович

Родился 7 ноября 1955 года в Омской области, там и трудился более четверти века. Окончил филологический факультет педагогического института им. П. П. Еришова, факультет партийного строительства Омского УМЛ. Работал учителем, директором сельских школ, на партийной работе, в коммерческих структурах. Пишет стихи и прозу. Издал несколько сборников. Печатался в журналах «Берега» (Калининград), «Приокские зори» (Тула), «ЛиФФт (региональный)», «Культура. Немцы Сибири» (Омск). Победитель и лауреат конкурсов различного уровня. С 2000 года живёт и работает в Тюмени.

ШЛИ ОТКРЫТО НА СМЕРТЬ ШТРАФНИКОВ БАТАЛЬОНЫ

Прохрипев на восход, обложив небо матом,
В ад кромешный шагнул молодой капитан.
И рванулись бойцы тоже вслед за комбатом
В этот страшный зловещий, как молОх, капкан.

Офицеры седые в рывке поднимались,
Поднималась стеною живая мишень.
И в едином строю все крепко сливались,
Чтобы стать монолитом в огненный день.

И стучали сердца в унисон в батальоне,
Был душевный порыв – лучше так умереть,
Чем пристреленным быть в общей колонне,
Надзирателей морды, ухмылки терпеть.

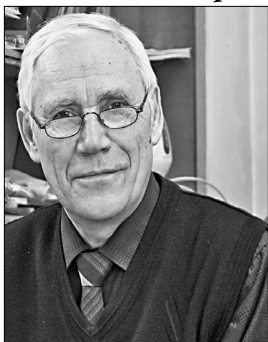
И пошли штрафники в ад по бранному полю,
Вспоминая в душе сейчас Бога и мать.
И никто здесь не думал о жизни и доле,
С чистым сердцем уже каждый шёл умирать.

Кровью смыть приговор, что им вынесла «тройка»,
Сколько можно нести этот страшный позор?!
Им с клеймом вечным жить мучительно горько,
А как дать тем наветам достойный отпор?

В спины жарко дышали бойцы спецотрядов,
Штрафники понимали, что там тоже смерть.
В этой жизни теперь им не будет пощады,
Выбор только один – с честью здесь умереть.

И тогда в отчий дом полетит похоронка,
Что погиб их защитник героем в бою.
И вздохнёт облегчённо родная сторонка,
Ну а ветер печально споёт песню свою.

Коньков Владимир Иванович

Коньков Владимир Иванович родился в 1948 году в городе Раздельная Одесской области. С 1955 года проживает в Кемерово. После службы в армии окончил Кузбасский политехнический институт по специальности инженер химик-технолог.

Поэзией начал заниматься в зрелые годы. Является постоянным членом поэтической студии «Притомье» (г. Кемерово). Регулярно участвует в литературных конкурсах, имеет дипломы. Стихи напечатаны в журнале «Огни Кузбасса», в Альманахе иронической поэзии «Русский смех-19».

Изданы два сборника стихотворений: «Лекарство от грусти» (2016 г.), «Этюды

любви» (2017 г.)

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

Я любил с отцом общенье, он рассказывать мастак
Про бои, про наступленье, было что, когда и как.
От Москвы он шёл, воюя, дважды ранен на войне
И историю такую рассказал однажды мне:

«За столом в победном мае – каждый ладен и плечист –
Дни сражений вспоминают лётчик, фельдшер и танкист.
Разговор их интересен, а под спиртик – так вдвойне,
С точки зрения профессий, что сражались на войне.

Задушевная беседа. Кто услышит, то – держись.
Ведь для них сейчас Победа – снова начатая жизнь.
Будто в новой гимнастёрке шуткой боль, ведя на слом,
С ними сам Василий Тёркин за победным сел столом.

Лётчик чешет лоб: “В ту пору к орденам был путь не прост.
Я однажды без мотора протянул две сотни вёрст!”
А танкист, поправив орден: “Были, – говорит, – дела.
Перепрыгнул танк мой Одер – скорость задняя была!”

Вот такие байки-были вспоминать решил народ.
Вновь по кружкам спирт разлили. Тут – и фельдшера черёд.
Говорит он с видом гордым: “В сорок третьем, аккурат,
У комбата был оторван, я нашёл, пришил назад.

Средь боёв мысль богата: где-то – этим, где-то – тем.
Да не думайте, ребята, что того я уж совсем!
Подсобил мороз, погода, но и я всё сделал в срок.
Наш комбат ещё два года жал тем пальцем на курок.

Орден дали мне в награду, ведь прижился – повезло“.
Все хохочут до упаду: “Ай да фельдшер! Ну трепло!”
Мир прекрасен, мир чудесен, ржёт, не чувствуя вины,
Шутки слушая профессий, возвратившихся с войны.

Ржёт открыто, без утайки, позабыв огонь и дым.
Да! Пока нам в помощь – байки, наш народ непобедим!
В этом смехе тонут беды: он – лекарство для живых.
И звенит, звенит Победа всех профессий фронтовых!»

Ерёмина Галина Александровна

Родилась 14 марта 1941 года в селе Калугино Тамбовской области. В 1944 году семья переехала в город Шахты Ростовской области. Окончила Ростовское училище культуры, а позже филфак Шахтинского пединститута. Работала в школе заведующей библиотекой, а потом заместителем директора по воспитательной работе. С 1967 по 1968 год работала вторым секретарём в Артёмовском райкоме ВЛКСМ города Шахты, потом вернулась на прежнюю должность в школе. Стихи пишет с юных лет. С 2011 по 2018 год она – руководитель городского культурного центра «Созвучие».

Член Союза писателей Дона, Союза литераторов Дона, Вседонского литературного сообщества (ВЛС), кандидат в члены Союза писателей России, отличник просвещения СССР; награждена орденом-знаком на ленте «М.А. Шолохов» и медалями «100 лет М.А. Шолохову», «150 лет Чехову», «100 лет Калинин», «За достижения в народном образовании».

Внесена во Всероссийскую энциклопедию (раздел «Учитель»).

В МУЗЕЕ

Свинцовая в музее тишина ...

Ты сердцу материнскому
знакома ...

Сюда заходит женщина одна,
Стал для неё музей роднее дома.

Она всегда задумчиво-грустна,
И медленно скорбящий взгляд
направит

Туда, где молчаливая стена:
Лицо там сына в рамочной

оправе.

Улыбка озорная, как всегда,
Для матери роднее всех

на свете,

И сын не постареет никогда,

Ему – всего лишь двадцать
на портрете ...

Всю жизнь стучатся сны через
стекло,

Сны – как надежды, а по сути –
драма ...

Вдруг в доме станет шумно
и светло,

Когда она услышит оклик:
«Мама!»

И стала мать давно уже седой,
И сына никогда она не встретит.

Но для неё он – вечно молодой,
Ему – всего лишь двадцать
на портрете ...

Купавых Светлана Александровна

Родилась 11 апреля 1963 года в деревне Панкратовке Глушковского района Курской области. В настоящее время проживает в посёлке Олымском Касторенского района Курской области. После окончания Московского экономико-финансового института работала в администрации посёлка Касторного Курской области.

Член Союза курских писателей, руководитель Касторенского отделения СКП «Свежий ветер», член Большого творческого совета СКП, участница Второго съезда курских литераторов. Лауреат премии Курского регионального отделения Союза писателей России им. М. Еськова «Дорога к дому» (2018 г.), лауреат премии губернатора Курской области «Литератор года» (2018 г.) Автор двух поэтических сборников «Грешна любовью», «С чистого листа». В настоящее время на пенсии. Всё свободное время посвящает литературному творчеству.

ЗАЩИТНИКАМ КУРСКОЙ ДУГИ

Бессмертный символ мужества	Они погибли ради нас с тобой.
и воли,	За шагом шаг, вперёд,
Сжав автомат, навек застыл	к победной цели!
в рыжке.	Тот бой неравный превратился
О, сколько их таких на бранном	в ад:
поле	Горел металл, тела живьём
Тут полегло, на Огненной дуге!	горели,
	Удушливо-густой стелился
	смерд.
Давайте помолчим. Лишь	
на мгновенье	Казалось, вся Вселенная стонала
Прислушаемся к звукам тишины:	И никому здесь выжить не дано.
Их голоса – в весёлом птичьем	Земля от крови становилась
пенье,	алой,
В аккордах наступающей весны.	А солнце – исчезающим пятном.
	Изнемогала летняя природа
В июньских первых грозových	От гула танков, дымовых завес ...
раскатах,	И если б все снаряды дали
Что эхо раздаёт наперебой.	всходы,
О сорок третьем вспомним,	То вырос бы сплошной
о солдатах.	железный лес.

Наутро, после страшного накала,
Рассвет уже не наступить не мог.
Совсем немного выживших осталось,
Их только Бог от смерти уберёт.

Вы слышите? Непобеждённым строим
Они встают пред нами в полный рост!
Лишь по одной звезде раздать героям –
Для каждого не хватит в небе звёзд!

Любушкин Юрий Павлович

Родился в марте 1956 года в городе Николаевске-на-Амуре.

После окончания школы служил в Советской армии. Затем окончил Дальневосточный государственный университет (г. Владивосток). Работал в милиции в родном городе.

В настоящее время пенсионер МВД России. Живёт, как и прежде, на малой родине.

СОЛДАТСКИЕ ДОРОГИ

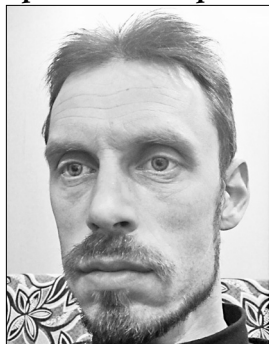
Дороги наши – пыльная р а в н и н а,
Размерный шаг и грозный старшина.
«Ложись!.. Обстрел!..» – И мины, мины, мины,
Как память лет взорвалась тишина.
«Противник слева!..» – «Вижу! Танки!.. К бою!..
Орудья с передков! Налево р а з в о р о т!..»
И друга крик: «Ты ранен?! Что с тобою?..» – «Осколок ... Так ...
Слегка ... До свадьбы заживёт... »
... Мы пили хмель солдатский из помятой фляги –
Сивуха горькая, аж всё внутри дерёт!
И наши сны, как пьяные бродяги,
И вошь, паскуда, спать нам не даёт.
Тяжёлый шаг и грязные портянки,
В душе одна мечта: «Сегодня повезёт... »

А наши души, души наизнанку,
Но – мины вой и снова артралёт.
... Дороги наши – пыльная равнина,
И горечь на губах горячих трав степных,
Далече-далеко красавица-рябина
Роняет белый цвет у самых ног своих.
А мне идти до ней, полсвета шагом меря,
Идти и не дойти, быть может, н и к о г д а.
Ведь что я для войны? Ничтожная потеря,
Лежать останусь здесь, быть может, н а в с е г д а.

P.S.

И мы прошли дорогами солдатскими
До самой Вены и австрийских городов,
Но нам не суждено побыть сугубо штатскими
И не надеть своих, как прежде, орденов.
И правнук не придёт ко мне на День Победы,
Светла-печаль не тронет детское лицо.
«Над нашей Родиною дым», кругом сплошные беды,
И вновь сужается враждебное кольцо.

Артамонов Андрей Фёдорович

Родился в 1980 году в селе Молоково Калининской области.

В 1981 году переехал с родителями на богатую историей Новгородскую землю.

С 1998 года живёт в Великом Новгороде, работает в системе среднего профессионального образования. Свободное время уделяет чтению художественной литературы. Пишет стихи. Интересуется историей своего края. Особенно событиями, связанными с периодом Великой Отечественной войны на Новгородчине. Отсюда и тематика произведений. Убеждён, что ценить и уважать историю – это наша обязанность, хранить и помнить – наш святой долг.

ПОД ЗНАМЕНОМ ПОБЕДЫ

Мы держим строй под знаменем Победы,
Неся в руках портреты и цветы.
Вот так же наши прадеды и деды
По Красной площади в Москве парадом шли.

Тогда без фотографий, без портретов,
Неся штандарты побеждённого врага.
И в ознаменование Победы
Бросали на брусчатку у Кремля.
Конец войны, начало новой жизни!
И этот жест красноречивее всего
Показывал всю преданность Отчизне,
Тот героизм и гордость за неё.
Они пять лет Победу приближали:
В боях, в тылу и в осаждённых городах.
Они от Бреста до Берлина прошагали,
Неся домой Рейхстага пыль на сапогах.
Нам этот праздник душу согревает,
Объединяет и преемственность несёт.
Народ историю свою не забывает,
И память в сердце каждого живет:
О тех героях, что в боях ожесточённых
Врагам страну не дали покорить,
О тех героях, ныне погребённых,
Кто до Победы не сумел дожить.
Со временем их подвиг не померкнет,
С годами память о героях не умрёт.
В «Полку бессмертном» молодое поколеньё
Уже с портретами прапрадедов идёт.

Кандаурова Наталья Викторовна

Родилась 19 февраля 1986 года в посёлке Тросна Жуковского района Брянской области.

Окончила Орловский государственный институт искусств и культуры по специальности библиотечарь-библиограф, преподаватель. Заведующая обособленным структурным подразделением «Троснянская поселенческая библиотека».

Член Брянского областного литературного объединения Брянского отделения Союза писателей России. Работы публиковались в журнале «Юность», альманахе «Литературный Брянск», сборнике «Родине поклонитесь», литературных сборниках жуковского литобъединения «Стожары». Автор книги «В двух минутах от рая».

ПЛЯШИТЕ, БАБЫ! ЗАВТРА БУДЕМ ПЛАКАТЬ

Под песни Стёша молотила рожь
И наливала воду у колодца.
Ей скажут: «Чай не девка – всё поёшь».
Она рукой махнёт и улыбнётся.

Лишь только раз накрыла тишина
Пронизанные солнцем занавески.
– Эх, Стёша, и до нас дошла война, –
Сказал ей почтальон, вручив повестки.

А мужа проводив и сыновей,
Достала гладью вышитую скатерть,
Запела «Соловей мой, соловей».
– Пляшите, бабы! Завтра будем плакать.

А после, в уголок убрав ухват
И отхлебнувши квасу из кадушки,
Строчила (что ни слово – крепкий мат) –
Ядрёные расейские частушки.

Старухи же крестились: «Чёрт ей брат.
Хоть не людей, так Бога б побоялась».
Она же, отмахнувшись наугад,
Смеялась, пуще прежнего смеялась.

Взрвёт, бывало, вражий самолёт,
И бабы, как снопы, валились в слякоть.
А Стёша отряхнётся и поёт:
– Вставайте, бабы! Завтра будем плакать.

А коли тошно так – хоть волком вой,
Когда случалось – таяла надежда,
То скажет кто-то: «Степанида, спой».
И все поддержат: «Спой нам песню, Стёша!»

Идёт победный первый эшелон!
Забыв былые ссоры и обиды,
В обнимку всей деревней на перрон.
– Ой, бабоньки, а где же Степанида?

Она ж на потускневшие глаза
Надвинула платочек вдовый тонкий:
Ещё в сорок втором легли за образа
Четыре пожелтевших похоронки.

Солёной влагой слёзы пролились
И часто-часто стали наземь капать.
Май расцветал, и бушевала жизнь.
Пришла Победа. Можно было плакать.

Еськов Александр Петрович

Родился в 1959 году в деревне Теребуж Щигровского района Курской области.

Срочную службу проходил в Кремлёвском полку. Работал в органах госбезопасности.

Военный пенсионер. Руководитель ЛИТО «Успенские вечера».

Проживает в Подмосковье.

«НЕ ХОДИТЕ НА РУССКИХ ВОЙНОЙ...»

Не ходите на русских войной,
Может выйти вам всё это боком.

Сколько было убогих умом,
Кто пытался на Русь, да с наскока.
Поищите на дне их Чудском,
Куликово взрыхлите вы поле,
И в степи посидите молчком,
Что под Курском простёрлась в покое.
Бородинский вы вспомните дол,
И на воды вы Калки взгляните.
Там лежат, кто с войной к нам пришёл.
Их про русских сейчас расспросите.
Удивитесь вы Альпам седым.
Неприступными были когда-то.
Там Суворов оставил следы,
И там русские были солдаты.
Вы забыли Париж и Берлин,
Как чеканили шаг по брусчатке
Не герои из русских былин,
А простые российские дядьки.
И летели штандарты к ногам,
Вы про это, похоже, забыли?
« Кто с мечом ... » – говорим мы врагам.
Ох, вы лучше бы к нам не ходили.
Что ж никак не хотите понять?!
Все, кто шёл к нам дорогой кровавой,
На российских просторах лежат.
Были биты, как швед под Полтавой.
Мы напомним, как русский десант
Марш-броском по Европе промчался.
А ведь было там двести солдат.
«Как такое ... ?..» – весь мир удивлялся.
Не ходите на Русь вы с бедой.
Лучше в мире вы с нами живите.
Не грозите вы русским войной,
Даже мыслей о том не держите.

ШЕСТЕРО СОЛДАТ

В полку, где был разведотряд,
Служили шестеро солдат.
Шесть бравых парней-молодцов,
Отличных воинов-бойцов.
Друзья всегда и всюду вместе,
Не разольёшь их и водой,
Первый, второй, третий,
Четвёртый, пятый, шестой.
Соревнованье – их почин,
В шеренге первой – как один,
И в дисциплине, и в труде
Изъянов нет у них нигде.
Они сильны, упорны, ловки,
Спортсмены сердцем
и душой –
Первый, второй, третий,
Четвёртый, пятый, шестой.
Им в том полку был каждый рад:
«Ну что за хлопцы, просто
клад!»
А в клубе спляшут и споют,
Вокруг веселье заведут.
И в увольнение тоже вместе
Идут компанией одной –
Первый, второй, третий,
Четвёртый, пятый, шестой.
Когда же грянула война,
Они хлебнули всё до дна:
Бомбёжки, пули, плен
и смерть...
И песен больше им не петь.
А всё мне кажется порой –
Они вернутся в полк ,домой!

Гладких Ольга Владимировна

Родилась в 1961 году на острове Сахалине в семье военнослужащего. Всю жизнь живёт на Дальнем Востоке. В 1985 году волею судеб оказалась в селе Романовке Приморского края.

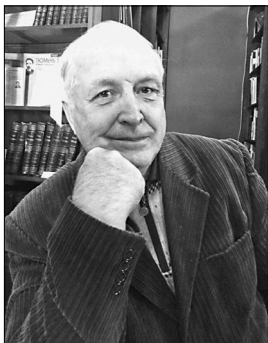
В настоящее время работает в детском благотворительном центре. Любит петь, участвовать в различных культурных мероприятиях. Приморский край считает своим родным, восхищается его природой, вдохновляющей на творчество. С детства любит читать. Стихи начала сочинять ещё подростком.

Любит вечера в литгостиной «Свеча» в библиотеке пгт. Смоляниново. Автор благодарит Оксану Васильевну Кан и Оксану Александровну Кан за то, что её работы увидели свет.

УХОДИЛИ ДЕВОЧКИ...

Уходили девочки воевать.
Им бы платья белые надевать,
Да идти бы девочкам под венец,
Но парней повыкосил на войне свинец.
Вот и встали девочки под ружьё,
Чтобы счастье женское защитить своё.
Говорил девчатам старшина Васков:
«После будут, девоньки, песни и любовь,
Всё успеем, девоньки, а пока
Задержать нам надо лютого врага».
А враги без жалости на девчат
И ножом, и пулями налетят.
И погибнут пятеро
нежных, молодых,
Не рожать им детушек, не видать родных.
Нитей пять оборвано навсегда,
Не забудем подвиг их никогда.

Захаров Аркадий Петрович

Родился 27 июня 1944 года в городе Нижневартовске в семье учителей. Постоянно живёт в Тюмени. Окончил Тюменский лесотехнический техникум, Уральский государственный технический университет (УПИ).

В 1994 году вышла его первая книга «На неведомых дорожках», которая удостоена первой премии по литературе УРФО в 2014 году. В 1996 году вышел приключенческий роман «Сень горькой звезды», посвящённый событиям 60-х годов в городе Мегионе, участником которых случи-

лось быть автору.

Член Союза писателей России.

ЧЕТЫРЕ ДРУГА В ДЕНЬ ПОБЕДЫ...

Четыре друга в День Победы пили:

Плохую брагу – мутную бурду,
Не чокаясь. За тех, что не дожили
До этих дней в сорок восьмом году.

Иван-безрукий, Петька-одноногий
И одноглазый выдумщик Егор
Не вспоминали трудные дороги
Вели вполне житейский разговор

О будущей рыбалке и охоте,
О бабах, мужикам несущих зло.
О трёхпроцентном займе. О работе.
О том, как им на фронте повезло.

А после, захмелев, нестройно спели
Бессмертный гимн «Народная война»
И только после песни разглядели,
Что банка браги выпита до дна.

А на прощанье выдумщик Егорка
Открыл свою заветную мечту:
«Когда с Америкой у нас возникнет тёрка,
Я добровольно снайпером пойду.

Не важно, что теперь я одноглазый.
Мне левый глаз не надо закрывать,
Когда я целюсь, чтобы не промазать.
Стреляю так, что не пересказать».

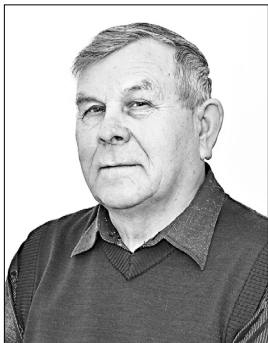
Иван безрукий, Петя одноногий
Егору не мешали говорить.
От зависти, возможно, что тревоги
С Егором не сумеют разделить.

И постоять за Родину святую,
И за её свободу умереть
Гораздо лучше, чем судьбу такую
И жизнь полуголодную терпеть.

Глухой Степан, контуженный в пехоте,
Не разобрал Егоркиной брехни
И предложил отдать себя работе,
Чтоб в мире больше не было войны.

С глухим не стали спорить ветераны:
Степану бесполезно возражать.
И разошлись. Поскольку завтра рано
Им снова строить, сеять и пахать.

Копысов Василий Иванович

Родился 24 сентября 1948 года в городе Прокопьевске Кемеровской области в семье шахтёра.

В пятилетнем возрасте с семьёй переехал на Алтай. Там окончил школу. С 1968 по 1970 год служил в Советской армии, в войсках ВВС в Оренбурге. После армии работал директором сельского Дома культуры. Заочно окончил культпросветучилище, а затем – Алтайский государственный институт культуры. Женится. Имеет двух детей.

В 1985 году со своей семьёй переехал в Кузбасс.

В настоящее время живёт и работает в городе Мыски, режиссёр самодеятельного театрального коллектива. Руководитель городского литературного объединения.

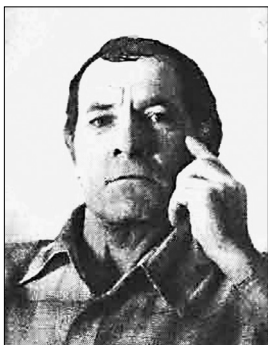
Выпустил несколько сборников стихов и рассказов. Печатался в областных и местных изданиях.

СТАРОЕ ФОТО

Мой дядя, пришедший с фронта,
Часто жалел до слёз,
Что очень важное фото
С войны домой не привёз:
«Последней была атака
В Берлине в победные дни.
И там, у развалин Рейхстага,
Снимал нас фотограф один.
Остатки гвардейской роты,
А если точнее – полка,
Встали дружно для фото,
Живы и здоровы пока.
Хоть всякое в жизни бывало,
Не снилось во сне, но сбылось:
Мне рядом с самим генералом
Впервые стоять довелось!
Не так уж всё было красиво
На фоне разваленных стен,
Но в маленький глаз объектива
Смотрели с улыбками все.

Потом были снова моменты,
Когда добивали врага.
Но встретить корреспондента
Того не пришлось никогда!»
Проходят весною парады,
Но дядя парадам не рад.
Его боевые награды
В шкапулке на полке лежат.
И хоть фотографий навалом
Пылятся уже много лет,
Но карточки той, с генералом,
Увы, к сожалению, нет!
Как птицы, года пролетели.
И как-то листал он журнал,
Глаза его вдруг заблестели –
Себя он на фото узнал!
И так его всё взволновало,
В груди словно молот стучал.
Он точно с самим генералом
Бок о бок в Берлине стоял!

Кузьминых Дмитрий Иванович

Родился в 1950 году в деревне Кулигино Советского района Кировской области.

По профессии художник, живописец-график, иконописец. Окончил Московский государственный народный университет искусств.

С 1980 года живёт в городе Советске. Работал художником-оформителем, преподавателем рисования в школе, печником, кочегаром, реставратором храмов. Автор двух сборников: проза «Родные гнёзда» (2013г.) и поэзия «Шальная Русь» (2013г.). Дипломант-победитель областного конкурса «История Вятского края» 2016 года.

ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ

Как мало жили вы на свете,
Курсанты, мальчишки, сыны.
Волоколамск вас смертью
встретил,
Вы полегли у стен Москвы.
Вам надо жить бы долго-долго,
Но за спиной родная мать,
Россия-магушка и Волга.
И вы сумели устоять,
Не сдав врагу столицу нашу.
Вам только б девушек любить,
А вам удел достался страшный,
Приказ – врага остановить,
Не отступить назад ни шагу.
Снарядов гул, свинцовый град.
Как мушкетёр вонзает шпагу –
Глаза у юношей горят.
Но это были не «дуэли»,
Не игры, шалости детей,
Не серенады – пули пели,
Страх прижимал в окоп, к земле.
Но слышалось: «Вперёд!
В атаку!»
И поднимались во весь рост

Мальчишки со врагом на драку
В сорокаградусный мороз.
Снег испарялся от снарядов.
Кипела кровь, топила лёд.
В висках стучало: «Надо! Надо!
Не умереть, идти вперёд».
Но смерть не бегала с косою,
Не поджидала за углом,
А превратилась, дико воя,
В кровавый, грязный,
снежный ком.
И он катился, подминая,
Вперёд идущих в бой ребят.
Их подвиг ратный вспоминая,
Огни Москвы благодарят!

Черницкая Ирина Сергеевна

Родилась в 1971 году в Архангельске, где проживает и поныне.

Окончила торговое училище в 1991 году, но по профессии почти не работала: решив связать свою жизнь с лесной отраслью, отработала на лесопильном заводе более 20 лет. Всё свободное время посвящает литературному творчеству.

Благодарит Александру Сергеевну Стрекаловскую, учителя русского языка и литературы, за помощь в редактировании текста работы.

ПЕРВЫЙ БОЙ

– Всё было так давно и так недавно, –
свой начала рассказ Старуха Изергиль.
Её прозвали так дворовые ребята,
теперь же слушали, дыханье затаив.
Сердца их колотились и пылали,
улыбки спрятались... Как с чистого листа,
пред ними кареглазая девчонка
стояла с волосами цвета льна.

– Июнь, двадцать второе, утро раннее, –
продолжила рассказ, закрыв глаза,
А по сухой щеке стекала горькая,
отважная, победная слеза.

– Мой первый бой!
Как было всё же страшно!
От рёва танков плакала душа,
Взрывались глыбы грязи от снарядов,
от бурых пятен плавилась земля.
Не видно было неба, дым колючий
щипал и застилал глаза,
но знала я – у нас одна победа!
Одна на всех! Будь проклята война!
Погибшие, оружие и стоны...
А плакать некогда – идёт война.
И снова я ползком, летели пули,
спасала раненых солдат тогда.
Молчание... Лишь маленькая Таня

тихонько плакала, зажавшись в уголке.
– Не плачь, нельзя. Война проклятая, –
сказал мальчишка ей, погладив по щеке,
– А что же бой?
Старушка улыбнулась, седую покачала головой.
И снова боль в глазах:
– Он был как вечность,
Бесчеловечный и жестокий бой...
Солдата раненого, звали его Павлом,
под пулями тащила к блиндажу,
а он всё время маму вспоминал и братика,
с пробитой головой в бреду...
Мне часто, очень часто снится,
тот первый бой и кровь на волосах,
И Павел рядом с братом, обнимая маму,
стоит у Вечного огня, где прах...
А это вот награда за отвагу, –
волнуясь, показала на медаль.
И снова по сухой щеке скатилась
победная, но горькая печаль:
– Всё было так давно и так недавно, –
закончила Старуха Изергиль.
Ещё вчера была такой в глазах ребячьих,
Сейчас для них Она – Герой войны!

Хатюхина Лилия Васильевна

Родилась в 1959 году в городе Железногорске Курской области в семье рабочих.

После окончания Харьковского института общественного питания работала мастером производственного обучения в профтехучилище. В 1992 году организовала и возглавила МУП «Комбинат питания учащихся», в котором работает по настоящее время.

В 2001 году удостоена почётного звания «Заслуженный работник торговли РФ», награждена памятной медалью Курской области «За Труды и Отечество».

Член Союза литераторов Курской области.

МЕДСАНБАТ

В глухом лесу среди опят
Могилы братские стоят.
Где должен быть имён парад –
Одно лишь слово

«Медсанбат». (Из инструментов так расхож!)

Здесь кашевар по две версты
В котлах вываривал бинты.
Котлы проржавлены лежат –
Медсанбат.

Мундштук в стальной пинцет
зжат – Медсанбат.

Ведь ампутационный нож

– Не в силах всех спасти ребят –
Медсанбат.

Здесь в сорок третьем шли
бои,

И дважды в день посуду мыл –
Он в них же и кулеш варил
Для изувеченных солдат –
Медсанбат.

Оставшиеся – все свои! –
В могилах братских мирно спят –
Медсанбат.

В борьбе за жизнь – без сна,
без сил,
Вот здесь хирург тогда курил,

Кто вы, забытые в лесу?
Деревья службу здесь несут,
И в сердце рвётся их набат:
«Медсанбат».

Сергеева Людмила Ивановна

Родилась в 1946 году в селе Новопокровке Тамбовской области. После окончания школы обучалась в Тамбовском государственном педагогическом институте по специальности учителя химии. Работала учителем в средней общеобразовательной школе, в профтехучилище, в городском отделе народного образования (ГорОНО) города Тамбова – в отделе опеки и попечительства. Ветеран педагогического труда.

Издано 22 персональных сборника, из них 12 – для детей. Стихи для детей иллюстрирует сама.

РАССКАЗ СТРЕЛКА ШТУРМОВИКА ИЛ

«Голубая линия» Тамани,
Словно чей-то тонкий поясок.
Впереди – безоблачные дали,
Завершили Илы марш-бросок.

Вдруг ракета привлекла пилотов,
Сделав ярко-красную дугу.
Мы бежали быстро к самолётам,
Надевая шлемы на ходу.

По команде развернулись Илы,
Заревели, поднимаясь ввысь,
В небо, словно ласточки
стальные,
Беспокойной стайкою взвились.

А навстречу «мессеры» летели
Чёрной тучей. Тучей грозовой.
Это славы недруги хотели –
Выиграть над Крымом в небе
бой.

Вмиг столкнулись в небе
самолёты.
Гром небесный разразился вдруг
– То стреляли наши пулемёты,

Дождь железный сыпался вокруг.
Всё кругом ревели. Были

страсти!
Вниз скользнул горящий самолёт
То ли вражьей, то ли нашей

части –
Толком-то никто не разберёт...

Бой закончен. В небе тихо стало.
День тревожный вдруг сменила
ночь.

Самолётам вражьим, ох,
досталось:
Часть – легла, часть – повернула
прочь.

Отчего-то сердцу больно очень,
Мы не рады были тишине.
Счёт потерь пока что был
неточен,
Так бывает только на войне.

... Велики тогда потери были.
Многие заснули навсегда.
Но победу ту, что мы добыли,
Просим: сохраните на века!

Самолук Людмила Григорьевна

Родилась в 1956 году на Украине. Там же окончила школу и получила первое профессиональное образование. Стихи начала писать ещё в школьные годы.

В 1975 году переехала на постоянное место жительства в Сибирь.

В 1986 году, работая в детском саду помощником воспитателя, заочно окончила педагогическое училище по специальности воспитатель ДОУ. И всю дальнейшую трудовую жизнь посвятила воспитанию подрастающего поколения. В 2010 году была награждена почётной грамотой Министерства образования и науки

Российской Федерации и получила звание «Ветеран труда». С 2012 года находится на заслуженном отдыхе.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству.

В СТРОЮ ОПЯТЬ ФРОНТОВИКИ

По площадям большим и малым
Идут бессмертные полки.
В людских потоках небывалых
Опять идут фронтовики.

Не сами, нет, лишь их портреты
Несут родные и друзья.
Мы славой прадедов согреты,
Идём, волнений не тая.

Нам жизнь дала на это право,
Ненужно пафоса, похвал.
Несём мы гордо, величаво
Портреты тех, кто воевал.

Сегодня вместе мы шагаем –
В одном строю и стар и млад.
Героев чтим и прославляем,
Внеся в историю свой вклад.

Они давно уже не с нами,
Но, память бережно храня,
Мы подхватили дедов знамя,
Ведь вера крепче, чем броня!

Идём торжественно и чинно,
Эмоций, чувств не передать.
На то есть веская причина,
Порыв людей не обуздать.

Ведь каждый помнит, как
когда-то
Полковник, маршал, рядовой
В свою победу веря свято,
Бесстрашно шёл в неравный бой.

Врага громил он беспощадно,
Расплаты приближая час.
Жизнь отдавая не напрасно
За мир! За Родину! За нас!

НАРО-ФОМИНСК

Наро-Фоминск мой – тихий город:
Вокруг леса, бескрайние поля,
Велик историей, богат народом,
И с кровью смешана земля твоя.

На подступах к Москве здесь шли бои,
Враг был жесток, тут он разбит.
Вновь город восстановлен из руин,
Здесь стела Славы Воинской стоит.

Наро-Фоминску – девяносто,
Для города – немного лет.
Пусть будет всё легко и просто,
Не будет недругов и бед.

Пусть утопает в зелени, цветах,
И речка Нара полноводной станет,
Мемориал напомнит о боях,
Народ героев помнить не устанет.

Наро-Фоминск мой – город Воин,
Мой город – Труженик навек!
Пусть будет он благоустроен –
В нём каждый счастлив человек!

Александрова Татьяна Алексеевна

Родилась в 1959 году на Урале. В 1966 году с родителями переехала в город Рузу Московской области.

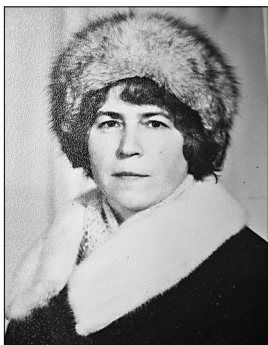
После окончания Тучковского автотранспортного техникума работала бухгалтером в Пенсионном фонде.

В настоящее время не работает, занимается творчеством, участвует в проекте «Песни и романсы».

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Он расписался на Рейхстаге,
А сам заплакал, как дитя.
Медаль вручили «За отвагу»,
Ужели ж кончилась война?!
Ушла и больше не вернётся,
В крови, во вшах, в грязи сапог.
Дай Бог, она не обернётся...
Как только выдержать всё смог
Народ, простой народ с глубинки,
Чьи на Рейхстаге имена.
Вставал и падал в синей дымке,
Вновь поднимался и шагал.
Он, за детей и жён воюя,
За матерей и за отцов
Просил: «Нас, Господи, помилуй,
Прости нас, Господи, за всё.
Не ради славы, жизни ради,
Родного дома и земли.
С кромешного вернулись ада,
Вернулись, значит – жить должны!»

Кудрявцева Тамара Васильевна

Родилась 1 мая 1939 года в Казахстане. Ещё в детстве с родителями переехала в посёлок Ува Удмуртской АССР. Получив заочное образование в Можгинском педучилище, работала учителем начальных классов и старшей вожатой в Сям-Можгинской школе Увинского района. В 1961 году переехала в посёлок Уву, где 40 лет отработала в школе-интернате. Занималась с детьми театрализацией, постановкой литературно-музыкальных композиций, обучала декламировать стихи и прозу; вела кружок «Проба пера». Писала стихи, рассказы, музыку к песням.

В настоящее время находится на заслуженном отдыхе, занимается литературным творчеством.

СОЛНЫШКО НА САНКАХ

– Не будет никакой свадьбы, кроме этого хлюпика, никто тебе не пришёлся по сердцу. Знаю я эту любовь... Только через мой труп.

Трупа не было, а свадьба была громкой, о которой долго судачили в деревне.

Я рано остался без родителей. Школу заканчивал – жил у дяди. Но и его не стало. Учась в техникуме, последнюю тётю потерял. Так что в моём воспитании принимала участие вся родня. Мечтал окончить институт. Мог отремонтировать любой прибор, отлично играл на баяне. Меня с малых лет называли профессором. Всё бы хорошо, но я был маленького роста, худенький.

После окончания техникума я приехал в колхоз механиком. Завгаром был здоровенный Фёдор. Когда он увидал меня, спросил механизаторов: «Почему здесь дети находятся?» Я подошёл к нему, достал из кармана документы. Он присвистнул от удивления:

– Так ты же в кабине трактора потеряешься!

Я бойко ответил:

– Зачем теряться, работать будем.

Разговоров было много в деревне, только и судачили о новом механике, что с чемоданом приехал, а это был баян в футляре.

Мужикам хотелось проверить меня на деле. Я все машины с завгаром осмотрел (память отличная). Уборочная страда была в разгаре. Дали мне старенький велосипед, вот на нём-то и колесил по полям. Водители специально устраивали поломки, снимали детали,

но быстро убедились, что меня не проведёшь. Даже зауважали потом.

День урожая отмечали в клубе. Собралась вся деревня. Хотелось каждому услышать о себе добрые слова. Я захватил с собой баян. Мужики с испуганными лицами подбежали и спрашивают:

– Ты чего с чемоданом-то, уезжать что ли собрался? Не отпустим!

Когда я заиграл, зал замер, а потом послышался шквал рукоплесканий. Теперь меня слышали все.

Подошёл Фёдор:

– Ну, кнопка, жить тебе в нашей деревне.

У Фёдора была жена Екатерина. Сын с семьёй жил отдельно, дочь Мария, самая красивая девушка в деревне, – с родителями. Мать мечтала о принце из города для своей дочери, приготовила богатое приданое. О местных женихах речи быть не могло.

После торжественной части люди не расходились. Пели, танцевали, девушки по углам шушукались, парни гурьбой – около меня. Быстро я стал своим в деревне с прозвищем Мастер Данило.

Вскоре при клубе организовали художественную самодеятельность, руководила ею библиотекарь. Часто у неё бывала Мария, она хорошо пела. Эти встречи послужили доброму знакомству. Марии я нравился, а я на неё сразу обратил внимание. Но меня предупредили ребята о её воинственной матери, поэтому в открытую не действовал.

Мы с Марией стали встречаться часто. Шило в мешке не утаишь. Узнав про нас, Екатерина в гараже устроила мне настоящий разнос. Фёдор её успокоил и еле-еле выпроводил домой. Я стал обходить Екатерину стороной, но с Марией продолжал встречаться украдкой. Она была стройная, черноглазая, брови дугой, длинные косы. Вот такое чудо мне привалило! Между нами возникла настоящая любовь. Мы решили пожениться без свадьбы.

Жили в моей комнатухе. В своём дворце – Фёдор и Екатерина, которая только на улице разговаривала с дочерью, уговаривала опомниться и вернуться домой, но Мария ждала ребёнка. Жили мы дружно, наслаждались каждой минутой счастья. Но оно длилось недолго. В июне родился сын Василёк, а через две недели началась война.

Деревня голосила, мужиков увозили на фронт на машинах. Первым ушел Фёдор, затем сын. Екатерина окаменела. Меня взяли через два месяца.

Попал в танковую часть. Домой писал часто, при возможности посылал фото. Это были долгие годы ожидания, терпения, выносливости. А в деревне каждое письмо с фронта читали и перечитывали, радовались хорошей весточке и переживали горе сообщца.

Через два года пришла похоронка на Фёдора. Екатерина была волком, целую неделю не выходила из дома. Через полгода – похоронка на сына. Мать успокаивала невестку, приговаривала, что может быть, это ошибка. Вспомнила о дочери, стала чаще ходить к Марии и Васильку, водилась с внуком, о зяте не спрашивала. Василёк подрастал. Был забавным малышом. Любил свою бабушку, бывало, крепко ручонками прижимал её и целовал. Лицо Екатерины озарялось улыбкой. Она его тоже баловала, но гордость не давала покоя.

Время шло, близился конец войны. В одном из боёв оторвано мне обе ноги до колен. Очнулся в госпитале, пришёл в ужас. Подумал: «За что мне такое наказание? Почему не насмерть?»

Домой больше не писал. В голове теснились всякие мысли. В госпитале была очень добрая медсестра. Много времени со мной проводила, ухаживала за мной, даже предлагала свой кров. Уговаривала написать домой письмо.

Закончилась война, я ещё полгода провалялся в госпитале. Многие мужчины из деревни погибли. Опечалилась деревня, осиротела. Однажды Мария получила письмо с незнакомым почерком – медсестра сообщала, что меня привезут домой.

Мария была несказанно рада: муж жив. Но матери боялась сказать, что он теперь без ног. Думала: «Раньше не любила, а теперь совсем житья не будет».

Привезли меня вечером на машине. Занесли в дом. Я плохо помню, что было, только слышал радостный голос Василька:

– Папка приехал! Папка приехал!

Мария решила матери сообщить: будь что будет. Я долго отнекивался, мол, как заявлюсь, если ходить не могу. Василёк помог:

– Пап, а мы тебя в санках повезём.

Мы поехали. Василий прыгал от радости. Вёз меня на санках. От движения распахивался полушубок – мою грудь украшали медали...

Деревня не спала, следила, выглядывая из-за ворот: что будет? Первой в дом со слезами на глазах вошла Мария. Екатерина растерялась, опустилась медленно на стул, только и вымолвила:

– Похоронка на зятя?

– Нет, он приехал!

– Так пусть заходит!

– Он там... Не может!

– Пусть не боится, я всё забыла!

– Мама! Он без ног!

– Как?

Екатерина оттолкнула Марию, сбежала с крыльца. Василёк сидел у меня на коленях, обняв руками за шею. Я онемел, не знал, что сказать, глядел с испуганными глазами на тещу. Екатерина опустила на колени, стала меня целовать, приговаривая:

– Солнышко ты моё, сыночек, родненький, Бог услышал мои молитвы. А что ног нет – ерунда. Сделаем новые ноги. Зато руки, голова на месте.

Я не верил своим ушам.

– Мария, что столбом стоишь, держи с той стороны, а я с этой. Что ж мы его морозим? И так натерпелся...

Женщины занесли меня в дом, усадили на стул возле стола. Не заметили, как люди заполнили избу. Стояли, молча вытирали слёзы.

Екатерину словно подменили:

– Люди добрые! Ко мне солнышко в дом закатилось. Радость-то какая! Мой дом – ваш дом. Два мужика теперь в моём доме!

А свадьба всё-таки состоялась – громкая, весёлая. И невеста была – моя Мария, а жених – я, Мастер Данило.

Блинова Зоя Анатольевна

Родилась в Нижегородской области в 1957 году.

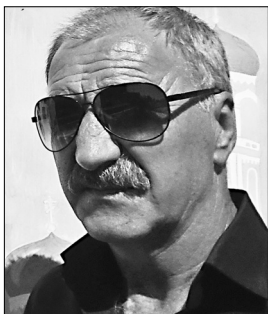
Выбрав профессию лесовода, окончила Красно-баковский лесхоз-техникум, позднее Уральский лесотехнический институт. 28 лет преподавала в Суводском лесхозе-техникуме. Стихи начала писать ещё в школе.

С 1991 года печатается в районной газете «Вести трёхречья».

БЕРЁЗЫ ГОЛОВЫ СКЛОНИЛИ...

Берёзы головы склонили,
Роняя ветви до земли.
Здесь два товарища служили
И пали эхом той войны.
И салютует в День Победы
В порыве святости страна.
В «Полку бессмертном» –
Внуки, деды.
За нами – Кремль и вся Москва.

Еланцев Константин Викторович

Родился в 1960 году в посёлке Базарный Сызган Ульяновской области. В 1975 с родителями переехал в город Улан-Удэ Бурятской АССР, в том же году поступил в Иркутский геологоразведочный техникум. Работал в геологических экспедициях и на рудниках Сибири. В 1914 году вернулся на родину, где и проживает в настоящее время.

Литературой увлекается с детства. Пишет стихи и прозу.

АНДРЕЙКА

Белых только прошлый год вернулся из армии. Как и положено, покуролесил с недельку со своими закадычными дружками, навестил старых подружек, ударился было в долгосрочный запой от радости, да встретил старого школьного учителя, Антона Петровича Павлова. Тот, увидев Андрея на улице в совсем ненадлежащем виде, грустно покачал головой и молча прошёл мимо, лишь кивнув в знак приветствия.

А наутро Белых пошёл в школу. Они долго разговаривали с Антоном Петровичем. Ни единым словом не обмолвился учитель об Андрейкином поведении, но было так стыдно, так противно, что Андрейка для себя решил: всё, с алкоголем покончено!

– Понимаешь, – Антон Петрович раскладывал на столе какие-то пожелтевшие листочки, старые выцветшие фотографии, – в этих местах ведь кровавые бои проходили. В сорок третьем перед немцами была поставлена задача: взять нашу станцию. Много сил сюда перебросили. А у нас гарнизон из роты резервистов да хоззвон в придачу. Вот и вся ударная сила!

Андрейка с интересом перебирал фотокарточки:

– Кто это?

– Вот эти резервисты и есть! Пособирал по архивам, кое-что выслали те, кто воевал тут.

– Ух, потрудились Вы, Антон Петрович!

– Потрудился... Вот я и подумал: не сможешь? Одному трудно ведь столько информации собрать. Это ж и в город ездить надо, и в архивах копать! Друзья у меня в городе есть, помогут чем могут! Не устроился ещё на работу?

– Какая тут работа! – усмехнулся Белых, – вся работа в городе.

– Вот и поможешь мне! – оживился учитель.

Андрейка увлёкся обороной станции. Поиск работы как-то само собой отошёл на второй план.

– Погуляй хоть ещё с недельку! – уговаривала мать.

Отец одобрительно кивал головой. Андрейка и без того решил помочь учителю. Очень уж дело интересное!

Каждый день он мотался в город за тридцать километров. Ходил по архивам с рекомендациями Антона Петровича, часами просиживал в городской библиотеке, выискивая пусть крохотную, но такую нужную информацию!

– Антон Петрович, тогда, в сорок третьем, станцию отбили, знаете ведь! Только странно как-то отбили. Между станцией и нашим посёлком лесок всего в три километра, а немцев на той лесной дороге полегло порядочно. Хотя наши силы были сосредоточены именно на станции! Не знаете, почему так?

– Понимаешь, Андрей, до сих пор не могу понять, какие такие силы задержали фашистов тогда на дороге! Только говорили, что крупный бой слышался из леса. Потрёпанные немцы всё равно атаковали станцию, да только силы у них были уже не те. Не смогли её взять. А тут и наши подоспели! Войска на запад двигались, тут не до разбора было!

– Жаль...

– Правда, прочесали тогда этот массив, но кроме стреляных гильз да исковерканной земли ничего не обнаружили!

– Кто ж тогда с немцами в бой вступил?

– Если б знать... Ничего не нашли.

Теперь Андрейка сам уже не мог отделаться от мысли о тайне пристанционного леса. А сегодня вдруг в очередной раз решил пройти лесной дорогой, той, по которой двигались фашисты в сорок третьем.

– Андрюш, не поздно? – посмотрела на часы мать.

– Мам, рядом ведь! Я недолго. Ну очень надо!

– Иди уж, краевед! – мать с явным одобрением махнула рукой.

Как назло начал накрапывать дождик. Пожалев о невзятом плаще, Андрейка шёл по лесной дороге, то замедляя шаг, то ускоряя. Потом решил пройти напрямик, внимательно вглядываясь по сторонам. Темнело, но возвращаться не хотелось.

«В конце-то концов: три туда, три обратно!» – думал Белых, ёжась в промокшей курточке.

Его внимание привлёк огонёк внутри леса. «Туристы что ли?»

– удивился Андрейка. Решив узнать, кто это, быстрым шагом направился было к костру, но что-то заставило его остановиться. Потом, чуть пригнувшись, двинулся вперёд.

...У костра сидели шестеро. Бойцы. Четверо пожилых, один на цыгана похожий, а шестой совсем юнец, лет восемнадцати. У кого-то через гимнастёрки проступали кровавые пятна, которые всё расширялись и расширялись. Юнец, держась за кисть руки, всё старался поднять её к груди, но она постепенно сползала вниз.

– Савватеич, ты что-то про семью говорил! – спросил один из бойцов, пожилой, подпоясанный узким, явно не уставным ремнём.

Старик с рыжими, опалёнными махоркой усами грустно смотрел на костёр и только вздыхал:

– А что семья? Жена Мария да три дочки. Погодки. Младшенькая перед самой войной родилась. Сейчас сами бабушками были бы... Я ж тебе говорил, сержант, – всю семью одной бомбой!

– Если б не война!

Один из бойцов молча раскачивался из стороны в сторону, иногда касаясь рукой головы. На него сочувственно посматривали, но не трогали.

– Петя, Петя! Если б не он, нас ещё раньше убило бы! – сержант грустно кивнул в сторону.

– Первый смерть принял. Это ведь тебя он, Юрка, от очереди автоматной прикрыл! – Савватеич в очередной раз вздохнул.

– Меня... – юнец виновато опустил глаза, посидел немного и снова занялся своей рукой. – Оторвало вот...

– А меня ножом прямо в сердце! Обидно! – подал голос ещё один из бойцов. – Был Юшкин Егор и нет Юшкина Егора!

– Ладно тебе! У тебя и дети-то уже взрослые. Ты с Сибири, а там войны не было! – молчавший до этого солдат только хмыкнул.

– И то верно, Цыган! – согласился Егор.

– А мой табор где-то по просторам, наверно, гуляет! Знаете, какие у нас песни поют... – Цыган мечтательно поднял к небу глаза.

– И воруют! – продолжил Юшкин.

– Дурак ты! – обиделся Цыган и снова замолчал.

Вночи потрескивал костёр. Искры со струйками дыма поднимались в небо.

Затаив дыхание, слушал этот неторопливый разговор Андрейка. Решив поначалу, что здесь снимают кино, хотел было подойти открыто, но что-то удержало, остановило на мгновение. А потом понял – нельзя!

Притаившись за малиновым кустом, Андрейка, как на экране,

видел бой, что приняли эти шестеро здесь, в лесном массиве, в трёх километрах от железнодорожной станции. Страху не было, и он внимательно впитывал в себя всё, что касалось этого короткого и неизвестного никому сражения.

– Ты как на войну-то попал, Цыган? – внезапно спросил Савватеич, – в одном бою погибли, а кто ты, откуда

– А! – Цыган сердито махнул рукой и зло посмотрел на Юшкина. – Немцы на табор напали. Кто мог – убежал! Я убежал. К нашим вышел. На фронт просился! Сержант знает!

Сержант кивнул:

– Первый бой и последний!

– А вот интересно: узнают когда-нибудь, как мы погибли? Может, дезертирами считать будут, ведь на станции-то нас не было! – зачем-то спросил Юшкин.

– Один Чеботарёв знал, старлей, который нас на разведку послал! Больше ведь никто нас не видел! А раз пока не нашли, значит, погиб Чеботарёв! – поддакнул Цыган.

– Узнают, – успокоил Савватеич, – обязательно узнают!

Андрейка вернулся домой под утро. Глотнув из ковша холодной воды, он отправился прямо к Антону Степановичу. Отец с матерью бросились было с расспросами, но, увидев укоризненный взгляд сына, удивлённо пожали плечами.

– Их шестеро было! – сообщил учителю Белых. – Сержант и пятеро бойцов: Савватеич, Юшкин, Цыган, Петя и Юрка!

– Ты о чём, Андрей? – вопросительно посмотрел историк.

– Ну те, что в лесу погибли! Я про бой возле станции.

– Ты сядь, пожалуйста, сядь! Мне вчера только вечером письмо принесли. Из Центрального архива. Те шестеро, о которых ты говоришь, без вести пропали в сорок третьем! А откуда ты знаешь?!

– Я покажу, Антон Степанович! В лесу заросли малиновые есть, недалеко от дороги, там они смерть приняли! Никак нельзя без вести...

– Выпей-ка водички, дружок! И давай рассказывай!

– Их немцы, наверно, в одну яму побросали!

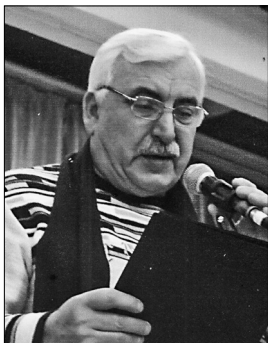
– Успокоился? Рассказывай!

...В пристанционном массиве, совсем недалеко от лесной дороги, стоит скромный деревянный памятник с пятиконечной звездой. На табличке, изготовленной местными умельцами, выбиты строки:

«Здесь в июле 1943 года приняли последний бой неизвестные герои».

Городские власти со временем обещали поставить настоящий памятник из чёрного мрамора.

Карауш Пётр Владимирович

Родился в 1946 году в селе Вербаны Одесской области. Первое стихотворение написал в 11 лет. Трудовые будни прошли на ударных комсомольских стройках Южного Урала, Дальнего Востока, Средней и Западной Сибири, Таймырского полуострова. В настоящее время на пенсии.

КУРАЙ

Капитан особого отдела МГБ Иван Подопригора очнулся от наркоза после труднейшей операции и осмотрелся. Снова палата, белые стены, кровати, тумбочки и стойкий запах хлорки. Тут же подошла медсестра.

– Ну как себя чувствуете, Иван Николаевич?

– Нормально сестричка, нормально, – прошептал он. – А где мой Курай?

– Да здесь он, во дворе. Как привёз вас, так и остался, никому в руки не даётся. Серьёзный конь.

Она говорила что-то ещё, поправляя одеяло, но капитан уже провалился в свой мир бреда и яви, где было не понятно, что есть настоящее, а что является просто вымыслом больного сознания.

Он снова увидел этих двоих с трезубцами на конфедератках*. Они лежали в пыли, а под ними растекалась кровь, но земля не принимала кровь убийц и насильников, и та сворачивалась в тёмный сгусток и становилась каменной. Откуда-то появился одинокий волк. Он осторожно подошёл, понюхал трупы, и шерсть на загривке стала дыбом. Потом протяжно завыл и, поджав свой облезший хвост, растворился в лесной чаще. Вдруг капитан увидел речушку Самару, что течёт по родной днепропетровщине. Почему-то она была очень широкая, а на том берегу стояла его мать и звала к себе. Он плыл тяжело. Намокшая одежда тянула вниз, и не было сил сопротивляться течению. Но он, пересиливая себя, плыл и плыл, качаясь на волнах. И вдруг на берегу появилась девушка в белом халате, послышался возглас: «Сюда, скорей!!!» Кто-то протянул ему руку, но в этот

момент он попал в водоворот, и его потянуло в тёмный омут.

Иван проснулся. Была ночь, ярко светила луна. Рядом на стуле дремала медсестра.

– Пить... сестрёнка... пить...

Медсестра встрепенулась:

– Сейчас, миленький, сейчас, – она быстро намочила марлевую салфетку и приложила её к пересохшим губам.

– Курай! Где Курай? – прошептал капитан.

– В конюшне твой Курай, в конюшне, успокойся и скорее выздоравливай, ждёт он тебя, – она боялась сказать, что по приказу вышестоящего начальства жеребца ещё неделю назад погрузили в вагон и с другими лошадьми увезли куда-то в неизвестность.

***

Он не понимал, что происходит. Его, боевого, чистокровного дончака, завели в грязный вагон и привезли сюда, в эту душную, полутёмную конюшню, с прогнившими полами и низким потолком. Здесь всё ему было чужим: и люди, и лошади, и даже овёс отдавал прелостью и гниалью. Его поймали во дворе здания, где лежал хозяин. Там все ходили в белых халатах и пахло хлоркой. Курай уже третий раз доставлял его туда, но на этот раз всё было серьёзнее, чем раньше. Он всё время вспоминал, как это было.

Они шли тогда по лесной дороге. День клонился к вечеру. Спадала жара. Где-то недалеко лениво куковала кукушка, а вокруг было тихо и спокойно. Хозяин негромко насвистывал какую-то мелодию, а он срывал на ходу то сочную траву, то вкусные листья белой акации. Вдруг тишину разорвал хлёсткий звук выстрела. Его друг покачнулся и упал, а из-за кустов выскочили двое мужчин в грязной форме и кинулись к нему. Курай вздыбился и передними копытами ударил нападавших. Через мгновение они уже лежали в пыли, а сверкнувшие на солнце подковы, стали красными от крови. Нападавшие не шевелились, и он, наклонив голову к хозяину, тихонечко заржал.

Его привезли сюда осенью, но вот уже наступила весна, а хозяина не было видно. После того как его обманом завели в вагон, он больше никому не доверял и пытался вырваться при любой возможности. Где-то в конце зимы к нему стал заходить маленький мальчик, но Курай и его не подпускал к себе. Сначала он очень злился, что этот недоросток подолгу сидит почти рядом и всё время смотрит на него. Но потом он привык, а со временем этот маленький человечек ему стал нравиться всё больше и больше. Да и пахло от

него чем-то вкусным и, кажется, знакомым. И однажды Курай, в очередной раз увидев мальчика, неожиданно для себя впервые заржал миролюбиво, а когда тот достал из-за пазухи краюху хлеба, посыпанную крупной солью, – сдался. Теперь только ему он разрешил ездить на себе и никогда не натягивал повод, если тот шёл рядом. Курай всё реже и реже вспоминал своего хозяина и уже привык к новому имени – Буян, но всё равно к себе никого не подпускал и продолжал ждать и надеяться, что хозяин придёт за ним и заберёт отсюда. Он не мог его бросить! Не мог! Ведь они вместе прошли по военным дорогам и даже были в огромном городе, который все называли Берлин. Город жеребцу не понравился. Травы там было мало, да и та горькая и сильно пахла дымом.

Курай дремал стоя, подогнув заднюю ногу, и изредка взмахивал хвостом, отгоняя назойливых мух. Перед ним проплывали картины из его далёкого детства. Вот он, ещё маленький жеребёнок, бежит по широкой степи, и прохладный ветерок гладит его бока. А вот огромная река, и он стоит по колени в воде и не может напиться, и кто-то очень знакомый зовёт его к себе.

Он очнулся. На улице громко спорили, люди приближались, и жеребец услышал знакомый голос:

– Мне сказали, что он здесь. Я с ним полвойны прошёл. Он мне как...

Дончак рванулся к выходу, но две блестящие цепи держали его намертво. Он ударил задними копытами по двери и громко, призывно заржал.

– Курай, я здесь! – майор Иван Подопригора вбежал в конюшню. – Вот ты где. Я нашёл тебя.

Председатель колхоза Аркадий Петрович вошёл в конюшню и остановился. Жеребец, который никого и близко не подпускал к себе, стоял тихо и, уткнув голову в грудь майора, странно урчал, а тот прижался к нему и что-то тихо шептал на ухо, а по щеке медленно катилась слеза.

*Конфедератка – головной убор в виде фуражки, что носили бандеровцы.

Гусев Евгений Павлович

Родился 15 октября 1948 года в деревне Перекладово под Ярославлем в семье учителя, участника Великой Отечественной войны. После пединститута служил в Группе Советских войск в Германии в роте разведки. Тридцать лет прослужил в органах внутренних дел, полковник в отставке.

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ. Автор тридцати книг поэзии и прозы. Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов.

ОНИ ЗАЩИТИЛИ МОСКВУ

Давно обратил внимание на эту семейную пару. Он – чаще в парадном полковничьем мундире со множеством орденов и медалей, она – в безукоризненном гражданском костюме, на котором также немало боевых и трудовых наград. Оба – интеллигентны, спокойны, полны внутреннего достоинства, предупредительны и внимательны друг к другу. Заметил: в любой аудитории при появлении этих двух немолодых людей все взоры мгновенно устремляются к ним, публика как бы замирает на время. Проходит шепоток восхищения: «Дябины!»

В канун 65-летия Победы подарил им свою книжку «О воинах и войнах», но так и не осмелился напроситься на «деловую» встречу. Помог случай: в музее истории Ярославля увидел портрет почётного гражданина города В. С. Дябина и услышал слова тогдашнего директора В. Г. Извекова: «Уникальный, легендарный человек. Ты к ним сходи».

Позвонив, услышал приветливый голос Раисы Николаевны: «Очень рады. Приходите в любое время».

Чистота и порядок в комнатах у ветеранов Великой Отечественной войны, как говорится, образцовые. Ничего лишнего – шкаф с книжными полками, диван, два стула. На стенах – полотна известных ярославских художников. И фотографии, которые сразу приковали моё внимание.

– О них чуть позже, – с улыбкой говорит Владимир Степанович, жестом приглашая за небольшой журнальный столик, на котором аккуратно мистопочками разложены тронутые временем документы. – Сначала вот это.

В руках держу пожелтевшую фотографию молодого красивого военного в пилотке, с двумя кубарями в петлицах. На обороте чернилами надпись:

«Выпускник Тамбовского кавалерийского училища имени 1-й Конной армии лейтенант Дябин Владимир Степанович. В должности командира пулемётного эскадрона станковых пулемётов «Максим» 116-го кавалерийского полка 31-й отдельной кавалерийской дивизии принимал активное участие в оборонительных, а затем в наступательных боях под Москвой в октябре – декабре 1941 года, а также 31 декабря 1941 года в освобождении города Калуги от немецко-фашистских войск».

– Так Вы кавалеристом были? – спрашиваю с удивлением.

– Ещё до войны поступил в кавалерийское училище, окончил его комэском. А вот войну заканчивал танкистом. Такая уж фронтовая судьба.

Оценив моё нетерпение, с улыбкой продолжает:

– Кавалеристы делились на «сабельников» и пулемётчиков. Это те, что на тачанках. В обеих и постасях побывал. И сабелькой пришлось помахать, и «максимушку» потаскать – под шестьдесят кило со снаряжением. В основном рейды по тылам врага совершали, причём почти всегда по ночам. Ведь главное дело конницы – внезапность. Километров по пятьдесят, бывало, наматывали за сутки. Налетим, разгромим штаб или какое соединение, и – нету нас. Ищи-свищи. Немцы нас, «казаков», очень боялись и ненавидели. И это всё как раз под Москвой и было, ещё до наступления. Отступали, конечно, вместе со всей армией от Тулы на Целиноград, на Новомосковск к Кашире. А вот с Каширы для меня и началось то самое наступление, когда погнали немцев неостановимо.

Из служебной характеристики на гвардии майора В. С. Дябина: «Битва под Москвой, рейды по тылам врага в районе Вязьмы, затем Западный фронт: бои за Харьков, взятие Киева, Житомира, Луцка, освобождение Украины, Болоруссии, Польши...»

На минуту задумывается, продолжает, полистав объёмную рукописную книгу:

– Между прочим, первыми ворвались в Калугу конники нашей 31-й кавалерийской дивизии, за что ей уже в первой половине января 1942-го было присвоено звание гвардейской. До сих пор гордость переполняет, как вспомню торжественное построение... Кровавопролитнейшие бои были за освобождение Вязьмы. Такого количества немецких трупов никогда потом не видел за всю войну. Ненависти к врагу накопилось столько, что с голыми руками готовы

были идти в бой. А мы всё время двигались вперёд, отрывались от баз снабжения. Подножным кормом лошадей кормили. Сами не доедали, а коней боевых подкармливали из своего продрпайка.

Голос Владимира Степановича дрогнул, а Раиса Николаевна, погладив ладонь мужа, уважительно сказала:

– До сих пор клички всех коней в полку помнит!

– Здесь ничего странного как раз нет, – успокаивается фронтовик. – От него, от коня, зависит многое, если не всё. Вот однажды – это как раз в районе Вязьмы – послали нас с ординарцем установить связь с соседним подразделением. И вот в какой-то деревеньке напоролись на немцев. Те сначала бежать при виде конников, а потом видят, что нас двое – и в кольцо брать. Вот кони нас тогда и унесли от верной смерти. Как тут не отдашь последний кусок боевому товарищу! Да и потом, когда несколько суток к своим пробивались, коней берегли, как своих родных. Кругом немцы, а у нас – ППШ у ординарца да мой лейтенантский ТТ. Потом, правда, «щмайсерок» фрицевский раздобыли с парой магазинов... А 12-го февраля меня сильно контузило. Отправили в госпиталь, да через пару дней я сбежал оттуда. Попал в 1-й гвардейский кавкорпус, куда вошла затем и наша 31-я кавалерийская дивизия. Вот тогда и назначили комэском.

Раиса Николаевна показывает карманного формата фотографию привлекательной девушки в солдатской форме:

– А вот такой я и была, когда летом 42-го впервые увидела молодого подтянутого офицера со шпорами на сапогах и кавалерийской кубанке. С тех пор, исключая годы войны, и не расстаёмся...

Из рассказа Р. Н. Дябиной

– 21 июня – выпускной бал в нашей школе-десятилетке города Егорьевска, что под Москвой. А уже 27-го я – медсестра ППГ (полевой передвижной госпиталь) № 497. Немец наступал стремительно, осенью был уже под Москвой. Ходят слухи, что сданы врагу Подольск, Истра, Малоярославец. И страх был, и паника в душе. Но это от неясности обстановки. А когда узнали, что на Красной площади в Москве состоялся военный парад, стало намного легче. Поверили в себя, в страну, в правительство, которое, как сначала говорили, уехало из столицы. Вокруг Москвы копали противотанковые рвы, строили ДОТы, ДЗОТы, «ежи» устанавливали, аэростаты появились. Очень толково была продумана маскировка. С воздуха ничего понять было невозможно... Помню, идём по Васильевскому спуску, а по радио передают, что немцы взяли Красную Поляну. А это – двадцать шесть километров от Москвы. На их танках – час езды, даже по

снегу... Кстати, от тех дней навсегда остались в памяти нескончаемый поток раненых и мороз. До сорока двух, бывало, доходил. Лютее и не припомню. Но главное – люди гибли от немецких пуль и снарядов. Начали бомбить Москву, листовки сбрасывают: «Москву взяли, сдавайтесь!». И вот 5 декабря 1941 года началось контрнаступление. О многом, что довелось увидеть и испытать, даже рассказывать жутко... Помню, 31 декабря освободили Калугу. Сто семьдесят шесть километров прошли без отдыха, со страшными потерями, но отогнали немцев от Москвы – в победу уже поверили, остановить нас уже ничто не могло...

Задумчиво цитирует из Юлии Друниной: «Растут в степи солдатские могилы. /Идёт в шинели молодость моя».

Спрашиваю о последующих «огненных вёрстах». Охотно продолжает:

– Осенью 42-го освободили Смоленск. Город был полностью разрушен. Сохранились лишь крепостная стена и, как ни странно, здание театра. Поскольку ни одного дома не уцелело, наш госпиталь разместился в пригороде. Вот тогда и был самый большой наплыв раненых. Без конца подвозили. Все худые, измождённые. Но вот что удивительно: за всю войну почти не видела больных, то есть простуженных. Обморожений было много, а вот чтобы болели чем – не припомню. Наверное, это связано с теми страшными условиями, в которых оказался человек, но факт есть факт. Очень часто кровь приходилось сдавать, даже привычным делом стало. И вот ещё что. В 41-м, помню, обрабатываю рану пленному немцу, – упитанный такой фриц, а он мне огромный кулачище к носу: «Хайль Гитлер!». А вот уже под Смоленском спесь-то у них сбили. Смотреть было противно, какими они, «сверхчеловеки», по Москве шли, а за ними – поливальные машины, нечисть смывали... В общем, сначала наш госпиталь был в подчинении Западного фронта, затем 1-го Белорусского. С ним и закончили войну в Кёнигсберге. Награждена орденом Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги», «За взятие Кёнигсберга» и другими. Но самая для меня дорогая медаль – «За оборону Москвы». Самая дорогая и памятная.

Осторожно перевожу разговор на то, как произошло знакомство с Владимиром Степановичем. Раиса Николаевна оживает:

– Летом 42-го после освобождения Калуги в одну из передышек командование разрешило нам устроить танцы. Война в самом разгаре, но мы же молодые, по восемнадцать-девятнадцать лет, потанцевать хочется. Наш госпиталь тогда в составе 3-го Белорусского фронта был. В общем, подходит ко мне офицер-конник, приглашает

танцевать. Затем до госпиталя проводил. А на второй день подводит меня к чудом уцелевшему зданию с вывеской «Загс», оформляет какой-то документ. Тут же прячет его в карман гимнастёрки и... уезжает на фронт, в свою часть. И целых четыре года – ни весточки, ни слуху, ни духу. Думала, погиб. Сразу после войны поступила в Московский пединститут. И вот 27 декабря 1945 года ко мне, первокурснице, является майор с «иконостасом» боевых наград... Словно во сне. До сих пор вспоминаю, как нечто ирреальное. Но так и было. В общем, новый 46-й год встречали семейной парой... Но вот что интересно: тот документ, датированный 29 июля 1942 года с названием «Свидетельство о браке», он показал мне только через пятьдесят лет. Шутник! Всю войну пронесил в кармане гимнастёрки, и потом, говорит, хранил как зеницу ока. Так что в будущем году будем отмечать семидесятилетие супружеской жизни.

Раиса Николаевна с нескрываемой нежностью смотрит на мужа:

– Он всегда был таким, «казак лихой, орёл степной» – смелый, иногда до безрассудства, и решительный. Ответственный очень. И настойчивый, чего решит – добивался всегда. Честности и принципиальности тоже не занимать. Служивцы ценили в нём открытость, доброту, верность слову и дружбе. Он и сейчас такой же. Наверное, и в моём характере есть что-то похожее. Это нас и роднит, и даёт силы жить по совести. Никогда без забот не жили. Но могу смело сказать, что за все эти годы ни разу не поссорились, не поругались. Не помню, чтобы он или я повысили друг на друга голос. Он – скромный по натуре человек. Я тоже не люблю, чтобы со мной носились, как с писаной торбой. Кстати, долгое время не понимала, почему в компаниях фронтовиков офицеры первый тост всегда поднимали за Владимира Степановича. Как ни допытывалась, не говорит, уходит от ответа, отшучивается. А ведь если бы не он, гвардии майор Дябин, могли бы и часть расформировать, и комдива под трибунал. Но об этом в другой раз... На жизнь не жалеюсь. Благодарна судьбе, что жила в это нелёгкое время, что встретила любимого человека, что есть дети, внуки и правнуки.

На вопрос, что наиболее памятно, уверенно отвечает:

– Всё памятно. Начнёшь вспоминать и остановиться не можешь. Опять в те страшные условия погружаешься. Вот и вы мою память расшевелили. Но чаще всего вспоминается, конечно, декабрь сорок первого. Не только я, а вообще все, кто мог держать оружие, рвались на передовую...

14 февраля 2013 года Владимира Степановича не стало.

Заратуев Алексей Стефанович

Родился в 1952 году на хуторе Сидоровке Октябрьского сельского района Ростовской области в семье шахтёра. В настоящее время живёт в городе Шахты Ростовской области, пенсионер. Ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС. Литературным творчеством занимается с 2004 года. Член ЛТО имени Алексея Недогонова, Союза литераторов Дона и Союза писателей Дона. Издал книги: «*Рассказы очевидцев. Стихи*» (2009 г.); «*С честью пройденный путь от рядового до генерала (о генерал-лейтенанте милиции М.Г.Фетисове)*» (2015г.); «*Рассказы, подлинные истории*» (2016 г.).

Награждён «*Звездой ордена Покрова Пресвятой Богородицы*», медалями «*За доблестный долголетний труд*»; «*130 лет И.В. Сталину*»; «*Ветеран труда*»; «*России верные сыны*» (от Международного союза славянских журналистов) и другими общественными и ведомственными наградами.

СОЛДАТСКАЯ ГАРМОНЬ

Когда мы вспоминаем о войне, горячая волна скорби проходит по нашим сердцам. Чувствуется восприятие людских страданий, душевных ран, перенесённых шахтинцами во время оккупации родного города. И в то же время ощущается радость победы над злейшим врагом. Людей, прошедших испытания войной, остаётся всё меньше и меньше. Для них судьба Родины, её слава превыше всего. Не обошла война и нашу семью.

Лето 1942 года... Солдаты Красной Армии шли в Сталинград и остановились в нашем посёлке – Сидоровке. К нашему двору подошёл мужчина с гармошкой за спиной. Он увидел, что в песочнице играют дети (мои старшие братья и сестра). Солдат подозвал их и попросил воды напиться. Из хаты вышла моя мама, Анна Семёновна, и вынесла алюминиевую кружку холодной воды из подвала. Солдат попил водички и поблагодарил маму. А мой старший брат Валентин попросил его сыграть что-нибудь на гармошке.

Солдат снял гармошку с плеча, и зазвучала нежная мелодия песни «Тёмная ночь». Мама слушала эту песню и из глаз невольно катились слезы. Она подумала, что у этого солдата есть где-то семья, и он с таким чувством и так вдохновенно играет, словно рядом с ними его близкие. Мама поблагодарила солдата и сказала:

– Моему сыну 21 июля исполнится четыре года. Эта песня – для него подарок.

Солдат ответил маме:

– Моему сынку сегодня четыре годика исполнилось, а зовут его Иваном, – он похлопал моего брата Валентина по плечу и продолжил: – Я дарю тебе эту гармошку. Когда ты вырастешь, вспомнишь меня, играй на ней военные песни, пусть они напоминают о нас, солдатах. А я после победы, возможно, приеду к вам и вместе споём.

Попрощавшись, солдат (мы, к сожалению, не узнали его фамилию и имя) вместе со своими боевыми друзьями продолжил свой путь.

21 июля 1942 года в наш город вошли фашистские захватчики. Они оккупировали и наш посёлок. Кто-то из наших жителей рассказал фашистам, что к нам заходили советские солдаты и подарили гармошку мальчику. С требованием отдать гармошку они подошли к моей маме. Мама ответила, что никакой гармошки в доме у нас нет, это сплетни. Полицаи поставили маму к стенке и стали в неё стрелять из пистолета. Все стены изрешетили, и камни раскрошились. Но нашу маму они не испугали, а гармошку они у нас, сколько ни искали, – не нашли!

После войны на месте старого дома мы стали строить новый каменный дом, и мама показала нам пули, которыми стреляли в неё полицаи. Мама призналась, что гармошку спрятала в сарае под землёй, присыпала место грязью и навозом. Полицаи там штыками искали, но не нашли её. Я, будучи ещё маленьким, играл с той гармонью, и все мы ждали, когда к нам приедет солдат-гармонист. А в День Победы мы доставали этот подарок, собирались жители посёлка и пожилой старожил, Гаврилович, играл и пел не только военные песни, но и русские народные. Солдатская гармонь так и находилась, как реликвия, в нашем доме. Но в 2014 году я узнал, что участнику Великой Отечественной войны Петру Павловичу Хорошаеву, проживающему в нашем городе, исполняется 100 лет и он в годы войны прошёл с гармошкой по всем фронтам, и решил в день юбилея подарить ему гармонь. Приехал к нему и преподнёс ему свой подарок.

Петр Павлович потом для гостей играл и пел с огромным удовольствием. Так гармошка вновь нашла своего хозяина, замечательного солдата – ветерана войны.

Ткаченко Евгений Анатольевич

Родился в 1947 году в городе Кировске Ленинградской области. В 1971 году окончил Ленинградский политехнический институт. Начал трудовую деятельность конструктором на заводе «Ленподъёмтрансмаши». В 1976–1977 годах работал в Польше.

Автор книг: «Давно опавшие листья» (2009г.), «В будущее – с памятью о прошлом» (2012г.), «Попутчики» (2013г.). «Жизнь и о жизни» (2017г.), «Зарисовки» (2017г.), «Записки поперечного человека» (2018г.), «Рассказы» (2018г.).

Работы отмечены дипломами восьми международных литературных конкурсов.

Член Международного союза писателей «Новый современник».

КРЕСТ

Ленинград готовился отпраздновать двадцать лет со дня снятия блокады. 1964 год, начало января. Нашей учительнице литературы пришла в голову интересная мысль – своеобразно отметить праздник. Она попросила нас, учеников десятого класса, взять интервью у ветеранов войны и написать очерки. Надо сказать, что в то время большинство взрослого мужского населения нашего города Кировска, расположенного на самом берегу Невы, в зоне прорыва блокады, были участниками войны, и поэтому каждый получил своего ветерана, пока в виде половины тетрадного листочка с необходимой информацией. Мне повезло, я держал в руках адрес человека, который участвовал в прорыве блокады и форсировал Неву именно здесь, рядом с Кировском, в районе деревни Марьино. Это главный врач Кировской городской больницы Маслов.

Город наш небольшой, и дом, в котором он живёт, я знал. Вечером следующего дня уже подхожу к типовому четырёхэтажному кирпичному зданию, нахожу нужный подъезд и по листочку сверяю номер квартиры. Некоторое время мнусь в нерешительности на крыльце, наконец, быстро поднимаюсь на второй этаж и, продолжая испытывать волнение и неловкость, всё-таки иду к главному врачу районной больницы, нажимаю на звонок. Дверь открыла пожилая женщина. Представился. Она так хорошо мне улыбнулась и так любезно пригласила пройти в квартиру, что волнение сразу прошло. Снимаю пальто, а женщина громким весёлым голосом говорит:

– Вася! Это к тебе. Корреспондент пришёл.

Захожу в гостиную. В кресле напротив двери сидит хозяин с журналом в руках и поверх очков смотрит на меня. Я поздоровался и сбивчиво попытался объяснить причину моего появления. Маслов улыбнулся, сказал, что в курсе дела, и предложил сесть в кресло напротив себя. Немного волнуясь, я открыл тетрадь, которую принёс с собой, достал из кармана ручку и попросил его что-нибудь рассказать из своей фронтовой биографии. Маслов, подумав, сказал, что о себе говорить не будет, а расскажет о своем лучшем фронтовом друге. Здесь он запнулся, опустил голову, как-то ушёл в себя и довольно долго молчал. Я же в это время его бесцеремонно рассматривал: главврач оказался плотным, коренастым, круглолицым с острыми, командирскими чертами лица. Наконец, не поднимая головы, он начал говорить:

– Сразу после переправы на левый берег Невы в районе деревни Марьино фронтовой госпиталь, которым я командовал, вынужден был идти вплотную за наступающими частями. Фашисты ожесточённо сопротивлялись, было слишком много убитых и раненных. В какой-то момент в районе Синявинских высот наступление приостановилось. Идущая впереди часть упёрлась в мощный укрепрайон немцев под названием «Высота огуречик». Шквал огня косил наших бойцов. Три раза поднимались солдаты в атаку и каждый раз вынуждены были отступить. Потери были такими, что ещё одна неудачная атака – и на этом участке фронта наступать было бы не с кем. Меня вызвал командир полка и сказал, что силы на исходе, но мы возьмём высоту, если бойцов поднимут в атаку служащие госпиталя и будут в белых халатах с красными санитарными крестами бежать первой цепью. Я вернулся в часть, вызвал своего заместителя, капитана медицинской службы Олейника, приказал ему взять санитаров и поднять бойцов в атаку. Олейник немного побледнел, он понял, что это почти верная смерть, но чётко ответил: «Есть поднять бойцов в атаку».

На душе было очень тяжело, я вынужден был подвергнуть смертельной опасности своего друга, с которым вместе воевал целых два года. Олейник был сильным, смелым человеком и имел непререкаемый авторитет в госпитале, в нём я был уверен. Атака развивалась успешно. Бойцам стало стыдно, что в первой цепи бегут служащие госпиталя, и скоро они обогнали санитаров, но Олейник продолжал бежать впереди всех, пули щадили его некоторое время. Он упал, не добежав метров двадцать до огневой точки немцев.

Пять пулевых ранений в грудь. Олейник умер на моих руках. Там же мы его и похоронили.

Место я заметил. В первый же год после войны нашел место

захоронения и поставил памятник. Каждый год два-три раза бываю на могиле. Сижу, вспоминаю друга, вспоминаю этот самый страшный и кровопролитный бой за всю войну... Вообще, нас, медиков, на фронте берегли. Это был единственный случай, когда нам приказали идти в атаку...

Короткая встреча, короткий рассказ о войне, а в душе что-то произошло. Что – я в то время понять не мог. После этой встречи стал другими глазами смотреть на памятники со звёздочками, которые в изобилии окружали город Кировск. Памятники вдруг ожили, я стал видеть под каждым из них смелого и героического человека, похожего на капитана Олейника. Слушая живой, пахнувший порохом рассказ, я представлял себя на месте Олейника. Теперь эти могилы стали родными и близкими.

А ещё сейчас я понимаю, почему Маслов рассказал не о себе, а о своём друге, и глаза у него во время рассказа были подозрительно влажные. Совесть мучила его. Война определила этому человеку всю жизнь нести такой тяжёлый крест.

Воробьёв Виктор Яковлевич

ПОЛЫНОК

В первый же день отпуска я собрался в Алексеевку, на могилу матери.

– Цветы купи, – напомнила жена.

– Ещё чего!? В деревню с цветами! Я полынка [1] нарву.

И с этим словом будто плотина в душе прорвалась. Бурный поток воспоминаний стеснил грудь.

* * *

Мать часто возвращалась с поля с охапкой полынка:

– На веники сгодится.

Она раскладывала полынок по чердаку для просушки или расстилала его по свежeweымытому полу. Изба наполнялась горьковатым запахом полыни и, казалось, запахом всего степного разнотравья.

– Как ты весь день тут без меня? – обыкновенно спрашивала она.

От её пыльной одежды и рук всегда исходил запах полыни. И вся она пахла хлебным зноем и полем.

– Я, мама, картошку сварил. На загнетке стоит.

Шло первое послевоенное лето, а мне шёл уже шестой год...

– Молодец, Полюнок! – хвалила она. – А мы у Гремучего родника никак жатву не закончим. И жнём, и снопы вяжем. Рук не поднять, спину не разогнуть. Так-то хлебушек достаётся! Ну давай ужинать.

– Мамка, а чего ты всё Полюнком меня зовешь?

– А ты будто и не знаешь!

Конечно, я давно знал – почему, но хотелось снова и снова слушать её рассказ об этом, как самую интересную сказку.

– Отец назвал тебя Полюнком. «Какой белёсый, – говорил, – крепыш у нас родился. Ну точь-в-точь полюнок». Так и повелось: Полюнок да Полюнок.

Потом она неизменно рассказывала об отце: «Молодой, высокий, сильный, – лилось из её уст, словно журчащая струйка из Гремучего. – Красивый, смелый, ловкий...» А заканчивался рассказ всегда печально: «Пропал без вести в сорок первом. В двадцать четыре своих годочка сгинул. Ни могилы, ни весточки».

Мы считали, что захоронение неизвестного солдата в нашем городе и есть непременно могила отца.

* * *

Полюнок – не полынь, он только пахнет полынью и похож на неё – белесоватый, размашистый, с упругим стеблем. В его внешности много непонятной грусти и печали. Особенно, когда растения волнуются на ветру. Кажется, облака упали на землю и мечутся, будто раненые и будто многоголосый хор поёт над ними то ли реквием, то ли нескончаемую песню степного простора. И столько в этой песне вечной тоски смерти и вечного торжества жизни, что не передать никакими словами! Волнение полынки на ветру надо видеть, а песню хоть раз услышать. Надо упасть однажды в траву на спину, раскинуть руки и долго-долго смотреть в небо. А вечером верхом на коне угнать табун лошадей в сторону полыхающего заката – на ночное. Или на утренней зорьке ступить в журчащую протоку с удочкой за пещарями... Полюнок всюду в степи, и запах его – всюду.

* * *

Наконец-то я снова упал в заросли полынки у Гремучего. Высоко в небе замедлили ход живописные облака. Они словно хвастались своей красотой, величием и свободой в бескрайнем голубом просторе. Что для

них расстояние и время?! А рядом, меж цветов Богородской травы, гудел, суетился шмель. Всюду порхали бабочки, прыгали кузнечики, ползали муравьи и разные букашки – вечные обитатели степи. Прямо перед лицом замельтешился голубой мотылёк. Его жизнь гораздо короче лета. Полетал, порезвился и умер. И зачем жил? Как не хотелось думать об этом! Ведь не объяснить необъяснимого. Но это была песня полынка. В мою спину вдавливалась твердь земли – сама вечность, напоминая о бренности. Неужели эта твердь разверзнется однажды, поглотит и растворит меня вместе с моими восторженными сладкими чувствами? Тогда и я живу – зачем? Зачем, если всё в жизни проходит и заканчивается вовсе?

Тяжёлые мысли оборвал ветерок, набежавший вдруг. Он будто затронул струны невидимой арфы. И зазвучал полынок, запела степь. Какая прелесть – песня! Нет, жить стоит. Пусть не вечность и даже не век. Хоть одно лето, один день, хоть один вдох. Увидеть облака, бескрайние зелёные посева или желтеющие нивы... Родиться для того, чтобы увидеть белый свет, и умереть, потому что уже увидел.

Вместо покупных цветов я нарвал охапку полынка, где нескончаемо журчал Гремучий родник, и пошёл на деревенский погост, к самому дорогому на земле холмику.

– Мама, я пришёл.

– Мне любо, Полынок, – прошелестел ветер в кроне рябины.

«Теперь уж я настоящий полынок, – подумалось мне. – Белёсны от седины».

– А я не забыл, мама, картошку на загнетке. И пол выскобленный помню, запах полынка и хлебного поля – тоже. Ты всегда, родная, пахла хлебом, которого нам никогда не хватало.

Скорбь сдавливала грудь, подступала тугим комком к горлу. И наконец прорвались горячие слёзы. Они обожгли щёки, упали на холмик и растворились в земле, как растворилась мать.

– Я полынка тебе принёс, мама. От Гремучего родника.

И новый спазм вырвался из груди. Я вытер слёзы. И так вдруг стало легко и светло на душе! Слёзы смыли с неё тяжесть, всё преходящее, согрели и успокоили. Нет лекарства лучше на земле, чем горячие непритворные слёзы...

Домой я вернулся через неделю. И, конечно же, с охапкой полынка. Возложу завтра на могилу неизвестного солдата, то есть на могилу отца. Пусть вместе с розами, лилиями и другими яркими замечательными цветами будет лежать мой скромный горько пахнувший, печальный венчик из степи. Отец, наверное, любил, это растение, если от души назвал меня ласково – Полынком.

Верещкая Виктория Анатольевна

Родилась 22 ноября 1981 года в городе Шахты Ростовской области.

Замужем. Работает в ИСОиП (филиале) ДГТУ в городе Шахты бухгалтером-экономистом.

Стремится к постоянному творческому поиску новых тем и сюжетов для своих произведений. Верит в добро и душевность окружающего мира. Свободное от работы время посвящает семье и детям. Не представляет себя без творчества и музыки.

БЕССТРАШНАЯ ШУРКА

Зимой 1943 года во время освобождения от немецких захватчиков в хуторе Кресты Евдокия Григорьевна с дочкой Шурой пряталась узелки с пожитками на чердак. А сами укрылись рядом с хатёнкой в погребе.

– Что-то палёным пахнет, – сказала она дочке.

– Мама, сиди тихо, – прошептала Шурочка.

– Ой, доченька, точно палёным пахнет, – причитала Евдокия Григорьевна.

Женщина поднялась по ступенькам и приподняла крышку погреба. Едкий дым ударял в нос и выедал глаза. Шестнадцатилетняя Шурочка, не раздумывая, схватила маму за руку и выскочила из погреба. Польшала камышовая крыша.

– Мама, это всё, что у нас есть! – закричала девочка и бросилась тушить хату.

Она молниеносно вскарабкалась вверх по лестнице и стала срывать горящий камыш. Где-то на полати замяукала кошка, которая от страха забила в угол.

– Муська, потерпи, сейчас я тебя достану.

– Доченька, слезай, Бог с ними, с пожитками! – кричала Евдокия.

– Мамочка, тут Муська, она же погибнет!

Шура, невзирая на свистящие пули над её головой, укрываясь от огня и дыма, отважно разбирала горящую камышовую крышу, пробираясь на чердак. Языки пламени, разгоравшиеся с каждой секундой, безжалостно обжигали руки девочки. Ещё немножечко и... Муська была спасена. Схватив кошку и пару небольших узелков с пожитками, девочка спустилась на землю. Евдокия Григорьевна прижала к себе

дочку. Перебежками добрались до соседней хаты и нашли там убежище. Соседка, бабка Ганя, поведала им о том, как на её глазах от огненного шлейфа летящих снарядов установки «катюша» загорелась их крыша. Шура с кошкой расположилась на лежанке за печкой. Девочка не могла уснуть. Каждый раз перед глазами стояла полыхающая крыша. Чувство страха от летящих пуль в сумрачном тумане, возможно, никогда не покинет тонкую душу ребёнка. Девочка, утирая украдкой слёзы, гладила Муську. Ещё долго были слышны залпы разрывающихся снарядов.

С наступлением ночи всё стихло. Казалось, время остановилось. Иногда из-под лавки доносилось мурлыканье Муськи.

Вдруг кто-то громко постучал в ставни. Евдокия Григорьевна вздрогнула. По спине пробежали мурашки. Она вспомнила один из эпизодов своей жизни. В июле 1942 года, когда немцы оккупировали хутор, у неё поселились незваные гости – фашисты. За всё время своего проживания они ни разу не обмолвились по-русски, кроме как: «Матка, кофа!».

И вот в одно раннее утро Шурочка вышла во двор, чтобы сходить за водой к колодцу в балке. Она взяла коромысло с ведрами. В это время девочка услышала гул низко пролетающего над ними советского самолёта.

– Братцы, родненькие, всыпьте им, всыпьте! – проговорила она.

Куривший у сарая немец услышал её слова и кинулся к девочке.

– Ах ты, Шурка, русская свинья! – прокричал он по-русски и, схватив её за грудки, начал сильно трясти.

Девочка опешила от такой неожиданности. Она упала. Ведра с грохотом покатались по двору. Евдокия Григорьевна выбежала из хаты и встала на защиту дочки. Немец замахнулся на мать, но не ударил, плюнул на землю и вернулся в хату.

Настойчивые звуки: тук-тук-тук – вернули Евдокию Григорьевну из воспоминаний. Шурочка с перепуга слезла с лежанки и забилась в угол. Бабка Ганя зажгла керосинную лампу.

– Кого там леший принёс? – спросила она незваных гостей.

– Свои, мать, открывай.

– Свои... они-то дома сидят по ночам, а не по хатам шастуютъ ... – бурчала она.

– Мать, открывай, свои мы, свои, – настаивали за дверью.

– Да иду я, иду, неугомонные ...

Бабка Ганя открыла двери. В комнату вошли десять человек в белых маскхалатах. Ганя попятилась назад.

– Мать, да свои мы, – сказал один из военных, снимая капюшон. – Разведка, – пояснил он.

Хозяйка увидела пилотку, на которой красовалась красная звезда.

– Батюшки-и-и, и в правду свои! – радостно воскликнула бабка Ганя.

Офицер вошёл в горницу.

– Это кто такой утром смелый был? – спросил он. – Пули свистят, снаряды разрываются, а она, бесстрашная, дом спасала!

– Да вон сидит, холера Шурка, – ответила Евдокия Григорьевна, – указывая рукою в угол.

Девочка приподнялась, подошла к маме и уткнулась в грудь.

– А что мне оставалось делать? Когда всё наше «богатство» было на чердаке! – ответила Шурочка.

Офицер пожал руку девочке.

– Такие бесстрашные бойцы нам нужны, – сказал он и обнял девчущку. – Хозяйка, напоишь бойцов чайком? – обратился офицер к бабке Гане.

– Сейчас, мои касатики...

Хозяйка засуетилась. Поставила чайник. Из чулана достала тканевый мешочек с высушенными веточками. Солдаты сели за стол. В хате приятно запахло заваренными вишнёвыми веточками, навевая мысль о родном доме и весне.

Офицер, отхлебнув глоток, затыкнул песню: «Тёмная ночь, только пули свистят по степи, только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают...»

Зайцев Николай Владимирович

Родился в 1973 году в Мурманске. Любит Север и суровый климат.

По образованию юрист, работа связана с торговлей.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству. Написал более десятка романов, в январе 2019 вышла фонограмма аудиоромана «Город шаманов».

ЧАСЫ

Летом приехал в деревню, родители чемоданы распаковывают, ведут оживлённые беседы – всем не до тебя. Покрутился,

повертелся между ног да и сказал:

– Мам, я погулять. Мне друзей навестить.

– До горбочка! – это значит не дальше трёх домов.

Жалеть некогда, бежишь к друзьям. У самого новости есть: осенью в первый класс. Событие номер один.

Друзей у меня по улочке много, но расстояние ограничено. Поэтому выбирать не приходится, дёргаешь за ручку первую калитку, смотришь на свежую красную звезду на синем фоне таблички и вбегаешь во двор. Гремит цепью облезлый старый пёс, не лает, машет хвостом – признал. Смотришь, в тени виноградника сидит дед Семён - первый по улочке друг, смотрит в одну точку, палкой землю под ногами толочет. Суров. Седой ёжик за год поредел. Брови всё такие же – как непроходимые кусты. Подсаживаешься к нему. Молчим. Смотрим, как ветерок листья виноградные шевелит. Успокаиваюсь немного, хотя и хочется бежать дальше по гостям, навещать старых друзей. Тишина и спокойствие затягиваются. Не выдерживаю, говорю:

– Я приехал. Осенью в первый класс, – вроде новостей больше было, но быстро иссякли. – Не рад что ли?

– Рад. Компот будешь? – конец палки стучит о кастрюлю под лавкой.

Я жму плечом, наклоняюсь, чтобы справиться с полосатой крышкой, и наливаю себе первую кружку. В розовом сиропе плавают ягоды. Делаю первый глоток:

– Вкусно. Про войну расскажешь?

– Мал ещё.

– Ты мне это в том году говорил, а я теперь вырос – в первый класс пойду!

– Ну, может, и вырос. Только я с Евдохой договорился о войне не говорить.

– А где баба Евдоха? – беззаботно спрашиваю я.

Дед смотрит на меня внимательно, машет головой, хмыкает:

– Твоя взяла. Теперь можно. Ну слушай.

Я ставлю кружку на серую от времени скамейку и, приоткрыв рот, готов слушать про подвиги. Дед Семён бьёт палкой землю. Ковыряет трещину и вдруг говорит скороговоркой:

– Спим ночью в госпитале. И тут стрельба! Светло как днём стало. Страшно очень. Мы окно открываем, кричим людям внизу, что случилось, – дед Семён замолкает.

– И что случилось? – не выдерживаю я длинной паузы.

– Война закончилась.

Мы молчим. Я думал истории про подвиги подлиннее. Теперь

я взрослый, можно и спросить то, что мучило меня всю сознательную жизнь.

– А почему тебя Хэндэхох зовут? Это по фамилии?

Дед Семён надрывно кашляет, подавившись воздухом, глаза слезятся. Промаргивается и снова смотрит на меня:

– Кто?!

– Да все!

– Вот ведь... – старик сокрушённо машет головой, тянется к моему компоту, допивает. Решается: – Это из-за часов, – он смотрит куда-то сквозь меня и продолжает:

– Особенно страшно умирать стало в конце войны, когда до окончания совсем ничего осталось и все начали чувствовать Победу. В Германии занимаем позиции, а лейтенант наш, командир взвода, – вечно неугомонный, так долго и внимательно смотрит на дальнюю рощицу, а потом на нас и выбирает именно меня. Чего греха таить, прятался я за спины товарищей, никак не хотел под выбор командирский попасть. Не трусость то была, а сильное желание жить. Выбрал офицер из своего взвода самого молодого парня сбегать и проверить подозрительный участок. Решения у лейтенанта всегда жёсткие и неоспоримые. Не хочу, но бегу. Куда деваться. Думаю, быстро управлюсь. Однако расстояние до деревьев больше, чем я рассчитывал. Не слышна становится русская речь. Лишь где-то вдали тюкает топор. Деревья большие. Ветвистые, где-то в них птицы поют. Тень скрадывает день. Прохладой повеяло, ручеёк зашумел. Мошकारа зазвенела, появляясь. Мирно, как дома. От этого только тревожней на душе становится. Решаю, что пробегусь по рощице быстро и стремглав вернусь. Вот и тропинка приметная, найденная. Любили по ней, видно, гулять. Место и впрямь красивое. Сказочное и таинственное. Садись да пиши сказку страшную или картину рисуй. Может, кто и рисовал. Узнаешь разве? Вбегаю в рощицу и замираю, камня: вся забита немцами. Лежат в неглубоком овраге вповалку, на меня дикими зверьми люто смотрят, кто из-под каски, кто сквозь прицел пулемёта. Всем страшно. Всем дико. Вот в маскхалатах двое срываются с места и ко мне тенями скользят. Низко так. Учёно. Застыли секунды. Остановилось время. Сердце в груди замерло.

– Хенде хох, – кричу я им, – хенде хох.

Срываю автомат с плеча, нажимаю на гашетку, а оружие не стреляет – заклинило. Жизнь вся перед глазами пронеслась одним кадром. Короткая ведь, толком то пожить и не успел. Так что то ещё кино. Только падают солдаты, не добежав до меня. Кто-то из своих стрелнул, тот, кому война надоела.

А я, очнувшись, начал кричать то, что знал на немецком.

– А ты много слов знаешь на немецком?

– Да почти все. Там всего два. Ну, может, три слова. Лёгкий язык, – старик вздыхает. – «Хенде хох» я по ночам кричу часто. Всё-таки из той рощицы я вынес страшную сказочку навсегда. Вот соседи, люди добрые, прослышав, и прозвали.

– А при чём здесь часы?

– Обратно полную пилотку часов принёс. Тяжёлые. Ели донёс.

– А немцев куда дел? Отпустил? Они же хорошие, тебе пилотку часов дали.

– Нет, – виновато сказал дед Семён, – с собой привёл. Мне потом за них орден Славы дали. Часы парням раздал. Лейтенант самые хорошие забрал. Морские. Я их с морского офицера снимал. Он никак не хотел отдавать. Злился. Они потом все злились, когда поняли, что я один в роще был. Думали, это рейд наш, прочёсываем округу. Мне переводчик из штаба сказал, что в той роще война для меня могла закончиться, а закончилась для тридцати двух немцев. Только смерть, видно, не обманешь. В тот же день меня ранили, и Победу я уже встретил в госпитале. С тех пор не люблю я, когда мне на праздники дарят часы, – словно намёк какой-то на беду. Тикают, к чему-то приближаясь, гонят время.

Дед Семён поднял руку и посмотрел сквозь пальцы на солнце, на листву винограда. Залюбовался. Я, не выдержав, повторил жест. Прищурился, поймав яркий лучик. Мир действительно так выглядел интереснее. Старик вздохнул:

– Знаешь, а я ведь как и не жил. Смотрю на тебя и себя вижу. Бежит по дороге мальчонка навстречу солнцу и дню, пыль столбом, босы пятки мелькают, всё тиканье у тебя впереди. Хорошо тогда становится, спокойно. Обещай мне, часы свои напрасно не трать. Любить время. Обещаешь?

– Обещаю.

– Держи слово. Теперь беги, а то засиделся. Дед Тимошка тебе про Будённого расскажет.

И я побежал, как секундная стрелка, отматывая круги от жизни. Тик-так.

Тик-так.

Скорик Илья Борисович

Родился 8 мая 2008 года в Ростове-на-Дону. В данный момент проживает в городе Таганроге, учится в 4 «Г» классе МАОУ СОШ № 37 города Таганрога. Занимается спортивным чирлидингом в команде «FLASH» Федерации чирлидинга и чирспорта Ростовской области.

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ – ПУТЬ БУДУЩЕМУ

Однажды, совершая поездку с родителями на электропоезде из Таганрога в Ростов-на-Дону, из окна вагона я увидел странное сооружение. На мой вопрос: «Что это?» – отец ответил: «Это ДОТ времён Великой Отечественной войны». Мне стали интересны судьба этого объекта и события, связанные с ним. Вот что удалось выяснить из открытых источников информации.

В книге «Наставление для инженерных войск по полевой фортификации», выпущенной в 1943 году, приведён чертёж этого сооружения, установленного по всем правилам военной науки.

Оказалось, что это – железобетонный пулемётный колпак, одно из наиболее массовых и незаслуженно забытых фортификационных сооружений, – простое, но вместе с тем гениальное изделие. Во время войны нужны были малозаметные, быстровозводимые огневые точки, защищающие солдат от пуль и осколков. Удачная, простая в изготовлении конструкция обеспечила этому изделию огромные тиражи и долгую жизнь.

Пулемётный колпак часто называют ЖБОТом – железобетонной огневой точкой, однако под это определение попадают и другие сооружения из сборного железобетона, отличающиеся и по форме, и по содержанию. Также неверно называть колпак ДОТом, поскольку он не является долговременным огневым сооружением и не выдерживает попадание одиночного снаряда. Пулемётный колпак был создан в недрах проектно-конструкторского бюро Главного военно-инженерного управления (ГВИУ), его авторами являются военные инженеры П. К. Бузник, А. Н. Никольский и С. В. Барсуков.

Колпак представляет собой железобетонный цилиндр диаметром 1,7 метра и высотой 90 см со стенками толщиной 12–13 см. У него есть покрытие (крыша) с отверстием под окопный перископ. Колпак армирован металлическими прутками диаметром 8 мм с выпусками на крыше в виде монтажных петель. Эти выпуски позволяли использовать для погрузки и установки колпака средства механизации – автокраны. Однако очень часто колпаки просто перекачивали к месту установки. Вес колпака составляет примерно 1700 кг. Амбразура выполнялась высотой 37–40 см и шириной 40–50 см, что обеспечивало сектор обстрела в 60 градусов. Размеры колпака могли незначительно отличаться в зависимости от места производства. Также в некоторых колпаках имелся проём для входа с противоположной стороны от амбразуры и отверстия по бокам (10x5 см). Внутренний диаметр колпака составляет 1,4 м, что позволяло разместить внутри пулёмёт «Максим» и его расчёт из двух человек.

Колпаки делали на заводах, специализирующихся на производстве железобетонных конструкций, хотя само производство было довольно примитивным. Цилиндрическая опалубка изготавливалась из досок шириной около 10 см и толщиной 2–3 см. Внутри устанавливался арматурный каркас, который и заливался бетоном. После того как бетон твердел, внешняя опалубка снималась, а внутренняя часть, связанная с бетоном проволочными скрепками, оставалась и служила противоотколом.

Когда-то на этом месте всё было по-другому. Заброшенный ЖБОТ стоял на окопе, дно которого было усеяно гильзами. Потом ЖБОТ был обнесён оградкой. На крышке появилась простая металлическая красная звезда и табличка с историей о том, что он принимал участие в боях за освобождение Ростова-на-Дону. В 90-е годы XX века, когда таким местам не уделяли должного внимания, ограду сломали, табличку и звезду демонтировали...

А связано ли с этим сооружением какое-нибудь событие времён Великой Отечественной войны? Какие бои здесь проходили?

Удалось выяснить, что на этом месте держали оборону разведчики из батальона Гукаса Мадояна. Несколько дней держались тут солдаты, прикрывая обороняющийся на железнодорожном вокзале и в цехах Ростовского паровозоремонтного завода легендарный батальон под командованием старшего лейтенанта Мадояна.

Подвиг героев

В ночь на 8 февраля 1943 года два батальона 159-й отдельной

бригады сходу форсировали Дон и заняли район Ростовского железнодорожного узла. Батальон старшего лейтенанта Мадояна захватил главный вокзал, Привокзальную площадь и прилегающие к перрону тендерный и сталелитейный цехи паровозоремонтного завода. Этот батальон был немцам как кость в горле. Шесть суток сдерживали советские бойцы противника, парализуя железную дорогу, уходящую на Таганрог. Мост через Дон был уже взорван. Они отразили 32 атаки, уничтожили 12 танков (по другим источникам – 43 атаки, до 35 автомобилей, 10 мотоциклов, один танк), но главное – помешали оккупантам угнать на запад большое количество эшелонов с имуществом, техникой, оружием, боеприпасами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 года «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» старшему лейтенанту Гукасу Карапетовичу Мадояну было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Наградной лист героя

Весть о героях-освободителях Ростова разнеслась по всему миру. Гукас Мадоян был также награждён знаменитой американской медалью «За выдающиеся заслуги». Всего за войну этой высокой награды были удостоены 20 командиров Красной Армии – от старшего сержанта до полковника.

В честь героя названа одна из улиц города Ростова-на-Дону, на здании железнодорожного вокзала помещена мемориальная табличка с именем Гукаса Мадояна.

Бои на территории вокзала и завода были настолько жестокими, что всех погибших своевременно обнаружить и похоронить не удалось. В 2007 году на территории Ростовского электровозоремонтного (бывшего паровозоремонтного) завода поисковики обнаружили останки ещё трёх погибших бойцов из батальона Мадояна.

Победив, люди ушли, бросив испещрённый шрамами и отметинами от пуль и осколков ЖБОТ. Время вносит свои коррективы. Под собственной тяжестью колпак завалился назад и стал смотреть в ростовское небо, подставляя украшенное шрамами лицо то южному солнышку, то осенним и весенним дождям. Ростовский ЖБОТ остаётся безмянен.

Мы ставим на пьедесталы танки и пушки в память о годах великих испытаний. Этот ЖБОТ на пьедестал не поднять – так прочно

и глубоко сцеплен бетон укрепления с землёй, которую защищали солдаты.

Любые крупницы памяти об этой войне должны быть достоянием народа, должны бережно сохраняться!

Я и мои родители приняли решение написать обращение к органам власти о необходимости привести в надлежащий вид это памятное место. Были составлены обращения в администрацию города Ростова-на-Дону, президенту ОАО РЖД (так как земельный участок, на котором размещён ЖБОТ, принадлежит РЖД), в Министерство культуры РФ.

И вот после долгих переписок ростовский ЖБОТ обрёл новый облик и имя – «Бетонный защитник города воинской славы». А место, на котором он установлен, станет местом памяти о подвиге солдат, освободивших город.

Огромное спасибо хочется выразить президенту ОАО «РЖД» Олегу Валентиновичу Белозёрову, руководству Северо-Кавказской железной дороги, Министерству культуры РФ, администрации города Ростова-на-Дону и всем, кто принимал участие в реконструкции памятника!

Воробьёв Илья Евгеньевич

Родился в 1973 году в Костроме, где и живёт по настоящее время. С 1992 по 2005 год находился в рядах Вооружённых Сил РФ, служил в РВСН. С 2006 по 2014 год работал в Военной академии РХБЗ им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко.

В настоящее время является заместителем директора ОГБПОУ «Костромской техникум торговли и питания», помогает талантливым студентам работать со словом, знает и уважает родной язык, творить на нём.

ОСТАТЬСЯ В 43-М

Серёга был парализован. Не двигались ноги, онемели руки... Он уперся взглядом в обожжённую сосну, не видя её... Как же так...

Александр Степаныч, дорогой наш человек ... Комбат, Батя... Вроде дурацкое прозвище, ведь большинство в батальоне было значительно старше его. Сергей, правда, был моложе на четыре года, да и кто он? Просто боец. А Александр Степанович Рыжов был авторитетный командир, слово его было крепче стали, из которой вылита самая лучшая пушка. Был Степаныч, двадцать восемь лет был, три из них воевал, да не стало его. Убили. Убили не сразу, он три дня боролся за жизнь, несли его на руках. Но на четвёртый день его не стало...

Собственно, от батальона остался всего взвод – тридцать один человек. Нет... Тридцать теперь. Батя погиб. Эти два слова сжирали Сергея, превратились в единственное пространство его мыслей и не отпускали от горла, норовя вылиться в слезы.

– Выходи строиться, – услышал Серёга сквозь пелену своих дум голос Анисимова, старлея, к которому перешли командирские полномочия.

Ну, конечно, надо строиться, надо подниматься, надо двигаться, что-то делать. Воевать же надо. Сергей резко вскочил и побежал к месту сбора. Было заметно, что все растеряны и подавлены, редко кто перекидывался словами, даже самые балагуристые стали молчаливыми и обескураженными людьми.

– Равняйся! Смирно! – нарочито громко и сурово отдал команды Анисимов.

– Мужики, – неожиданно бесхитростно продолжил новый командир, – мы ещё живы, мы можем держать в руках оружие, мы способны мстить за наших товарищей, за Александра Степановича Рыжова, отважного советского офицера. Но мы не имеем права сделать ни одного шага с этого места, пока не предадим земле тело командира со всеми воинскими почестями. Каждый из нас в той или иной мере обязан ему жизнью, так давайте же достойно проводим доброго человека. Скоро стемнеет, надо успеть, надо постараться.

Это были все слова, что он сказал. Повисла тяжёлая тишина, тяжёлая, как шум в голове после контузии. Тишина – как шум... Но пауза была недолгой. Все тут же ухватились за это важное дело, ухватились, чтобы выйти из ступора, чтобы сделать что-то последнее и очень важное для убитого комбата.

Серёга в составе своего расчёта рыл могилу. Недалеко от той самой сосны, искорёженной огнём, которую он не замечал. Он копал быстро, остервенело, как будто нарочно мучая себя в этой яме – последней землянке Рыжова.

Уже через час всё было готово. Вырыта и обложена еловым лапником могила, сколочен конус деревянного памятника с невесть

откуда взявшейся звездой. Степаныча уложили на плащ-палатку, разлили по фляжкам спирт, зарядили оружие для залпа... С каждой минутой становилось темней. Надо прощаться. Сказать последнее прости и идти дальше.

«А как красиво здесь, – подумал Сергей. – Возвышенная равнина, покрытая ровной сочно-зелёной травой, одинокие сосны, как и люди, побитые войной, но сохранившие свою величественность, предзакатное небо и птицы, парящие над этим плато и опоясывающей его пыльной дорогой. Пусть в этой сумеречной красоте и останется навсегда наш комбат. Пусть ему здесь будет хорошо».

Сергей сжимал в руках автомат и ждал команды «пли», когда можно будет через выстрелы выплеснуть свою боль. Эти пули не должны пронзить врага, их предназначение – всколыхнуть память, чтобы не смогла угаснуть во времени, в котором придётся жить без Рыжова.

Он стрелял и не слышал грохота выстрелов, плача, как ребёнок. Сейчас никто не увидит и не услышит, сейчас можно... Батя!!!

Серёга пришёл в себя, он уже отпустил курок, но треск автоматных очередей и выстрелов винтовок не умолкал, а напротив, стал ещё более плотным. Стоящий рядом совсем молодой солдатик вдруг резко завалился на бок с ничего не понимающими стеклянными глазами.

– Двадцать девять... – вычел Сергей ещё одну потерю батальона.

А бойцы продолжали падать около свежеврытой могилы, как будто пытаясь успеть уйти за комбатом, пока того не укрыли землёй.

Кто? Кто стреляет? Откуда здесь фашисты? По всем расчётам и донесениям разведки сейчас их в радиусе пяти километров быть не должно. Но ведь лупят, гады. Надо отбиваться.

Сергей увидел, что оставшиеся в живых и сообразившие, что завязывается бой, заняли оборону. Они стреляли вниз по нападшим с дороги, простиравшейся вокруг плато. Собственно, позиция была удобна как для одних, так и для других. Просто с ладони на ладонь. Лоб в лоб. Сумерки подчёркивали тени, делая людей прекрасными мишенями. Стало понятно, что не выживет никто. С обеих сторон было примерно одинаковое количество бойцов, и они гибли под шквальным огнём быстро и страшно...

Тишина наступила резко и неожиданно. Как будто кто-то выключил рубильник, прервав этот бой. Сергей осознал, что он абсолютно цел. Ни царапинки. Но хотелось стрелять без остановки. Стрелять по тем, кто посмел помешать ему и его друзьям хоронить командира. Он не сразу подумал, что его товарищи погибли в этом бою. Так бывает, это же война. Но и война обязана была взять

паузу, когда хоронили Рыжова, нельзя в такие минуты воевать. Нельзя...

Серёга спустился с возвышенности к дороге. Напавших было немало, но уместились все на небольшом пятачке. Порой друг на друге. Сергей обомлел... На всех погибших была советская форма. С недавно введёнными в войсках погонами на плечах. Было уже совсем темно, но здесь вблизи не увидеть этого было невозможно.

– Наши, – громко выдохнул Сергей.

– Ваши, – эхом услышал он в ответ.

Серёга, наклонившись над ответившим, увидел во мгле удивлённое лицо пожилого солдата.

– Вы чего творите-то, сынки, – прохрипел он. – Мы же просто шли по дороге, зачем вы палить начали? Не разобравшись...

– Отец, мы не стреляли. Вернее, мы стреляли... Но мы не стреляли.... Мы в воздух... мы не по вам... Степаныч погиб, понимаешь, и мы...

Солдат его уже не слышал. Он умер. Солдаты умирают от ран. От любой пули.

Рыдая, Сергей вернулся к могиле Рыжова...

– Александр Степанович, командир, мы чего наделали-то... Комбат, ну прикажи всё вернуть назад, батя, где же ты был? Наворочали мы дел без тебя...

Серёга плакал навзрыд, сначала просто сидя на земляном валу, потом оттаскивая погибших товарищей, затем закапывая комбата почти вслепую из-за нависшей темноты. Он плакал обо всех: о Рыжове, об однополчанах, о старике-солдате, об оставшихся дома маме и сестре... Он плакал до тех пор, пока не закончил прихлопывать лопатой холм могилы комбата...

Рядовой Красной Армии Сергей Сергеевич Смирнов, отвоевавший почти три года, имеющий медаль «За отвагу», постоял у последнего приюта своего командира несколько минут, накинул на шею ППШ и двинулся в ночь. Искать своих.

Мишууринский Николай Гордеевич

Родился в 1958 году в городе Тотьме Вологодской области. Окончил Вологодский техникум железнодорожного транспорта в 1976 году, проходил службу в составе Группы Советских войск в Германии в 1977–1979 годах.

После службы десять лет отработал сотрудником милиции, имеет медаль за безупречную службу, пять лет трудился в пожарной части. Более двадцати лет занимался строительством домов, восстанавливал храмы и часовни. Имеет награду от Вологодской епархии –

медаль Димитрия Прилуцкого 3-й степени.

В настоящее время на пенсии.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству и пчеловодству.

«СПАСТИ РЯДОВОГО РАЙАНА» – ПО-РУССКИ

История братьев Битюковых – пяти местных богатырей – участников Великой Отечественной войны

Однажды я посмотрел фильм «Спасти рядового Райана». В нём рассказывается о том, как во время Второй мировой войны американский генерал узнал, что у одной американской матери на фронт призвали четырёх сыновей, трое из них погибли. Из любви и уважения к матери, отдавшей на войну всех детей, генерал посылает на поиски рядового Райана подразделение из восьми человек, чтобы отправить его с войны живым домой.

Подобную историю я услышал о русских братьях, которые также все вместе были призваны на Великую Отечественную войну, причём тоже генералом, только советским, но, в отличие от американцев, в один день, на одном и том же призывном пункте. Рассказал об этом родной сын одного из них – Борис Васильевич Битюков.

В апреле 1942 года Василию и его младшим братьям пришли повестки на фронт. Они, как и полагается, прибыли на призывный пункт в числе многих и многих других советских людей. Пришёл генерал. Дежурный офицер начал переключку, называя фамилии новобранцев. И вот звучит:

– Битюков Василий Данилович!

– Я!

– Выходи!

Богатырского здоровья, Василий, твёрдо ступая по родной земле, спокойно и уверенно вышел из толпы и встал в строй. Присутствовавший при этом генерал окинул его одобрительным взглядом, про себя отметив: «Молодец! Хороший боец!»

– Битюков Иван Данилович!

– Я!

– Выходи!

Плеча Василия коснулось плечо брата. И опять генерал довольно качнул головой. И новый новобранец:

– Битюков Александр Данилович!

– Я!

– Выходи!

И уже третий брат в строю. Гул толпы как-то стих. Трое родных братьев готовы сложить головы за русскую землю! И вновь звучит команда:

– Битюков Николай!

И снова звонкое и уверенное:

– Я!

И уже четверо в строю, лицом к лицу, кровь от крови, плоть от плоти! А дежурный офицер выкрикивает следующую фамилию:

– Битюков Георгий!

– Я!

И загудела родная земля под ногами пятого богатыря – Георгия, вставшего в строй к родным братьям. Изумлённый генерал остановил переключку и подошёл к новобранцам.

– Братья?

– Так точно, товарищ генерал, – отвечал за всех Василий, – братья!

– Молодцы! – сдерживая волнение, выдохнул генерал.

Подошёл к каждому, пожал руку. Затем, обращаясь к старшему брату, коротко, по-деловому спросил:

– Где желаете служить?

Дураков в семье Битюковых не было, до революции жили зажиточно, богато. Даже с этих пятерых можно картину писать «Пять богатырей!»! А предки ещё могучее были. После революции семью раскулачили и выслали из Харькова в Вологодскую область. Но и на севере Битюковы не пропали: благодаря трудолюбию и природной смекалке встали на ноги. Василий валил лес. Норма – три куба в день на одного человека ручной пилой-лучковой! Но оплата труда при Сталине была прогрессивной: сделал норму – получи! В этот же день делаешь вторую – оплата в полуторном размере, третья норма –

вдвойне. Василий делал по пять норм в день! И снова семья не знает ни в чём нужды.

Самый умный и смекалистый в семье – Василий. Сейчас, стоя в строю, он понимает: окажись он с братьями в пехоте – их дни сочтены. На фронте миллионы советских людей перемалывает, как в мясорубке, тысячи гибнут каждый день. Но Василий с братьями пришли воевать, и не просто воевать, а выжить и победить!

– В артиллерию желаем, товарищ генерал! – спокойно и уверенно отчеканил Василий.

Генерал вновь окинул взглядом новобранцев: «Да таким, пожалуй, к пушке и коня не надо. Ни коня, ни тягача. Эти сами управятся, из любой ямы орудие вытащат на своих могучих плечах».

– В артиллерию молодцов, – приказал он офицеру.

Вот так все пятеро оказались на войне в одном артиллерийском расчёте. Ни одному из пяти не дал советский генерал отсрочки от призыва, ни брони. И не потому, что американский генерал был лучше его или добрее или пуще заботился о своём народе. Скорее, советский генерал в безбожной стране не отдалился от Бога и понимал, что каждый честно павший на поле брани боец уходит в воинство Христово и остаётся жить вечно! А здесь, на земле, жизнь быстротечна и очень коротка, и в этот короткий срок нужно успеть сделать выбор и зацепиться за новую жизнь – жизнь вечную. Братья такой выбор сделали. Теперь Василий понимал, что они стоят за спинами своих земляков-пехотинцев, которые много раньше их сложат свои головы за землю нашу.

Братья воевали честно и отважно. И всё бы ничего, да в одном неравном бою немецкий танк подбил их орудие. Пушку разворотило в клочья, братьев раскидало по сторонам, а Георгию оторвало взрывом ногу. Ну какие артиллеристы бойцы без пушки? Отступили братья, бросили на поле разбитое орудие. За такое и под трибунал угодить недолго. Но остаться у разбитого орудия – верная и глупая смерть, а остаться в живых после трибунала – есть надежда.

Василий и Александр уложили на носилки младшего брата – и тикать в сторону тыла! Корчится от боли на носилках Георгий, а оторванная нога тащится по полю на одном сухожилии. Подбежал Иван и на бегу отхватил ножом оторванную ногу. Остались живы.

В расположении части вызывает Василия, как командира орудия, особист и начинает допрос:

– Как же так, бросили орудие, бежали с поля боя? – подводит братьев под расстрельную статью.

В это время откидывается полог палатки и к чекисту подходит

в рваной телогрейке с автоматом наперевес второй по старшинству – Иван и передёргивает затвор трофейного фашистского автомата. Мимо часового спокойно прошёл Иван, тот на него и глазом не повёл – боялись и уважали братьев Битюковых однополчане. Ну кто же в одиночку на такую силищу пойдёт? Пять богатырей, пять родных кровинушек, каждый друг за друга горой – с одним свяжешься, а за ним ещё четверо смелых, отчаянных, смекалистых: вон, наемни танк немецкий подбили, а вчера в бою кровь пролили.

Испугался звука передёрнутого затвора чекист, ручку тихонько в сторонку отложил:

– Всё нормально, сынки, всё нормально!

– Орудие новое дадите? – из-за спины у него голос слышится.

Чекист медленно повернул назад бледное лицо:

– Дадим, сынки, дадим. Воюйте, как и раньше воевали.

Тяжелее особисту со своей жизнью было расстаться, чем чужие под расстрел ставить.

Опять братья живы. Георгия без ноги домой к жене и детям отправили, остальные четверо с новым оружием – снова на фронт.

И вот какое интересное обстоятельство: в этом же полку с братьями Битюковыми воевал Иван Васильевич Мокроусов – будущий тесть Бориса Васильевича, рассказчика. Служил Иван Васильевич разведчиком. И вот однажды в жарком бою перебило связь с командным пунктом. А на КП штабной генерал сидит, лично руководит боевыми действиями. Связи нет. Как приказания отдавать? Да и с поля боя известий не получить!

Даёт генерал приказ:

– Звезду Героя тому, кто связь восстановит!

– Я восстанавливаю, – вызывается боец Иванов и бежит с кабелем связи в бой.

А на поле боя жуть: пули, как рои ос, рыщут, мины воют – погиб солдат Иванов.

– Я, – вызывается боец Петров.

Десяток шагов не сделал, заалела от крови его гимнастёрка на спине – пулёмётная очередь скосила бойца Петрова. Но уже новый доброволец держит в руках связной шнур... И нет бойца. И связи нет...

Десять героев ушли в кромешный ад – и все сложили головы, выполняя боевое задание. А генерал кричит:

– Связь, связь нужна! Вслепую боевые части бьются, не знают точно, откуда враг наступает и куда бегут фашисты, где ищут укрытие! Бойцы, Христом Богом прошу, кто на поле пойдёт?

– Я пойду! – говорит Иван.

И вот он землеройкой ползёт под шквальным огнём, шукой ныряет из воронки в воронку, за разбитыми пушками прячется, стремглав воробьём порхает по открытым участкам. Соединил кабель, вернул связь! К ночи с поля боя живым вернулся.

Надо генералу Звезде Героя Ивану давать, а над тем трибунал висит! Отчаянный боец был Иван, стойкий, смелый, ни врага не боялся, ни дурака-командира (к сожалению, и такие на фронте были). Вот как раз такой командир-неумёха и попался Ивану под горячую руку, ну и получил по физиономии. Штрафбат Ивану полагается, а не Звезда Героя! Но генерал слово дал, на весь полк озвучил. И вот он герой – Иван! Но награждать нельзя – очень серьёзный проступок совершил боец.

– Как быть, что делать? – ломает голову генерал.

А Иван ему и говорит:

– Ну ладно, в крайнем случае – согласен на медаль...

У генерала – гора с плеч! Опять Иван все проблемы разрешил: и слово генеральское не нарушено, и Иван герой, хоть и без «Звезды», но герой! А кто же героя в штрафбат отправит?! Отсюда решение: за геройский подвиг ранее наложенное взыскание снять и представить бойца, Мокроусова Ивана Васильевича, к награде! Орден получил боец Красной Армии за подвиг в этом бою. Ведь девять человек погибли, а он не только остался жив, но и связь восстановил, и благодаря координации боевых действий с КП сколько жизней наших бойцов помог сохранить!

А братья Битюковы с войны все пятеро домой живыми пришли!

Оба сына, оба двое, плоть и стая,

Золотистых орденов не сосчитать!

А здесь – все пятеро! Повезло их матери одной на полстраны вокруг! Да где там на полстраны? Вряд ли в нашей истории ещё такой пример сыщется, чтоб все мужчины из семьи на войну ушли и все живы остались.

А Борис Васильевич дело своего отца – фронтовика Василия Даниловича Битюкова – на срочной службе продолжил. Да как продолжил! За срочную армейскую службу стал чемпионом сухопутных войск по лыжным гонкам и десятикратным чемпионом Ленинградского округа! По сей день он жив и здоров, живёт тихо и скромно на земле своего отца и его геройских братьев в Бабушкинском районе. В свои почти 80 лет продолжает честно трудиться – собирает знатный янтарный пчелиный медок. Я у него в гостях был, мед-пиво пил, аж по усам текло!

ЕГО ЗАРЫЛИ В ШАР ЗЕМНОЙ...

Всю зиму напролёт дед возился в гараже со стареньким «Москвичом».

Прятели посмеивались:

– Эта рухлядь годится только на металлолом!

Но дед помалкивал, что-то чистил, что-то промывал в керосине, что-то скоблил, подкрашивал, менял...

Приходил домой поздно, весь пропахший бензином и машинным маслом. Бабушка сначала на него ворчала, а потом перестала, смирилась. Если раньше дед иногда возвращался из гаража навеселе, то теперь, как она ни принюхивалась, уловить запах спиртного не могла.

Дед долго, пофыркивая, отмывался от налипшей грязи в ванной, потом обедал. Несмотря на поздний час, садился за компьютер, залезал в Интернет, неумело тыкая своими корявыми пальцами в клавиатуру, что-то там выискивал, выписывал в блокнот, зарисовывал. Иногда доставал чёрный кожаный сундучок, где хранился семейный архив, доставал старые письма, пожелтевшие, выцветшие от времени фотографии, долго разглядывал их, перечитывал, бережно разворачивая полустёршиеся на сгибе странички. Особое его внимание привлекали фронтовые письма – маленькие треугольнички.

Однажды поздно ночью, когда все домашние уже давно видели третий сон, я не вытерпел, зашёл в кабинет к деду. Тот неподвижно сидел за столом, разглядывая фотографии. Он нисколько не удивился моему появлению, подвинул стул: «Садись!»

Я взял фотографию, на которой был изображён, несмотря на молодость, удивительно похожий на деда парнишка в солдатской шинели, островерхой будёновке.

– Кто это? – спросил я.

– Мой отец, твой прадед. Это накануне войны, служил он тогда в Карелии, там и воевал. А вот это (он протянул мне треугольничек) – его последнее письмо.

Я аккуратно развернул письмо. Оно было написано карандашом, датировано 1942 годом, разобрать его было трудно. Прадед писал, что он жив-здоров, что кланяется всем родным, знакомым. Словом, обычное, ничем не примечательное письмо. Никакого адреса, кроме номера полевой почты, не было.

Дед повернулся ко мне и доверительно сказал:

– Вероятнее всего, воевал мой отец на Карельском фронте. Я в Интернете копался, запрос в военные архивы посылал, так что приблизительно могилку его надо искать где-то либо на севере Ленинградской области, либо на юге Карелии. Я наш «Москвичок» уже подготовил, хочу поехать туда этим летом. Может, найду могилу, надо памятник поставить, родной землицы отвезти. Поедешь со мной?

И хотя как всегда долгой холодной и столь неуютной зимой я мечтал о море, о Кучугурах, где уже привыкли нас встречать каждый год, не задумываясь, ответил:

– Ну, конечно же, поеду.

Наступило лето, а с ним и долгожданные каникулы. Мы с дедом подолгу сидели вдвоём, прикидывая и рассчитывая, что взять с собой, чтобы потом не попасть впросак. Наконец всё было готово. Дед выкатил из гаража «Москвич», весь сверкающий лаком, соседи так и ахнули. Один даже предложил меняться на новенькую иномарку, но дед категорически отказался:

– Э-э-э, нет, старый конь борозды не спортит.

Отец мой и бабушка остались дома, так как отец был истым трудоголиком (даже на юг ездил с великой неохотой), а бабушка, как всегда, сослалась на вечные недомогания. Так что отправились мы втроём: дед, моя мама и я.

***

Дед вёл машину, нисколько не торопясь, прижимаясь к обочине, позволяя всем его обгонять. Ну и что: тише едешь – дальше будешь. Проносились мимо деревни, посёлки, города, леса, перелески, зеленющие поля. Частенько встречались на пути памятники, свидетели давно ушедшей в прошлое войны. Дед останавливал машину, подходил к памятнику, вчитывался в надписи. Иногда его взгляд наткался на знакомую до боли фамилию, но, увы, инициалы никак не совпадали. Пока мы с мамой расстилали на траве одеяло и готовили нехитрый завтрак, обед или ужин, дед уходил в поле, набирал букетик полевых цветов и клал его к подножию памятника. Потом долго стоял, беззвучно шевеля губами, а тёплый ласковый ветерок трепал его седые волосы.

***

Карелия встречала нас короткими ливневыми дождями и прохладой.

Приходилось то и дело надевать дождевики и резиновые сапоги, которыми дед запасся заранее. Но грязи после дождя как не бывало.

Песок моментально впитывал в себя всю влагу. Дед то и дело оставался машину и отправлялся вместе со мной в лес. В лесу дышалось особенно хорошо: воздух был напоён душистой хвоей, ароматом трав. Повсюду, несмотря на давнее время, встречались приметы той самой войны: то куски проржавевшей колючей проволоки, то оплывшие, заросшие черникой и голубикой окопы, то остатки прогнивших землянок, куски когда-то смертельного металла. Дед молча бродил между деревьев, заглядывал в блокнот, разочарованно хмурил брови и также молча возвращался к машине.

Но на этот раз мы наткнулись на грозную некогда линию обороны. По обе стороны дороги громоздились куски бетона, переплетённые ржавой арматурой. И с той и другой стороны эта линия упиралась в непроходимое болото. Перекликаясь, мы бродили по лесу, и вдруг дед замолк, перестал отзываться... Я заволновался: не случилось ли что-нибудь с ним, ведь он у меня такой старенький!? И вдруг буквально наткнулся на него. Дед стоял молча, не шевелясь. Перед ним был бугорок, вокруг него почти полностью сгнившая ограда, в траве валялась проржавевшая пирамидка со звёздочкой, когда-то выкрашенной красной краской. Из глаз деда текли слёзы. Чуть слышно он прошептал:

– Здравствуй, папа!

***

Мы заехали в соседний городок, где отыскивали мастерскую по изготовлению памятников. Мордастый парень долго водил нас меж гранитных памятников, но дед не посчитал нужным даже остановиться подле них. А вот и то, что нужно: пирамидка из нержавеющей стали. Дед достал из сумки овальную фотографию, протянул парню:

– Можно её прикрепить? И ещё: хотелось бы звёздочку и оградку небольшую. И нельзя ли всё это сегодня сделать, я расплачусь?

– Какой разговор?! За час вполне управимся и на место поставим. Куда повезём? Адрес какой? Ну, всё путём! Мы мигом.

Действительно, через час мы были уже на месте. Парни приволокли пирамидку, оградку. Работали они быстро, сноровисто, и очень скоро всё было готово. Мордастый провёл рукавом по фотографии, гляделся в неё.

– Кто такой? – спросил он у деда.

– Отец мой. Воевал здесь, здесь и погиб.

Парень замолчал. Долго мы стояли около памятника молча. Потом дед полез в карман, достал деньги, протянул парню. Но тот вдруг неожиданно отвёл его руку в сторону:

– Не надо, отец! – и смущённо, стеснительно улыбнулся.

Дед полез в сумку, достал бутылку водки, закуску, вновь протянул парню:

– Не откажите! Помяните души погибших и погребённых на этой земле.

– Ну это можно! Это по-нашему, по русскому обычаю.

***

«Москвичок» вновь неторопливо катился по шоссе, теперь уже в обратную сторону. Мы молчали. И вдруг какая-то догадка возникла в моём сознании:

– Дедушка, а откуда ты узнал, что твой папа похоронен именно в этой могиле?

– Так ведь воевал он в этих местах, здесь погиб, здесь похоронен, а может, и истлели его косточки в другом месте.

– Значит, это вовсе не его могила?

– Ну почему же? Земля-то, она одна на всех, все из земли пришли, туда и уйдём. Главное, чтобы помнили, не забывали.

– Конечно, забывать нельзя, ведь он жизнь отдал, чтобы мы жили счастливо в этом мире. Все они – герои.

Я замолчал. А в памяти неожиданно всплыли строки стихотворения поэта-фронтовика Сергея Орлова:

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля –
На миллион веков,
И млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.*

Королёв Виктор Владимирович

Родился в 1949 году в городе Кемерово. Окончил Уральский госуниверситет, Новосибирскую высшую партшколу, Академию общественных наук при ЦК КПСС, Московскую школу экономики. Кандидат исторических наук. Десять лет работал в городских газетах Дальнего Востока и Западной Сибири. Преподавал в вузе. Много лет жил и работал в Москве: в Администрации Президента СССР, Торгово-промышленной палате РФ, в Министерстве культуры РФ, на телевидении, в банках и других коммерческих структурах. Автор более 10 книг и свыше 100 художественно-публицистических произведений в периодических изданиях, в том числе на иностранных языках. Член Союза журналистов РФ и Союза писателей России. Академик Международной академии информатизации. Лауреат литературного конкурса «Мой Урал», Всероссийского конкурса имени генералиссимуса А. В. Суворова, дипломант премии Министерства обороны РФ в области культуры и искусства (в номинации «Литературное творчество») и других конкурсов. Живёт в Екатеринбурге.

ДОЖИТЬ ДО ПОБЕДЫ И ДАЛЬШЕ

Бомба попала точно в середину крыши, пролетела два этажа и взорвалась на первом, вывернув наизнанку все внутренности, оставив только голые стены и семерых бойцов от роты, что ночью заняла здесь позицию. До Волги отсюда метров тридцать. Оставшимся семерым пройти эти метры нет ни возможности, ни приказа. Ждать подкрепления можно лишь к ночи, но до неё надо ещё дожить. Бомба от дома только наружные стены оставила, а сорок жизней разметала по углам. Семерых пожалела. Им держаться до ночи. Если сумеют...

– Сейчас полезут, – пожилой дядька справа прошептал, устраиваясь поближе.

У него под носом то ли усы росли, то ли известковая пыль так легла. Малыхин не успел рассмотреть. На площадь, грязно-серую от снега, гари и дыма, выползли мышинные шинели, стали медленно приближаться. Лишь бы патронов хватило. Всё, началось!

Дядька справа выстрелил, убрал одного. И немцы ответили из автоматов, стали бить по всем окнам сразу. Алексей Малыхин выцелил офицера. Тут же снял и второго. Потом ещё попадал, стрелял, стрелял...

По их окну тоже стреляли. И по соседним фашисты били, откуда им

не давали подойти на бросок гранаты. Если бы гранатами закидали – прощай, Родина! А так ничего, отбились. Дедок рядом улыбался довольно, хотел закурить, да немцы снова полезли. Малыхин ещё двоих или троих уложил. Отбили пятую, наверное, атаку. Убитые фашисты валялись уже метрах в двадцати от дома, к ним Алексей и полез. Притащил два автомата и портсигар. Наконец-то закурили с напарником.

– О, видал? – дядька с усами ткнул грязным пальцем в крышку. – Карта будущей Германии! Нам комиссар рассказывал, что Гитлер такие портсигары для своих офицеров с самолётов сбрасывает, чтоб дух их поддержать и к Волге подтолкнуть! Гляди, всё, что заштриховано, до самого Урала – это будущая Германия! Не теряй, внукам после победы подаришь!

– До ночи бы дожить! – Алексей сунул портсигар в карман гимнастёрки...

Шестую атаку тоже отбили. Когда фашисты стали отходить, он как раз очередного зацепил. Тот полз обратно и орал, волоча раненую ногу.

– Добей, что ж ему мучиться, – пожалел дядька справа.

Малыхин не согласился:

– У меня патронов мало, если ему повезёт, то выживет, а вот стрелять по нам уже не будет...

Это было последнее, что он помнил чётко. Дальше свист мины, взрыв. Дядьку-соседа убило сразу, а Малыхина контузило и сильно посекало мелкими осколками. Один из них пробил ватник, гимнастёрку и уткнулся в портсигар. К ночи, когда смена пришла, Алексей уже малость оклемался. Его отнесли к Волге, где дожидались отправки на тот берег такие же, как он, раненые. Их было много, очень много...

Полоса земли шириной в двадцать метров и длиной десятки километров. Здесь, у самой воды, были полевые госпитали, и тысячи раненых ждали катеров с той стороны. Кто мог ходить – поднимался в последнюю атаку, когда немцы прорывались к реке. Здесь они остались лежать навсегда.

– Ты, паря, винтовку-то держи вертикально, – посоветовал Малыхину некто, весь в окровавленных бинтах.

Алексей поднял винтовку, и это спасло ему жизнь. Снаряд разорвался как раз над их головами, и всех засыпало. По торчавшему в небо стволу его нашли, откопали, отнесли ближе к переправе. А в медсанбате утром, когда на операционном столе лежал, врач сказал:

– Терпи, солдат, нет больше анестезии, вживую резать тебя буду. Ты глубже дыши и ори, не стесняйся!

Орать было стыдно, и Алексей заставлял себя терпеть боль. Позже эта наука пригодится ему: фашистские овчарки будут рвать его тело, а он стерпит, и немец из невольного уважения не застрелит лагерного беглеца. Но это будет через год. А пока санитарный поезд везёт его в Сибирь.

Из госпиталя Малыхин написал родителям, что раны его не опасны, он уже ходячий. Мать отпустили с работы, и она примчалась на денёк. Расставаясь, отдал ей сохранённый портсигар:

– До победы доживёт – значит, и я вернусь живой!

Перед выпиской у всех выздоравливающих проверяли слух, набирали в школу радистов. С заданием справился легко: чего там сложного – повторить то, что инструктор карандашом по столу отстучит. Попал Алексей в новую команду. Едва успели закончить учёбу, как весь курс подняли по тревоге. Вокзал, теплушки – и без остановок до самого Крыма. В Керчи выдали оружие. Стоял май 42-го, всё цвело. Никто из прибывших не догадывался, что впереди их ждут страшные испытания...

***

Керчь в годы войны 320 дней и ночей была фронтовым городом, дважды её захватывали фашисты и дважды освобождали советские войска. Особая страница в истории Великой Отечественной – героическая 170-дневная оборона Аджимушкайских катакомб, что на окраине Керчи. Их, защитников Аджимушкай, было свыше десяти тысяч. Осталось в живых – около сотни. Выжил один из ста. Выжил, чтобы рассказать о Великом Подвиге.

Фашисты травили защитников катакомб отравляющим газом. Только от первой газовой атаки 25 мая 1942-го погибло около шести тысяч человек. В ту страшную ночь Алексей Малыхин потерял всех своих товарищей по роте. Сам чудом остался в живых. Потом он будет участвовать в боевых вылазках. Перед каждой знал, что может не вернуться к своим, потому что уходили группы человек по двадцать, а возвращались хорошо если семеро. Как тогда в Сталинграде. И однажды группа, точнее те, кто остался в живых, вернулась под землю без Малыхина.

... Очнулся он в каком-то бараке. На следующую ночь решил бежать. Согласились с ним идти ещё четверо. Трое были убиты сразу же у колючей проволоки. Вдвоём сумели добраться до берега моря, где их и настигла зондеркоманда с собаками. Напарника Алексея пристрелили, а его, избитого до неузнаваемости, гитлеровцы принесли обратно в лагерь.

Потом были месяцы концлагерной жизни. Следующим летом Малыхин снова бежал. Поймали через месяц. Повезли в Германию. Бежал и оттуда. Плутил без языка, без еды почти две недели. Поймали

и надели полосатую одежду с мишенью на груди и спине – знак, что каждый полицейский должен немедленно стрелять на поражение, если встретит такого опасного врага. Знак смертника.

Но ему очень хотелось дожить до Победы. Четвёртый раз он бежал в робе смертника в апреле 45-го. Вышел к наступающим нашим. Рассказывал честно всё, что с ним было, – не верили. Но тут неожиданно немцы прорвались, и все, кто мог держать оружие, брошены были в траншею. Нашлась винтовка и для Малыхина. Потом его ставили в пример: «Худой, как скелет, в чем только душа держится, а пятерых немцев уложил!»

Назавтра и война закончилась. По-бе-да! Дожил-таки! До самого дома не верилось, что живой остался в таких передрыгах. А уж мать с отцом как рады были! Портсигар тот трофейный мать пуще глаза берегла всю войну.

И потом всё в жизни Алексея Михайловича Малыхина складывалось хорошо. Много учился. Счастливо женился. Долгое время, до самой пенсии, работал начальником отдела рабочего снабжения в Кемеровской области. Получил и мирный орден – Трудового Красного Знамени.

***

Той весной ко мне в гости приехали папа с мамой.

Моя мама в 41-м году как одна из лучших комсоргов добровольцем пошла в разведшколу, где изучала радиодело, училась стрелять и минировать. Был приказ Ставки ничего не оставлять немцам – значит, нужны люди, которые, не жалея себя, будут всё поджигать и взрывать. Диверсанты. Без шансов выжить. Училась вместе с Верой Волошиной. Вере, как и Зое Космодемьянской, дадут звание Героя – позже, но тоже посмертно. Из маминых подруг по разведшколе домой не вернётся ни одна. А маму комиссуют медики перед обязательным прыжком с парашютом: «Что ж вы скрыли, что у вас порок сердца? А ещё комсомолка!»

Мой папа – военный журналист, подполковник в отставке. Фронтовик. Два ордена, полтора десятка медалей. Страна в ту весну готовилась к 30-летию Победы, и я его спросил:

– А как ты встретил начало войны?

– Первый день не забуду никогда, – тихо сказал он. – Я уже был младшим политруком. Полк подняли по тревоге, и все ушли в тайгу, оставив в казарме флажковых: воскресенье же, многие были в увольнении. Они потом догоняли нас. Это в Москве был полдень, а на Дальнем Востоке день уже заканчивался. Короче,

двое из моей роты опоздали из увольнения. И приказано было расстрелять их перед строем. По законам военного времени. Я просил, умоляя, мне сказали: «Сейчас третьим встанешь рядом!»

– А день Победы как ты встретил?

– На корабле. Огромный теплоход шёл по Охотскому морю. Когда сообщили, что войне с Японией конец, началось что-то невообразимое. Палили в воздух из всех видов оружия, спирт рекой лился. Гармошки играли. На верхней палубе плясал матрос, зажав в зубах ленту бескозырки. Потом пошёл по кругу вприсядку. Поскользнулся на арбузной корке, не удержался и выпал за борт. Все закричали: «Человек за бортом!» Да где ж его увидишь! Вот как – дожил человек до Победы, а дальше не довелось...

И тут я рассказал папе, что познакомился с человеком необычной судьбы, тоже фронтовиком Алексеем Михайловичем Малыхиным.

– Он мне подарил трофейный портсигар. Смотри, на крышке карта. Всё, что заштриховано, до самого Урала – это Гитлер уже посчитал территорией Германии.

– Дорогой подарок, – заценил папа. – И человек этот, действительно, герой. Вот бы с ним встретиться – нам было бы что вспомнить. Ты же знаешь, что нас, рождения 1921-го, лишь двое из ста до Победы дожило?

Я тут же позвонил Малыхину, он с радостью согласился приехать. И потом они, дожившие до 30-летия Победы, долго-долго говорили, говорили.

***

Спустя десять лет я учился в академии в Москве. В комнате общежития меня поселили с немцем. Считалось, что так я быстрее постигну немецкий, а Матиас – русский язык. И вот как-то вечером мы заговорили с ним о родителях. Оказалось, что отец Матиаса тоже 1921 года рождения.

– Он воевал? – спросил я.

– Да, – потупился сосед. – Моему отцу, можно сказать, повезло: в Сталинграде в первом же бою он был ранен в ногу. Дополз до своих, русский снайпер почему-то не стал его добивать. На одном из последних самолётов папу доставили в берлинский госпиталь. Он потерял ногу, но не жизнь. Женился, и я появился на свет. Папа и сейчас жив. Он счастлив, что никогда не стрелял в советского солдата...

ШКОЛА ПИЛОТОВ

– Подъём!

Команда в тишине раннего утра прозвучала резко, как выстрел. Инструктор лётной школы Пётр Барташов пружинисто соскочил на пол, в темноте на ощупь надел брюки-галифе, накрутил на ноги портянки и, подняв ножки кровати, вытащил из-под них сапоги, спрятанные туда от воров. Выбежав из казармы на построение, он занял своё место в строю и взглянул на часы – 5:15. «Рановато!» Курсанты и офицеры, продолжая на ходу приводить в порядок форму, становились в ряд и тихо переговаривались:

– Что случилось?

– Леший его знает. Сейчас услышим от командира.

– Равняйся! Смирно! Равнение на середину!

Начальник лётной школы подполковник Старостин, откашлявшись, громко заговорил:

– Товарищи! Враг стоит на подступах к столице нашей Родины. Чтобы остановить фашистов, надо сделать всё зависящее от нас. Как можно больше пилотов должны сесть в кабины самолётов! С сегодняшнего дня отменяются все увольнительные. Необходимо увеличить число часов полёта курсантами. Забудьте об отдыхе – Отчизна в опасности!

Он оглядел строй и добавил отечески:

– Сынки, не подведите!

Расходились молча. Что тут комментировать? И так всё ясно.

Посадив в переднюю кабину очередного курсанта, Пётр пристегнулся и скомандовал:

– Заводи!

УТИ-2 плавно заскользил, набирая высоту. Холод проникал сквозь одежду, унты и лётную куртку. Худое, жилистое тело пилота с трудом удерживало тепло, потёртые шерстяные носки согревали слабо, на ресницах намёрзли кристаллики льда. Съёжившись, Барташов вполглаза наблюдал за действиями подопечного, а сам сверху разглядывал зимний лес. Морозный воздух был неподвижен. Солнце постепенно поднималось над горизонтом, освещая верхушки вековых сосен, укрытых шапками снега. Яркие лучи, отражаясь от инея на крыльях, слепили. Казалось, что самолёт летит в огненном зареве и вот-вот загорится.

Маршрут заканчивался. Подскочив при посадке, УТИ выровнялся

и побежал по рулѐжной дорожке. Пѣтр слез с крыла и, подпрыгивая на месте, стал разминать затѣкшие ноги.

– Как курсант? – поинтересовался подошедший командир эскадрильи Морозов.

– Нормально. Надо ещё поработать над посадкой, а так справляется.

– Ну ладно. Перекури и полетишь со следующим.

– Товарищ командир! – взмолился Барташов, глядя снизу вверх на высокорослого капитана. – Я уже четверых сегодня вывез на крут. Дайте хоть немного отдохнуть!

Капитан похлопал по плечу:

– Все мы отдохнѐм после победы.

И пошѐл прочь.

Небо затянулось облаками, но было ещё светло. Пѣтр чувствовал, что смертельно устал. Глаза непроизвольно закрывались. Чтобы не уснуть, он периодически высовывал лицо из-за защитного колпака. Пронзительный ветер ненадолго взбадривал, но вскоре всё снова повторялось. Внезапно наступила тишина. Барташов посмотрел на неподвижный винт, в сердцах подумал: «Даже техника не выдержала такой нагрузки!» – и стал выискать глазами место для посадки. Тщетно! Под ними сплошным частоколом торчали шпиль елей. Сердце противно заныло, рот мгновенно высох, но вдруг, когда до земли оставалось совсем ничего, впереди мелькнула занесѐнная снегом поляна. Пѣтр вспомнил, как Морозов рассказывал им про посадку «сухим листом». В минуту смертельной опасности в мозгу вспыхнули слова:

– Плавно раскачивайте штурвалом вправо – влево...

Барташов так и сделал. «Вправо, влево, вправо, влево».

Когда они приземлились, до ближайшего дерева оставалось не больше двух метров. Пѣтр снял шлемофон с внезапно вспотевшей головы и услышал:

– Товарищ лейтенант, ну вы и ас!

«Какой там ас! Сам чуть больше полугода назад ещё был курсантом». Но, правда, оставили его в школе инструктором как лучшего.

– Как думаете, скоро нас найдут?

Курсант с надеждой смотрел на Барташова, гревшего озябшие руки у разведѐнного костра.

– Не знаю когда, но найдут точно. Ведь пропажка самолѐта – это ЧП. В темноте вряд ли кто рискнѐт сюда сунуться, а вот с рассветом...

Вдали послышался ровный рокот мотора, который то приближался, то совсем исчезал. Наконец, Пѣтр с подопечным увидели, как на низкой

высоте в отблесках пламени над ними пролетел самолёт. Он покачал крыльями и улетел.

Спасатели добрались лишь к обеду. Сначала разнёсся лай собак, потом показалась упряжка, а следом пришли четверо лыжников.

– Ну вы и забрались! В эти дебри ни на каком транспорте не добраться!

Техники залезли под капот и долго там ковырялись. Старший из них, качая головой, заявил:

– Поломка серьёзная. Придётся до весны оставить.

– А если что пропадёт?

– Кому он нужен? Вокруг на пятьдесят вёрст ни души!

Подполковник Старостин, встречая спасательную экспедицию, заявил инструктору:

– У меня к тебе претензий нет – техники доложили. Даю сутки на отдых, а потом за работу.

И снова потянулись лётные дни. Барташов порой терял счёт совершённым вылетам. Он подавал рапорты на имя начальника школы для отправки на фронт, но постоянно получал отказ.

– Лейтенант, – горячился Старостин, – ты что думаешь, я не хочу на фронт? Мои прошения пять раз возвращали назад! Вот тебе сколько лет?

– Двадцать один.

– А мне уже целых сорок два и совсем не нравится прозябать вдали от передовой. Но если мы нужны стране здесь, значит, так надо. Товарищ Сталин сказал: «Победа куётся в тылу».

В очередной раз Пётр полетел с курсантом Мямлей. Прозвище и вправду соответствовало ему: флегматичный, никогда не проявляя инициативы, чуть ли не спал на ходу. Но подопечных не выбирают. Есть приказ, который надо выполнять. В воздух поднялись нормально. Мямля вёл самолёт достаточно уверенно. Барташов успокоено расслабился и стал изучать на коленях карту. В какой-то момент он поднял голову и ужаснулся, увидев, как стремительно приближается земля. «Уснул, паразит!» Пётр машинально дёрнул ручку штурвала на себя и рывком прекратил снижение. Почувствовав лёгкий удар, инструктор поднял машину над лесом, а потом огляделся. Справа из фюзеляжа торчал кусок сосновой макушки, но мотор работал ровно. Пилот резко покачал крыльями. Ветка осталась на месте. «Что делать?» Лейтенант крикнул курсанту:

– Попробуй выдернуть её!

Мямля неуклюже пытался дотянуться рукой и смешно дрыгал ногами, стараясь удержать равновесие, его движения напоминали танец маленьких лебедей в исполнении детсадовской группы. Глядя на безуспешные потуги, Пётр понял, что разборки с начальством не избежать.

– Возвращаемся!

На земле к УТИ-2 с левой стороны быстрым шагом подошёл Морозов и скомандовал:

– Даю двадцать минут на отдых и снова в небо!

– Товарищ капитан, – замялся Барташов.

Но Морозов перебил:

– Ничего не знаю! Двадцать минут, не больше!

Он обогнул самолёт спереди и замер:

– Это что?

– Я же пытаюсь объяснить вам...

– Саботаж? Пытаешься увильнуть от полётов? Да я тебя под трибунал!

«Под трибунал, так под трибунал. Для пилотов одно наказание – фронт».

Пётр был отстранён от полётов. Он каждый день писал объяснительные, рапорты и ещё какие-то бумаги, многократно был допрошен майором НКВД. С тоскою глядя в небо, Барташов всё больше понимал, что не переживёт, если его уволят из авиации. «Лучше тюрьма, чем пехота или артиллерия!»

Наконец, был оглашён приказ:

«...Учитывая, что в действиях лейтенанта Барташова Петра Леонидовича не было найдено преступного умысла и что материальный ущерб самолёту несущественный, командование школы освобождает его от должности инструктора и в качестве наказания направляет на фронт».

...Шёл первый год войны. Молодого офицера ждала суровая служба в дивизии штурмовиков Ил-2. Он будет трижды сбит в боях, получит тяжёлые ранения, ожоги, полгода проваляется в госпиталях и встретит 1945 год в звании подполковника, командуя полком и имея на груди орден Ленина. Всё это будет впереди, а пока лейтенант радовался отправке в действующую армию. Юное лицо сияло, как начищенный самовар, и сам он едва сдерживался, чтобы не расплыться в довольной улыбке.

Шибанова Евгения Викторовна

Родилась в 1971 году в Костромской области. Но всю жизнь прожила в Сибири, куда переехала ещё ребёнком с матерью. Работала воспитателем детского сада, парикмахером. И вот уже 21 год работает в Калтукской сельской библиотеке. Работу свою любит и считает очень нужной и важной.

Выражает благодарность организаторам конкурса за возможность почтить память наших родных и близких.

ЛИЗА

Человеком мало родиться – надо суметь стать настоящим человеком. А как можно сохранить в душе нежность и любовь, сострадание и доброту, когда кругом боль, смерть, кровь, слёзы, беда.... Когда кругом война... Но молодость имеет одно замечательное качество – безусловную веру в светлое и прекрасное будущее. И это не в силах изменить никакая сила. Даже война не отменила таких понятий, как любовь и дружба.

Лизу Цветкову призвали на фронт в 19 лет. Она окончила курсы связисток. На фронте её определили к генералу. Но в основном приходилось выполнять роль домработницы: убирать блиндаж, колоть дрова, топить печь, приносить с кухни обед, мыть посуду, выполнять мелкие поручения. Особенно тяжело было колоть дрова. Лиза была худенькой, и топор-то держать с трудом удавалось, а уж расколоть здоровенную чурку и вовсе задача непростая. К генералу часто офицеры приходили. И все мимо идут, и никто помочь не предложил ни разу. Все на войне стали равны, и женщины, и мужчины. Все стали солдатами. Но вот в части появился новый офицер. Такой красивый, что Лиза и смотреть на него боялась. Высокий, темноволосый, белозубый. Говорили, что он из Сибири, а звали его Мишей. И когда он впервые увидел, как Лиза мучается с очередной чуркой, тут же подошёл, забрал топор и ловко наколол целую кучу дров. С тех пор Лиза больше не надрывалась с дровами, Миша всегда помогал. И все время старался он позаботиться о девушке. Если она шла на кухню за обедом, Миша сразу оказывался рядом, помогал донести тяжелые сумки. Как то вечером генерал вызвал Лизу к себе. В блиндаже было ещё два офицера.

– Солдат Цветкова, срочно доставьте пакет в соседнее укрепление, – сказал генерал и протянул Лизе пакет.

Лиза оглянулась, на улице смеркалось, ещё полчаса, и станет совсем темно.

– Ага, придумали, – заплакала Лиза, – ночью пакет нести я боюсь. Надо было днём давать, я бы мигом сбегала.

– Рядовая Цветкова, берите оружие и выполняйте приказ! – прикрикнул на неё генерал.

Лиза заревела в голос, вышла на крыльцо в темноту. Здесь ей стало еще страшнее. А впереди ждала дорога по тёмному лесу в соседнее укрепление. Все возможные ужасы сразу яркой вспышкой всплыли в её голове. Но приказа послушаться было нельзя. Всклипывая и размазывая слёзы по лицу, Лиза стала засовывать винтовку под крыльцо. За этим занятием её и застал Миша.

– Лиза, что случилось?

– Да, – всклипывая, ответила девушка, – да, они, паразиты, днём ничего не говорили про пакет, а теперь ночью через лес заставляют бежать!

– А винтовку-то зачем ты под крыльцо прячешь? – с удивлением спросил Миша.

– А мне зачем винтовка? Если я немцев увижу, так я без винтовки то быстрее убегу. Без винтовки-то я как припущу!

Миша расхохотался.

– Не бойся, я тебя провожу, – ласково сказал он.

Но Лиза отказалась. «Тебя-то я ещё больше боюсь!» – подумала она и побежала через лес. Как унесла пакет и как возвращалась назад, Лиза от ужаса и не помнила. А тут ещё подружка её, девчонка, работавшая на кухне, решила подшутить. Спряталась и подождала, когда Лиза будет возвращаться, и как выскочит и схватит её за плечи. Лиза взвизгнула так, что все офицеры повыскакивали из блиндажей. За этот свой поступок обе девчонки получили взыскание.

Шли дни за днями. Миша всё так же продолжал помогать Лизе. И она к нему привыкла. Однажды, когда Лиза вместе с машинисткой генерала занималась обычными делами, в блиндаж зашёл Миша. Он не шутил и не улыбался, как обычно, а был очень серьёзным и даже грустным.

– Лиза, нас сегодня отправляют на передовую. Я хочу с тобой проститься, – тихо сказал он.

– Ну и что, что на передовую, сейчас все на передовой! – легкомысленно отмахнулась от парня Лиза.

Но эти слова услышала пожилая машинистка.

– Как тебе не стыдно! Парень, может, на смерть идёт, а ты не можешь проводить его? Иди и простишься с Мишей.

Вышли на крыльцо, Миша взял в свои руки маленькие Лизины ладошки и держал их крепко-крепко. Он всё смотрел в её глаза, а когда дольше смотреть было уже невозможно, поцеловал её. Это был первый Лизин поцелуй.

А на утро началось наступление. Бои шли жестокие. А как утихли бои, и Лиза с генералом стали продвигаться вперёд. Остановились на ночлег в одном доме. Тут к ней подошла хозяйка и спросила

– Не про тебя ли, девонька, тут всё один солдатик рассказывал? Есть у тебя знакомый Миша?

Сердце у Лизы подпрыгнуло и замерло от счастья:

– Есть!

– Перед боем солдаты остановились на постой у меня. Все шутили и смеялись. Мы печку натопили, тепло было и весело, как давно уж не было в моём доме. Все смеются, а один паренёк всё сидел у окна и на запотевшем стекле писал: «Лиза ... Лиза ... Лиза ...» А как заметил он, что я смотрю, стёр всё быстро. Убили в том бою Мишу...

Лиза замерла. Где-то в глубине души она понимала, что предчувствовала такой конец. Не бывает в жизни такого безмерного счастья, как эти руки, которые крепко сжимают твои ладошки, как эти глаза, которые смотрят на тебя, и все остальное становится неважным, даже война и смерть. И неважно, что эта фронтовая любовь продлилась несколько недель, её хватит на всю жизнь! Слёзы стекали по щекам, но Лиза их не вытирала, а просто стояла и ждала, когда они все кончатся, и, может, с последней слезинкой уйдёт и эта острая боль из сердца.

Лиза прошла всю войну. Сталкивалась и со смертью, и со страхом, но всё преодолела маленькая хрупкая девочка. У неё была хорошая семья, и дети. И внуки. Всё в её жизни сложилось. Но всегда она с благодарностью вспоминала ту пожилую машинистку, которая сказала: «Иди и простишься с Мишей!»

Соснин Илья Викторович

Родился в 2000 году в Новосибирске.

В данный момент обучается в Новосибирском авиационном колледже имени Б. С. Галуцака по специальности компьютерные системы и комплексы.

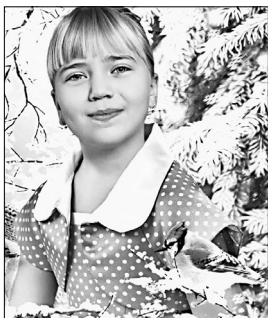
Свободное время посвящает литературному творчеству и фотографии.

ВЗЯТИЕ РЕЙХСТАГА

Сегодня курс дан на Берлин,
На взятие Рейхстага.
– Фашиста-гада победим! –
Был слышен крик комбата.
В атаку русские пошли,
Земля вокруг дрожала.

Одни лишь пули впереди
Да грохот автомата.
За мир сражались мужики,
И вот пришла награда:
Победы знамя вознесли
Над чёртовым Рейхстагом!

Ивачева Дарья Олеговна

Родилась в 2009 году в Брянске.

В 2016 году поступила в 1-й класс МБОУ СОШ № 35 города Брянска.

Сейчас обучается в 3-м классе данной школы.

Это стихотворение посвятила своему прадедушке – Павлу Романовичу Филимонову, который был участником Сталинградской битвы и битвы за оборону Москвы.

Искренне благодарит свою маму, Оксану Анатольевну Ивачеву, за помощь в написании работы.

«ВОТ СМОТРЮ НА ФОТО Я...»

Вот смотрю на фото я.
Вот так прадед у меня!
Много воинских наград
На груди его горят.
Знаю точно, что не зря
Ему вручали ордена.

Он в Сталинграде воевал,
Столицу нашу защищал.
И в Белоруссии родной
С врагом сражался дед-герой!
Жаль, что нет его сейчас
Со мною вместе в этот час!

СЛЕД ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В МОЕЙ СЕМЬЕ

Война... С этим словом у представителей старшего поколения ассоциируется, конечно же, Великая Отечественная. «До войны, после войны»... Ещё несколько десятилетий эти выражения звучали достаточно часто. Сегодня о той войне напоминают разве что монументы, показы фильмов да торжественное празднование Дня Победы. Для воинов-афганцев война – это, конечно же, советская интервенция в Афганистане. Память о ней ещё свежа, ведь самым младшим из афганцев сегодня лишь сорок. Не стоит торопиться с обвинениями в адрес тех, кто принимал участие и в несправедливых захватнических войнах. Солдаты всегда остаются солдатами: они обязаны выполнять приказ командира. Независимо от того, война или нет, здесь всегда есть место подвигу. И подвигом в войне можно считать героизм гражданского населения во время войны. Трудно представить мытарства мирных людей, оказавшихся в самом аду войны: улицы и площади становились передовой линией обороны, дома – опорными пунктами. В Сталинграде не было не только освещения и отопления, но и питьевой воды. Брать воду из Волги было нельзя – прямо у берега разлагались прибитые течением трупы. Еды не хватало: те, кому не давали пайков, выменивали хлеб на ценности, одежду у советских и немецких солдат. Такую историю рассказал моей маме свидетель войны её дедушка, мой прадедушка...

По словам прадедушки, в дни затишья город напоминал ярмарку, где можно было выменять что угодно. В Сталинграде исправно работал особый отдел, и гражданские лица, заподозренные в паникёрстве, могли запросто угодить под расстрел независимо от пола и возраста. У сталинградцев не было выбора: уйти из города было невозможно. Так они жили – час за часом, день за днём, месяц за месяцем. Подвигом для граждан был не бросок на амбразуру, не рукопашный бой, а ежедневный труд спасения души города – его людей. Годы Великой Отечественной войны не забудутся никогда, мой прадедушка тоже не забывал эти времена и старался, чтобы мы знали, как было трудно тогда. Чем больше проходит времени, тем живей и значительней встают в нашей памяти годы войны.

Мы много говорим о подвигах солдат, офицеров. Это, конечно, справедливо, нельзя забывать подвиги наших дедов. Моя семья убеждена, что война – пережиток прошлого, явление, которое должно исчезнуть в цивилизованном обществе будущего. И образцы героизма, которые

демонстрировали наши соотечественники несколько десятилетий назад, доказывают лишь то, что война противоречит здравому смыслу. Но современные события показывают: здравый смысл присущ далеко не всем политикам и государственным деятелем. Вспомним некогда популярный лозунг «Нет войне!», к сожалению, он по-прежнему актуален...

Нас с мамой поразила телепередача, в которой освещались малоизвестные стороны Сталинградской битвы. Оказывается, в разрушенном до основания городе на Волге оставались тысячи людей, которых не успели эвакуировать! Все мужчины призывного возраста были на фронте. В Сталинграде оставались только старики, женщины и дети. Мы считаем, что на Волге в середине войны столкнулись правда и ложь, и правда была не в руках сталинского командирования, а в руках страдающего народа. Страшно подумать, что гибель многих тысяч случилась здесь даже «не во имя», а «из-за имени».

Мой прадед – свидетель этой страшной войны. Я и моя семья уважаем память тех солдат, которые погибли на поле боя, защищая нашу Родину от врагов. Когда дед был ещё жив, мама, глядя на любимого дедушку, видела его умные глаза, морщины на лице и думала: «Сколько же он вытерпел, пережил!» Он был верен своей воинской клятве. И я радуюсь, что след той страшной войны для нашей семьи оказался не так трагичен, как для других семей, так как прадед вернулся с поля битвы. И когда 9 Мая мы с семьёй стоим у обелиска, посвящённого павшим воинам, нам в голову приходят слова Роберта Рождественского: «Памяти павших будьте достойны!»

Курдяев Вадим

ЮНЫЙ ПАРТИЗАН ВАЛЕНТИН КРОХИН

В солнечном свете берёзки
Дружно рядами стоят.
Наш интернат на пригорке –
Классные окна блестят.
Солнечный лучик на парте
Тоненькой ниткой лежит,
Учатся дети спокойно,
Детство счастливо бежит.
Танцы, экскурсии, встречи –

Детских занятий не счесть.
В нашем родном интернате
Школьный музей тоже есть.
В комнате дети внимательно
Смотрят на красочный стенд,
Там на портрете старом –
Мальчик двенадцати лет.
«Это герой? – удивляются. –
Он же не больше, чем мы!»

Рассказ о Валентине Крохине –
Давнее эхо войны.

***

Маленький Валя в жизни
Много нужды перенёс.
Мать умерла очень рано,
Отец его в наш интернат привёз.
Школьная жизнь увлекательна,
Но сердце болит за отца.
«Как он воюет на финской?» –
Думал всегда сын бойца.
Отец вернулся здоровым,
Рассказы привёз о боях,
И слушал Валя внимательно,
Отцовской отвагой горя.
Рос он счастливым и гордым,
И жизнь была так ясна:
Учиться, быть нужным
Отчизне...
Но вот началась война!
Проклятый Гитлер солдатам
Напасть на страну приказал.
«Россию спалить!

Уничтожить!» –

Своим генералам сказал.
Сын и отец Крохины
Не стали стоять в стороне.
Свой долг наравне со многими
Пошли отдавать стране,
Чтоб край наш родной, Курский,
Деревни, леса и поля
Остались, как прежде, русскими,
И в белых берёзках земля.
Идут партизаны смелые
Лесными заветными тропами.
Фашистскую базу взорвать –
Задание им было отдано.

Вот и село знакомое.
Валя собрал свои силы...
Враг оказался внимательным:
Фашисты отца схватили!
На казнь согнали всех жителей,
Среди людей стоял сын.
«Я отомщу обязательно!» –
Решил тогда Валентин.
И, продолжая сражаться,
Ушёл в отряд партизан,
Чтобы не нёс разруху и смерть
Проклятый фашистский тиран.
Но болью сердце пропитано,
Отвага в глазах храбреца...
Взяв гранату, решительно
Пошел Валя мстить за отца!
Не суждено мечте сбыться,
Жестокой была расплата.
И у дороги, где клёны росли,
Казнили фашисты солдата.

***

Время летит так стремительно,
Мирные зори встают без конца.
Память о Валентине Крохине
Хранят земляки в сердцах!
Юный герой отважно
Жизнью своей рисковал,
чтобы вновь
Дети смеялись счастливо,
Мир на земле воцарил и
Любовь!

Амираниева Хадижа Арсланиевна

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Какое небо мирное над нами! Никто не нарушает наш покой. Мы можем любоваться	Солдаты бились, как в последний раз. Сражаясь с болью долго и
облаками, Следить за убегающей рекой.	отважно, Отвоевали мирный день для нас.
За это небо мирное над нами Должны благодарить мы тех	Да, потеряли мы не одного солдата.
людей, Что в дни войны и днями	Мы многие остались без родных.
и ночами Сражались за отцов и за детей.	Но всё же, несомненно, мы богаты –
Они и раненые в бой бросались смело,	Их мужеством и памятью о них.
Им вражеские пули не страшны.	Останутся они для всех примером
И каждый знал: за ним святое дело –	Любви к Отечеству, отваги боевой.
Защита своей собственной страны!	Мы, как они, в свою Отчизну верим!
Была война безжалостной и страшной.	И если надо будет, снова примем бой!

Магомеднабиев Абдусалам Тимурович

МАГОМЕДУ НУРБАГАНДОВУ

В селе дагестанском родился мальчишка,
В семье, где царит атмосфера тепла,
Где детям читают хорошие книжки...
Село называется Сергокала.

Младенца пророческим именем деда,
Чтоб вырос джигитом лихим, нарекли.

Вот годы прошли, и Магомеда
В Героя России возвели.

Всего лишь два слова – и смерти в объятья;
Всего лишь два слова судьбе в унисон;
Всего-то два слова: «Работайте, братья».
Но мужеством парня и Бог потрясён.

Он был на колени насильно поставлен,
И связаны руки за спину в кольцо,
И был автомат террориста направлен
Не в сердце, не в горло, а прямо в лицо.

И было понятно явление краха –
Ни небо, ни люди уже не спасут.
Но враг не увидел ни толики страха
В бойце, над которым чинил самосуд.

Потребовал враг, будто жаждал заклатья:
«Скажи, что работа в погонах – порок».
В ответ прозвучало: «Работайте, братья», –
И кат разъярённый нажал на курок.

Погиб Магомед, но вы вправе гордиться –
И мать Кумсият, и отец Нурбаганд:
Ваш сын ни на йоту не дал усомниться,
Что он настоящий и духом гигант.

Убийцу уже покарали проклятья:
Ему воздаёт, как положено, ад.
На клич Магомеда: «Работайте, братья», –
Ответили братья: «Работаем, брат».

И будут работать и бить супостатов,
Чтоб солнце светило и пела страна,
И чтобы никто не забыл о солдате,
Сказавшем два слова на все времена.

Саткангулова Дарья Кайратовна

ПИСЬМО ГЕРОЮ

Для многих поколений
Давно прошла война.
И помнит о погибших
Родина моя.

Но жив солдат, он не погиб.
Солдат – боец, солдат – Герой,
И имя вписано в гранит
Навечно в памяти людской.

Не всем давали звание Героя,
Но мы-то знаем, друг, с тобою,
Что наши прадеды и деды
Страну защищали ради Победы.

И пусть горит Звезда Героя
На груди у русского солдата,
Ведь он – Герой для нас с тобою,
И мы несём портрет Бессмертного парада.

Сурдейкин Сергей Дмитриевич

Родился в 2007 году в городе Саранске (Республика Мордовия) в многодетной семье. Ученик 5-го класса МОУ «Гимназия № 29».

В свободное от учёбы время занимается спортом, посещает детский кружок «Юные Кулибины», увлекается робототехникой.

В семье Сурдейкиных особое внимание уделяют патриотическому воспитанию детей, старшие дети, включая Сергея, являются кадетами МВД, ежегодно участвуют в Параде Победы, в «Бессмертном полку». Прадеды – участники ВОВ,

к сожалению, их уже нет в живых.

Искренне благодарен родителям и классному руководителю начальной школы – Татьяне Ильиничне Тазиной за помощь в написании работы.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ – ОСОБЫЙ ПРАЗДНИК!

Весной 9 Мая ветераны наденут ордена.
Мы купим в киоске гвоздики.
День Победы празднует страна!

Не пройдем мы с папой и братом мимо Вечного огня.
И возложим цветы всем солдатам,
Чьи высечены имена.

Для меня этот праздник особый.
Ветеранов я благодарю!
В Бессмертном полку фото деда
Я с гордостью пронесу.

У нас в семье нет офицеров,
Но в армии каждый служил.
Хранятся реликвии деда,
Которыми мы дорожим.

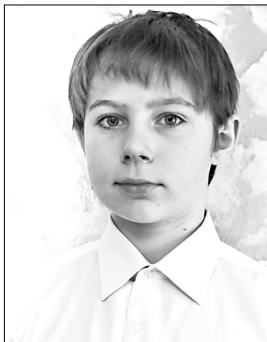
И вот Парад! Идут солдаты,
Чеканя шаг, по мостовой.
Я тоже расправляю плечи,
Как будто рядовой.

Меня переполняют чувства,
И хочется кричать «Ура!».
Героям, ветеранам – Слава!
Погибшим – память навсегда!

Пока у нас, в России,
Помнят войну тех страшных лет,
Мы можем мирно спать, спокойно,
Не опасаясь бед.

Пусть я всего ещё мальчишка,
Но смело я могу сказать,
Что выберу профессию такую,
Чтобы Россию защищать!

Жирнов Иван Александрович

Родился в 2006 году в городе Воронеже. Учит-ся в 7-м классе МКОУ Нижнекарачанской СОШ. В свободное время занимается спортом, туризмом и литературным творчеством. Первое стихотворение написал в 5-м классе.

Искренне благодарен Ольге Михайловне Шипиловой, учителю русского языка и литературы, за помощь в написании работы.

ПРАДЕДЫ

Сороковые... Страшная война
Продлилась долгие четыре года.
В дома потери, смерти принесла
И стала горем нашего народа.

Не обошла она мою семью.
Ушли мужчины из родного дома,
Чтоб защитить страну свою в бою
И вновь вернуться к очагу родному.

Мой первый прадед был военврачом,
Под пулями спасал чужие жизни.
Был ранен сам, но вновь вернулся в строй,
Чтоб продолжать служить своей Отчизне.

Второй мой прадед к немцам в плен попал.
Четыре года видел смерть повсюду.
Живым остаться даже не мечтал,
Но выжил. И считал спасенье чудом.

Расти я буду, в памяти храня,
Историю своей семьи живую.
Ведь деды воевали за меня,
И не желаю я судьбу другую.

Маркакова Дарья Павловна

Родилась 26 июня 2001 года в городе Кургане.
С 1-го по 8-й класс училась в МБОУ «Гимназия
№ 1» города Ханты-Мансийска.

Затем семья вернулась на родину – в Курганскую
область. В настоящее время учится в 11-м классе
раскатихинской средней общеобразовательной
школы Притобольного района Курганской обла-
сти. Проживает в селе Нагорском. Мечтает по-
ступить в медицинский институт и стать вра-
чом-онкологом.

ДИАЛОГ С СЫНОМ

Обычная семья: папа, мама, сын. Вечер. Мама что-то готовит на кухне. Папа занят своими чертежами. Сын Алексей, девятиклассник, готовится к урокам ...

Мама зовёт всех ужинать. Алексей приходит с романом М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и начинает есть, не отрываясь от чтения.

– Что ты так увлечённо читаешь? – спрашивает папа.

– «Героя нашего времени», – отвечает сын.

– И что, нравится? – продолжает интересоваться отец.

– Нет, конечно, но читать-то надо. Завтра могут спросить.

– И почему же не нравится? Мы в своё время с удовольствием читали.

– Когда это было-то. Да и какой Печорин герой?

– И кто же, по-твоему, герой? – не отступает отец.

– Ну не знаю. Димка Скворцов – герой, он всего «Ведьмака-3» прошёл. Ещё Надька Трифонова – герой, у неё автограф Егора Крида есть.

– Очень интересное понимание героизма. Ты слышишь, Ольга. Это кого же мы растим, – возмутился Сергей Петрович.

– Давайте уже есть. Что вы превращаете ужин в политическую дискуссию, – теперь уже заворчала мама и переложила книгу со стола на холодильник.

Все стали есть молча, но как будто недовольные друг другом. Только телевизор, работающий в зале, вносил какой-то мерный звук в кухню. Было слышно, что передавали новости.

Алексей поел, сказал традиционно: «Спасибо» и, взяв роман М.

Ю. Лермонтова с холодильника, ушёл к себе в комнату.

Через некоторое время, постучавшись, в комнату к сыну вошёл отец. Он присел в кресло у стола и внимательно посмотрел на Алексея.

– Я очень огорчён твоими высказываниями. Я всегда считал героем только того, кто совершил какой-либо подвиг, кто рисковал своей жизнью, кто готов был умереть за Родину, за народ. А у тебя слишком обыденное понимание героизма. По твоему мнению, героем может быть любой человек, кто хоть чем-то отличается от других.

– Так не только я считаю, так все думают, – пытался защитить своё мнение Алексей.

– Вот это-то и пугает! Назови мне Героев Советского Союза, – попросил Сергей Петрович.

– А зачем тебе?

– Да это не мне, это тебе просто необходимо.

В комнате воцарилась тишина. Выждав паузу, отец продолжил:

– Слушай, сын. Я надеюсь, что этот разговор тебе запомнится. Я расскажу тебе о настоящем Герое Советского Союза – Григории Тимофеевиче Лёвине, лётчике 224-й штурмовой авиационной дивизии. И звание Героя Советского Союза он получил в годы Великой Отечественной войны, в то время, когда героем был почти каждый солдат Красной Армии, потому что, рискуя своей жизнью, спасал Отечество от насилия и уничтожения.

Он родился в далёком 1917 году на руднике Криворожье Луганской области. Родился в семье простого рабочего-шахтёра. Он был уверен, что будет шахтёром, и потому после школы стал учиться в горнопромышленном училище. Но судьба ему приготовила другой путь – летать, как птица, преодолев тяготение земли.

Осенью 1938 года Григорий Тимофеевич был призван на службу в Красную Армию. Тогда, возможно, он ещё не понимал, что это начало его «путешествия» в воздушном пространстве. Окончил Вольскую авиатехническую школу механиков, и быть бы ему механиком самолёта. Но Великая Отечественная война внесла свои коррективы. В Ивановской авиационной школе освоил Григорий Тимофеевич Лёвин профессию лётчика и был направлен в 565-й авиационный полк. Воевал на штурмовике Ил-2, совершил 129 боевых вылетов. Я надеюсь, ты понимаешь, что значит «совершить боевой вылет». Это не просто полетать, на дома сверху посмотреть. Это лететь к немцам в тыл и бомбить позиции врага. Естественно, фашисты, увидев наши самолёты, поднимают свои «Мессершмитты». И тут уж кто кого. А задание надо выполнять, так как от этого тоже зависят чьи-то жизни, это может решить исход военной операции.

Многое пришлось пережить Григорию Тимофеевичу. Однажды самолёт Лёвина был подбит. Как ни старался дотянуть до своих, не смог. Оказался на территории врага. Знал, что немцы будут искать, поэтому торопился покинуть место падения. Открыто появиться тоже нигде не мог. Пришлось скрываться. Спасибо местным жителям, помогли перебраться на территорию своих. 5 дней скитался. Небольшой отдых, чтобы залечить ранение, – и снова бомбить позиции фашистов. За это был награждён орденом Красной Звезды.

– За всю войну был ранен один раз? – перебил сын.

– Конечно, нет. 3 раза его сбивали, 2 раза горел в самолёте. Григорий Тимофеевич уничтожил 50 танков противника, 3 железнодорожных эшелона, 120 автомобилей. Он представлен к двум орденам Красной Звезды, ордену Александра Невского, трём орденам Красного Знамени, медали «Золотая Звезда», ордену Ленина, ордену Дружбы и другим медалям и званиям.

– Да, вот это Герой! Откуда ты всё это знаешь? – спросил Алексей.

– Сынок, Интернет можно использовать не только для того, чтобы в виртуальных играх побеждать. Есть настоящие Герои, о которых не знать стыдно. А ведь Григорий Тимофеевич ходил, возможно, по одним улицам с тобой.

– Да ну? – удивился сын.

– Да, Григорий Тимофеевич Лёвин жил в городе Шадринске с 1954 по 1960 год, был заместителем командира полка по лётной подготовке в 23-м военном штурманском училище. Это училище было перебазируется в город Шадринск Курганской области. А однажды накануне Великой Победы, 24 марта 1945 года ... – отец многозначительно замолчал. – Хотя ты можешь прочитать об этом сам.

– А где?

– Сначала на сайте «Лица Зауралья», а потом, если заинтересует, я ещё подскажу.

Сергей Петрович, слегка приобняв сына, отправился в кабинет за компьютер. Открыл нужный сайт. Алексей стал внимательно читать. Сергей Петрович подумал о том, что нельзя все вечера посвящать работе, так ведь можно и сына потерять. Он точно решил, что завтра пойдёт с сыном к Вечному огню. Затем возьмёт из библиотеки роман Юрия Бондарева «Горячий снег» и начнёт читать вместе с Алексеем, а 9 Мая всей семьёй они пойдут на митинг и парад Победы. И всё это они будут делать вместе, только так он будет уверен, что его сын знает, кого можно считать настоящим Героем.

МОЙ ПРАДЕД

– Знаешь, мы смотрим фильмы про самых разных супергероев, стараемся им подражать и восхищаемся ими, а ведь в нашей истории есть множество примеров настоящих, живых людей-героев, не вымышленных. Обыкновенных людей, которые смогли проявить себя и послужить Отечеству.

– Да, я с тобой полностью согласна. История нашей страны знает тысячи таких имён.

Так рассуждали Вика и Катя по пути из школы домой. Они живут в соседних подъездах и учатся в одном классе, поэтому всегда в школу и обратно ходят вдвоём. По пути девочки любят обсуждать разные темы. Сегодня их разговор зашёл героях.

– Ты знаешь, – обратилась Вика к подруге, – ведь мой прадедушка тоже воевал в Великую Отечественную войну. К сожалению, я уже не увидела его, но мне про него много рассказывали. Его звали Арсений Тихонович Никитин.

– И мой прадед тоже воевал, но я про него очень мало знаю, – вздохнула Катя.

– Он прошёл через всю войну, был ранен, мог погибнуть, но смерть проходила мимо. Арсений Тихонович терпел голод, холод, лишения, на его глазах погибали боевые товарищи. Он ел жареный овёс, жил в общежитии с выбитыми окнами. Бесстрашно ходил в атаку, убивал фашистов ради свободы своей Родины... Когда задумываешься о том, что люди умирали и погибали тысячами, шли вот так же, как и прадед, в атаку, а в них стреляли враги, становится жутко. Даже не представить!

К этому времени девочки дошли до дома.

– Хочешь, зайдём ко мне домой, я покажу тебе тетрадь Арсения Тихоновича и прочту что-нибудь? – предложила Вика.

Одноклассницы зашли в подъезд, поднялись по лестнице и вошли в уютную квартиру.

– Вот, посмотри! – и девочка протянула однокласснице небольшую, с картонной обложкой, всю исписанную аккуратным почерком тетрадку. Страницы тетрадки уже выцвели, тем не менее всё было очень понятно.

– Как здорово, что твой прадед так много написал о войне! Получается, что можно читать рассказы о событиях военных лет, которые написал человек, прошедший войну. А почему книга так

странно называется? «Девять раз прошла мимо»... Наверное, потому, что Арсений Тихонович девять раз мог погибнуть, но ему повезло остаться в живых? – без умолку говорила Катя.

Ей очень хотелось побольше узнать о солдате, который не только воевал, но ещё и оставил письменное наследие своим потомкам.

– Да, именно так, кивнула Катя. – Ты только представь, ДЕВЯТЬ раз, девять! Наверное, на войне очень-очень страшно!.. Страшно всё... Смерть, танки, автоматы, голод, холод!.. Как я рада, что в нашей стране сейчас нет войны! Но именно этим мы и обязаны нашим защитникам. Сколько лишений терпели люди, чтобы мы сейчас жили мирно и счастливо. Разве те бойцы не герои, разве они хуже американских супергероев?! Конечно нет! Наши солдаты защищали и спасали Родину на самом деле, и они достойны самой великой славы!

– Мне тоже кажется, что каждый воин – герой. Все они перенесли тяжёлые страдания, и все они достойны самых тёплых слов благодарности.

– Послушай, что пишет прадед, я прочитаю отрывок из главы, которая называется «Встреча с танками».

«Держу в руках бинокль и корректирую огонь соседнего и других пулемётов.

В бинокль хорошо видна немецкая форма на солдатах возле танков.

Очередной выстрел танковой пушки, взрыв на бруствере канавы левее меня, метрах в 8–10. Я почувствовал удар в левый бок. Как потом выяснилось, небольшой осколок снаряда пробил восемь слоёв плащ-накидки. Накидка была скручена в виде скатки и надета на правое плечо.

Скатка и защищала мой левый бок.

Надо мной пролетел большой осколок снаряда, срезал половинку головы наводчика Кушнирева...»

– Очень страшно и горько! Сколько всего вынесли люди! Спасибо тебе. Мне пора, скоро идти в музыкалку.

– Не за что, Кать... А давай завтра снова почитаем эту тетрадь? – задумчиво попросила Вика.

– Конечно почитаем. Знать и любить своих героев – очень важно! – помахала рукой Катя и вприпрыжку побежала по лестнице.

КОНФЕТКА ЗА ПОБЕДУ!

На выходные Василия Тёмкина родители отправили к бабушке с бабушкой. Приезд внука для бабушки оказался неожиданным, она не успела подготовиться: не напекла пирожков, не купила шоколадных конфет. Когда сели пить чай, бабушка поставила на стол вазочку с карамельками. Вася поморщился и спросил:

– Бабуля, а нету вкусной конфетки?

– Какой такой вкусной? – удивилась бабушка. – Ты только попробуй, какие вкусные карамельки с клубничной начинкой. И с вишнёвой тоже вкусные!

– Ну и избаловали тебя родители, внучек, – вмешался в разговор дедушка. – Для нас в детстве съесть карамельку была большая радость. А наши родители, твои прадеды, и таких не ели в годы Великой Отечественной войны. Только мечтали...

И дед задумался...

Вася прервал размышления дедушки и спросил:

– Расскажи, дедушка, как жили в годы войны?

– Расскажу, Васенька.

Дед не торопясь допил чашку чая с клубничной карамелькой и отправился в комнату. Вася, прихватив конфетку, пошёл следом.

Из шкафа дед достал небольшой сундучок и бережно поставил на стол. Он тяжело вздохнул и открыл крышку. Вася сидел в кресле и не понимал, что за ценности находятся в неизвестном сундучке. Дед стал доставать какие-то документы, завернутые в треугольник листы бумаги, исписанные тетради.

Вася боялся произносить слова, ведь он никогда не видел дедушку таким взволнованным. Наконец дед начал рассказ:

– Это Сундук Памяти. В нём хранится память о наших предках, которые принимали участие в Великой Отечественной войне и помогли одержать победу над врагом. Когда ты подрастёшь, я дам тебе почитать эту тетрадь с воспоминаниями моего отца о войне. Асейчася хочупрочитатьодноизних. И дедушка стал перелистывать пожелтевшие листы тетради. На одном из них он остановился: «Это произошло поздней осенью 1943 года. Мне было 6 лет. Мать с тёткой и сёстрами в тот день ушли в поле убирать последнюю картошку. Меня оставили одного дома топить печь, так как по ночам были заморозки. Дрова в печи всё никак не разгорались – сырые, наверно, были. И я отправился в лес, что начинался через

два дома, чтобы набрать маленьких сухих веточек – они точно будут гореть. Когда охапка была собрана, то понял, что заблудился. Уже стемнело, когда нашёл дорогу домой. Мать в слезах то ругала, то крепко обнимала и целовала меня. В тот день ей выдали одну буханку хлеба – это на целую неделю– и 10 соевых конфет – на целый месяц. Она отдала мне свой кусок хлеба и конфетку, а остальные убрала в шкаф. Я не удержался и вытаскал по одной все конфеты. Это был самый сытный и счастливый день за годы войны. Потом мама ругала меня и снова плакала».

Дед пролистал несколько страниц и продолжил: «Война уже закончилась. Отец приехал домой с медалями на груди. Не помню, сколько их было, потому что не умел считать. Помню только их блеск. Отец протянул ко мне руку со словами: «Возьми, сынок, конфетку за Победу». «Но я же не был...» – не успел закончить мальчик. «Эта Победа всего народа, а значит, и Твоя...» – сказал отец». Тёмкин посмотрел на свою руку, в которой лежала растаявшая конфетка...

9 Мая Вася Тёмкин с родителями пошёл на митинг, посвящённый 70-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне. Во время митинга слово дали дедушке, который был на той самой войне. Василий подбежал к нему и протянул в руке конфету и сказал: «Возьми, дедушка, конфетку за Победу!»

Терехова Марина Александровна

Родилась 1.12.1967 в городе Куйбышеве. В 1987 году окончила Куйбышевское педагогическое училище №2 по специальности «Дошкольное воспитание». В 1999 году окончила ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова» по специальности «Преподаватель дошкольной педагогики и психологии в педучилище». В настоящее время работает в МБУК ГК «ЦБС» библиотекарем и одновременно является руководителем литературной студии «Созвучие» при Центральной библиотеке

г.Кинеля. Учится заочно в ФГБОУ ВО «Литературном институте имени А.М. Горького» в Москве.

НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Звучит в народной памяти набат,
Она упрямо выставляет снова дату,
О тех героях, что в земле сырой лежат,
Звучит набат по Неизвестному Солдату!

Как много их, кто не пришёл назад
С той самой страшной и кровавой битвы,
Не оценить ту боль людских утрат...
За души те сильнее нет молитвы.

Их имена с собой забрали журавли,
И душам путь в бессмертие открыли,
Чтобы родиться мы с тобой смогли
И без войны детей своих растили!

Звучит в народной памяти набат,
Она упрямо выставляет снова дату,
О тех героях, что в земле сырой лежат,
Звучит набат по Неизвестному Солдату!

Ермилов Евгений Фёдорович

ПЕСНЯ «ГРАНИТНЫЕ СТРОКИ ВОЙНЫ»

Остановите память, задержите взгляд
У вечного огня в алее Славы,
В гранитную шинель одет солдат,
Собой закрывший рубежи Державы.

Гранитные плиты – бойцов имена,
Их выбила смертью былая война
И болью прошла нам по душам строкой,
Навеки оставив в граните покой.
Затихшие строки ушедшей войны
Написаны кровью огромной страны.
Поднялись в атаку и падали ниц
Защитники наших священных границ.

Припев:

Победа! Победа! Победа!
Пусть громкое эхо войны
Растает под сводами мирного неба,
Но помнить войну мы должны.
Победа! Победа! Победа!
Живущая в наших сердцах,
Сто грамм фронтовых и корочка хлеба,
Звезда на могилах в полях.

Эхом войны по стране обелиски.
Память о тех, кто становится близким.
В них скорбная радость – Победа страны,
И павших героев мы помнить должны!
В широких аллеях гранитные плиты:
Никто не забыт и ничто не забыто.
Ваш подвиг бессмертен, оваянный славой,
Солдаты великой, могучей Державы!

Припев:

Пивоварцева Виктория Николаевна

Родилась в 1970 году в городе Стерлитамаке Башкирской АССР. Окончила среднюю школу № 28 города Стерлитамака, а затем – педагогические классы (ныне ГБПОУ СМПК), работала в детском саду воспитателем. И снова учёба – в ГБПОУ «Башкирский республиканский техникум культуры». Так стала педагогом-организатором, руководителем академического хорового коллектива. Работала в Стерлитамакском городском дворце культуры руководителем вокального коллектива «Планета детей». Большую часть времени посвящает творчеству, преподаёт вокал детям, пишет песни.

ПЕСНЯ «КЛАНЯЙТЕСЬ ОСТАВШИМСЯ В ЖИВЫХ!»

Слова Любови Никифоровой
муз. и исп. Виктории Пивоварцевой

Встретились два друга фронтовые,
Обнялись и вспомнили о том,
Как когда-то оба, молодые,
Покидали свой родимый дом.
Покидали с затаённой грустью
Белые берёзки под окном...
Заслонили собственною грудью
Землю, опалённую огнём.

Привев:

Защитили МИР, свою Отчизну,
Детский смех и трели соловья,
И, сражаясь, не жалели жизни,
И в ПОБЕДУ верили друзья!
Ветер гладит волосы седые,
Треплет шёлк кудряшек золотых...
К вам я обращаюсь, молодые,
Кланяйтесь оставшимся в живых!

И пройдя дороги фронтовые,
Знамя на Рейхстаге водрузив,
В те суровые сороковые
Отстояли МИР для нас, живых.
Защитив от яростной напасти
Луг в ромашке, солнце в вышине,
Уничтожив чёрный пламень свастик,
Многие погибли в той войне.

Привев:

Берёзкин Ян Михайлович

Родился 7 августа 1971 года в посёлке Ваеги Анадырского района.

Всё детство до окончания школы провёл на Чукотке.

В 1996 году окончил режиссёрский факультет Хабаровского государственного института искусств и культуры.

Режиссёр. Автор-исполнитель. Поэт.

Лауреат фестивалей авторской песни «Амурские волны», «Приморские струны», «Макушка лета» и др. Лауреат литературной премии им.

Ю. Я. Рытхэу, Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья», Международного конкурса «Во имя мира на Земле», Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Награждён медалью «Генерал Скобелев», памятной медалью ЦК КПРФ «70 лет Великой Победы» и др.

Член литературного объединения имени Героя Советского Союза писателя Владимира Васильевича Карпова при военно-художественной студии писателей Центрального дома Российской армии имени М. В. Фрунзе, член МГО СП России.

В настоящее время изданы шесть книг стихов: «Созвездие льва», «Люди Севера», «Простые вещи», «Ксения», «География жизни», «Командировка».

ПЕСНЯ «КУРСАНТСКИЙ СТРОЙ»

Над Поклонной горой порой
Свет такой, что темнеют очи:
То проходит курсантский строй
Под покровом осенней ночи.

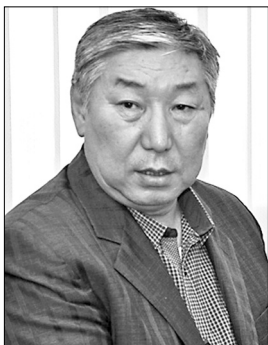
Припев:

И до неба блестят штыки,
И до неба окопы роют
Настоящие мужики,
Не отмеченные герои.

У Подольска свои права –
И на вечность их, и на смелость,
Но куда бы без них Москва
Тою осенью страшной делась?!

Припев:

Санджиев Арсланг Бамбаевич

Родился в 1960 году в Калмыкии. Журналист, работает директором БУ РК «Центр по развитию калмыцкого языка». Свободное время посвящает общественной, военно-патриотической деятельности. В настоящее время работает над документальными и художественными кинофильмами о Великой Отечественной войне.

Искренне благодарен организаторам Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» за возможность общения с широкой аудиторией.

ПЕСНЯ «110-Я»

сл. и муз. Арсланга Санджиева
воинам 110-й ОККД посвящается

1.
Над рекой стоит туман.
Буйный ветер-атаман
Разгулялся, расшумелся и затих ...
Окружён со всех сторон,
За Россию и за Дон
Бьётся насмерть наш калмыцкий эскадрон.
2.
Надо горе превозмочь:
Мать, сестра, жена и дочь
Молятся за самых близких, дорогих ...
Танки с свастикой горят,
Самолёты сеют ад,
В степь калмыцкую летит прощальный взгляд.
3.
Враг пришёл нас покорить,
Кровь горячую испить,
На беду он встретил конников лихих.
110-я стоит
Нерушимо, как гранит.
Память сердца свято Тихий Дон хранит.
4.
Над рекой стоит туман.
Буйный ветер-атаман
Разгулялся, расшумелся и затих.
Пролетают пусть года –
Красная горит звезда –
Не забудем вас, герои, никогда!

ПЕСНЯ «НАСЛЕДНИКИ ПОБЕДЫ»

Светлый праздник – День Победы
Отмечает вся страна.
Наши бабушки и деды
Надевают ордена.

Припев:

День Девятого Мая!
Звонко горны поют.
Пусть гремит, не смолкая,
В честь Победы салют!
Пусть гремит, не смолкая,
В честь Победы салют!

Наши бабушки и деды
Вспомнят молодость свою.
Это им пришлось Победу
Завоёвывать в бою.

Припев:

Наши бабушки и деды
На внучат глядят своих.
Мы – наследники Победы,
Мы с тобой – надежда их.

Припев:

Смелова Галина Геннадьевна

Родилась 29 декабря 1956 года в городе Сурске Пензенской области. Историк-краевед, учитель, экскурсовод, журналист, литератор. С отличием окончила исторический факультет ИвГУ. Живёт и работает в городе Тихвине Ленинградской области. Действительный член Национальной академии туризма, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, член Союза краеведов России. Победитель, лауреат, финалист, дипломант многих региональных, всероссийских и международных литературных конкурсов. Печатается в газетах, журналах и коллективных сборниках. Имеет авторские издания.

ПЕСНЯ «ГИМН СОЮЗУ ГОРОДОВ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ»

Городам – защитникам Отечества посвящается...

С летописных времён повелось на Руси:
Встав под лики знамён, за себя не проси,
А за други своя да за Родину-мать,
За родные края ты идёшь воевать.
Города от беды закрывали собой
Ополченцев ряды и дружинников строй.
От ордынских огней, крестоносцев мечей
Становились сильней, не сдавали ключей.

Припев:

И заносчивый лях, и напористый швед
На коварный замах получили ответ.
Про военный конфуз, да про русскую страсть
Не забудет француз, не посмеет напасть!
И двенадцатый год, и фашизма разгром
Вспоминает пусть тот, кто нас гнёт на излом.
Поднялись из руин, и растут города.
Их покой нерушим. И так будет всегда!

Припев:

От ворот-поворот получали враги.
Их позорный исход – нашей славы шаги.
Не тревожит набат, но нзыблем завет:
Для российских солдат невозможного – нет!

Победителей стать и у наших детей.
На заморскую рать им достанет плетей!
А подставить плечо по-отцовски готов
Под святым кумачом наш Союз городов.

Припев:

Союз российских славных городов,
Судьбой и дружбой связанных по-братски,
Бессмертный символ воинских трудов,
Венок побед и подвигов солдатских!
Союз народом чтимых городов,
Родной страны духовная твердыня,
Заветам предков следовать готов
Во имя мира, Родины во имя!

ИДЁТ БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

«Ура!» раскатами – идёт Бессмертный полк
В строю с солдатами, чей клич в душе не смолк.
Как Волга-матушка течёт людской поток
Под марш «Славянки» и «катюши» говорок.

Так снова наши повергают всех врагов,
Как встарь – на марше под созвучный ритм шагов.
И солнце мая улыбается в глазах.
Идут, вздымая дух Победы под отмах!

А в небе вьётся наш российский триколор,
И песня льётся, и вперёд нацелен взор.
На снимках прадеды, идут к плечу плечо.
У юных правда их и сердце горячо.

Недолгий роздых – и в шеренги, путь торя.
И снова звёзды на пилотках как заря.
И с каждым годом прибывает эта рать –
Ответ невзгодам: «Не сломить! Не запугать!»

Напрасно тщатся уничтожить память в нас,
 Сдержали, братцы, девяностых жёсткий пас.
 Золотье пройдено – народа дух силён!
 Вновь встала Родина под сень своих знамён.

Гимн Союза городов воинской славы

автор стихов
 Галина Смелова

автор музыки
 Игорь Володин

♩ = 120 Gm Cm F7 B♭

5 Dm7(b5) G7 Cm A7(b9) D7

9 Gm Cm F7 B♭

13 Dm7(b5) G7 Cm A7(b9) D7

привес Gm Cm F7 B♭

18

22 Dm7(b5) G7 Cm A7(b9) D7

26 Gm Cm F7 B♭

30 Dm7(b5) G7 Cm A7(b5) D7 Gm

Detailed description: The image shows a musical score for a song in G minor, 4/4 time, with a tempo of 120 beats per minute. The score is written on a single treble clef staff. It consists of several lines of music, each with chord symbols written above the notes. The chords are: Gm, Cm, F7, B♭, Dm7(b5), G7, A7(b9), and D7. The score includes measure numbers 5, 9, 13, 18, 22, 26, and 30. There are triplets of eighth notes in measures 5, 9, 13, and 17. The piece ends with a double bar line at measure 30.

Молокова Мария Сергеевна

Родилась в 1985 году в Севастополе. В детстве училась в музыкальной школе по классу фортепиано и скрипки. В 2002 году с отличием окончила школу и поступила в МГУ им. М.В. Ломоносова на факультет почвоведения.

По окончании вуза по специальности не работала. Пробовала себя в разных профессиях. Преподавала математику в школе.

В 2011 году вернулась в Севастополь.

В 2016 году начала сочинять стихи и писать песни, участвовать в концертах со своими произведениями.

Помимо математики и музыки, увлекается танцами и рукоделием.

ПЕСНЯ «ЛЮБИМЫЙ ГОРОД»

(Песня о Севастополе)

Музыка и слова Марии Молоковой

Тихо у пристани бьётся волна,
Солнце устало садится за море,
В небо неспешно восходит луна,
И засыпает любимый мой город.
Спи... Все тревоги твои позади,
Звёздное небо повисло спокойно.
Спи, от волнений былых отдохни.
Их в твоей жизни было довольно.

Ах, город любимый, ах город цветущий!
Ты стал для меня навсегда самый лучший.
Я с детства влюбилась в твои корабли.
Ты в прошлом герой, ты красив в настоящем,
В грядущее смело, без страха смотрящий.
На свете не знаю прекрасней земли.

Спишь... И приснится тебе, как пылало
Небо, кровавое всё от огня.
В воздухе мчались кусочки металла,
Смерть разнося, и дрожала земля.
Была сирена, и пули свистели,
И всё живое терялось в дыму.

Как небо плакало, море ревело,
Видишь ты, будто опять наяву.

Ах, город любимый, да что же такое?
И снова, и снова приходят с войною.
Да что ж не живётся спокойно врагам?
А ты всё стоял и крушил супостата.
С мечом кто пришёл, тот нашёл здесь расплату.
И выстоял ты, и душою воспрял.

Солнце встаёт, всё вокруг освещая.
Мирно по небу плывут облака.
Птицы рассвет звонкой песней встречают –
Те, что не знали войны никогда.
Город живёт своей жизнью счастливой,
Но временами он вздрогнет чуть-чуть,
Вспомнив о том, что забыть он не в силах,
Том, что вовеки и ты не забудь.

Ах, город любимый, ах, город цветущий!
Ты стал для меня навсегда самый лучший.
Я с детства влюбилась в твои корабли.
Ты в прошлом герой, ты красив в настоящем,
В грядущее смело, без страха смотрящий.
На свете не знаю прекрасней земли.

Ах, город любимый, ах, город цветущий!
Ты стал для меня навсегда самый лучший.
Я с детства влюбилась в твои корабли.
Ты в прошлом герой, ты красив в настоящем,
В грядущее смело, без страха смотрящий.
На свете не знаю прекрасней земли.

Мартысь Розалия Дмитриевна

Родилась в 1949 году в Липецкой области в многодетной семье участника ВОВ. В 1963 году с родителями переехала в город Энгельс Саратовской области, где получила среднее образование, а затем и высшее в СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

Вышла замуж за офицера ВС РФ, поэтому очень часто меняла вид трудовой деятельности и место жительства. В последние годы работала преподавателем русского языка и литературы в школах Долгопрудного и Москвы.

В настоящее время пенсионерка. Свободное время посвящает литературному творчеству, размещая свои работы на сайтах «Изда-читальня», «Неизвестный гений», «Стихи.ру».

Искренне благодарна своему соавтору, Михаилу Александровичу Осипову, за создание песни «Бессмертный полк под знаменем Победы».

«БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК ПОД ЗНАМЕНОМ ПОБЕДЫ

Бессмертные герои
Идут, чеканя шаг,
И над победным строем
Пылает алый стяг.
Они шагают молча –
Защитники страны!
Шагают даже ночью,
Когда нам снятся сны.

Отчизну охраняя,
Россия велика!
Бойцы глаз не смыкают:
В дозоре на века.
И в день Победный мая
Великий наш народ,
В Бессмертный полк вступая,
Им славу воздаёт.
Мы помним поимённо

Сынов и дочерей,
Сражавшихся достойно
За счастье всех людей.
Бессмертный полк шагает,
Идёт, чеканя шаг,
А внуки поднимают
Над ним Отчизны стяг.

Взвивайся выше, знамя,
Пусть люди всей земли
Увидят это пламя –
Святой костёр любви!
Он красным стал в сраженье
От крови всех бойцов,
Вступивших в бой последний
За родину отцов.

Серова Ольга Евгеньевна

«ДЕВЧОНКИ ВОЕННОЙ ПОРЫ...»

Девчонки военной поры,
Вы рано надели шинели.
Девчонки военной поры
Ещё отлюбить не успели.
И кажется, будто вчера
Вы первый свой вальс танцевали,
А двадцать второго, с утра,
Проснувшись, солдатами стали.

Припев:

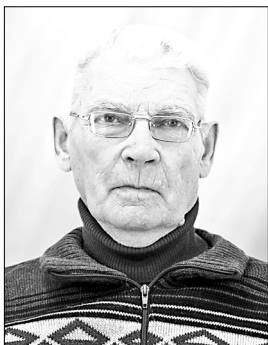
А зори здесь тихие-тихие
И чистые, словно слеза,
Но в юность ударила выстрелом
Военного лета гроза.

Девчонки военной поры,
Как мало сейчас вас осталось!
Девчонки военной поры,
Вам доля такая досталась.
И вместо любимых своих
Вы с вражеской пулей венчались.
Девчонки военной поры,
Вы в памяти нашей остались!

Припев:

А зори здесь тихие-тихие
И чистые, словно слеза,
Но в юность ударила выстрелом
Военного лета гроза.

Козаренко Анатолий Михайлович

Родился в 1938 году в городе Полтаве на Украине. После ВОВ остался сиротой.

Школу окончил в детском доме в селе Паскивке под Полтавой. Потом – автошкола, служба в армии, заочная учёба в культпросветучилище в городе Кургане. Женился и в 1971 году с женой и маленькой дочкой переехал из Курганской области в город Челябинск. Работал дворником, потом слесарем-сантехником, водителем городского автобуса. С детских лет увлекается поэзией и музыкой. Самиздатом для друзей выпустил два сборника стихов, а также сборник своих песен «В глубине моей души».

Принимает активное участие в конкурсах.

РАЗГОВОР С СУДЬБОЙ

Не апрельская погода –
снег за окнами кружит.
Юбилейная сиротка
где-то в тумбочке лежит,
и печаль святая гложет
у порога Славных Дней –
мать с отцом, меня моложе,
снова – в памяти моей.
По щеке слеза-росинка
покатилась на сирень,
где с горошками косынка
и фуражка набекрень.
Тру её рукой шершавой,
в горле ком стоит с утра,
спит отец мой под Варшавой,
мать – на склоне у Днепра.
Говорили, пела звонко
у кровати надо мной –
Залетела похоронка
в сердце пулей разрывной...
Детский дом. Река. Рябина.

Вспоминаю их, любя,
но порой, судьба-судьбина,
был обижен на тебя
за «Подарки», что достались
нам, сиротам, от войны.
Помнишь, как они взрывались
у истока тишины?
До сих пор жалеть неволишь,
хоть моей в том нет вины,
что родился я всего лишь
за три года до войны.
Что ночами ноют ноги
от других путей-дорог,
что врагу в его берлоге
отомстить за всё не смог!
Что не я брусчаткой в мае
шёл, медалями звеня,
что медаль не боевая –
трудовая у меня.

Крючкова Тамара Юрьевна

Родилась в 1963 году в Туле. Мама была воспитанницей детского дома военного времени. Папа в первый год войны в возрасте 11 лет начал работать на заводе «Штамп», помогать фронту, да так и остался – в цехе производства самоваров и всегда гордился этим.

В 1993 году стала работать в лицее искусств города Тулы, где продолжает воспитывать юных музыкантов и руководить музыкальным отделением МБОУ «ЦО № 22 Лицей искусств». В 1994 году поступила в Московский государственный университет культуры и искусства, который окончила с отличием. Постоянно развивает свои способности, учится у современных писателей и поэтов. Победитель ПНПО «Лучший учитель России» 2010 и 2017 годов, победитель Международного поэтического конкурса «Тульский перекрёсток», лауреат Международного конкурса «Талант-2017», «Крылья дружбы» в номинации «Автор и исполнитель».

ВОСПОМИНАНИЯ МАМЫ О ВОЙНЕ

Детям войны посвящается.
Мама моя не была на войне.
Просто война ворвалась в её
жизнь.
Маленькой девочке сложно
вдвойне:
Хочется бегать, играть и дружить.
Вспомнила мамочка старый свой
дом,
Шумных соседей, сирень во
дворе.
Как убегали с братишкой вдвоём
К речке в Чулковской своей
слободе.
Мать их «сгорела», не выжил
и брат...
Тула страдала в ловушке войны!
Мама задумалась: «Кто виноват,
Что погибали России сыны?»

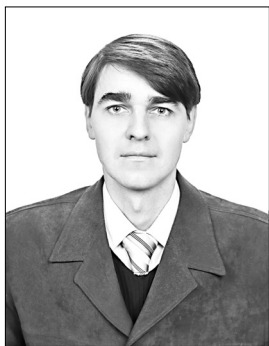
Маму оформили жить в детский
дом.
Дружно встречала там всех
детвора!
Вместе учились и жили трудом.
Помнит, как будто всё было
вчера.
Вот засияли у мамы глаза!
Звонко запела и стихла опять.
Вспомнила вдруг лейтенанта
слова:
– Этой девчужке певицей бы
стать!
– Кто это, мама, какой
лейтенант?
Где повстречались, хорош ли
с собой?
Мама всплакнула, потупила
взгляд:
– Ранен осколком он был под

Москвой ...	Вместе мечтали о счастье страны,
Госпиталь в Туле был полон	Враг будет сломлен, вернётся
	солдат,
	покой!!!
Рыжих, кудрявых, познавших	Время не лечит, а память томит.
войну.	Трудно порою в бессонной ночи.
Ждали из детского дома ребят,	Сердце за Родину часто болит!
Чтобы не чувствовать сердцем	
беду.	Мама всё помнит, но больше молчит.

Дети им пели, читали стихи.

С ними делились солдаты
пайком,

Азарков Михаил Евгеньевич

Поэт, бард, художник, музыкант. Член литературного объединения им. Озерова (г. Севастополь). Член правления региональной общественной организации «Союз писателей Республики Крым». Лауреат литературных фестивалей и конкурсов, в том числе международных.

ДЕТИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Есть ведь дети войны – это вам не игрушки.
 Всё мечтали они – обогреться, покушать.
 Грызли свой сахарок, а не сдобные плюшки.
 Есть ведь дети войны – это вам не игрушки.
 Вся постель из соломы, и даже подушки!
 Но мешал им уснуть – грохот выстрела пушки.
 Есть ведь дети войны – это вам не игрушки.
 Всё мечтали они – обогреться, покушать.

Мазняк Варвара Ивановна

Родилась 3.сентября1945 года в селе Маршинске Ульского района Хабаровского края. В семье родителей было 10 детей – пять братьев и пять сестер.

В 1970 году окончила Благовещенский сельскохозяйственный институт (по диплому – биолог) и одновременно вечернее отделение факультета журналистики при Высшей партийной школе.

В 1992 году в Амурске вышел первый сборник «Не отрекаются любя». Затем вышло ещё несколько сборников.

Варвара Ивановна занимает активную жизненную позицию. Она частый гость в школах и библиотеках, музеях.

ПИСЬМО МАТЕРИ

Мама! Дай силы выстоять у станка,
Ноги замёрзли, в ссадинах вся рука,
Веки слипаются, спать и кушать
всегда хочу,
Но я знаю, моя граната летит в
логово к палачу,
К тому, кто непрошено на мою
землю пришёл,
Но ожидающую радость в моём народе
он не нашёл.
Папаню-калеку в первый же день
он убил,
Сестрёнок в подвале фашист
загубил,
А маме жизнь специально оставил,
Чтобы запомнила, как он нами
собирается править.
И потому, мамочка, стиснув зубы
у станка я стою,
И спать, и кушать я уже не хочу...
Знаю, в труде-молитве в поле
ты день и ночь.
И потому я всё вынесу, чтобы
Родине бить фашистов помочь.
Мамочка, ты только за меня не бойся,
молись!..
И не умри! Слышишь, мама!
Мамочка! Сына своего дождись ...

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 4 года. Жили мы в Воронеже, обстановка в городе была очень тревожная, поговаривали, что немцы всё ближе и ближе к городу, я, не понимая, спросила маму: «А немцы с рогами?» Она мне ответила: «Нет, они такие же люди, как и мы». Неожиданно налетели немецкие самолёты и стали сбрасывать бомбы, мы побежали в бомбоубежище, город всё бомбили. Когда немного затихло, мы вышли на улицу и не узнали своего города: он весь был разрушен и горел. Мы с мамой побежали к дому бабушки. Дома не было, он сгорел, и бабушка тоже, многие люди шли к пекарне, сказали, что там будут давать хлеб, собралось много народа, все ждали. Неожиданно опять налетели немецкие самолёты и на бредущем стали стрелять из пулемёта и сбрасывать бомбы прямо на людей. Я видела, как после очередного бомбометания у человека оторвало голову, и он упал. Дальше мы бежали, шли полевые люди и животные, видимо, из зоопарка, потому что таких животных можно видеть только в зоопарках, это были экзотические животные.

Мы очень хотели есть, мама сорвёт клевер и говорит: «Ешь, Танечка, это кашка». И очень хотелось пить, губы потрескались. Так дошли все вместе с беженцами до какой-то деревни. Пошли просить по домам что-нибудь поесть. Нас приняла в дом одна семья. Они нас приютили и делились с нами едой. Прошло, наверное, два дня, пожилой хозяин этого дома запряг лошадь и поехал за дровами и быстро вернулся, сказав, что на окраине деревни немцы и нам надо уходить. Мы с мамой стали уходить туда, где мама думала, что нет немцев. Шли мы с ней день и ночь, спали прямо на улице, попадали под обстрел, прятались...

И таким образом мы дошли до Полтавы, но и там уже были немцы. Возможно, у нас там были знакомые или родственники, потому что мама постучала в одну дверь и ей открыли. Мы стали жить у этих людей на кухне. Моя мама была учителем, она ходила в какой-то небольшой дом, где собирались дети, и с ними занималась, за это нам давали тарелку супа, когда я была с ней, а когда ходила одна, приносила кусочек хлеба, пропитанный подсолнечным маслом. И вот однажды на улице, когда мы возвращались домой, навстречу нам шли два немца, один увидел маму, как закричит: «Иуда (мама была еврейка)!» – и начал избивать маму ногами, я бегала вокруг с криком: «Не бей маму (мама была еврейка, а её папа русский, она была копией папы)!» После побоев мама попала в больницу. Один раз меня приводили

к маме, лицо у неё было жёлтое, она меня спросила, с кем я хочу жить – с тётей и дядей или пойду в детский дом. Больше я маму не видела.

В детдоме я была недолго. Однажды немцы подогнули к детдому машины, всех детей посадили на машины и повезли на железнодорожную станцию. Посадили нас в товарные вагоны и повезли в Германию. В вагоне не было полок, мы все сидели на полу. В углу стояла большая кастрюля для туалета. Один раз в день нам давали какую-то баланду. Вдруг налетели самолёты и начали бомбить железную дорогу. Дальше поезд не пошёл, впереди было всё разбито. Немцы подогнули автобусы, посадили нас в них и повезли дальше. В автобус, где я ехала, сели две женщины: одна пожилая, в очках, другая молодая. Они говорили по-немецки. Впереди были два немца: один за рулём, другой, видимо, сменщик. Задняя часть была заложена до потолка какими-то мешками. Кормили нас один раз в сутки тарелкой супа и со спичечный коробок кусок хлеба. Я этот суп не могла есть и отдавала его соседней девочке, а она мне свой кусочек хлеба.

Пока мы ехали, не знаю сколько, и день и ночь дети умирали в автобусах. Немцы открывали окна и, не останавливая автобуса, выбрасывали тельца как тряпки. Однажды, когда у них закипел радиатор, они заехали в какое-то село, чтобы залить воды. Подъехали к колодцу, было очень жарко, немцы открыли окна и двери, чтобы проветрить, мы сидели измождённые все. Вдруг со всех домов стали бежать к нам женщины, они в фартуках несли куски хлеба, картошку, и стали кидать нам еду в окна. Мы хватали еду, а немцы их отгоняли, крича: «Вэк! Вэк!» Женщины бежали на другую часть автобуса и кидали там. Нам было всего по пять лет, но мы были уже взрослыми. Мы делились этими продуктами, чтобы досталось всем.

И вот однажды вечером лил сильный дождь. Первые автобусы прошли, а перед нашим автобусом поперёк дороги упало дерево. И только водитель приостановил автобус, в один момент двери, где сидели немцы, открылись и вместо немцев уже сидят молодые ребята в чёрных кожаных куртках и таких же кепках. С них ручьём бежала вода. Они улыбнулись нам и сказали: «Не бойтесь, мы свои, всё будет хорошо, вот скоро доедем до Львова». Когда подъехали к городу, было уже совсем темно, Львов был занят немцами, ребята ехали с потушенными фарами, нам сказали сидеть тихо.

Во Львове было очень тихо, очень тускло горели лампы, света не было, ни души. Как только мы подъехали к монастырю, ворота монастыря бесшумно открылись и мы въехали. К автобусам подбежали монашки, взяли нас за ручки и отвели в здание монастыря. Только

нас всех вывели, автобусы также бесшумно выехали, и мы остались в монастыре. Нас завели в здание. На полу большого холла лежало толстым слоем сено. Мы были так измучены, что тут же попадали на него и уснули. Не знаю, сколько мы спали, нас никто не будил. А когда мы проснулись, нас повели в трапезную, где стояли длинные деревянные столы. На них стояли тарелки с пшённым супом и хлеб. Мы наелись досыта, потом нас одели в длинные нижние рубашки, а сверху – тёмные платья. Мы стали воспитанниками монастыря. Немцы в монастырь не заходили. В монастыре был очень красивый сад, ягоды, фрукты, озеро с лебедями. Он был обнесён кирпичным забором, а в одном месте была дырка, видно, размыло водой.

Не знаю, сколько прошло время, но однажды, когда мы все спали, вбежал наш мальчик с криком: «Вставайте быстрее, наши пришли!» Мы выбежали во двор в одних рубашках, босиком по снегу, смотрим, а через забор перелетают наши кавалеристы на лошадей. Мы бежим к ним, они нас подхватывают и сажают к себе на лошадь. Что мы испытывали в тот момент, словами передать нельзя! А когда рассвело, кавалеристы затопили три больших котла, наварили нам каши, а в монастырь дали свёклы, морковки, крупы, чтобы они кормили нас. С обратной стороны монастырского забора, на пригорке, в палатке, стоял госпиталь с ранеными. Мы к ним бежали, рассказывали стихи, пели песни. А однажды к нам в монастырь пришли две женщины, принесли два ящика конфет. Нас построили и раздавали нам эти конфеты. Получив эти свои конфеты, мы, не стовариваясь, зажав их в кулачках, бежали к дырке в заборе, чтобы пролезть в палатку и отдать эти конфеты раненым, при этом страшно обижались, что они их у нас не брали...

Никитина Валерия Алексеевна

БАБУШКИНО ДЕТСТВО

Дети войны... Уже с младенчества горькие судьбы готовили к более тяжким испытаниям военных лет. Появившись на белый свет, окунались в беспросветную нищету, голод, холод, болезни, а позднее – в недетский тяжёлый труд.

В семье Петра и Ефросиньи в 1930 году появилась девочка. До неё у них были дети, но жизнь их была коротка. Уж эту как-то надо было сберечь. А как? Понесли на крещение в церковь. Батюшка долго подбирал имя, как сберечь. Предложили назвать Зоей, что по-гречески означает «жизнь». Только судьба не миловала её в течение всего жизненного пути.

Дочка была счастьем, радостью родителей.

Отец был неплохим организатором. Братья Пётр и Семён, инженер-строитель, убедили мужиков построить мельницу, не везти куда-то зерно на помол, когда можно речушку заставить работать на людей. Всё получилось. Потом появилась маслобойка.

Дед Демид, чтобы удержать сыновей, построил крестовый дом. Три помещения для детей: сыновей и дочери, четвёртое – себе. На четыре семьи было 2 коровы, 2 коня и 8 овец.

Шёл 1931 год.

Тут же раскулачили семью, увели корову и всех овец. Братьев арестовали и отправили строить Благовещенск. Ефросинью с восьмимесячным ребёнком не пощадили: как репрессированных отправили на лесоповал в дебри Томской области. Подкатали сани, путь предстоял долгий.

А беды не заставили себя ждать. Мучительный кашель у ребятишек перешёл в воспаление лёгких, начали умирать дети. Заболела и Зойка, тельце дышало жаром. Ефросинья таяла снежок во рту, смачивала ей губки. Дурная слава опережала ссыльных: везут отпетых преступников. В деревнях с нежеланием пускали проезжающих, да ещё с больными детьми. Но после короткого знакомства отношения менялись: хозяева делились теплом и скудной едой. Зойка выжила.

Вот добрались до Тяжина. Вдали от города сохранился барак с разбитыми окнами, разрушенной печью, провалившимся полом. Здесь и выгрузили людей. Лошадей отправили на откорм на несколько дней, а оказалось надолго.

Ссыльные как-то не совсем серьёзно отнеслись к своей участи. Не чувствуя своей «преступности», думали, что их попугают и всё станет на прежнее место. Мало было мужиков, редко кто захватил с собой лопату, топор.

С нежеланием, но обживали пристанище. Быстро заканчивались скудные запасы. От недоедания начался сыпной тиф. В одном конце барака ютились здоровые, а нары другого конца быстро заполнялись тифозными. Болезнь свалила и Ефросинью. Просила близкую знакомую Дарью позаботиться о дочери Зое.

Дарья уже потеряла мужа и троих детей. Смерть косила больных. Могилы копать было некому и нечем. Построили навес, чтобы собаки и волки не обезобразили мертвецов.

Потеряв мать, Зойка орала до синевы. Пришлось посадить её к больным. Узнав мать, звала её, тормошила, сердилась, плакала. Вскоре мать стала для неё неузнаваемой. Зойка ползала по полуживому и уже умершему лежбищу людей. Измучившись, припадала к испускающим скудное тепло, засыпала крепко и надолго.

Ефросинья выжила, узнавала и не узнавала свою дочку. Теперь это было безобразное существо. От голода голова стала большой, лицо было вздувшимся, живот огромный, рахит превратил ноги в колесо. Горстка оставшихся в живых ещё много бед перенесла.

И вот их пристанище для вечного поселения – деревня Чуняшки. На постой мать с ребёнком взяла из жалости старушка. Утром ссыльные шли к амбару и получали 500 граммов хлеба взрослому, 200 граммов – ребёнку. Картошку давала бабушка. Режим был строгий: паспорта отобрали, никто не имел права уходить из деревни, никаких связей, передач, писем, свиданий. Полная изоляция. Денег ни у кого не было. Изношенную одежду и обувь можно было с трудом сменить в амбаре: получить мешок, нитки, иглоку и сшить юбку самой.

Девчонка пришлась бабушке по сердцу. Ей уже было 3 года, но ноги её не держали, мать носила её на закорках до 5 лет. Старушка была богомольная, сажала ребёнка на сундук, и они проговаривали молитвы вместе. Девчонка быстро запоминала непонятные слова и фразы. Бабушка иной раз спотыкалась, Зойка быстро выручала «учительницу». Вскоре бабушка умерла. Ефросинью переселили в избушку.

Теперь мать оставляла дочку дома на сооружении, представлявшем кровать. В амбаре даже выдали огромный широкий мешок, набитый сеном. Была не только русская печь, но и маленькая печка. Тепло появлялось быстро и сохранялось надолго.

Мать приходила с лесоповала поздно, надо было высушить одежду и обувь для завтрашнего дня, так как смены не было. Варил картошечку очень мелкую. Хлеб и картошка – еда долгих лет. Утром снова варила картошку. Ставила чашку на одном конце постели, чтобы ребёнку была работа, водичку, а на другой конец – горшочек, водичку помыть руки. Ноги Зойку ещё не держали. Картошки научили счёту. Девчонке очень повезло. К ней ходила девочка постарше, которая жила в мире героев книг. Валечка читала вслух Д. Дефо «Робинзон Крузо», Свифта «Гулливер у лилипутов», «Гулливер у великанов», В. Гюго, «Отверженные», «Собор Парижской Богоматери» и т.д. Да ещё проверяла, как запомнила её «ученица». Так Зойка научилась читать и считать.

У детей не было игрушек, кукол не из чего было сшить, не было карандашей, бумаги, купить было не на что, денег не было.

Работала начальная школа. Учительница – Нина Дмитриевна Корзун любила своих учеников. По окончании уроков подводились итоги. Лучшему вручался флажок, его надо было гордо нести по улице. Школьная библиотека состояла из книг, приобретённых на

деньги учительницы. Она рассказывала ученикам о происходящих событиях в стране.

В деревне не было радио, газеты выписывала только учительница. Все новости доходили на уровне «говорят». «Говорят, война началась», «Говорят, всех мужиков заберут на войну».

А леса отступали. Выхвостали и роскошный кедрач, который был подспорьем многих деревень.

Теперь тайга далеко, поселение немедленно преобразовали в колхоз. За 50 километров были огромные площади гари, которые превратили в колхозное поле. Тут же получили план сдачи поставок зерна государству. Нищенское существование людей не изменилось. Все так же утром ходили за хлебом в амбар, 500 граммов работающему, 200 – иждивенцу на весь день.

С началом ранней весны работоспособное население выезжало на поля, на посевную.

Ребятишек брать не разрешали: будут отвлекать родителей от работы. Обычно к старушке или старику прикрепляли несколько детей, за которых они были в ответе. Зойка и Надька попали к Мамыньке. Она водила детей за поскотину, где собирали и съедали какие-то травки, слизывали с внутренней стороны коры прутьев сладость, ели почки, а позднее – ягоду.

Недалеко от деревни были посевные площади. Земля не удобрена. Всходы жалкие, а осот буйствовал. Надо было пропалывать посеvy. Дети были небольшие. Осот колючий, крепкий. Ладошки болели, чернели, вспухали, но со временем кожица превращалась в подобие подошвы. Ни у кого не возникала мысль о рукавицах, которых и не было. Днем жара, озеро далеко, к вечеру гнус. Хорошо, что площадь посева была небольшой. Зато лугов было много. Дети сгребали, подгребали сено, переворачивали для сушки. В эту пору на лугах было многолюдно, всем хватало работы, даже не так уж чувствовался голод.

Осенью для детей тоже было много работы. С радостью убирали капусту, турнепс, ели все много и с удовольствием. Копали картофель, убирали лён. Самое тяжёлое время – октябрь: работа на току. Не под силу была веялка. Быстро наваливалась усталость, руки в мозолях, болят. Но опять же награда – суп. Мучили дрова. Каждый день надо было напилить, наколоть дров для печей школы. В каникулы – в лес, на заготовку дров для школы.

Через «сарафанное радио» Ефросинья узнала о своём муже и его брате, что они направляются в Красноярск. Она так и не узнала, что мужа в 1937 году расстреляли, брата отправили в Баку строить нефтяные платформы.

Проблемой стало продолжение обучения. До районного центра 12 километров по открытой местности, морозы стояли крепкие. А когда дул ветер, становилось совсем невыносимо. На саночках надо было везти еду на неделю. Зойке выпало счастье. В Тегульет приехала сестра Федосья, эвакуированная из Брестской крепости, где служил её муж. Взяла Зойку к себе.

Зойке удалось окончить среднюю школу в селе Тегульет, а потом Томский пединститут. Училась на скромную стипендию, ходили в фуфайках, на ногах – дешёвые мальчишковые полуботинки. В столовых был бесплатный хлеб, это было спасение от недоедания и возможность учиться.

Проработав 10 лет в Томской области, Зоя попала в Якутию с мужем. Выбрала его по расчёту: земляк, геодезист, топограф, картограф из отряда № 46, семь – девять месяцев в тайге, обработка материалов и снова тайга.

В семье Никитиных двое детей: дочь Ольга, сын Алексей, две внучки – Валерия и Юлия, невестка Ирина. Все получили хорошее образование. Дедушки, Василия Павловича, нет в живых. Бабушка, Зоя Петровна, – ветеран тыла и педагогического труда, почётный гражданин Олекминского улуса. Стаж работы – 58 лет, из них – 30 лет на административной работе в городской средней школе № 2, восьмилетней школе № 4, 16 лет – заведующей методическим кабинетом роно.

Певнев Александр Сергеевич

Родился в Москве в 2004 году. Проживает в родном городе по сей день.

Сейчас является учеником 9-го класса в ГБОУ школе №1158.

Литературная деятельность является для него хобби. Среди многообразия литературных жанров предпочитает фантастику, мистику, постапокалипсис и триллер.

Искренне благодарен своим родителям и друзьям за помощь в написании этого рассказа.

Я РОДОМ НЕ ИЗ ДЕТСТВА – ИЗ ВОЙНЫ

Это было обычное сентябрьское воскресенье. Родители сидели в гостях у некоей Тёти Зиной, которая давно стёрлась из памяти подростков, произносили тосты и пожелания, а Ваня, Егор и Федя, совсем ещё мальчишки, которым едва исполнилось по двенадцать лет, играли в московском двореике в “салочки”. Они приехали в столицу то ли на день рождения, то ли ещё на какой праздник, отмечающийся в узком кругу родных и друзей. Опасность была, все это знали, но поездка на полдня, а потом обратно, казалась не такой и страшной. В один момент Ваня заметил какой-то подвал у чёрного входа в дом и позвал ребят. Переводя дыхание, мальчишки подошли ко входу. Внизу их ожидала темнота, которой они до жути боялись. Но они хотели пойти туда, узнать секреты этого загадочного места, поэтому, быстро забежав домой и прихватив свечу и спичечный коробок, ребята собрались с духом и, запалив свечу, спустились в подвал.

Пройдя несколько метров, ребята наткнулись на грубо вытесанные из камня ступени, которые так и манили спуститься ещё ниже. Спуск продолжился. Ребята вздрагивали при каждом упавшем камешке, при свисте ветра, проносящегося мимо них, невольно жались друг к другу. Преодолев пару десятков ступеней, ребята вдруг услышали еле слышный шум за спиной. Он доносился с улицы. Мальчишки заинтересованно уставились на выход. Но тут они услышали то, чего не было раньше. Это были крики, жуткие вопли ужаса. В них было что-то звериное, будто в человеке проснулся единственный нужный ему инстинкт – выживание. Но было уже поздно. Сирены не рвали глотку, пытаясь предупредить об угрозе, радио молчало... Ни у кого не хватит времени спастись, ведь стали раздаваться взрывы бомб. Земля тряслась, крошка сыпалась с потолка подполья, а ребята не понимали, что происходит, чем они и все жители этой улицы провинились перед ужасными и непоколебимыми машинами. Прошло по крайней мере полчаса, прежде чем взрывы утихли и шум машин затих вдалеке. Поняв, что страшное уже позади, ребята рванули наружу, надеясь на одно – только бы родные были живы!

Выбравшись из подполья, они поняли, что надежды рассеялись как дым после бомбёжки – большинство домов было разрушено до основания, до самого фундамента. Но самое страшное не это. Дом Тёти Зиной... он не был разрушен полностью, ещё выстояла левая часть дома. Ребята радостно воскликнули, ведь именно в левом крыле была квартира Тёти Зиной. Они побежали к дому, стали карабкаться

по кирпичам, обгоревшим деревянным балкам и обломкам мебели. Наконец они достигли нужного им этажа и... лучше бы они не лезли сюда и не пытались отыскать родных, ведь зрелище, представшее перед глазами ребят, станет доносить их в кошмарах, останется в памяти навсегда. Почти уничтоженная комната была забрызгана кровью, в углу лежала старая фотокарточка друзей и всей их родни, а вот в середине комнатухи... лежали все. Истекающие кровью, уже остывающие трупы лежали прямо там, где они мило беседовали и пили чай, не подозревая о том, как скоро оборвётся их жизнь. В глазах мальчиков было лишь одно – безысходность. В один момент беззаботность ушла и на её место пришёл страх. Они были одни, на этой разрушенной улице, и никто не мог им помочь, утешить, забрать под своё крыло в тёплую уютную квартиру. Все, кого они знали, теперь мертвы. Не зная, что делать, ребята молча сели на остатки матраца и уставились на снимок, где все были так счастливы, где жизнь была весела и беззаботна. Когда были живы родители... Остекленевшие глаза смотрели в безысходность.

Спустя несколько часов ребята задремали, а сверху накрапывал тёплый осенний дождь, будто успокаивая их своими тёплыми, обволакивающими каплями. Вот на разрушенную улицу свернул грузовик, из кабины которого все усиленно смотрели по сторонам, пытаясь найти выживших. Пару раз они останавливались, чтобы проверить дома, не разрушенные до основания. И вот грузовик подъехал к дому, где сейчас мирно спали мальчики Федя, Ваня и Егор. Из кузова, как и раньше, прыгнули два санитара и стали карабкаться наверх, в попытке хоть здесь найти кого-то в живых. Когда они залезли и осмотрелись, они заметили спящую троицу. Что-то крикнув водителю, санитары побежали к ребятам. Добравшись до них, санитары аккуратно опустились на колени и стали проверять пульс...

Радостный возглас санитаров прорезал тишину, и они стали звать третьего санитара с носилками. Спустя пару секунд они увидели его макушку, а затем и всё тело, несущее на спине носилки. Аккуратно, стараясь не разбудить ребят, их перенесли на носилки, после чего так же аккуратно спустились и положили в кузов грузовика, на мягкие матрацы. Машина ездил ещё очень долго, но останавливаться приходилось всё реже, ведь дальше шли почти не тронутые бомбёжкой улицы. В конце дня машина вернулась в госпиталь, доставив раненых в палаты и записав в журнал места, где они были и собирали выживших. Вскоре санитары покинули госпиталь и отправились собирать тех, кому сегодня не повезло...

Мальчики очнулись в просторной палате, освещённой тусклыми электрическими светильниками. Они лежали на мягких койках, накрытые белыми простынями. Тут и там сновали бойкие медсёстры, занимающиеся больными и пострадавшими. Заметив, что троица проснулась, одна из медсестёр быстро подошла к ребятам.

– Так, ребята, давайте рассказывайте, что болит, либо освободите, пожалуйста, койки, – командирским голосом проговорила медсестра и пристально посмотрела на мальчишек.

– Да у нас ничего и не болит, – в унисон ответили мальчики, удивлённо уставившись на работницу госпиталя.

– Вот и отлично. А теперь вставайте быстро и проходите по коридору дальше, там решат, что с вами делать.

Ребята спрыгнули с коек и, одевшись, пошли в указанном направлении. Проходя мимо раненых, ребята ужасались увиденному. На одной койке лежал красивый мужчина средних лет, которому взрывом оторвало ноги. Простыни под ним были с огромным количеством кровавых пятен, бинты, окутывающие культы, пропитались кровью насквозь, и с них до сих пор капали редкие капли тёмно-красной крови. Рядом лежала женщинами с ужасными ожогами по всему телу. Любое движение причиняло ей нестерпимую боль, заставляя сжимать зубы и тихо подвывать. Страшно было мальчишкам наблюдать ужасы войны. И они со всех ног побежали к концу коридора, где ждала спасительная дверь.

Открыв дверь, мальчики оказались в маленьком и довольно уютном кабинете. На стене висел портрет Сталина, в углу стояли стеклянные стеллажи и старый секретер, а у дальней стены стоял аккуратный деревянный стол, за которым сидел седовласый доктор в круглых очках с толстыми линзами и что-то писал. Заметив запыхавшихся ребят, он оторвался от работы, окинул их взглядом и, поставив точку, отложил листок в одну из многочисленных папок.

– Молодые люди, какая же резкая необходимость сподвигла вас так врываться ко мне в кабинет без стука и без предупреждения? – немного раздражённо проговорил доктор, сцепив узловатые пальцы и посмотрев на ребят.

– Мы играли на улице, потом раздались взрывы, мы выбежали на улицу а-а-а там... а там н-н-наши род-д-ители... – Федя рассказывал сбивчиво, постоянно всхлипывая, вспоминая ужасную судьбу родителей. Наконец он собрался с собой и продолжил, – и только с-с-сейчас мы очнулись, а тут так-кие ужасы. Простите, если вдруг ворвались, просто...

– Ладно, ребятки, заходите. Получается, вас отправили ко мне,

чтобы решить, что с вами делать ... – задумчиво сдвинув брови, доктор поправил очки, а затем снова посмотрел на ребят, – получается, что вы сироты?... Значит так, сейчас я напишу одно письмо по вашему вопросу и его вы отдадите на выходе из госпиталя. Там будет стоять мужчина в рубашке и просторных брюках, зовут Павлом Трофимовичем, вот ему и отдадите. Слушайте его и делайте то, что он скажет.

Достав чистый листок, доктор принялся за написание письма. Это заняло у него не больше пары минут. Затем он сложил письмо, поставил печать и подпись и отдал его Феде, который, по его мнению, больше напоминал главного среди мальчишек. Попрощавшись и выйдя из кабинета, мальчики старались не смотреть по сторонам, а просто молча пройти по стерильному коридору и наконец-то выйти из этого царства скорби, печали и боли.

Спустя пару минут они уже были около выхода, где сразу заметили высокого, красивого молодого человека в простой белой рубашке и просторных серых брюках. Его лицо от глаза до скулы пересекал ужасный шрам, говорящий о том, что он принимал участие в боевых действиях. Заметив ребят, Павел Трофимович направился к ним неспешной походкой.

– Я так понимаю, что вы на поезд до села Левашово? – спросил Павел на ходу, указывая за спину. За Павлом Трофимовичем тянулись железнодорожные рельсы, на которых сейчас стоял поезд.

– Нас направил доктор из госпиталя. Да, скорее всего, нам сюда и надо, – неуверенно ответили мальчики и передали письмо доктора Павлу, продолжая смотреть на красивый блестящий поезд.

– Тогда шевелитесь, до окончания посадки пять минут, потом он отправится дальше. Если что – вам в третий вагон, – ответил Павел, развернув письмо доктора и внимательно его изучив.

Забрав письмо и окинув взглядом госпиталь, ребята отправились искать третий вагон, который увезёт их далеко от этого страшного места.

Поезд мчался по гладким рельсам, отражающим всё ещё яркое осеннее солнце. Они проезжали загадочные сосновые леса, манящие луга с мягкой свежей травой, несравнимой ни с какой периной. Они уезжали напрямик в будущее. Без дома... Без родных... И с огромным грузом тяжёлых воспоминаний об этом сентябре сорок первого года, где за один день закончилось их счастливое и беззаботное детство.

Киселёва Юлия Вячеславовна

Родилась в городе Нижний Ломов 18 января 2001 года.

После окончания 9 классов поступила учиться в Нижнеломовский многопрофильный техникум.

В настоящее время учусь на 3-м курсе по специальности «Технология производства общественного питания».

Свободное время посвящаю литературному творчеству: пишу стихи, прозу.

Искренне благодарю научного руководителя Белоусову Наталью Геннадьевну за помощь в написании работы.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

В. Астафьев сказал: «Война – проклятие человечества». И это действительно так. Во время войны страдают все: солдаты регулярной армии, ополчение, мирное население и даже дети.

«Дети и война» – несовместимы и чужды эти два слова. Но понятие «дети войны» существовало.

Мы, члены клуба «Неравнодушный провинциал», интервьюировали детей войны, чтобы осталась историческая память, чтобы «потомки помнили», чтобы сохранилась преемственность поколений. Представляем лишь небольшую часть собранного материала, он отражает реалии того времени.

Балдина Антонина Павловна: «Жили в деревне. Жили тяжело. Я совсем маленькая была. Но ходила колоски собирать. Тяжело было. Уставала. Но после школы шли на работу. Приходилось терпеть. Сейчас жизнь отличная».

Белоусова Ида Георгиевна: «В войну мы не бедствовали. Дед кузнецом был. Но один случай помню, пока живу. Послали меня со старшими подругами работать. Устали, прилегли отдохнуть. А когда встали, я хотела девчонок лепёшкой угостить, она у меня вкусная, мы из лебеды хлеб не ели. Но лепёшка странной оказалась. Откусила, а она горькая оказалась – из лебеды. Девчонки подменили мне лепёшку. Как я плакала! И больно, и обидно было. Но девчонки не признались. Признались спустя годы. Голодно тогда было. А они хлеба вкусного не видели. А я тогда впервые попробовала хлеб из лебеды».

Неживлева Вера Ивановна: «В годы войны моя мама работала почтальоном. Я ей помогала письма разносить. Тяжёлая была эта работа, особенно когда много похоронок. Голодали часто. Ели лебеду и всякую

траву. Только весна настанет – и уж крапивы нет, всю съели. Трава вырастать не успевала».

Екатеринчева Зоя Семёновна: «В годы войны в Нижнем Ломове был госпиталь. Мама работала там санитаркой. И нам со старшей сестрой приходилось оставаться одним. Мама нас закрывала и уходила. Отец был на фронте, погиб под Москвой. Всегда хотелось есть, и ничего не могло отвлечь от мыслей и разговоров о еде».

Сарычева Елена Ивановна, ныне покойная: «Мне было 15 лет. Жили мы тогда в Среднем посёлке Нижнеломовского района. Жизнь была трудная. Ни одеть, ни обуть нечего. Пахали на тракторах и днём, и ночью. Света не было. Тракторист в кабине, и я в ночи освещаю путь фонарём перед трактором. Однажды меня чуть не задавили. Потом мы с девчонками выучились в МТС на трактористов. И на тракторах уже сами пахали.

В Шатуру под Москвой посылали работать на торф. Страшно было. Торф горел, проваливался – люди погибали. Но работали не щадя себя, не жалея сил. За работу нам не платили. Только кормили, а к концу работы дали отрез ситца на платье. И тому были рады».

Климова Антонина Амплеевна, ныне покойная: «Дети и пололи свёклу, и косили, и даже перекачивали комбайн с одного поля на другое во время уборки урожая».

Всё делалось для фронта, для победы.

Чем это оборачивалось в реальной жизни, можно узнать из трудовой книжки Антонины Амплеевны, где указаны виды работ и отмечены трудодни.

*«...чистка родников – 0,4 трудодня;
копала землю – 1,25 трудодня;
полола ячмень – 0,8 трудодня;
косила – 0,6 трудодня».*

Проанализировав данные трудовой книжки 1943 года, можно увидеть, что на женские плечи легли все сельские работы. Больше всего трудодней давали за:

<i>Копку земли</i>	<i>1,25 трудодня</i>
<i>Прополку проса</i>	<i>1,25 трудодня</i>
<i>Вязку ржи</i>	<i>1,6 1, 7 трудодня</i>
<i>Жатву и вязку ржи</i>	<i>1,4 1,68 трудодня</i>
<i>Уборку снопов</i>	<i>1,4 трудодня</i>
<i>Косьбу горчицы</i>	<i>2,25 трудодня</i>
<i>Косьбу овса</i>	<i>2,8 трудодня</i>
<i>Косьбу ржи</i>	<i>3,5 трудодня</i>

Юрина Тамара Николаевна: «Мы в Пензенскую область были эвакуированы из Карелии. Ехали три месяца. Бомбили постоянно. Бомбёжка – все врассыпную. Мне тогда 8 лет было. Мама привязывала к руке каждого из детей узелок с одеждой, едой, чтобы, если потерялись, хотя бы поесть могли. А уж если убьют родителей – и думать об этом страшно. А когда бомбёжка, тут уж не пытаешься бежать рядом с мамой. Лишь бы спастись, лишь бы не убило. Эвакуировали в Пензенскую и Тамбовскую области. Мы выбрали Пензенскую область – папа родом оттуда был. По приезде мама недолго прожила, рано умерла. Тётка из жалости нас взяла к себе. Работали много. И шили, и вязали. Голодали, ели подмёрзшую картошку и были рады».

Минченко Нина Семёновна: «Мы эвакуировались из Читы. Отец у меня кадровый военный. Я всё время с начала войны слышала разговоры о нападении японцев. Войну с Японией ждали в любой момент. И поэтому нас отправили. Здесь жили голодно, работали по найму, куда пошлют».

Киселёва Надежда Александровна: «Я эвакуирована с Камчатки. До сих пор ощущение голода помню. Ходили с ребятами и девочками на хлебокомбинат. Там была хлеборезательная машина, резала хлеб, из окна цеха летели крошки, хлебная стружка, мы бросались их подбирать, так часами стояли, хоть как-то насыщались. Папа у меня был партизан, с немцами вплотную сталкивался, войну знал не понаслышке. Мне многое рассказывал. Когда переехали сюда, помню, ели мёрзлую картошку, на колоски ходили, но взять себе нельзя было».

И в таких условиях люди верили в победу.

Проскурякова Нина Николаева: «Нас у мамы трое было. Есть в семье практически нечего. И старший брат на сборе колосков взял по пригоршне в два кармана. Председателю доложили, и брата арестовали. Мать умоляла не брать его. Но её никто не послушал. Вели его по всей деревне. И мать с двумя детьми бежала следом, в крик кричала. Но им даже поговорить не дали. Брату дали несколько лет тюрьмы, еле выжили мы в это страшное время».

Произвол налицо. Заступиться было некому.

Это были страшные годы для России. Но люди выжили и не держат ни на кого обиды. Такие они, дети войны, пережившие лихолетье и радующиеся жизни.

К 75-летию Великой Победы мы планируем создать сайт «Детство, опалённое войной» и издать книгу воспоминаний детей войны, проживающих на территории Нижнеломовского района. Сохранить воспоминания детей войны – наш долг.

ГЕРОЯМИ ИМ БЫТЬ ПРИШЛОСЬ

Кажется, каждый знает, кто такой герой. Герой – это человек исключительной доблести и смелости, которого невозможно представить без подвигов. А что же такое подвиг?! Спасти человека – это, без сомнения, подвиг. Пожертвовать собой – это тоже подвиг! Наконец, совершить что-то выдающееся... выделяющееся, выбивающееся из привычных, стереотипных явлений и окружающей действительности.

И если для войны смерть – обыденность, рутина, то, чтобы жизнь продолжала существовать, нужно постараться не только спасти чужие жизни, но и выжить самому, что было крайне сложно в условиях уничтожения целых городов, областей и наций, сопровождавших Великую Отечественную войну. Моя прабабушка, Нина Петровна Выборных (Резвикова), выжила – и поэтому она герой.

Кому-то может показаться, что я преувеличиваю, но это только на первый взгляд. Чтобы добавить однозначности, разберёмся подробнее в обстоятельствах жизни Нины Петровны.

Представим: маленькая девочка среднестатистической воронежской семьи, где есть мама и папа, бабушки и дедушки, братья и сёстры, дяди и тётки, а также соседи, которые твою семью по-уличному называют Бибичи. В начале лета 1941 года, как и все дети с Чижовки, днём, в свободное время, она ходит купаться на реку Воронеж, которой в этом месте ещё далеко до водохранилища, а по вечерам слушает песни и сказки своей бабушки.

И вот диктор по радио объявляет о нападении фашисткой Германии на Советский Союз. И в городе потекла военная жизнь. К началу осени 1941 года в небе над Воронежем стала регулярно появляться вражеская авиация, после налёта которой, дети, выходя из подвалов домов, развлекались – собирали горячие, острые как бритва, осколки разорвавшихся вражеских бомб. И снова из динамика: «Внимание, внимание, воздушная тревога!» Зловеще воет сирена, взрослые бегут к убежищу и тянут за собой детей. В убежище бабушка учит Нину и её четырёхлетнюю сестру Валу молиться. То ли молитва помогла, то ли просто повезло – отбой, можно вернуться домой, где заклеены крест-накрест окна и плотно закрыты деревянные ставни.

В январе 1942 отца забирают на фронт. Рано утром он поцеловал сонных детей. Больше его в семье уже никогда не увидят. Долго он будет числиться без вести пропавшим, что позволит бюрократической

машине отказать в назначении выплат семье по потере кормильца, ведь без вести пропал – это не погиб на фронте. А потом в ходе долгих поисков уже после войны семья узнает, что Резвиков Пётр скончался от ран в полевом госпитале во время битвы под Ржевом. Фраза из официальных документов «скончался от ран», а не «убит» снова позволит чиновникам отказать в выплатах семье погибшего на фронте солдата.

Очередной вехой в жизни Нины стал июль 1942-го. Город заняли фашисты.

Фашистов девочка ждала с ужасом и любопытством, но долго не могла понять, где они, слыша от взрослых: «Фашисты в городе». Нина ждала чудовищ с рогами и кривыми лицами, копытами вместо рук и ног, выпученными глазами и окровавленными клыками, а по городу ходили, пусть и непонятно говорящие, но люди. Всё дело в карикатурах на гитлеровских солдат, которые печатались в советской прессе, где именно чудовищами изображались фашисты, что, в общем-то, было близко к правде.

Как в зоопарке зверей, некоторые немцы подкармливали детей, смотревших на них с любопытством, шоколадом, который в оккупированном городе, где и хлеба то не было вдоволь, был чем-то фантастическим. А один немец врезался в память Нины навсегда: он проходил мимо её дома в галошах на босу ногу с закатанными по колено штанами, он вёл лошадей к реке на водопой, звучно испуская газы организма через задний проход, соревнуясь в этом с лошадьми.

Вскоре чужаки стали выгонять воронежцев из домов. Возврата в них нет, на пустых домах гитлеровцы ставили мелом крест, вернувшихся в такие дома ждал расстрел. По улицам потянулся людской караван. Лето, жара, палящее солнце. А навстречу таким же непрерывным поток движутся немецкие войска. Внутри у девочки всё сжималось от страха. Куда гонят? Для чего?

Нина – самая старшая из своих братьев и сестёр. Вале – 4 года, Толику около 1 года, а ей шесть. Возраст обязывал помогать родственникам нести узелки, в которых было то, что успели захватить с собой.

В районе Семилук людей стали, как скот, загонять за колючую проволоку – лагерь под открытым небом, в котором пришлось жить какое-то время: есть, спать, справлять естественные потребности. Было тяжело: днём паляще солнце, а зябкой ночью приходилось прижиматься друг к другу, чтобы было теплее.

В один из дней калитка лагеря открылась, и всех её обитателей, предварительно записав в журнал, стали грузить в товарные вагоны

без крыши, которые предназначены для скота. Двери задвинули с грохотом, звук закрывающихся запоров, тревожный свисток паровоза – и состав двинулся в Германию.

Для многих детей это был путь в один конец. Болезни и голод забирали детские жизни. На вещи, взятые с собой, маме Зине для Нины, Вали и Толика, удавалось выменять еду.

Время от времени на станциях поезда делал остановки, и всех «пассажиров» выгоняли на перрон: строили, пересчитывали, сортировали и везли дальше. На одной из таких станций стоял поезд с советскими пленными солдатами. Они не просили пить или есть, а только выкрикивали через зарешёченные оконца свои имена и адреса родных, с тем, чтобы хоть как-то донести о своей судьбе случайным встречным, которые, возможно, в свою очередь смогут о них в будущем рассказать их близким.

И вот Западная Украина, село Збараж, где-то под Винницей, – глубокий тыл врага к сентябрю 1942 года. Ряд неудач на фронте вынудил вермахт организовать переброску дополнительных сил в направлении основного удара летней кампании – Сталинграда. Для переброски требовалось больше свободных железнодорожных вагонов и свободных железнодорожных путей. На фоне тактических фронтовых задач использование логистических мощностей на переброску в Германию женщин и детей показалось нецелесообразным, и это обстоятельство дало ещё одну возможность Нине и её семье жить дальше. Хотя, точнее, возможность выживать дальше. Женщин и детей выгнали из вагонов и бросили на произвол судьбы, надеясь, что те умрут от голода и холода. В поисках крова и еды те побрели кто куда. Прохладное дыхание сентябрьских зорь вынудили Нину с семьёй расположиться на ночь в конюшне, где от лошадей тепло пахло потом и навозом. Потекло время на чужбине в оккупации...

Несмотря ни на что, украинцы не дали погибнуть – приютили. Жизнь в оккупации только условно была похожа на мирную. Свастика на рукаве полицаев и солдаты в немецкой форме стали привычными для местных жителей. О тех днях сохранилось много разных воспоминаний. Немецкий солдат, захаживавший периодически в избу, где жили Нина с семьёй. Он плакал, показывал фотокарточку жены и говорил, что хочет домой и что не нужна ему ни эта Россия, ни война, что дома его ждёт хозяйство. Полицаи, гонящие по камышам и осоке раненых комсомольцев-партизан, двух молодых парней родом из Москвы, одного из которых в итоге застрелили, а другого ценой собственной жизни спасла одна старушка, спрятав его под пол.

Его долго искали, угрожая расправой всему селу, но вопреки всему осталось целым и село, и этот комсомолец.

Чтобы иметь кусок хлеба, приходилось всем работать от зари до зари, в том числе и Нине с сестрой. Они были в няньках, пропалывали грядки с овощами, помогали взрослым крутить жернова мельницы и веять зерно. Дети сами отбеливали холсты и сушили их на солнце, зимой ходили в поле за соломой для печи. Только песни были утешением в тяжёлой работе.

Январь 1944 года – наступление советских войск, снова Нина с семьёй на передовой, как и в Воронеже два года назад рвутся снаряды и свистят пули, люди мечутся, пытаются спрятаться от этого ужаса. На горизонте зарево от огня «катюш», а с другой стороны, за полем, по дороге змейкой тянутся отступающие немецкие войска. Страх сменился чувством радости, когда советские войска вошли в село, на ночь их располагали на полу, в сенниках и конюшнях, а один офицер подарил Нине почти исписанный простой карандаш, чем очень её осчастливил и сделал предметом зависти других детей. Начиналась новая жизнь. Жизнь, полная надежд и стремлений...

Эта история выглядит простой и во многом типичной для того времени, но это и значимо: каждый, кто честно прошёл войну, кто смог выжить вопреки многим обстоятельствам, невольно становился Героем. И дети войны, как и моя бабушка, здесь не исключение. Вместе с уцелевшими матерями, отцами и братьями им предстояло поднимать экономику страны из руин, строить и восстанавливать города, осваивать космос и целину. Те, кто выжил, стали продолжателями жизни на земле: мамами и папами, бабушками и дедушками, теми, без кого не было бы нас. Не было бы меня.

Наш долг – сохранить память о них.

Родился в 1953 году, профессиональный журналист – выпускник факультета журналистики Уральского госуниверситета им. М. Горького. Член Союза журналистов РФ. Живет в городе Кунгуре Пермского края, работает в городской общественно-политической газете «Искра». Краевед.

Создатель и руководитель Кунгурского литературного объединения НЛО «ИВА». Автор и составитель двух литературных сборников НЛО «ИВА» (1995 год). Одна из главных тем в его творчестве – сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны.

МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

В день смерти отца, 26 августа, я, как всегда, пошёл на его могилу. По дороге меня захватил дождь. Сперва мелкий, а потом хлынуло как из ведра. Тротуар вмиг опустел. Я остался один, мне показалось – на всём свете. Только дождь, промочивший меня до нитки, напоминал о связи с миром. Как же ты вовремя, дождь. Не надо скрывать слёз...

Стоя под дождём у могилы отца, с горечью думал: почему же я, журналист, до сих пор не написал про него? Ведь он тоже – из поколения победителей, один из героев большой войны.

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Мой отец, Василий Александрович Одегов (1921–1986), родился и всю свою жизнь прожил в Кунгуре, не считая тех 6 лет (1940–1946 гг.), когда защищал Родину, из них более 2 лет, с марта 1943 года, на фронтах Великой Отечественной. Свой боевой путь он закончил в Кёнигсберге в составе 1-го танкового Инстербургского Краснознамённого корпуса. На родину возвратился с орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга» и другими. Но отец свои награды не носил, помню, лишь однажды он надел на пиджак орден Красной Звезды и пошёл на встречу ветеранов Кунгурского машиностроительного завода, где до выхода на пенсию (в 1986 году) работал в турбобурном цехе заточником и откуда ушёл на заслуженный отдых. О войне отец рассказывал крайне редко. Лишь когда немного выпивал, можно было его разговорить. Рассказывал

одни и те же истории. Был он человеком неверующим, по крайней мере в церковь не ходил, но все его рассказы о той поре, как сейчас понимаю, носили исповедальный характер.

В своих рассказах отец не называл места, где происходили события. Важны были сюжет и содержание истории. Исключение составлял Кёнигсберг, за взятие которого получил медаль и где встретил Победу. О времени и месте некоторых других событий из его воинской жизни можно установить, опираясь на данные сайта Министерства обороны «Подвиг народа».

ПРОВОДЫ

В армию 20-летнего Василия призвал 20 августа 1940 года Кунгурский РВК. Накануне его мать, Таисия Васильевна, работавшая поваром в одной из столовых города, истопила печь и испекла большой рыбный пирог из наловленных Василием в Ирени головлей (страсть к рыбной ловле он сохранит на всю жизнь). Были на столе его любимые пирожки с клубникой и картофельные шанежки. На маленькой кухне собралась вся немногочисленная родня: старший брат Александр, сестра Юля, невеста Тамара. Чаёвничали.

– Ты уж, Вася, будь там поосторжней, – напутствовала мать.

Чувствительная Юля украдкой смахивала слёзы.

– Ты чего это, Юлька, нюни распустила? – сердчал брат, у которого на душе тоже кошки скребли. – Чай, не на войну иду.

– Он за себя перед кем угодно сумеет постоять! Смотри, какой силач, одни мышцы! – успокаивал сестру Александр. – Мы все служили, я и батя наш...

При упоминании об отце наступила пауза, тут уж за платок взылась Таисья Васильевна. Муж её, Александр Васильевич, прошёл всю гражданскую, а ушёл из жизни в 29 лет от воспаления лёгких: работал мастером на Кунгурском кожкомбинате, продуло на сквозняке. На руках жены оставил трёх малышей. Всех подняла, вырастила. Пouchиться только вот, как следует, не все смогли. Василий окончил пять классов и стал трудиться, помогать матери зарабатывать на жизнь.

БУХАНКА ХЛЕБА

Служить Василия направили на Дальний Восток. Когда началась война, готовились в любую минуту дать отпор японцам. Из дома приходили весточки: Юля вышла замуж, теперь Ведерникова, муж Геннадий – танкист, воюет с фашистами. В 1941-м ушёл на фронт брат Александр, в 1942-м вернулся домой: в бою был тяжело

контужен и его демобилизовали. А Василий ещё не вступал в бой. Хотя война ощущалась и здесь.

– Урезали солдатские пайки, и постоянно хотелось есть, – рассказывал отец. – Однажды, когда был в наряде на кухне, разжился буханкой хлеба. Несу её в казарму, чтобы с товарищами съесть, а тут откуда ни возьмись командир. Посмотрел он на меня. Ничего не сказал, а только на другой же день отправили меня на передовую. Время было строгое, могли из-за этой буханки судить...

Артиллерист-разведчик

Самым почитаемым праздником у отца был День артиллерии – 19 ноября. Себя он называл то наводчиком, то разведчиком, но правильно его воинская профессия, как записано в наградных документах, называется – «разведчик истребительной противотанковой батареи (ИПТАБ) моторизованного батальона автоматчиков 89-й танковой бригады».

89-я танковая бригада, где Василий Одегов служил с 3 марта 1943 года, входила в состав 1-го танкового корпуса, о боевом пути которого ветеран корпуса Пётр Кириченко написал книгу «Первым всегда трудно. Боевой путь 1-го танкового Инстербургского Краснознамённого корпуса» (М.: Яуза, Эксмо, 2007). Корпус был сформирован весной 1942 года, участвовал в тяжёлых летних оборонительных боях 1942 года на Воронежском фронте, историческом контрнаступлении под Сталинградом зимой 1942/43 года. Последующий боевой путь корпуса, в котором воевал мой отец, выглядит так. Участие «в Ржевско-Вяземской операции весной 1943 года, в наступательной Орловской операции знаменитой Курской битвы летом 1943 года, в Брянской наступательной операции осенью 1943 года, в Городокской операции зимой 1943 года, в освобождении Белоруссии и Прибалтики летом и осенью 1944 года, в наступлении в Восточной Пруссии зимой и весной 1945 года, завершившемся взятием города-крепости Кёнигсберг и сокрушением последнего оплота врага в этом регионе – Земландской группировки противника».

Первым пересёк границу Германии

Первой медалью «За отвагу» отца наградили 20 октября 1944 года. Капитан Рогожин, командир моторизованного взвода автоматчиков, так описывает его подвиг: «Рядовой Одегов В.А. за период боевых действий, непрерывно действуя в разведке, давал точные данные о расположении противника и его огневых точек, способствовал батарее выполнить приказ командира. Получив точные данные об

отходе противника западнее города Шиббен, батарея рассеяла две колонны автомашин и повозок противника».

Шиббен – это немецкий город, и, как отмечает в своей книге Пётр Кириченко, воины 1-го танкового корпуса, взяв его 9 октября 1944 года, первыми пересекли границы Германии 1939 года.

В БОЯХ ЗА МЕДЕНАУ

Орденом Красной Звезды Василия Одегова наградили за бои в Восточной Пруссии. Снова процитируем капитана Рогожина: «Ефрейтор Одегов В.А. в боях при прорыве обороны немцев в Восточной Пруссии в 1945 году, работая старшим разведчиком батареи, показал мужество и героизм. В бою за Меденау своевременно обнаружил огневые точки противника, которые были уничтожены батареей. Бесперебойно держал связь с пехотой. Несмотря на шквальный огонь противника, тов. Одегов лично корректировал огонь батареи, тем способствовал выполнению приказа командования».

В книге Петра Кириченко также упоминаются ожесточенные бои за Меденау. Старинную прусскую крепость Меденау (с 1946 года – посёлок Логвино, входит в состав Калининградской области) наши войска брали дважды. Первый раз – 23 февраля, и тогда в Меденау вошёл сводный отряд 1-го танкового корпуса. Но из-за несогласованности в действиях наших войск отряд попал в окружение, вырваться из которого удалось с большим трудом и потерями. Второй раз Меденау взяли 14 апреля.

Отец рассказывал, как выходили, оставляя убитых товарищей, из окружения, и, вполне возможно, что это было в районе Меденау.

«А ДО СМЕРТИ ЧЕТЫРЕ ШАГА ...»

За годы войны жизнь отца не раз висела на волоске.

– Однажды пошли в разведку, – рассказывал он. – Перешли линию фронта, и тут немец нас засёк. Снаряд разорвался рядом с нами. Полегли все мои товарищи по отделению, а у меня ни царапинки. В другой раз привезли на передовую обед. Только собрался выходить из землянки, каску надел – рванул снаряд. Осколками меня посеколо, а жизнь спасла каска.

Во время войны он был ранен несколько раз. С осколками и домой вернулся. Один в ногу, другой – под сердцем, хирурги не стали его доставать, сказали, лучше не трогать ...

Однажды отец чуть было не замёрз в окопе.

– После боя прикорнул в окопе, – рассказывал он. – Дом стал

сниться... Тепло. Хорошо. А тут вдруг чувствую, что кто-то меня по щекам хлещет. Вернулся из сна в окоп – холодрыга, зуб на зуб не попадает. Спасибо, что товарищи не дали замёрзнуть.

«КАК В РАЮ...»

О времени лечения в тыловом госпитале отец говорил так: «Жил как в раю. Спал на кровати, на белых простынях, сыт, в тепле».

В то же время в его рассказах сквозила обида:

– А когда лежал, то видел в окно, какие сытые бугаи-мужики по городу ходят. Как-то им удавалось от войны увильнуть? А нашего брата подлечат – и снова на передовую, в самое пекло.

ОН ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ ДЕТЕЙ

После войны отец много лет работал воспитателем в Кунгурской детской трудовой колонии. Он очень любил детей и своих подопечных называл воспитанниками. Не знаю, как им, а нам он не раз рассказывал о Кёнигсберге. Не о том, как он брал этот город-крепость, а как выполнил один приказ.

– Мы взяли Кёнигсберг, но немцы оставили снайперов, которые с чердаков убивали наших солдат. Двух поймали, и командир приказал мне и ещё одному солдату их расстрелять. Поставили их к стенке. Один старик, другой совсем пацан. Упали они на колени. Слёзы на глазах. И у меня, чувствую, тоже слеза вот-вот выступит. И не выполнить приказ нельзя...

НЕ НА ТОГО НАПАЛИ

Ещё он любил рассказывать, как после войны на одного фронтовика, вернувшегося в Кунгур, напали трое бандитов:

– Мужичок был роста невысокого, как я. Пробовал он бандитов отговорить: «Зря вы, ребятки, нет у меня ничего ценного». А когда видит, что те не понимают, снял со спины вещмешок, поставил на землю. И тут вдруг неожиданно схватил одного из нападавших, того, кто был поздоровее, за ноги, поднял в воздух, крутанул и ударил им, как дубиной, остальных. Все бандиты попадали. Встали и с позором бежали.

Отец был очень сильным человеком (с детства занимался гириями), и, я думаю, это он рассказывал о себе...

...Стоя у могилки отца, я взглянул на его фотографию. Дождинка катилась по родимой щеке. А мне показалось, что это не дождинка, а слеза. Я никогда не видел его слёз. Что ж, сегодня можно. Нам некого стыдиться. Я горжусь тобой, отец, маленький герой большой войны!

ФРОНТОВАЯ ИСТОРИЯ

Время шло к рассвету, летние ночи очень коротки. Немцы, уверенные в своей неуязвимости, безмятежно спали, лишь часовые да охранение изредка производили тревожащие выстрелы через реку в расположение наших частей.

По цепи передали приказ к атаке. И началось... Невероятно, но наш батальон не потерял ни одного человека. Буквально через полчаса всё было закончено. Оставшиеся в живых фрицы бежали, побросав, оружие, в одних подштаниках. Раненых было немного, да и те не очень тяжело.

Комбат получил тяжёлое ранение, два ротных погибли, один ранен, а бойцов осталось не больше роты. И я, получив от него приказ приступать к обязанностям командира батальона, отдал распоряжение подготовить группу для эвакуации тяжелораненого командира в госпиталь. Командовать группой назначил Василия Лёгкого, потому что был в нём полностью уверен.

Собрав командиров поставил, задачу и отпустил их в свои подразделения, а сам стал думать, как же удержать то, что добыто такой кровью. Глянув на часы, я понял, что осталось совсем немного, потому что время перевалило уже за третий час после полуночи. Навалившись на бруствер, я в бинокль всматривался в позиции противника. Рассвет уже во всю проявлял укрепления фашистов; всё чётче становились очертания линии окопов, блиндажей, дотов. Кто-то взял меня за локоть. Повернувшись, я увидел Василия, и мы опустились на дно окопа.

Василий подробно и откровенно доложил о результатах задания, и я понял, что нас может спасти только чудо. Подкрепления в виде живой силы нам не обещали, зато подбросили два пулемёта и три противотанковых ружья, патронов, гранат и, что показалось удивительным, горячий обед.

Я всегда относился с иронией к разным штабным и хозяйственным воякам, а тут даже зауважал этого кашевара, который со своими термосами переправился к нам, осознавая, что путь его может быть только в один конец. Накормив всех оставшихся в живых бойцов, он обратился ко мне с просьбой не отправлять обратно. Я был в замешательстве: зачем мне брать грех на душу, но он объяснил, что в недавнем прошлом сам был разведчиком, а кашеваром стал лишь потому, что после ранения захромал. Это и решило его участь.

День уже во всю начал расставлять всех по своим местам, немцы,

по-видимому, позавтракали, выкурили свои вонючие сигареты и начали шевелиться. И действительно, через несколько минут, началась канонада, на наши позиции обрушился ураган. После артподготовки немцы, как обычно, «попёрли» в наступление. Ожесточение с обеих сторон было такое, что казалось, будто все в один миг потеряли разум. Атаки противника накатывались волнами; отступая, фашисты оставляли горы трупов. Наши бойцы были обстреляемыми и опытными, поэтому с присущим профессионалам хладнокровием действовали спокойно и обдуманно. Но потери, и довольно существенные, несли и мы. Особенно от артиллерийских и миномётных обстрелов. Одна из атак врага завершилась тем, что немцы количеством около взвода ворвались на наши позиции – началась рукопашная.

Как всегда, в этой схватке не преминули поучаствовать Василий и Тимофей. Василий был большой любитель работать со штык-ножом, который ему специально изготовили на родине, куда он ездил в отпуск после одого из своих ранений. И бил им наверняка. Немцы даже и не успевали ничего понять. Вроде в руках автомат держит, откуда нож? А нож он держал в левой руке, и это оружие порой оказывалось быстрее автомата.

Немец с той стороны кричал: «Рус! Иван! Сдавайс!» Мы ждали, что будет дальше. Опять оттуда голос: «Рус! Иван! Сдавайс! Тебе пришлоь капут!»

И тут Василий говорит мне: «Товарищ лейтенант, разрешите ответить?» И на лице такое выражение, что я, уже предвкушая приготовленный им ответ, рассмеялся: «Давай валяй, Василий, ответь ему, как настоящий разведчик».

И после очередного крика немца Василий набрал в лёгкие воздуха выдал: «А Ивана нет!»

Через некоторое время, видно, осмыслили ответ, с той стороны снова раздалось: «А где Иван? А ти хто?» Василий, довольный, что ему снова представилась возможность показать свои таланты первого весельчака в нашем батальоне, продолжал. «Иван нету! Иван ранен! Вместо него Катерина, Катя!»

Но, вероятно, немцы скрытого смысла не поняли. «Хто ето Катя?» – раздалось с той стороны. Василий уже начал похохатывать: «Вот остолопы, товарищ лейтенант». И, продолжая диалог, ответил: «Катерина – это боевая подруга Ивана! Поняли, идиоты, или нет?!» – крикнул он что было силы.

У немцев опять произошла заминка. Видно, что немцев такая информация привела в ступор. Собравшиеся вокруг нас бойцы уже не

сдерживали смеха. Всем было интересно, чем закончится диалог. Василию начали подсказывать, что кричать дальше.

Внезапно в моей голове выстроился план решения задачи, над которой я думал уже несколько часов. А с той стороны снова раздалось: «Хто есть Катя? Хто есть подруга? Катя фрау? Женка Ивана?» Видно было, что немцев это заинтересовало, но они не поняли двойного смысла.

Василий перешёл на ломанный немецкий: «Я, я, фрау! Гут, фрау! Вам она приготовила гостинцы, скоро прийдёт их, ждите!»

Наверху раздался грохот разрывов. «Немцы начали обрабатывать наши позиции», – доложил сержант Мельников. «Ну вот и конец, – подумал я. – Сейчас после обработки последует атака – и всё!»

Но гул вдруг стал нарастать, а звук изменился, и мы явственно слышали вой летящих реактивных снарядов. Небо над нами прочертили огненные стрелы. Василий, смеясь сквозь этот грохот и гул, кричал мне, глядя в глаза: «Товарищ лейтенант, вот они стрелы, наши огненные стрелы. Гостинцы фашистам от подруги Ивана – Катюши!»

«Товарищ лейтенант! – раздался голос Василия, стоявшего неподалёку. – Я вам новый пистолет нашёл, идите оцените!» Я подошёл. «Только гад не отдаёт», – и он показал на землю.

На земле лежала оторванная у плеча рука, которая сжимала новенький вальтер. Несколько человек, что собрались вокруг, начали подкалывать: «Вася, ты что, не видишь, ведь у неё ушей не осталось и глаз тоже, поэтому она не знает, что всё закончилось для её хозяина». Бойцы рассмеялись. «Ты её возьми, Василий, она тебе пригодится, вот немцы в атаку пойдут снова, а ты её положишь рядом, она и будет с тобой вместе стрелять». Уставшие от многодневных непрерывных боёв бойцы давали разрядку нервам в весёлом и незлом подначивании всеми любимого балагура, ожидая от него не менее едкого и острого ответа.

Всё произошло мгновенно. Василий наступил ногой на лежащую руку, она согнулась в локте, он нагнулся, чтобы выдернуть зажатый в кулаке пистолет, и тут грохнул выстрел. Василий ничком упал на землю. Метнувшийся к нему Тимофей перевернул его на спину. На груди друга расплывалось кровавое пятно.

Летний день начинается всегда прекрасно, а на войне он вдвойне прекрасен. Прекрасен – потому что ты жив. Прекрасен – потому что вокруг тишина, которую начинаешь ценить как раз на войне. Но тишина на войне – состояние подозрительное и обманчивое, несущее за собой разные неожиданные последствия, но

обычно, что подтверждено опытом, затишье, тишина бывает перед чем-то серьёзным.

Так и в этот раз. Перед нами до самого горизонта расстиралась степь, только местами торчали небольшие колки. Проверив и перепроверив все подготовленные мероприятия, я связался со штабом полка. От дежурного офицера никаких новых сведений не получил, а с командиром поговорить не удалось, поскольку он с начальником штаба и замполитом срочно, ещё не рассвело, уехал в штаб дивизии.

наблюдавший за обстановкой боец внезапно крикнул: «Танки!»

Взобравшись на своё подготовленное заранее место, я стал смотреть в бинокль. На самом горизонте ползли небольшие коробочки. Они ещё были далеко и приближались неспешно, по-видимому, чтобы не утомлять пехоту, идущую следом.

Ярость, с которой фашисты тупо, без остановок атаковали нас, показывала, что ликвидации данного плацарма немецкое командование придавало особое значение. А мы тем более понимали, что фашисты подавят нас свежими силами и ресурсами, которых они не пожалеют.

Открыв глаза, я почувствовал боль во всём теле, но особенно не давала дышать, отдаваясь острым режущим ощущением, боль в правом боку. Повернув голову, я увидел, что сержант Мельников с перевязанными головой и правой рукой сидит на краю обвалившегося окопа и левой рукой отламывает щепки от зажатого у него между ног расщеплённого куска бревна, помогая себе штык-ножом Василия.

Я лежал на левом боку почти у самого края окопа. Обвалившиеся стенки очень удобно наклонились, превратили окоп в одну большую воронку. Под забинтованную голову мне положили какой-то свёрток, но боль не давала ни вдохнуть полной грудью, ни долго говорить. Я, вероятно, изредка терял сознание. Очнувшись в очередной раз, спросил: «Мне кажется, или я действительно слышу постоянно какой-то шум». Один из бойцов подтвердил, что шум есть... давно. По-видимому, он был ещё тогда, когда у нас шёл бой, и из-за грохота мы его не слышали. Но когда немцы отступили и на нашем участке воцарилось спокойствие, то все стали явственно различать звуки сильного боя, которые долетали с левого фланга, а на горизонте завиднелось большое облако чёрного дыма, застелившего вскорости почти всю левую половину неба. Там действительно шёл большой бой. Намного мощней, чем недавно выдержали мы.

«А вам, товарищ лейтенант, – обратился ко мне Мельников, – надо выпить дезинфицирующей жидкости, чтобы изнутри прочистить

и успокоить боль. А ну-ка, – подозвал он одного из бойцов, – налей в кружку воды из своей, у тебя поди остыла, а то в чайнике ужас какой кипяток».

Боец подвинулся и налил из своей кружки остывший пустой чай в кружку сержанта. Он её поставил на землю, а сам, пошарив левой рукой в развязанном вещмешке, достал из него фляжку. Зажав её между колен, открутил крышку и стал искать, куда бы налить.

Сержант осторожно приблизил кружку к моему рту и сказал: «Вы, товарищ лейтенант, пейте неспеша, терпите и пейте». Только закончив процедуру и поднявшись с колен, сержант загремел своим голосищем: «Ба! Да к нам гости! Товарищ лейтенант, со стороны реки к нам приближается группа автоматчиков с каким то командиром. Может, стрелнуть для предупреждения? А? Как думаете?»

Группа из восьми человек приближалась. Уже явственно было видно, что это наши. Через несколько минут они подошли. Сержант встал по стойке смирно и гаркнул так, что офицер отшатнулся. «Товарищ майор, разрешите доложить...» Но майор (это был заместитель командира полка по политработе Климов) подошёл к сержанту, взял его за левую руку и сказал: «Спасибо!» Потом подошёл к каждому бойцу и сделал то же самое. Подойдя ко мне, он спросил: «Как вы, товарищ старший лейтенант, себя чувствуете? «Вы герой, старший лейтенант, вы все герои, и все представлены к наградам, а вас к тому же повысили в звании. Так что вы не ослышались, старший лейтенант!» «А теперь самое главное, – продолжил майор Климов. – Ваш батальон выполнил особую миссию; захватив этот плацдарм, вы своими действиями вселили в немецкое командование уверенность в том, что это и есть место главного наступления, но они просчитались. Вот уже несколько часов назад армия, прорвав фронт левее вашего плацдарма, перешла в наступление, что видно и слышно даже отсюда. А теперь давайте собирайтесь, здесь вам больше делать нечего».

ФОТОГРАФИЯ УХОДЯЩЕЙ ИСТОРИИ

Держу в руках старую пожелтевшую фотографию и вновь, как в первый день нашей встречи, волнение теплом окутывает меня. С фотографии мне улыбается мужчина в крестьянской одежде. Я вспоминаю наши беседы, как будто это было вчера.

С первых же дней знакомства мы подружились с моим будущим тестем, Василием Ивановичем Байдиком, и я сразу же стал называть его отцом. Иногда он посмеивался надо мной:

– Надо же, никогда бы не подумал, что моим зятем будет немец. Кто бы сказал на фронте – обиделся б на всю жизнь.

В последние годы жизни отец вечерами садился под вишенку и, закулив сигарету, вспоминал военные годы. Мы всей семьёй рассаживались вокруг и слушали его рассказы. Раньше он не любил вспоминать о войне. А состарившись, захотел как будто выговориться. Один из его рассказов я и решил записать, в память о нём.

КОМУ ВАСЬКА, А КОМУ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

На войну Василия Байдика забрали, вероятнее всего, из-за наличия высшего образования. Хотя какой из него солдат? Ростом, как говорят, от горшка два вершка, щуплый, да ещё и косолапый.

– Такого взрывной волной убить может, – посмеялись в военкомате.

Но на войне любому занятию найдётся. Поставили Василия командиром артиллерийского расчёта. И в первом же бою снаряд угодил в его орудие. Весь расчёт погиб, только Василия подбросило взрывной волной и, перевернув в воздухе, шмякнуло о дуб, росший метрах в десяти от пушки. Очнулся Василий в санчасти, от голосов санитаров.

– Смотри-ка, такой задохлик, а очухался. Говорят, о дерево долбануло его – и ни царапины, только спина чёрная.

– Да что с ним случится? – заметил другой голос. – Он же как сопля, другому бы все кости переломало.

Санчасть располагалась неподалёку от линии фронта и часто подвергалась бомбардировкам. Этот день мало чем отличался от остальных: слышны были разрывы снарядов. Привычные к ним солдаты не обращали на эти звуки внимания. Рядом с Василием положили разведчика с тяжёлым ранением. Огромного, под два метра ростом и весом не менее 120 килограммов, его с трудом занесли

в палату. Разведчик не мог двигаться сам, так как у него был повреждён позвоночник.

Раз в день в санчасть приезжала машина и забирала тяжелобольных в тыловой госпиталь. Налёт вражеской авиации, как всегда, явился полной неожиданностью для всех. Одна из авиабомб попала в ёмкости для горючего, находящиеся неподалеку от санчасти. Ёмкости взорвались и загорелись, вскоре огонь перекинулся на здание, где находились раненые. Санитары, в основном это были женщины, бросились выводить раненых бойцов из помещения. Каждое движение Василию доставляло боль. Всё время пребывания в санчасти он пролежал на животе, боясь пошевелиться.

Когда здание занялось пламенем, у Василия мелькнула мысль: «А как же разведчик? Ведь сгорит живьём!»

Превозмогая боль, он взвалил солдата на спину и почти волоком потащил его к выходу. Откуда хватило сил нести на себе груз, который весил в три раза больше него, он и сам потом не мог понять. Кровь стучала в виски, он почти ничего не видел и лишь упорно прорывался вперёд с одной мыслью: «Я должен дойти!»

Как он вышел из горящего здания, кто ему помог, Василий не помнил. Последнее, что он почувствовал, – чьи-то руки подхватили его и дальше – провал в памяти.

После госпиталя определили Василия писарем при штабе. Хотя, кроме писанины, приходилось делать уйму другой работы.

Из-за плоскостопия Василий не мог подобрать себе нормальную обувь. Да и одежда для его роста была не предусмотрена, так что ходил он Аникой-воином: ноги враскорячку, шинель на несколько размеров больше, шапка всё время на глаза съезжает... Когда начальство приезжало, его старались куда-нибудь спрятать, с глаз долой. Однако хоть и посмеивались над ним солдаты, но любили его за честность и доброту. Никогда Василий никому не нагрубил и ни в чём никому не отказал. Кому письма писал, кому-то прочитывал. Сослуживцы знали, что рос он сиротой. Всем Василий письма писал, а самому-то и написать некому было. В 1933-м семья умерла от голода, а его выкормили чужие люди. Так что всего в жизни он сам добивался.

Особенно хорошо к Василию относился один солдат, по национальности еврей. Он был завхозом и частенько кусок хлеба или сахара перепал от него Василию. Так у них завязалась дружба.

Как-то вызвал командир завхоза и приказал:

– Бери машину, денег, сколько надо, кого-нибудь из бойцов, и чтобы через трое суток привёз мне двух индюков, ящик апельсинов и ящик коньяка.

Как известно, на любой приказ старшего по званию в армии положено отвечать «Есть!» А уж как ты умудришься исполнить этот приказ – никого не интересует. Почесал Абрам, так звали того завхоза, затылок и говорит:

– Разрешите взять Василия-писаря?

– Не волнуйся, – посмеиваясь, говорил Абрам Василию, когда они на машине подъезжали к окраине города, – всё достанем, ещё и погуляем. Запомни – там, где живёт хоть один еврей, другому найдётся и еда, и постель, и помощь в нужную минуту.

Так всё и получилось. Загнали они машину в чей-то двор и загуляли. И с девушками танцевали под граммофон, и ели такое, о чём Василий только в книжках читал.

Очнулся он уже на обратном пути в машине. И долго не мог понять: вечер сейчас или утро, сам он сел в машину или его погрузили: с ящиком коньяка, апельсинами и двумя индюками?

С этого дня, куда бы ни посылали завхоза, он всегда брал с собой Василия. И не было случая, чтобы они приехали, не выполнив задания.

Фронт быстро продвигался вперёд, и, чтобы не отстать от него, приходилось постоянно менять дислокацию. При виде сожжённых деревень и жертв озверевших фашистов даже у бывалых бойцов на глаза наворачивались слёзы и яростно сжимались кулаки.

Василий дошёл до самого Берлина. Званий особо не заслужил, но наград – иконостас на груди. Радовалось сердце, что наконец-то закончилась война и можно отправляться домой. Но не суждено было Василию сразу после Победы возвратиться на Родину. Довелось ещё и с японцами повоевать.

А когда всё же вернулся в родной район с медалями на груди, никто не посмел назвать его, как прежде, Васькой. Теперь только уважительно – Василием Ивановичем.

Держу в руках старую пожелтевшую фотографию и понимаю, что в ней не только судьба одного человека, а целый пласт истории заложен. И мы увидели лишь маленький кусочек той истории. Возможно, скоро и последние очевидцы этих событий уйдут. Лишь старые фотографии останутся нам от них – памятью.

Кизеева Надежда Алексеевна

Родилась в городе Гурьевске Кемеровской области в 1948 году.

Работала рабочей на заводе, бухгалтером, библиотечкарем.

Сейчас пенсионерка. Проживает в городе Заринске Алтайского края.

Свободное время посвящает литературному творчеству.

Возглавляет литобъединение города Заринска.

БЛОКАДНИЦЫ

Солнце выкатило алый свой бок. Шёлковый розовый занавес рассвета разлился по горизонту, освещая медленнодвигающийся эшелон с детьми, вырвавшимися из блокадного Ленинграда. Поезд, следуя в Сибирь, долго колесил от станции к станции, часто выстаивая на полустанках, в тупиках, пропуская гружённые танками поезда, спешащие на фронт.

В вагонах-теплушках на полу, плотно прижавшись друг к другу, сидели дети. Запавшие глаза в безжизненном забытьи рассеянно смотрели в одну точку. Большинство детей, ослабев от голода и устав от дребезжания вагонов, прикрыв веки, дремало много часов подряд. Кто-то тяжело стонал. На лавках, прибитых по периметру вагона, лежали самые маленькие дети ленинградского детского дома. В углу стояло цинковое ведро с крышкой, чтобы справиться нужду. Но редко кто им пользовался. Желудки почти не работали, некоторые немощные дети не могли даже проглотить воду.

На очередном полустанке, тяжело дыша, лязгая колёсами, поезд остановился. Дверь широко открылась. В душный вагон влетел яркий весенний свет, ослепил детей, привыкших к темноте вагона.

– Трупы есть? – зычным голосом крикнул мужчина. – Выноси, – приказал он.

Воспитатели: Анна Фёдоровна и семнадцатилетняя Наташа – стали подносить к двери ребят, умерших во время поездки. И так происходило почти на каждой станции. Детей в вагоне становилось всё меньше и меньше.

Когда передали всех ушедших из жизни детишек, Наташа взяла пятилитровый термос, алюминиевый бидон и побежала на вокзал за кипятком.

Вернувшись, она с Анной Фёдоровной насыпала в кастрюлю

манной крупы, которую получили сухим пайком ещё в Ленинграде, её залили кипятком, укрыли фуфайкой. Когда крупа размякла, стали кормить детей, которые от бессилия с трудом глотали жидкую пищу. После обеда ребята немного повеселели, те, кто мог ходить, вышли на перрон искупаться в лучах весеннего солнца.

Простояв несколько часов, паровоз зашипел, выпуская белые клубы пара, и двинулся дальше в путь, спасая детвору, увозя её от бомбёжек. Таких остановок было много. Стояли по двое, трое суток, а то и неделю. Ленинградские запасы продуктов заканчивались. Воспитатели на остановках меняли прихваченные из дома шёлковые платья, блузки на муку, из которой делали болтушку, да на крахмал, чтобы приготовить кисель. Когда долго стояли на станции, жители приносили блокадным детям варённую в мундире картошку, квашеную капусту и даже пареную свёклу – это был деликатес.

Сколько времени петлял состав от станции к станции, уже никто и не знал. Наступило жаркое лето. В приоткрытую дверь влетал тугий ветер, охাপками забрасывая запахи растущих вдоль дороги трав и цветов; мимо мелькали белые стволы берёз. Но дети не замечали этой красоты русской природы. Они в забытьё, покачиваясь из стороны в сторону, в полном безразличии к окружающему молча подчинялись всему, что происходило с ними на протяжении всего пути.

...Монотонный стук колёс навевал дремоту. Наташа сидела, привалившись к стене, держа на руках годовалого Славика. Он мирно посапывал, прижавшись к груди своей няньки. Мысли, словно птицы, стремительно проносились одна за другой, возвращая её в Ленинград.

...То она бежит по крыше с ведром песка, засыпая зажигательные бомбы, сброшенные фашистскими самолётами. То ясно всплывает воспоминание о смерти мамы.

...Проснувшись утром, Наташа обнаружила, что мама умерла. Дня через два попросила двоюродную сестру помочь ей увезти покойницу в морг. Тогда это был деревянный сарай, в который складывали трупы один на другой. Наташа с сестрой зашили тело мамы в простыню, положили на санки и повезли в морг. Мужчина, принимающий умерших людей, попросил Наташу залезть по трупам вверх. Он поднял мамино тело, а она уложила его сверху и спустилась вниз. Страх не было, просто тупая боль давила грудь. Трупов она видела много, они лежали по всем улицам Ленинграда. Люди шли, неожиданно падали и тихо умирали. Её личное горе утонуло в общей беде, притупились чувства. Голод и холод сделали своё дело.

... Вот новые воспоминания встревожили Наташину память.

– В апреле эвакуация, – объявили в детдоме, где она работала няней.

– Как эвакуация? – мысленно возмутилась Наташа – Я же буду поступать в консерваторию. И тут её коснулась другая мысль: «А как же дети, как они без меня?» – и девушка отправилась складывать вещи, готовиться к отъезду.

...Машины одна за другой ехали по исклёванной бомбами ледяной дороге, лавируя между чёрными воронками. От бомб негде укрыться: ни леса, ни кусточков. Вдруг пронзительный вой самолётов расколол небо. Казалось, вместе с густыми хлопьями снега свод небес обрушился на землю, на машины, шуршащие колёсами, на детей, которых увозили из блокадного города. Водители открыли дверцы кабин, чтобы выпрыгнуть в случае прямого попадания бомбы. Дети плотно прижались друг к другу, от страха закрыли глаза в надежде, что бомба пролетит мимо. После оглушительного взрыва что-то со свистом летело над головами ребят, вонзалось в борт машины, звонко колотило по железной крыше кабины. От пулёмётных очередей плясали фонтанчики из снега и льда. Шофёр резко крутил руль, бросая машину из одной стороны в другую, ловко уходя от обстрела.

Двухлетняя Катя Синицына крепко схватила руку Наташи, её васильковые глаза излучали немую просьбу: «Помоги!» Наташа взяла девочку и прикрыла её своим телом. Раскрывив руки, как птица птенцов, обняла и других детей. Ей хотелось стать железным щитом для этих несмышлёньшей, малюток, уже понимающих, что такое война. И только когда живыми добрались до поезда и она перенесла всех, кто не мог сам идти, в вагон, немного успокоилась. А впереди дорога, дорога, дорога...

«Что их ждёт там, далеко, в холодной Сибири?» – думала Наташа, тихо засыпая под монотонный стук колёс.

...Доехали до города Бийска. Дети, кто мог ходить, вышли на перрон и, держась друг за друга, вошли в здание вокзала. Остальных воспитатели перенесли на руках. Разместившись на скамейках, стали ждать машину, которая повезет их в детский дом. На деревянных сидениях со спинками сидеть было гораздо удобнее, чем на полу в вагоне.

Вдруг в нескольких шагах от Кати небольшого росточка девочка с бидоном в руках запнулась и упала. Бидон опрокинулся, и по полу разлилась белая лужица молока. Пятилетняя Валя, сидящая рядом с Катей, подбежала к лужице, упала на колени и, склонив голову, словно кошечка, стала лакать молоко. Катя тоже хотела попробовать эту белую жидкость. Она не понимала, что это такое, но, наверное, это вкусно, если с такой жадностью пьёт Валя.

Катя сделала рывок, пытаясь встать, но ноги не слушались, не было сил сделать и шаг, и она беспомощно опустилась на скамью.

– Валя, Валя, что же ты делаешь, – растерянно закричала Наташа и тут же, подбежав к Вале, подхватила её на руки и усадила на прежнее место.

Хозяйка молока долго сидела около лужицы, роня слёзы. Откуда-то подбежала кошка и быстро слизала всё молоко. Катя безмолвно смотрела то на кошку, то на плачущую девочку. Но притуплённые чувства не позволили понять происходящее.

Пришла машина. Кто-то взял Катю на руки и перенёс в кузов, усадил на скамью. Она ухватилась за борт машины и, не отрываясь, так и сидела до самого посёлка.

В детском доме малышей накормили кашей и напоили горячим чаем из трав, а затем уложили спать.

Катя прилегла на шуршащий соломой матрац, свернулась калачиком, укрылась с головой суконным одеялом и крепко заснула. Ей снились взрывы бомб, от которых она судорожно вздрагивала, с воем летящие прямо на неё немецкие самолёты и крик детворы из соседней машины, которая при переезде через Ладогу, взорванная фашистской бомбой, в один миг ушла под воду. И так почти каждую ночь жуткая правда войны тревожила её душу, невыносимой болью давила сердце.

...Выдался прекрасный солнечный день. Детдомовские дети высыпали на улицу и, расположившись на траве, играли: кто в куклы, кто, уже набравшись сил, гонял мяч. Свернув платок в валики и перевязав ниткой, Катя баюкала самодельную куклу, напевая ей колыбельную. Неожиданно к ней подошла воспитательница и, радостно улыбаясь, сказала: «Катя, а вот за тобой мама пришла».

У девочки перехватило дыхание, сердце радостно забилось.

– Мама, мамочка, милая моя, – закричала Катя и бросилась к женщине.

Её иссохшие ручонки стиснули в объятьях Татьяну Ивановну. Всем своим истощённым тельцем она прижалась к женщине. И уже не было сил оторвать Катю от той, которая станет её мамой на все оставшиеся годы.

Дорога была длинной. Но Татьяна Ивановна всё время несла свою названную дочку на руках, иногда передавая её своей сестре Марии, которая станет впоследствии крёстной матерью Кати, и задушевной подругой, и советчицей на протяжении всей жизни.

В первую очередь девочку помыли в бане, сожгли старую одежду в печи, нарядили в новое платье, сшитое из наволочки, и напоили

молоком с мёдом. Отхлебнув несколько глотков, Катя вспомнила ту лужицу из молока на вокзале и заплакала от счастья: теперь она с мамой и ей ничего не страшно.

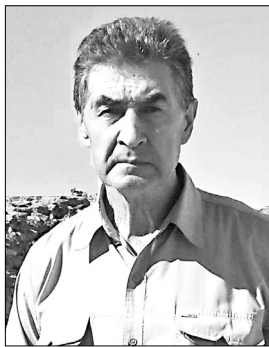
С этих пор она стала Катей Казанцевой.

...Шли годы, Катя окончила школу, институт, удачно вышла замуж, родились дети. Она часто вспоминала: как лёля Мария отдаёт ей свой паёк хлеба, как мама поит её молоком и лечит больные ноги, прогревая в травяных ваннах, как она наслаждалась вкусом пряника, принесённого мамой, да сколько ещё было много тёплых воспоминаний о её детстве.

И с высоты прожитых лет, становясь мудрее, она всё глубже ощущала трепетное уважение и благодарность к маме, которая спасла ей жизнь.

...Мама, мамочка, ты же была моей надёжной защитой, за всё болела твоя душа, за всё переживала. Ты помогала мне во всём, ты умела дарить добро. Как я благодарна тебе, мама. Спасибо, родная!

Аустрин Август Леонардович

Родился 3 июня 1944 года в городе Штутгарте в Германии в концлагере для военнопленных, что подтверждается первым свидетельством о рождении. В городе Твери было выдано другое свидетельство о рождении, где значилось: место рождения – г. Тверь. Два свидетельства о рождении – две родины? Но родина не там, где родился, а там, где пригодился. Родина – Россия. Город рождения – Тверь.

Более 20 лет служил в Органах внутренних дел Тверской области. Около 10 лет до выхода на пенсию служил в органах прокуратуры Тверской области. Имеет государственные и ведомственные награды.

Является «несовершеннолетним узником фашистских концлагерей в период Второй мировой войны».

НА ДОЛГИХ ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Праздники всегда навевают воспоминания... И на День Победы – 9 Мая Михаил Петрович Васильев всегда говорил о войне: «Страшно там, кроваво... А давайте я вам расскажу вот о чём!...» И рассказ его касался только тех подробностей, которые не расстраивали, не пугали слушателей. Таким уж тактичным, жизнелюбивым был Михаил Петро-

вич: хотел, чтоб от его рассказов не стыла кровь в жилах, а появлялось уважение, понимание, сострадание к участникам тех давних событий.

С войной Михаил встретился, ещё учась в школе. Весна 43-го. Последние уроки – крики, шум по деревне: «Самолёты! Бой над деревней!» Школьники высыпали на улицу: два немца гоняют нашего ястребка. Слышались пулемётные очереди. Наш крутился среди двоих... Сбили фрицы нашего краснозвёздного... К месту падения наперегонки бросились мальчишки. Лётчик жив. Все ожидали увидеть героя в кожане, а он – в обычном засаленном комбинезоне, в кирзачах... Отстёгивая парашют, улыбается: «Я перед этим их двоих сбил!»

Как только исполнилось Михаилу 17 лет (13.12.1943 г.), он был призван Фировским РВК в ряды защитников Отечества.

И попал призывник сразу в местное пекло – на 74-й особый зенитный бронепоезд, входивший в состав 15-й дивизии ПВО, что защищал от фашистских бомбардировок Руднинский мост под городом Осташковым, станцию Сигово, недалеко от Осташкова, где проходила разгрузка войсковых частей для фронта.

С родными Михаил условился (и это была маленькая военная тайна): как только сын прибудет на место службы – сообщит, где он находится: в письме первая буква первой строчки должна означать первую букву места пребывания, вторая строчка начинается со второй буквы названия места службы...

Родители, получив письмо от сынка и прочитав вертикально слово «Осташков», поняли, что он совсем недалеко от родной деревни и приняли решение навестить его, привезти гостинец из дома и, самое главное, отвезти сынку его родную подушку – как же сын там, на войне, без подушки!..

И вот однажды шум-гам на бронепоезде: все ищут Михаила. К нему мать приехала. Марина Васильевна привезла гостинец из дома – подушку!.. ещё два пухлых подовых круглых хлеба, огромный кусок сала, варёных яиц и ... для Миши – 17-летнего паренька – шок – бутылка-четверть самогона!.. Михаил в замешательстве... Держит совет со своим старшим товарищем Григорием Мануйловым вепсом по национальности родом из Карелии. «Миша! Да эта четверть с самогоном – самый дорогой подарок. Воспоминание из довоенной жизни», – такими словами напутствовал приём необычного подарка Григорий.

И вот вечером у накрытого домашней едой стола собрались однополчане, во главе стола – Марина Васильева. Все расспрашивают, как дела там, на родине... Каждый из солдат, слушая её рассказы, представлял свой дом, совою мать, перед глазами «за чарочкой» проплывали воспоминания из далёкой довоенной мирной жизни.

Здесь была и всеобщая любимица бронепоезда кастелянша Катюша. А она уделяла больше всего внимания самому молодому бойцу – Мише. То пуговичку на его гимнастерке пришьёт, то подворотничок поправит, и уж на зависть бойцам не только выстирает форму Михаила, а и отгладит по всем правилам: пусть все видят, каков красавец – хоть и молод!

Хорошо, что Катюша оказалась в этот вечер рядом с Мариной Васильевной. Звучит команда «Воздух!» Бойцы в несколько секунд уже в полной боевой – у своих зениток, готовы отражать налёт фашистских самолётов.

Катюша, к счастью Марины Васильевны, увела её в свою каптёрку. Там женщины и пережидали бомбёжку. Взрывы бомб, ответы зениток, грохот, огонь, летящая земля, обломки вагонов. И так – до самого рассвета.

Утром бойцы, уставшие, оглохшие, чумазые, встречали выходящую из укрытия Марину Васильевну белозубыми улыбками, а она, видевшая впервые всю «эту страсть: а из пушки-то как огнём полыхнёт!...», переживавшая всю ночь не только за одного своего сына Мишеньку, но и за каждого из его друзей, развела руки в стороны, как бы извиняясь: «Простите, родные, больше не приеду, страшно здесь очень...» И в эти разведённые как для объёма руки посыпались бойцы... Марина Васильевна-мать обнимала весь взвод – все её сыновья!.. Отпрянула от ребят – перекрестила всех... Благословила на возвращение после войны в родные края живыми...

Одно из первых страшных воспоминаний Михаила – карусельная бомбёжка станции Бежецк. Немецкие самолёты группами резко снижались над станцией, сбрасывали бомбы и резко взмывали вверх, а затем – новая волна самолётов. И спасибо девичьему взводу прожектористок, что успевали своими прожекторами брать в «перекрестье» немецкий самолёт и «вести» его – это была точная цель. Зенитки били по ней. И «перекрестье» прожекторов вспыхивало ярким в ночи взрывом! Снаряд попал во врага! Фашистский самолёт начинает чертить в ночном небе яркую огненную полосу к земле... Следить за ним нет времени: глаза зенитчиков ищут новую цель в небе.

Утром на станцию больно смотреть: железнодорожные составы, станционные здания разбиты, а бронепоезд – жив! Закопчён, покорёжен осколками, забит землёй от взрывов – но жив! Здесь же впервые Михаилу Петровичу пришлось попрощаться со своими боевыми товарищами, погибшими от немецких бомб при охране станции Бежецк...

Это была первая страшная бомбёжка, а сколько их было на долгой до-

роге войны! Было несколько бомбёжек бронепоезда, нацеленных на его уничтожение. Много раз приходилось вести стрельбу на ходу бронепоезда. Несчётно железнодорожных станций сохранил один только грозный вид 74-го! Немецкие лётчики видели бронепоезд и не смели подлетать бомбить – боялись метких зениток. И наши поезда, подходившие к станции с подкреплением фронту, разгружались безбоязненно.

Бронепоезд продвигался за героическими советскими войсками к границам Родины. Теперь о приближении в небе врага сообщалось заранее. Зенитчики готовы принять бой. Выстрел! Выстрел! Ещё! Взрыв в небе – кто-то из пушкарей попал в цель. Но за падающим за горизонт, горящим и ведущим за собой чёрно-огненную черту сбитым врагом следит весь состав 74-го. Все ликуют. Немцы недосчитаются ещё одной боевой единицы, а бойцы увеличили счёт сбитых фашистских самолётов.

При наступлении советских войск вытесняли фашистских захватчиков уже с Прибалтийских республик. Михаил Петрович вспоминал: «Хорошо помню станцию Майтэне, где 74-му ОЗБП было вручено знамя части. В зимнюю пору, стоя на колене на снегу, весь личный состав бронепоезда принимал клятву верности знамени части».

За бронепоездом числилось 11 сбитых фашистских самолётов, и последний, сбитый под Майтэне, – двенадцатый – принёс бронепоезду звание «74-й гвардейский ОЗБП».

Авиация фашистов к тому времени здорово поредела, и гвардейский 74-й был продвинут к передовой линии фронта в сторону города Мемель (ныне Клайпеда), где была в окружении фашистская Курляндская группировка, для поддержки огнём зениток наступающих войск. «Здесь, под Клайпедой, – вспоминал Михаил Петрович, – 9 мая пережили радость Дня Победы! Палили из всех пушек, из всех автоматов... Победа!»

Было прощание со старшими товарищами, уезжавшими домой. Ну, а молодым, призванным в конце войны, предстояло прослужить ещё долгие 5 лет в Риге. Город разбит. И оставшиеся служить должны были как-то обжиться на новом месте. Кто-то из бойцов тащил кровать, кто-то – дверь. А однажды притащили целое пианино! Думали «для интерьера», а командир части сел за клавиши, что-то наладил – и полилась музыка...

«Когда же наш командир демобилизовался, – вспоминал Михаил Петрович, – мы в отъезжавшую машину погрузили и пианино. Может быть, оно доберётся с ним до родных мест и будет добрым воспоминанием о боевых товарищах».

Запали те музыкальные вечера в душу Михаилу. И решил: как только вернётся на родину – купит себе баян. Так и случилось: после возвращения в родную деревню Михаил Петрович стал лучшим в округе баянистом.

Это было уже в мирное время... А та – военная – жизнь шла своим чередом. Солдаты охраняли громадные стоянки отбитой у врага техники, боеприпасов, сопровождали колонны пленных немцев на уборку улиц Риги. Михаил Петрович вспоминал случай не очень-то характерный для того времени. В группе пленных всегда был человек, хотя бы немного говоривший по-русски. Обращается к Михаилу, конвоировавшему в тот день немцев, переводчик: «Отпусти одного из нас на полчаса: ему надо попрощаться с латышской девушкой – любовь... Мы все за него ручаемся. Не вернётся – расстреляй нас всех...» Как так?! Нельзя! Не по уставу! Но поразмыслил Михаил: не отпусти – всё равно убежит. Охраняя шестьдесят – за одним не уследишь... а тут все ручаются за одного... В общем отпустил. «Минут через тридцать вернулся мой немец... Хлеба принёс. Мне две буханки протягивает. Я слюну от голода слотнул, говорю: «Дели среди своих...»

Фронт позади, и солдат перевели с «боевого» пайка на норму мирного времени. Голодно стало.

В свободное от караулов время бойцы обследовали окрестности. Наткнулись на бывший немецкий блиндаж с продовольствием – сыр, сало, тушёнка! Несколько раз ходили за едой для взвода. А потом услышали, что ещё кто-то разведал тот блиндажик, да как-то очень неудачно получилось – мина, видно где-то загаилась... Блиндажика не стало...

«Однажды, – вспоминал Михаил Петрович, – весь взвод гудит, гуталином сапоги чистит – вечером предстоит поездка в город на просмотр фильма. А мне – в караул... Я грустный, разобиженный. Вернулся в часть после караула, а тут страшная весть: «Студебекер», на котором ехали мои сослуживцы на киносеанс, попал на мину – ни машины, ни солдатиков... Вот как бывает... Но, видно, материнское благословение, полученное ещё под Осташковым, меня хранило».

Михаил Петрович, за хорошую службу многократно отмеченный благодарностями, медалью «За Победу над Германией», в звании младшего сержанта 10 сентября 1950 года был демобилизован.

Собираясь на родину, бросил взгляд на ту подушку, что мать привезла ему в Осташково... Однополчане уговорили оставить: она же счастливая – всю войну прошла, цела осталась, а может, и хозяйина материнским теплом спасала. Да и то верно: дома-то подушки есть!

Для Михаила Петровича началась мирная жизнь. Жизнь в трудах и заботах.

Гремицкий Владимир Александрович

Родился 8 декабря 1923 года в Баку, затем семья переехала в Кировскую область.

В 1941 году окончил среднюю школу в селе Шурма. 5 февраля 1942 года призван на фронт Шурминским райвоенкоматом Кировской области.

Воевал в составе 8-го гвардейского кавполка, 2-й гвардейской Краснознамённой кавалерийской дивизии 1-го конного корпуса. В 1945 году переведён на Дальний Восток добивать японцев.

Награждён тремя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалью «За освобождение Чехословакии», орденом Отечественной войны II степени. После демобилизации в 1947 году окончил Высшую партийную школу, работал в газете, директором Русско-Турецкого детского дома Кировской области.

ВСТРЕЧА НА ФРОНТЕ

Память... Она не даёт покоя солдатам минувшей войны. С душевным скрежетом и болью вспоминаем мы, ветераны войны, первые неудачи, горечь отступления, неоправданные потери своих боевых товарищей. С радостью и гордостью вспоминаем одержанные победы в кровопролитных боях с фашистами.

Мне особенно памятны встречи на фронте со своими земляками. Об одной из таких я и хочу рассказать.

В конце октября 1943 года наши войска готовились к наступлению на Киев. Наш 1-й гвардейский кавалерийский корпус был сосредоточен на плацдарме севернее Киева.

Здесь и состоялась моя первая встреча с вятским парнем Аркадием Байгозиным.

Ночь на 11 ноября 1943 года мы провели в лесу. С нетерпением ждали утра. Предстоял бой за Житомир. Он не пугал. Наоборот. У всех было боевое, приподнятое настроение. А пока солдаты балагурили, ожидая завтрак. На рассвете приехала походная кухня, несколько повозок с боеприпасами в сопровождении группы красноармейцев с новенькими карабинами и плоскими штыками в ножнах на поясе. Очевидно, пополнение.

– Митька, подавай котелок, а то кашу-то расхватают. Шиша тебе достанется, – услышал тягучий, до боли знакомый вятский говорок. Всей душой почуял что-то родное, близкое. Безошибочно подошёл к рыжеватому коренастому парню, который топтался около кухни и немного прихрамывал.

– Откуда будешь?

– Я-то? Из госпиталя.

– Вижу, что не из дома отдыха. Откуда родом?

– С Вятки я, Кировский...

Не описать радость встречи с земляком в боевой обстановке. За два года войны это была первая встреча.

Я хлопнул его по плечу: «Привет, земляк!» Вместо ответа он так ударил меня в грудь, что я не устоял на ногах, упал и больно ударился головой о лежавший на земле солдатский котелок так, что на нём образовалась вмятина. Шапка-ушанка спасла мою голову от повреждения.

Парень подал руку, помог подняться.

– Земляк, говоришь? А я подумал, шутишь, – с улыбкой произнёс он. – Любят над нами, вятскими, посмеяться. Тогда прости. Неудобно получилось наше знакомство-то. Как звать-то.

Я назвал своё имя.

– Аркадий, – ответил он. Потом добавил: – Байгозин Аркадий из Белой Холуницы. Давай присаживайся, кашу рубать будем. А то остынет.

Байгозин поставил котелок с кашей на пень, вынул из-за голенища круглую алюминиевую ложку. Я направился за своей порцией к кухне. Когда вернулся, Байгозин уже очищал свой котелок клочком пожухшей травы, а на пеньке стоял уже другой котелок, и из него аппетитно уплетал кашу приятель Аркадия, которого он называл Митькой.

Утренний туман расплывался по лесу и поднимался к вершинам деревьев. День обещал быть погожим. Солнечным. Лёгкий морозец припорошил землю изумрудным инеем. Быстро управившись с кашей и запив из котелков мутной горячей жидкостью, бойцы курили самокрутки, аккуратно пряча их в рукавах шинелей. Со стороны штабной палатки подошла группа офицеров. Среди них и наш начальник связи полка капитан Семенец. Подойдя к полковой радиостанции, он приказал командиру взвода связи лейтенанту Ивану Белоусову построить радистов и телефонистов. В ожидании предстоящего боя, все оказались поблизости от тачанки, на которой была смонтирована полевая радиостанция. Тут же стояли две брички, нагруженные катушками с телефонным проводом, коробками радиостанций РБК.

Построились быстро. Все знали, что сейчас будет объявлен приказ о наступлении на город, каждому определена задача.

Капитан Семенец начал так:

– Сегодня нашему полку приказано овладеть важным стратегическим пунктом обороны противника – Житомиром. По данным

разведки, у немцев нет сплошной обороны, но город забит отступающими войсками. Предстоят жестокие уличные бои. Чтобы сохранить город, наступление начнётся без артиллерийской подготовки. В 6 утра вперёд двинутся наши танки, за ними в пешем строге эскадроны. Коноводы с лошадьми и обозы останутся здесь, в лесу. Такова общая задача. Нам предстоит обеспечивать бесперебойной связью наступающие подразделения полка. Связь будет осуществляться с помощью радиостанции РБК на ходу, работаем с микрофоном, открытым текстом. В третий эскадрон идёт...

Начальник связи назвал мою фамилию, а я напомнил, что нет у меня второго радиста. Он накануне, после ранения осколком в бедро, был отправлен в медсанбат.

Неожиданно перед строем появился Байгозин. Он пришёл попроситься со мной и с опаской косился на капитана.

– Куда? – спросил я.

– В третий эскадрон, – ответил Аркадий.

В это время, как гром среди ясного дня, раздалась команда: «Возду-у-ух!»». Вскоре послышался всё нарастающий гул самолётов.

– Радисты, по эскадронам! – скомандовал лейтенант Белоусов.

Я схватил его за руку, подвёл к бричке, навьючил ему на спину металлический ящик с батареями питания, другой ящик с радиостанцией повесил себе на шею, сказал:

– Пошли. Я тоже в третий.

Не прошли мы и сотни шагов, как залегли. Выстроившись цепочкой, «мессеры» начали атаку на лес. Они снижались почти до самых верхушек деревьев и сыпали свой смертоносный груз. Лес, ещё недавно ласкавший слух своей тишиной, теперь оглушал грохотом разрывов бомб, трескотнёй выстрелов, ржанием лошадей. Солдаты стреляли по самолётам изо всех видов оружия, где-то на опушке неистово тявкали зенитки.

Сбросив бомбы, «мессеры» разворачивались над полем и уходили на запад. Двум из них уйти не удалось. Дымя длинными шлейфами, они рухнули на поле. На повторную атаку фашистские стервятники не решились.

Мы лежали под разлапистой елью, уткнувшись носами в пожелтевшую траву, наивно полагая, что это могло спасти нас от роя осколков, только что пронзивших весь лес. Нигде не было ни окопов, ни щелей укрытия. За минувшие четыре дня от самого Киева полк продвигался форсированным маршем, иногда по 40 – 50 километров в день, буквально наступая на пятки фашистам. Некогда было рыть укрытия и на коротких привалах. Охваченные наступательным порывом, уверовав в свою неуязвимость, гвардейцы и на

этот раз посчитали, что лес надёжно укрыл их от глаз противника.

Это оказалось непростительной ошибкой. Полк понёс много напрасных жертв, особенно пострадали лошади.

– Эх, муха! Каких коней загубили! – в сердцах выругался Аркадий, увидев растерзанных от прямого попадания бомбы четырёх лошадей возле пулёмётной тачанки. Одна из них пыталась встать, но запутавшись в упряжке, беспомощно падала на бок, вытянув шею, из которой сочилась кровь. Байгозин достал из ножен штык, перерезал постромки, откинул из-под хвоста шлею. Конь, почуввав свободу, поднялся сначала на колени, потом тяжело встал на ноги, судорожно замотал головой, стряхивая капли крови и, косясь карим глазом, медленно зашагал вокруг лежавших на земле своих сородичей.

– Кажись, очухается, бедолага, – проговорил Аркадий, и мы быстро зашагали вперёд к кромке леса, где занимали исходные позиции спешенные эскадроны.

Рассвет набирал силу. Верхушки деревьев золотились лучами восходящего солнца. Оно поднималось из-за Днепра, оттуда, где остался далеко на востоке освобождённый Киев.

Только теперь я смог получше разглядеть своего земляка. Скуластое, почти квадратное лицо обсыпано мелкими веснушками, приплюснутый нос, плотно сжатые тонкие губы. Под рыжими бровями умные светлые глаза, из-под ушанки торчит кучерявый чуб. Среднего роста, широкоплечий Аркадий шагал уверенно, припадая на правую ногу.

«Этот не подведёт», – подумал я и спросил:

– Где ранило?

– Ещё весной, под Чугуевом. Напрочь кость переломило. Пять месяцев по госпиталям таскался. Сколько нашего брата под Сталинградом перекалечило.

Помолчал. Потом решительно отрезал:

– Ничего, мы и такие до Берлина дойдём. Ты как считаешь?

– Дойдём, Аркадий, обязательно дойдём. Вот возьмём Житомир, а там и до границы близко.

Мы подходили к опушке леса. То тут, то там стояли замаскированные танки. Когда проходили мимо тридцатьчетвёрки под номером 28, Байгозин остановился.

– Вот на этом танке мы с Мишкой от самого Киева ехали.

Танкист с погонами лейтенанта, посмотрев на нас, радостно улыбнулся.

– А-а, Аркадий, привет! Куда определился?

– В третий эскадрон. Да вот, бляха-муха, земляка встретил.

– Ну теперь держись, Гитлер! Вятские парни хватские: семеро одного не боятся, – смеясь, пошутил лейтенант танкист.

– А ты не смейся, лейтенант, – с укором ответил Аркадий. – Без нашего брата ты на своём танке тоже не вояка. Сунешься, а потом

ждёшь, когда пехота подойдёт. А мы, кавалеристы, и без танков любому зверю рога обломаем.

Он козырнул лейтенанту и бросил:

– Пока! До встречи в Житомире.

– Шагай, шагай, пешая кавалерия, – ответил вдогонку танкист.

Мы без особого труда разыскали третий эскадрон. На самой опушке леса в добротню, по-хозяйски вырытых и замаскированных окопах, укрылись бойцы. Неглубокий ход сообщения вёл вглубь леса, где находилась наскоро оборудованная землянка, прикрытая лёгким навесом из жердей и веток. В ней собрался весь командный состав эскадрона. Старший лейтенант Каплунов ставил задачи командирам взводов на предстоящий бой.

Родом из башкир, Каплунов был лихим кавалеристом. Он каким-то чутьём улавливал момент кавалерийской атаки, и нередко его эскадрон в конном строю вихрем обрушивался на противника. За личную храбрость и мужество был удостоен звания Героя Советского Союза.

Он любил радистов, с уважением и доверием относился к нашей незатейливой технике. В бою рация всегда была рядом, и он умело пользовался ею. Радистов называл ласково «воробьями», а иногда «кобчиками». Вот и теперь, закончив совещание с офицерами, вышел из землянки, увидел нас, обрадовался:

– А-а, «воробушки» прилетели... Салам алейкум!

Мы ответили по уставу:

– Здравствуйте, товарищ старший лейтенант!

– Надеюсь, связь будет нормальной.

– Приказано работать с микрофоном.

– Тем лучше. Пусть фрицы послушают, как мы будем выбивать их из города, – перевёл взгляд на Байгозина. – А это кто? Новичок?

Я объяснил командиру ситуацию.

– Ну что ж, пусть пока будет твоим помощником. После разберёмся.

Так Аркадий Байгозин стал связистом. Только ненадолго. Ровно в шесть утра по сигналу ракеты началась атака на город. Весь день шли уличные бои, к вечеру всё стихло. Гвардейцы 8-го кавполка с помощью танкистов очистили Житомир от гитлеровцев.

P.S. После войны, бывая по делам службы в Белой Холунице, я всегда навещал своего боевого друга Аркадия Петровича Байгозина. Теперь не знаю, жив ли он.

Грачёв Михаил Александрович

Родился в 1954 году в селе Крутые Сосновского района Горьковской области. Отец и дед по матери – фронтовики, сам служил в Советской армии в 1973 – 1975 гг. Работал фрезеровщиком, был на БАМе в стройотрядах. После окончания в 1979 году Арзамасского госпединститута работал преподавателем в СГПТУ, Нижегородском госуниверситете иностранных языков профессором, защитил докторскую диссертацию.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству и науке. Автор сорока художественных произведений, из них – два романа, остальные

– рассказы и эссе

СЕМЬ СМЕРТЕЙ САПЁРА БЕЛОВА

...Уходит обратно уже поредевшая рота.

Не важно, что было, а важен лишь взорванный форт.

Мне хочется верить, что грубая наша работа

Вам дарит возможность безошибочно видеть восход.

Песня В. Высоцкого «Чёрные бушлаты»

Иногда я просыпаюсь от странного сна. Мой погибший 10 января 1945 года дед Михаил, одетый в военную форму, укоризненно смотрит на меня. И молчит. От этого в душе появляются безотчётное чувство вины и угрызения совести, как будто совершил какой-то бесчестный поступок. Я пытаюсь анализировать: а что же такого постыдного, недостойного мною сделано? И никак не могу понять. И так – каждую ночь в начале года! Дед молчит и смотрит укоризненным взглядом. Я перебрал всю свою жизнь и понял, что моё поколение в возрасте 50 – 60 лет предало великих людей, Победителей, тех, кто недоедал, проливал кровь за наше поколение, но не допустил захвата Великой России людоедом Гитлером, сделал страну могучей! С этими горькими мыслями я заснул. Мне снова приснился дед в своей солдатской гимнастёрке, на которой сверкали два ордена Славы 2-й и 3-й степени и два ордена Отечественной войны. Глаза его были грустными. И тут он заговорил, как бы отвечая на мои мысли:

– Нам, находящимся в высших Небесных сферах, не нужны оправдания неблагодарных потомков. Но мне, бьющемуся со Злом в дружине моего одноимённого Архистратига Архангела Михаила, важно знать, почему вы поверили сначала одному лысому дураку, потом другому низкому болтуну, а затем и глупому властолюбцу? А-а, вам

захотелось свободы и демократии? Вот оно что! Так от кого же вы их захотели получить? От клятых врагов Русской земли – англосаксов или, может, от побеждённых нами германцев?

Я пробовал возражать: мол, всё общество захотело перемен и все русские захотели освободиться от «дармоедов»: азиатов, украинцев и прибалтов. Дед посмотрел на меня, как на маленького мальчика-не-смышлёныша:

– Знаешь, Михаил, мои друзья в 1942 году под Сталинградом так не думали: и сапёр с Кавказа Исламбек Хаджиев, и узбек Муса Ибрамов, и украинец Соловко, и литовец Ванас... Они погибли первыми, а я – лишь три года спустя... Мы были равными, неважно, кто ты родом и какого ты звания, у нас было товарищество.

– Дед, – тихо сказал я, – но я сейчас говорю, нет, кричу обо всём этом. А ещё я начал писать книгу... про тебя.

Дед отмахнулся:

– Про меня одного не надо – есть более достойные, а вот про всё наше поколение – об этом обязательно надо говорить!

Потом, подумав, дед, казалось, помягчел. Он повторил:

– Ну напиши... Только всю правду! Напиши, как мы проливали кровь в Великую Отечественную за наше будущее неблагоприятное потомство.

– Но это же не так, – горячо возразил я, – ты же сам хорошо знаешь там, в вашей Небесной сфере, что я заступаюсь за фронтовиков даже в быту!

– Нашёл чем гордиться! – с усмешкой возразил дед. – Это вообще у вас должно войти в обычай, как само собой разумеющееся. А вы даже над нашим великим Генералиссимусом смеётесь, обвиняете его во всех смертных грехах. Это над тем-то, кто создал Великую Россию, армию, промышленность, атомную бомбу, благодаря которой вы сейчас живёте.

... Полковник Дьяков сам, что называется, взятый от сохи, прошёл путь от учащегося ремесленного училища до командира батальона, чрезвычайно ценил профессионализм рядового Михаила Павловича Белова, который воевал толково, без показного героизма. «Как будто какую-то крестьянскую работу делает!» – удивлялся полковник. И ещё он восхищался то ли удачливостью, то ли необыкновенной интуицией пожилого сапёра: например, только он мог чуть ли не спокойно пройти по минному полю. Его спрашивали, в чём тут секрет. На что Михаил Павлович, усмехаясь, говорил: «А вот когда обезвредите сотенку-другую мин – тогда поймёте и секрет. Немец, он что, его просчитать легко, куда он мину поставит. А ставят эти «минёры»

с таким расчётом, чтобы потом её найти и обезвредить...» Не пускал Михаил Павлович молодёньких минёров даже на пустяшные, казалось бы, разминирования. «Ты ещё поживи лет эдак-то с пятьдесят, чего тебе с Курносой-то встречаться лишний раз!» – с юморком говаривал Белов. И слушались его даже молоденькие лейтенантики, которые только что прибыли в армию и хотели сразу командовать солдатами-кадровиками. И не один десяток молодых людей спас Михаил Палыч со своими друзьями, закалёнными воинами, матёрыми, не боявшимися ни чёрта, ни его чертенят.

Профессия сапёра – одна из самых сложных на войне: сегодня он ставит хитроумную мину-ловушку для врага, а завтра разминировует сложный снаряд немцев. Расчищать дорогу для танков от «ежей», наводить понтонный мост для своих солдат и техники, зачистка блиндажей, дотов и зданий от противника, устранение колючей проволоки, обесточивание оголённых проводов для своей пехоты и, наоборот, проведение тока для вражеских войск – всё это входит в его квалификацию.

Особенно профессия сапёра была востребована под Кёнигсбергом (ныне Калининград), где было много водных преград, болотистая местность. Кёнигсберг и окрестности были неприступной крепостью для 3-го Белорусского фронта. Взломать восточно-пруссские сооружения должны были прежде всего инженерные войска.

Нередко дед выполнял задачи инженерной разведки. А это значит – идти первым, даже впереди самих разведчиков, берущих «языка»! Иначе они подорвутся на минах-ловушках. В разведке говорят, что первыми в бой идут они, разведчики. А если возможное минирование? Тогда впереди разведчиков идёт (перебегает, ползёт) сапёр. Дед сам попросился в армию (это в сорок пять-то лет!), будучи председателем колхоза в Сосновском районе Горьковской области, и три года удачно воевал: и пуля его обходила, и мины рядом с ним не взрывались, не утонул, не замёрз, даже штык эсэсовца только вскользь по телу прошёл.

– Вот что, Палыч, – сказал ему полковник Дьяков, – мы тут покумекали, обмозговали и решили тебя отправить вместе с разведчиками.

– Надоели пушечки? – насмешливо задал вопрос дед.

– И в кого ты такой умный? – парировал полковник. – Только тебя посылаю на очень рискованное дело. Его надо выполнить и вернуться. Мы тут просмотрели всё, и разведка подтвердила, что они прячут пушечки под землю. Сержант Федосеев знает где. Ты и твой товарищ Галкин берёте с собой пятнадцать килограммов взрывчатки, минируете и всё взрываете к чертям собачьим! Вас пять человек:

двое минёров и трое разведчиков. Да с такой-то силой вы чёрту рога посшибаете. Три орудия у них под землёй, а держат уже целые сутки целый батальон. И не выкуришь ты их ни танками, ни артиллерией, даже самолётами пробовали бомбить – глухой номер.

Галкин был земляком Палыча и, несмотря на разницу в звании, во всём слушался старшего.

Про разведчика, старшину Лёшку Фёдорова, ходили легенды не только в батальоне, но и по всей дивизии. Его любимая поговорка – кто ад прошёл, тот чёрта не боится – казалось, работала на его судьбу. Заставят – «языка» возьмёт, скажут – танк надо подбить. Да без базара! И горят два танка на немецкой стороне ещё на приколе. А однажды дрался в одиночку против целого отделения противника. Восьмерых человек укокошил, да кончились патроны, так он троих ножом зарезал, а оберлейтенанта фашистского в плен взял. Под стать командиру была вся его подчинённая братия.

Надев маскхалаты, пятёрка диверсантов ловко поползла в темноту, периодически освещаемую ракетами. Первым с миноискателем полз Белов. Трудновато в 48 лет ползти. Это и сейчас мужиков в таком возрасте считают пожилыми людьми, а тогда и вовсе стариками. Палыч не имел права на ошибку. Вторым полз старшина. Он должен быть впереди, но наставили фашисты мин до чёрта! А за ним его верный друг из-под Курска, боксёр Колька Иванов. Предпоследним был сержант Галкин, изнемогая под пятнадцатикилограммовым грузом. А замыкал отважную пятёрку рядовой Копыто. Вот тот был настоящий конь! Он и подковы легко гнул, как жестянки. Белов нашёл одну мину и шёпотом сказал: «Стой!» Старшина передал приказ по цепочке. А мороз был тогда жуткий. Но Михаил Палыч уже замерзающими пальцами всё-таки снял взрыватель. До предполагаемого схрона оставалось каких-то сто метров, когда была обнаружена ещё одна мина.

– Ты дорогу-то запоминаешь? – спросил Палыч Фёдорова.

– А ты на что? – парировал Лёха.

– Дурной ты! – зло прошептал дед. – Мало ли что со мной может случиться! А ты должен вывести группу к батальону.

– Ладно, Палыч, это последняя мина, ближе к схрону не будут ставить, а то сами взорвутся ко всем чертям! А теперь, Колян, за мной, а ты, Копыто, прикрывай, и – за старшего.

Через три минуты два вражеских охранника валялись с перерезанными горлами. А Палыч с Галкиным минировали пушки. На это ушло пять минут.

– Быстрее! – поторапливал Фёдоров.

Но Белов с Галкиным и так спешили.

– Всё, кажись, – утёр пот Белов, – пошли, старшина.

Быстро пройдя пятьдесят шагов, Белов повернул ручку взрывателя. Казалось, сама земля поднялась вверх и явился дьявол из преисподней: таким жутким был взрыв! И потом чуть ли не целых полминуты стояла зловещая тишина. Теперь уже Лёшка Фёдоров замыкал отважную пятёрку. Он догнал Палыча и восхищённо сказал:

– Ну, Палыч, устроил ты «салют» Гитлеру. Завтра вся территория будет наша! Но быстрее, быстрее, пока наши друзья не очухались.

Тяжело Белову тягаться с тридцатилетними, да ещё с такими закалёнными волкодавами! Но, стиснув зубы, ползёт. Оставалось до наших окопов сто метров. И тут немцы открыли ураганнейший огонь из пулемётов. Тут же не стало Лёшки Фёдорова, смертельно ранен Белов. Галкин, видя, как его земляк нелепо ткнулся в снег, крикнул:

– Эй, Палыч, ты что, ты что?!

Но сапёр Белов уже ничего не мог ответить. Это была седьмая смерть гвардии рядового Михаила Павловича Белова.

Но разве мой дед умер? Разве не в честь него названа улица в его родном селе Виткулове Сосновского района Нижегородской области? У нас в семье эта память живёт в сердцах его внука (по матери) Михаила Грачёва, правнука Александра, праправнука Михаила. И эта память – навсегда, она перейдёт другим потомкам.

Ланчёнкова Татьяна Петровна

ДОРОГА В БЕССМЕРТИЕ

В лесах, на опушках, на светлых полянах поднимается как небу необычный цветок. На ярких фиолетово-синих листьях выделяются жёлтые цветы. Наши предки дали им имя – иван-да-марья. В июле и августе бушуют на лесных полянах заросли иван-чая. А сколько Иванов живёт на земле, с гордостью нося своё имя?! Во всех русских сказках Иван выходит победителем, хотя частенько и зовут его Иван-дурак. Не только в сказках прославились Иваны. Они открывали новые земли, писали стихи, сочиняли музыку. Иван Фёдоров при царе Иване Грозном напечатал первую книгу «Апостол», при Иване Калите произошло возвышение Москвы, при Иване III было свергнуто татарское иго. Завораживают своей красотой картины И. П. Аргунова, И. Н. Крамского, И. Я. Билибина. Костромской крестьянин Иван Сусанин пожертвовал своей жизнью для спасения Отечества. Ценою собственной жизни погубил он польско-литовских захватчиков, отведя их в непроходимые болота.

Иванов Иван – найдётся ли более русское, более звучное сочетание имени и фамилии. Он жил в небольшой деревушке Серебряно-Прудского района Тульской (ныне Московской области), стал ещё одним Иваном, прославившим своё имя.

Утро было самое обычное. Морозное, радующее перевозданной красотой зимней природы. Иван Петрович Иванов, крестьянин из деревни Лишняги, начал день, как всегда, – пришёл проведать лошадей на колхозной конюшне. Он любил свою работу конюха, любил лошадей, берёт и жалел их. Справив все дела, Иван Петрович не спеша отправился домой. Размышляя о своём нехитром быте, о работе, он с горечью вспоминал о том, что уже совсем близко подступают немцы к его селу. Декабрь 1941-го – страшное время, когда фашисты рвались к Москве. Здесь, в 150 километрах от столицы, немцев пока не было, но слышался гул канонады – наши перешли в наступление. Весь мир ждал, что будет с Москвой. Иван Петрович с тревогой думал о сыновьях, которых война разметала по разным фронтам, письма от них хоть редко, но приходили, значит, живы все трое, воюют ребята. Прислушиваясь к гулким орудийным раскатам, Иван Петрович дошёл до своей избы, не заходя домой, задал корма корове, заглянул к поросёнку, покормил кур. Дома жена уже приготовила завтрак. В крестьянской семье так заведено – сначала накорми скотину, а потом уже завтракай сам. Они поговорили о том, что сена для коровы хватит до весны, а поросёнка надо заколоть к Рождеству, и, конечно, о том, когда закончится эта проклятая война и вернуться домой сыновья. Иван Петрович вышел во двор и вдруг услышал, что по улице движется много техники, выглянул за калитку и замер: прямо возле его дома остановилась машина, из неё вышел немецкий офицер, с ним ещё один человек в штатском, они направились во двор. Лающую немецкую речь штатский перевёл быстро. Оказалось, что Иван Петрович должен провести колонну немецкой техники в село Подхожее, причём самой короткой дорогой. Первой мыслью было отказаться, мол, не знаю короткой дороги, но офицер вытащил пистолет, переводчик добавил: «Сейчас герр офицер тебя расстреляет».

Иван Петрович медленно пошёл со двора, немец и переводчик двинулись следом. В окне избы мелькнуло лицо жены, она выбежала на крыльцо, но во дворе уже никого не было. Ивана Петровича посадили в машину, и колонна тронулась. Он молча указывал рукой, куда свернуть, а сам напряжённо думал. Вот они выехали из села, и тут появилось решение, твёрдое и верное. Иван Петрович направил колонну к оврагу, который в народе называли Свинка. Склоны его были крутыми, туда мало кто ходил пешком, разве что летом собирали малину. Ему ли,

выросшему здесь и исходившему все тропки, было не знать о коварном овраге. Испокон века место это называли в народе «погибаловкой». Колонна свернула по указанному им направлению, и машины, одна за другой стали сползать в овраг. Когда они все оказались внизу, Иван Петрович подумал, что его расстреляют здесь, мысленно попрощался с родными. Но немцы ещё не поняли, в какой ловушке они оказались. Бешено ревели моторы, машины пытались взобраться на крутой противоположный склон, но все попытки оказались тщетными.

Выбравшись из оврага, немцы пошли в Подхожее пешком, Ивана Петровича конвоировал автоматчик, бежать было некуда. В Подхожем, в избе знакомого крестьянина, Иванова долго допрашивали и избивали, обвиняли в связи с партизанами, о которых много тогда говорили. Хозяин избы был знаком Ивану Петровичу, когда немцы ушли, он открыл дверь и выпустил беглеца на улицу. Ему удалось пробежать не более тридцати метров. Хозяин дома услышал автоматную очередь и громкие крики немцев, он понял, что убежать Иванову не удалось. Иван Петрович Иванов, повторивший подвиг Ивана Сусанина, как и его тёзка, был убит врагами за совершённый им подвиг. Его тело привезли в родное село Лишняги, здесь и похоронили.

На сельском кладбище издалека видна фигура солдата, приклонившего колена и держащего флаг. Он склонил голову перед простым русским крестьянином Иваном Ивановым, перед Родиной-матерью, перед всем русским народом, вынесшем страшную войну. За спиной солдата – просторное поле, вдали виднеется лес, просёлочная дорога, ведущая к оврагу. Дорога, по которой ушёл в бессмертие простой русский крестьянин Иван Иванов.

Характеристика Тульского обкома ВКП(б) на посмертно представленного к правительственной награде Ивана Петровича – колхозника колхоза «Новый быт» Серебряно-Прудского района, 1943 г.:

«Тов. Иванов Иван Петрович, 1880 года рождения, беспартийный.

Являясь честным, скромным и трудолюбивым колхозником, в период наступления немецко-фашистских войск на территории Серебряно-Прудского района с исключительной энергией работал по сохранению колхозного имущества от немецких грабителей.

Отступая под ударами Красной Армии, немцы 8 декабря силой оружия заставили тов. Иванова И.П. показать им наиболее удобный путь для отвода боевой техники, боеприпасов и другого военного снаряжения.

Верный сын советского народа, истинный патриот своей Родины, тов. Иванов Иван Петрович, прекрасно знающий местность района, не щадя свой жизни, повёл немецкий транспорт не по общеизвестной

и наезженной дороге, а по дороге непроезжей, на пути которой расположен огромный овраг и лес.

Немецкие машины, нагруженные оружием, боеприпасами, военным имуществом, съехали в занесённый снегом овраг и оттуда уже выбраться не могли.

В бессильной звериной злобе фашистские мерзавцы избили, а затем расстреляли Иванова И.П.

Немецкий транспорт в количестве 30 автомашин, противотанковая пушка стали нашими трофеями.

Секретарь Тульского обкома ВКП(б) Н. Чмутов».

(А.И. Волков. Край Серебряно-Прудский. – М.: Энциклопедия сёл и деревень, 2003. – 512 с.: ил. С. 63.).

Смирнова Екатерина Николаевна

Родилась в 1980 году в городе Реж Свердловской области. Вместе с родителями часто посещала местную библиотеку, поэтому рано научилась читать. После окончания Уральского политехнического техникума работала по специальности, но всегда знала, что занимается нелюбимым делом.

С 2013 года и по настоящее время – библиотекарь детского читального зала городской библиотеки «Быстринская». Пишет статьи-обзоры о книгах в ежемесячную молодёжную газету «Планета молодых», рубрика «Читаем вместе». Свободное время проводит за чтением книг.

РАСКАЖИ МНЕ ПРО ВОЙНУ

- Бабушка, расскажи про войну, – попросила я.
- Зачем тебе? – спросила бабушка, глядя на меня.
- Знать хочу, как ты её пережила, – снова начала я разговор.
- Нет, Катюша, не могу, тяжело....

В военную пору моей бабушке Анне Петровне было шестнадцать лет. Очень трудно было разговорить её, потревожить воспоминания юности. Когда началась Великая Отечественная война, бабушка оказалась на оккупированной немцами территории в Смоленской области в деревне Мадеевке. Там она жила со своего рождения, пока мирную жизнь деревни не нарушили звуки немецких мотоциклов...

– Ба, а ты немцев видела?

– Конечно, видела! То их разведка была вроде как. По дворам ездили, всё высматривали что-то, в хаты заглядывали, будто искали кого.

– А кого, ба?

– Известно кого, евреев. Жил у нас в Мадеевке еврей один с семьёй. Хороший человек был. Лавка у них обувная была. Ну и жили как все, работали. Обувку всей деревне чинил. Хорошо жили тогда. С девчонкой я ихней дружила. Звать уж не помню как. Когда немцы то пришли, мы её у себя дома в подполе спрятали. Только проговорился кто-то из местных, что она у нас, значит, прячется, вот и выволокли её за волосы во двор. Тут же и расстреляли. Не знаю, как нас с мамкой не убили за это.

Бабушка замолчала, достала платок из кармана и заплакала. Я смотрела на неё, и слёзы подкатывали к горлу.

– Давно уж Катюша, не плакала, – сказала бабушка.

– Бабуль, а что ещё помнишь? – снова спросила я.

– Помню, как собрал всю оставшуюся молодёжь председатель в клубе и сказал, чтобы мы набрали камней побольше да на крыши домов залезли. А как немцы поеду на мотоциклах, так и закидать их камнями.

– И что ба, закидывали?

– А как же! К нам в то время на постой в избу определили какого-то немецкого офицера. Так он, зараза, прям в избе и гадил. Ест и тут же гадит. А мы с мамкой только и успевали за ним убирать. Однажды привёл он к нам медика ихнего. Что-то сказал по-немецки и пальцем в мою сторону тычет. Ну медик то этот хотел ко мне подойти, а мамка как закричит: «Тиф! Тиф!». Я только потом от неё узнала, что всю здоровую молодёжь в деревне загрузили в вагоны и увезли в Германию на работы. Это, значит, мамка-то меня спасла криком своим. Уж больно немцы боялись болезней всяких.

Тут бабушка вздохнула и как бы кому-то в пустоту сказала: «Нелюди они, нелюди...» Потом мы долго молчали, и я боялась снова заговорить с ней. Бабушка сидела, неподвижно склонив голову набок, и смотрела куда-то в пол.

– Лётчика мы однажды хоронили, – вдруг сказала бабушка.

– Какого лётчика? – спросила я.

– Ну, знамо дело, какого! Не немецкого же! – посмотрела на меня бабуля и продолжила свой рассказ: – Как-то послали нас взрослые на поле гнилую картошку копать.

– Как гнилую? – удивилась я.

– А вот так, – продолжала бабушка. – Есть то нечего было, осень стояла. Картошка, которую убрать не успели, догнивала на поле. Копаем мы, значит, её и видим, как над нами сбитый самолёт летит и лётчик на парашюте спускается. Приземлился он, ну мы к нему и побежали. А лётчик-то наш, советский.

– И что, ба? – перебиваю я её

– А ничего, ранен он видно сильно был. Кто-то из ребят за лошадь в деревню сбегал по-тихому. Мы лётчика-то на телегу кое-как подняли. Мужик ведь – тяжёлый! А мы дети, я самая старшая среди всех была. Повезли мы его на телеге в соседнюю деревню, там немцев не было. Не довезли, правда, умер он.

– И что вы сделали?

– Там недалеко кладбище было. Мы его туда свезли, в парашют завернули и похоронили. При нём документы были, так мы их тоже в могилу уложили, чтоб, значит, немцы ничего такого не нашли. Они потом долго у деревенских спрашивали, где сбитый лётчик, но ничего не добились. Наверное, не думали, что его дети могли найти.

Я слушала бабушку и думала о том, как же они, эти полуголодные ребятишки, смогли всё пережить. Ведь не побоялись же они расправы, которая могла их поджидать от немцев, в случае если бы всё открылось. Догадались спрятать и парашют, и документы погибшего бойца. Лежит тот солдат сейчас в безымянной могиле смоленской земли и ждёт своего возвращения домой. Может, когда и вернётся...

Позже бабушка говорила, что никто, кроме тех детей, не знал, где могила лётчика. Никаких знаков они там не оставили, просто земли бугорок. Боялись, что немцы могут найти.

– Ты знаешь... – обратилась ко мне бабушка. – Там ведь лагерь был для военнопленных.

– Где? – переспросила я.

– Ну там, на задах, где поле было. Плохо помню уже, забывать стала. Вроде даже побег там был, люди говорили. То ли помог им кто, то ли сами сумели. Не помню, не помню...

И вдруг бабушка неожиданно сказала:

– А я ведь часто коло той могилки стояла, где лётчик лежит. Уж и война давно закончилась, и папка твой народился, а я пойду мимо, да и постою, помяну бойца.

Мы ещё долго беседовали с бабулей, но о войне она больше ничего не рассказала. Знаю только, что прадед мой – её отец – всю войну прошёл и живым домой вернулся. А когда наши

красноармейцы погнали немцев со Смоленщины, немец тот, что в избе на постое у бабушки жил, так удирал, что шинель свою оставил и чемодан с вещами. Так и хранятся сейчас в нашей семье деньги немецкие и фотоаппарат Zeiss Ikon, как напоминание о страшном времени в истории нашей страны. Бабушки моей, Анны Петровны, нет уже в живых. Я рада, что успела хоть немного узнать от неё о войне и записать несколько строчек в семейный архив.

Справка: история из личного архива моей семьи, записана в 2013 году, сохранена вся орфография и выражения, которые в разговоре применяла моя бабушка – Анна Петровна.

Проскоков Юрий Владимирович

Живёт в шахтёрском городе Междуреченске всю жизнь. По профессии горняк, электрослесарь-высоковольтник, верхолаз. Сейчас на заслуженном отдыхе. Писать начал в 2011 году. Пишет прозу, стихи. Председатель совета Литературного содружества города. Член Российского союза писателей с 2015 года. Автор книг «Берега» (стихи), «Таёжные были» (проза), «Вдыхая запахи тайги» (проза); «Каждому дана своя дорога» (стихи), «Рассветы алые встречаю» (проза), «Когда цвёл кедр» (стихи). Победитель и лауреат многих региональных и международных фестивалей и конкурсов.

ВТОРАЯ ЖЕНА

Известие об окончании войны застало Михаила, когда он лежал в госпитале. Его, изрешечённого осколками, доставили сюда прямо с передовой. Врачи долго бились за жизнь бойца, делая операцию за операцией. Возле него на тумбочке лежала уже небольшая кучка осколков, извлечённых из разных частей тела. Вроде бы пора и на поправку пойти, но силы почему-то к нему не возвращались, да ещё из дома пришли плохие известия. Сестра писала, что Глаша, жена его, сильно болеет, давно не встаёт с постели. Ребятишек приходится кормить ей, а ведь у неё самой трое:

– Помрёт, наверное, твоя Глафира, не жилец она на этом свете.

Читал эти письма Михаил, и на душе становилось так паршиво,

хоть вешайся. Не помощник он сейчас семье, пусть даже и выпишут из госпиталя. Что он может, весь израненный, без сил, за ним самим уход нужен, пока очухается.

– О чём опять задумался, Миша? – подошла заступившая на смену дежурная сестра Настя.

– Да о своём всё, о семье. Не нужен я им сейчас, только в тягость буду. Скоро выписать должны, а ехать домой не могу, им самим есть нечего, а тут ещё я, нахлебник, лишний рот.

– А ты, Миша, поживи пока у меня, всё равно я одна, муж погиб, детей завести не успели. Поставлю тебя на ноги, тогда и уедешь домой, – предложила Настя.

– Да как-то неудобно это, что люди подумают, – заупрямился Михаил.

– Люди поймут, война вон сколько судеб перекалечила, да ты не думай об этом, я же не женить тебя на себе собираюсь, вот окрепнешь, тогда и поезжай домой, – настаивала Настя.

Через неделю Михаила выписали. Ходил он ещё плохо, и Настя, наняв машину, перевезла его к себе. Она жила в небольшом домике недалеко от госпиталя. Настя поселила Михаила в спальне, а сама устроилась в другой комнатке на сундуке. Дни потекли размеренно и спокойно. Потихоньку к Михаилу возвращались силы, он уже свободно ходил по двору и пытался было колоть дрова, но Настя пресекла эти попытки:

– Слаб ещё дровами заниматься, если не можешь сидеть без дела, найди работу полегче.

Вскоре, как-то само собой случилось, они начали жить как муж с женой. Михаил понял, что полюбил Настю всей душой, за её спокойный, кроткий нрав, за доброту и терпение. Она не была красавицей, но исходящая от неё какая-то неведомая сила, словно магнитом притягивала Михаила. Он уже просто не мыслил жизни без этой женщины.

Вскоре пришло очередное письмо от его сестры:

– Миша, дела совсем плохи, Глаша твоя вот-вот отдаст Богу душу, что я буду с ребятишками делать, сил моих больше нет. Приезжай, какой есть, может, ещё успеешь жену похоронить.

Михаил не стал скрывать от Насти содержание письма. Они просидели всю ночь без сна, думая как быть дальше. Настя, глядя как мучается Михаил, всё решила сама:

– Вижу, как ты мучаешься, Миша, ехать тебе надо, дети ведь у тебя там, поднимать их надо. А обо мне не беспокойся, поболит душа, и всё забудется, пройдёт со временем.

Но Михаил сказал, как отрезал:

– Поедешь со мной, что бы там ни случилось, без тебя не будет мне жизни, полюбил я тебя!

Собирались они недолго, Настя продала свой домик. На вопрос Михаила, зачем она это сделала, коротко ответила:

– Нам же надо на что-то жить, пока ты не можешь работать.

Посёлок, где жила семья Михаила, встретил их солнечным, тёплым днём, но на душе у них была какая-то тревога, ожидание чего-то непредсказуемого. Вот и родное крыльцо. Из дома вылетели четверо ребятшек и бросились к отцу, но, увидев рядом с ним незнакомую женщину, остановились:

– Батя, а это кто?

– Я вам потом всё объясню, – коротко ответил Михаил, обнимая и целуя сыновей, даже не замечая, что по щекам побежали ручьи, – ну, идёмте в дом, подарки посмотреть будем, а женщину эту Настей зовут, знакомьтесь.

Ребятня посмотрела на гостью, но ничего не сказала и молча подалась в дом.

– Ничего, Настя, всё уладится, ты только верь мне, – глядя ей в лицо, уверил Михаил.

– Да, Миша, – только и смогла сказать оробевшая женщина.

В доме царил беспорядок, пахло плесенью и нестиранным бельём. В соседней комнате, кутаясь в лоскутное одеяло, лежала бледная худая женщина. Она безразличным взглядом окинула мужа, скользнула по Насте и отвернулась к стене.

– Глаша, ты что, не узнала меня? – тихо спросил её Михаил.

– Да она давно не разговаривает и не узнаёт никого, – объяснил отцу старший сын.

– А что врачи-то говорят? – поинтересовалась Настя.

– Ничего они не говорят, уже и приходиться перестали, – в дверях стояла немолодая женщина. – Ну, здравствуй, что ли, братишка, с приездом, – и, обняв, чмокнула Михаила в щёку.

– Вижу, не один приехал, ну да что уж говорить, живой к живому тянется, как звать то?

– Анастасия, – Михаил подвёл её к сестре. – Знакомься, Настя, это Лизавета, единственная родственница моя, сестрёнка.

– Очень приятно, – еле слышно произнесла Настя. – мне Миша много о вас рассказывал.

Побыв ещё немного, Лизавета, убегая домой, пригласила:

– Приходите вечером, посидим, погутарим о жизни.

Следующий день начался с наведения порядка в доме. Всё мешавшее было вынесено на улицу, на просушку, и Настя чуть ли не до вечера скоблила полы, стирала и вешала бельё, готовила кушать. Ребятня поглядывала на неё враждебно и даже не пыталась помочь. Михаил ушёл в поисках работы и появился ближе к вечеру, довольный:

– Мастером на завод берут, завтра уже надо выходить в смену.

И потекли будни, как вода в спокойной реке, однообразные и незаметные. Настя в первые дни сбегала в больницу, узнала у врачей, что за болезнь у Глаши, и взялась её лечить. Она твёрдо решила поставить её на ноги, и первое, что сделала, – это помыла её, передела во всё чистое и сменила постельное бельё. Пришла Лизавета:

– И чего ты с ней маешься, не жалец она на этом свете, бесполезно её лечить, всё равно уже не очухается.

– Посмотрим, – коротко ответила Настя, – я же всё-таки имею какое-то отношение к медицине, вот и Мишу выходила, даст Бог, и Глашу на ноги поставлю.

– Ох, Божья душа, – вздохнула Лизавета, – а как поднимется Глашка, куда ты потом?

– Там видно будет, – спокойно глянула ей в глаза Настя, – окажусь лишней – уйду.

А Глафира, и правда, потихоньку начала поправляться. На щеках, пока ещё впалых, появился слабый румянец, глаза приобрели осмысленное выражение. А на днях она попыталась даже что-то сказать. Ребятня тоже привыкла к Насте и уже не глядела на неё как на чужую, но пока никак не называла. Но это не беспокоило её, тяжело было смотреть, как мучается Михаил, глядя на выздоравливающую жену. Его, видимо, тоже терзал вопрос: что же будет дальше, как жить при двух жёнах? Так прошёл год. Глафира начала разговаривать и подниматься, теперь за столом собиралась вся большая семья. В один из воскресных дней, когда Михаил, раздевшись до пояса, колол дрова, к нему подошла Настя:

– Миша, нам надо с тобой поговорить, давай, куда-нибудь отойдём.

Михаил отложил топор:

– О чём ты, Настя, хочешь поговорить, я догадываюсь, ну пойдём, пройдемся.

Они пришли на берег реки и сели на обрывчике.

– Мне пора уходить, Миша, – тихо промолвила Настя, отвернув от него лицо. – Глаша поправилась, теперь я здесь лишняя, она ведь твоя законная жена, а я кто, приживалка?

– К тебе что, плохо здесь относятся? – нахмурился Михаил. – Или гонят из дома?

– Пока нет, но не стоит этого дожидаться, лучше уйти по-хорошему, –

на глазах у Насти показались слёзы.

– А ты обо мне подумала, как я без тебя жить буду, ведь Глашка мне давно уже как бы и не жена вовсе. Да и не глупая она баба, поймёт, поди, что к чему.

На том и закончился их разговор, оставивший какую-то недосказанность и чувство вины у обоих.

Когда Глаша совсем поправилась и могла уже сама вести домашнее хозяйство, Настя твёрдо решила уйти из жизни этой семьи:

– Они меня поймут, а Миша, Миша как-нибудь переживёт это, и всё у них с Глашей будет хорошо.

Утром, проводив Мишу на работу, Настя взяла приготовленный заранее небольшой узелок с бельишком и, незаметно выскользнув на улицу, чуть ли не бегом кинулась в сторону станции.

Вечером с работы пришёл Михаил. Едва переступив порог, понял, что-то произошло – вся семья тихо сидела за столом, глядя на него виноватыми глазами.

– Что случилось? – он оглядел всех. – А где Настя?

– Пропала она, видно следом за тобой ушла, – объяснила Глаша, – мы её сегодня даже и не видели.

Михаил молча разделся и ушёл в свою комнату. Там он упал на кровать и завыл в подушку:

– Настя, Настя, что же ты наделала, переломала жизнь и мне, и себе.

Он даже представить себе не мог, куда она ушла, ведь жилья у неё нет, денег нет и родственников у неё тоже нет.

– Миша, иди, покушай, всё уже на столе, – тронула его за плечо Глаша.

– Уйди, тошно мне, жизни без неё нет, ведь она меня с того света вытащила, да и тебя тоже. Мы ей жизнью обязаны.

Глаша молча вышла из комнаты. Она и сама полюбила как сестру эту простую, трудолюбивую женщину, не думая даже о том, что та отняла у неё мужа. Главное, что Настя сохранила отца для её детей, которым он ох как нужен!

Михаил стал замкнутым, злым, ни с кем не разговаривал. Возвращался с работы, молча ел и уходил в свою комнату. Он оброс щетиной, похудел, под глазами появились синие круги. Глафира потихоньку, исподволь, узнала у него, где работала Настя, в каком госпитале. Однажды, вернувшись с работы, он не обнаружил дома жены и младшего сына:

– Ребятишки, куда мать с Сенькой делись? – спросил он у оставшихся дома.

– Мамка ничего не сказала, она собралась, взяла Сеньку и куда-то

прямо с утра ушла, – доложили испуганные пацаны.

– Час от часу не легче, – сплюнул Михаил, – теперь и эта в бега подалась, что мне одному теперь с вами делать?

Ребятня только молча таращила на него глаза, полные слёз.

Глафира недолго искала госпиталь, в котором когда-то лежал Михаил. Она подошла к дежурной медсестре и узнала, что Настя, вернувшись, устроилась сюда санитаркой и живёт здесь же, в небольшой комнатке под лестницей.

Она очень удивилась, увидев Глашу на пороге своего жилища:

– Что случилось, почему ты здесь?

Вместо ответа Глафира упала перед ней на колени:

– Настенька, милая, прости ты меня, если чем-то обидела, почему ушла, не сказав ни слова? За тобой я приехала, по своей воле, Миша даже не знает, что я здесь, ведь ты для меня как сестра родная стала. А Миша, он ведь твой, нет у нас с ним уже ничего, только дети и связывают.

– Что ты, Глашенька, вставай, садись-ка на топчан поговорим, чаем вас напою, с дороги поди, голодные?

Ночевать Глаша осталась у Насти в каморке. Утром, получив увольнение, Настя собирала свои нехитрые пожитки – уговорила её всё-таки Глаша.

Вечером, когда Михаил, как обычно, лежал у себя в комнате, во дворе посылались громкие возгласы. Кричал старший сын:

– Папка, папка, иди быстрее, смотри, кто идёт!

Михаил выскочил во двор как был – полураздетый. По улице в сторону его дома шли, взявшись за руки, две женщины с ребёнком, а из соседних дворов выглядывали, выходили люди, обсуждая и с интересом рассматривая эту странную пару – две жены одного мужчины. Но тем было глубоко безразлично чьё-то мнение – они были счастливы по-своему. Каждая.

Аглеева Мария Ильинична

ВОЕННАЯ ЛОЖКА

Память... Без неё целый мир пуст для всех людей вечной планеты. Память... Без неё нет будущего. Поэтому важно помнить о тех, кто дал нам возможность появиться на белый свет, радоваться мирной

жизни и дышать живительным воздухом. Помнить о том, что любой из нас есть продолжение их, лишь тоненькая ниточка, связующее хрупкое звено в пышной родословной цепи. И не имеет право жить «не по-людски» («топ пон»), а иначе бесследно исчезнет из памяти своей семьи и рода, как пыль, сметённая справедливой рукой самой матушки-судьбы.

В памяти нашей пышно разросшейся семьи бережно хранятся светлые эпизоды счастливого детства, родные лица нежно любимых наших родителей, подаривших нам всю свою мудрость и научивших жить, а не существовать. До сих пор вещи, хранящие тепло их рук, напоминают нам о неиссякаемом трудолюбии, искусном мастерстве и умении горячо любить Родину через призму своей маленькой родины.

В каждой семье, в каждом доме есть своя семейная реликвия. В нашей семье тоже есть вещи, которые нам бесконечно дороги, и, прикасаясь к ним, чувствуешь живую связь с прошлым, которое наполняет душу печальной, но светлой радостью.

Это ... ложка. Не простая ложка, а ложка-вилка. Она стала нашей семейной реликвией. На первый взгляд обычная алюминиевая ложка. Ей уже много лет, около семидесяти. За свою нелёгкую жизнь она славно поработала. Теперь устала. Нет хозяина, относящегося к ней как... к верному товарищу. После ухода друга ложка мигом постарела. Один из «зубов» стал крошиться. Отправили на достойный отдых. Только покой она приобрела тогда, когда положили её рядом с орденами и медалями того, которому она служила верно всю жизнь. Так за что же такое уважение простой ложке? Почему фотография её, как героя, находится в школьном поселковом музее? За что ей такой почёт да слава?!

История этой ложки была рассказана отцом в один из тех далёких зимних вечеров, когда в нашем, тогда ещё совсем крохотном посёлке Белоярск, состоящем из нескольких деревянных домишек, рассыпавшихся неяркими бисеринками по берегу Щучья, как обычно, жители лишились электрического света. Весь посёлок погрузился в безрадостную тьму. Даже собаки и те перестали лаять между собой и затихли на некоторое время. Свернувшись пушистым клубком, занимали своё законное место на крыльце. Лишь изредка подавали голос, напоминая людям о том, что они следят за порядком во дворе. Они тоже ждали света. Но никто никогда не мог хотя бы приблизительно определить время, когда же вновь ярко вспыхнет это чудо, «большой землём» сотворённое и подаренное людям Севера. Правда, были такие, которые пытались угадать, скоро будет ли свет:

если резко погас – надолго, а если медленно «тает» – на несколько минут. Подобные перебои с электричеством случались с завидной регулярностью, и тогда снова приходила всем на помощь керосиновая лампа, которая только и дожидалась минуты, когда можно хоть на миг напомнить о себе и стать источником так всеми желанного света. Тем вечерам никогда не повториться, разве только в ярких, не блекнувших с годами воспоминаниях наших и в желанных снах.

Одну из картин, как отец, высоко подняв чайник, наливает чай в свою большую кружку, предупреждая, что тот может мгновенно превратиться в «короткий», чётко держит память. Под наши восторженные возгласы он проделывает ловко несколько раз этот незамысловатый «трюк». Каждый просил сделать ему именно такой чай, по этому особенному рецепту, не догадываясь о небольшой хитрости отца: чтобы нам не обжечься горячим напитком, он таким образом слегка остужал его. Затем все пили крепкий чай почти чёрного цвета, вдыхая ароматный запах «длинного плитошного» напитка, со знаменитыми галетами и аппетитными маленькими или большими сушками, которые были прекраснее всех деликатесов мира. «Сушки детства всегда будут вкуснее шоколада», – так однажды сказала одна из моих жизнью наученных тётушек, достойно и спокойно ушедшая недавно в мир иной.

Во время одного такого чаепития кто-то из малышей начал играть ложкой-вилкой, раскрывая и закрывая её беспрестанно, пытаясь приложить к этому процессу все свои силёнки. Отец, который за всю жизнь никогда не повышал на нас даже голос, необычно резко отобрал ложку и, глядя на неё вмиг посеребрившими глазами, сказал: «Это не игрушка!» Потом, помолчав, добавил с некоторой болью в дрогнувшем голосе: «Она меня кормила всю войну...»

Мы притихли, не понимая такой перемены в его настроении из-за куса металла. Наступила мертвенно-звонящая тишина, она резала слух. Мы сидели, испуганные, потому что боялись, что у него может подняться давление. Мама с бабушкой укоризненно молчали, поглядывая на нас не очень-то ласково. Наверное, отец услышал беспокойный стук наших маленьких воробьиных сердечек, потому что вдруг неожиданно начал свой рассказ глухим, непривычным для нас голосом, как бы прося извинение за резко сказанные слова:

– Хозяина этой ложки я не знаю. И, наверное, никогда не будет нам известно имя того немецкого солдата, которому принадлежала она в начале своего такого необычного путешествия из Германии на заснеженный Ямал. Хотя на ней есть кое-какие знаки. Может, метки какие-то или буквы немецкие. Наверное, так пометил его тот,

который мечтал о захвате земли моих предков.

Потом, помолчав немного, продолжил:

– Это было в 1943 году, в первые месяцы моей фронтовой жизни. Самые тяжёлые. Самые жестокие. Это больно говорить, нелегко вспоминать. Когда, только привыкнув к товарищу, который стал здесь, в этом аду, близким и родным для тебя человеком, который отдавал тебе большую часть от ломтя хлеба, оставляя себе меньшую, а ты теряешь его ... Кричишь, зовёшь, умоляешь его вернуться на землю... А он молчит и не отвечает. Смотришь и видишь только взгляд-свет удивлённых глаз, устремлённых в небо, а на потрескавшихся губах навсегда застывшие слова: «Мы победим!». Душа плачет, когда я вспоминаю его, моего старшего товарища из Бийска, убитого на моих глазах. Он научил меня относиться к людям так, как я хотел бы, чтобы они ко мне относились. Много их было потом, теряя их, я прощался с ними с окаменевшим от увиденного горя сердцем, которое только в мирное время начало потихонечку оттаивать. Эти фронтовые мои друзья до сих пор приходят ко мне в снах, только не могу никак вспомнить их имена и фамилии. Время сохранило в моей памяти только лица, вечно молодые. Они не старятся, а у меня с годами всё больше морщин. Контузия, ранение в голову стёрли многое, но время забыло уничтожить фашистский звериный оскал, который особенно в непогоду берedit незаживающие раны, стучится колючими осколками в уставшее тело, в больную душу и мучит ночами страшными военными картинками.

Помню, как тяжело проходила «зачистка» в небольшой деревне. Всё утро выбивали врага, который никак не хотел покидать насиженное место, где заготовил себе впрок запасы и приготовился ждать своих друзей-зверей. Силы были неравные, но нашим помогал сам Бог вершить справедливый суд над фрицами. Ближе к вечеру деревня была освобождена от этих оккупантов. В бою нашего брата немало полегло, но и их сторона понесла большие потери. Отступая, немцы добивали своих же раненых, считая их обузой для армии. Они были выброшены ими как ненужные пустые гильзы, сломанное оружие. Я смотрел на этих убитых и думал о том, что где-то у каждого из них есть родители, которые ждут их возвращения и ...не дождутся. И неожиданно мой взгляд упал на предмет, который лежал возле одного из «добитых», это была алюминиевая ложка-вилка. Я стоял в нерешительности. Что же делать? Брать или не брать её? Всё-таки вражья вещь! Тут увидел друга, бегущего ко мне. Запыхавшись, он обеспокоенно спросил меня, что это я стою как вкопанный, не отзываюсь. Молча указал я ему на ложку. Друг обрадованно хлопнул

меня по плечу и радостно сказал, что наконец-то проблемы мои закончились. Есть ложка – значит, есть жизнь! Он, как всегда, был прав. Без ложки солдату просто не жизнь, одна беда. Как я потерял свою ложку, до сих пор не могу понять. Но помню, что без этого столового предмета маялся долго. Солдаты выручали меня: сначала кто побыстрее расправлялся со своей порцией, отдавал мне свою ложку, потом сделали мне деревянную. А тут вот она, настоящая! Провели со мной беседу мои товарищи-бойцы насчёт того, что ложку я должен взять, и точка. Поколебавшись, взял, а перед убитым немцем извинился, что, мол, сам солдатом был и знаешь, что ложка значит на фронте, она тебе не нужна, а мне без неё плохо.

Все годы была ложка со мной. В госпитале ждала моего выздоровления, потом со мной поехала на Ямал. Многого повидали мы с ней. Наверное, и она, устав от войны, хотела Победы над фашизмом.

Отец тяжело вздохнул, рассказав нам эту историю, он как будто скинул с себя тяжёлый груз времени. Глядя на нас умными светлосиними глазами, он нарочито громко спросил: «Ну что, будете военную ложку-вилку нашу обижать?» Мы дружно ответили: «Нет!» И посмотрели на ложку совершенно другими глазами, ведь она нашему отцу помогла победить врага.

С тех пор мы, маленькие, по очереди ели с этой ложки и дома за столом, и на природе. Отец всегда её брал с собой, когда наша большая семья ездила за ягодами или на покос.

Проходят годы, ушли в вечный мир полного покоя и царственной тишины родители. У нас уже дети, внуки, но прикосновение к отцовской военной ложке-вилке напоминает и о страшном невыносимом горе людей военных лет, и о святой любви к родной земле.

Пусть же семейные реликвии как святыни передаются во всех семьях из поколения в поколение. Не будем Иванами, не помнящими родства своего, и сохраним светлую память о наших предках, потому что до тех пор, пока мы помним о них, рассказываем о них своим детям, – они живы!

Гришин Виктор Алексеевич

Родился 19 сентября 1952 года на Волге, в городе Кинешме. Окончил Горьковское речное училище имени И.П. Кулибина, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Кандидат экономических наук. Доцент МГТУ. Служил в ВМФ СССР, работал в Заполярье в финансово-кредитных структурах. Лыжник-марафонец. Инструктор-аквалангист. Сейчас на пенсии. Помогает в воспитании двух внуков. Член Союза писателей России. Публицист, прозаик. Автор одиннадцати книг. Финалист, лауреат, победитель ряда всероссийских и международных литературных конкурсов.

ДЯДЯ ЛЯ

Из квартиры номер 12 с утра до вечера слышался дробный перестук. Там работал сапожник Илья Мальшев. С чьей-то лёгкой руки его прозвали дядя Ля. Так «дядя Ля» и остался в моей памяти.

Работал он на кухне двухкомнатной квартиры, которую его семья из пяти человек делила ещё с одним квартиросъёмщиком. Я его и сейчас вижу: на низенькой скамеечке под окном, склонившись над «лапкой», так назывался нехитрый инструмент, которым пользовались сапожники. Он мог всё: зимой работал с валенками, весной клеил резиновые сапоги, летом сшивал сандалии и босоножки. Как только начинало припекать солнце, дядя Илья выходил со своей мастерской и размещался под старой акацией.

Дядя Ля не имел кровати. Он спал там же, на кухне, бросив на пол только старую телогрейку. Проблем идти куда-то на работу у него не было: встал и готов. Устал – шило в стенку, телогрейка – рядом. Конечно, он создавал массу проблем соседке, которая не могла пользоваться сполна кухней.

Сапожник дядя Ля был добросовестный, но не без греха, присущего всем мастерам обувного дела. Он пил, и довольно часто. Тогда всё шло по боку. Народ требовал выполненную работу, ругался, грозил забрать обувь. Жена, тетя Паня, просила, чтобы потерпели немного, и он всё сделает.

Наступало время, дядя Ля заканчивал пить и садился за дело, путая день с ночью. Затем, водрузив мешок с заказами на плечо, шёл по посёлку и раздавал отремонтированную обувь. Брал за труд немного.

Раздав обувь и получив какие-то деньги, дядя Ля шёл ... нет не в винно-водочный магазин. Он шёл ... в промтоварный магазин и покупал ... краски. Да! Дядя Ля был художником и отчаянно, явно проклиная самого себя, вместо того, чтобы купить необходимое в дом, покупал краски. Деньги он тратил подчистую, и вечером, когда супруга Ильи приходила с работы, слышалась её отменная ругань.

Дядя Ля, понимая сложность ситуации, бубнил что-то про страсть художника, что картины он обязательно продаст и деньги в семье будут. Благоверная в отчаянии махала рукой и закрывалась в комнате. Утром тетя Паня уходила на работу, а дядя Ля садился творить. Вытащив из-под кровати заготовленный планшет, дядя Ля укреплял его на самодельном мольберте и принимался за работу. Нужно признаться, что с натуры он не писал, а делал копии картин русских художников с открыток. Работал старательно, по клеточкам перерисовывал рисунок, затем творил кистями.

Писал дядя Ля долго и тщательно. Закончив картину, дядя Ля шёл по домам, предлагая шедевр за не очень большую плату. Хозяйки только улыбались в ответ, отнекиваясь по причине отсутствия денег. Дядя Ля не унывал. Он терпеливо открывал одну дверь за другой и ... И везде его ждало одно и то же – отказ. Доходил черёд до нашей квартиры.

Здесь был особый случай. Дядя Ля уважал мою маму. Он даже звал её тётей Ниной, хотя был гораздо старше. На посёлке мать была единственной женщиной, которая прошла войну. Из мужчин – почти каждый фронтовик, кто постарше, а вот женщин не было. Не удивительно, что мать в свои тридцать с небольшим стала Георгиевной. А для дяди Ильи – даже тётей Ниной. Он её побаивался, так как она его «чистила» за пьянку.

На смех матери, что какая она ему тётя Нина, дядя Ля старательно выговаривая слова, произносил что-то вроде:

– Дык, тётя Нина, ты же на фронте была. Ты пережила столько, что на этих (он широким жестом обводил рукой улицу) на десятерых хватит. Ты одна меня понимаешь.

– Фу, – отмахивалась мама от неожиданного собеседника. – Ты что за дрянь выпил? Политуры хватанул, что ли? Ведь сдохнешь, Илья! А тебе ещё троих поднимать.

Дядя Ля виновато сопел, исподлобья поглядывая на матушку.

– Тётя Нина, купи картину, – шёл он в наступление.

Мать брала картину, рассматривала её на свету и возвращала художнику.

– Красивая. Нет, Илья, денег, – говорила она, – дотянуть бы до дачки (зарплата на фабрике).

– Тётя Нина, да всего пятёрку прошу, – расходы на краску и то не прокрою, – не отставал сапожник.

– Илья, нет денег, – отмахивалась мама, – отстань.

– Тогда займы дай, – выговаривал быстро Илья.

Просто так он уходить не собирался. «Тётя Нина» была последним его рубежом. Мать пристально смотрела на него. Лицо и лысина дяди Ильи были багровыми.

– Илья, снова не спал ночь? Голову ломит? – строго спрашивала мама. – Что же ты в больницу не идёшь? – она знала, о чём спрашивала.

Илья Малышев, в прошлом старший лейтенант, командир взвода полковой разведки, был инвалидом первой группы и страдал от жутких головных болей из-за ранения в голову.

Матушка иногда давала ему деньги «авансом» за будущую работу, то в долг без отдачи, потому что знала, что только водка могла притупить боль приступов. Откуда ей было известно про его проблемы, Богу весть.

– Ты, тёть Нин, не беспокойся, – снова заторопился Илья, – мне бы деньжонок, я бы харчишек купил, да в леса ушёл.

Действительно, как только наступало тёплое время, дядя Ля уходил в глухие леса Заволжья на реку Меру. Немногие знали, что там Илья боролся со своими недугами.

– Вот тебе рубль, Илья, и иди, – матушка строго смотрела на него, – но не на водку, а на продукты. Может, в больницу сходишь? – снова спрашивала она взбодрившегося сапожника.

– Не могу я идти в больницу, тётя Нина! Сил нет! – горько говорил сапожник. – Сколько можно полосовать мою лысину! Живого места нет, одни рубцы, – ронял он через силу слова.

Позже я узнал, что у дяди Ильи череп был собран из кусочков, а пробитый осколками верх заменён металлической пластиной, на которой время от времени нарастали хрящи. Они давили на мозг, и возникали чудовищные боли. Илья сходил с ума от них.

– Ладно, иди, – спохватывалась матушка.

– Тёть Нин, спасибо. Я тебе грибов сушёных принесу, – кричал Илья.

– Илья! – кричала вслед мама. – Картину забыл!

Но ищи ветра в поле.

Матушка без сил садилась на диван, что стоял в коридоре. Она, охватив плечи руками, словно ей было холодно, и раскачиваясь, стучалась спиной в стену. Её лучистые голубые глаза темнели, белокурая прядь волос, выбившаяся из-под косынки, скользила по щеке. Губы шептали:

– Господи, избавь его от таких страданий! Прошу тебя, Господи. Он ли не заслужил от тебя такой милости, – мама имела право на подобные просьбы к Всевышнему. Она с 1943 года по август 1945 стояла на обороне Москвы и войну знала не понаслышке.

Мама смотрела на забытую Ильёй картину: «Дети, бегущие от дождя», но не видела изображения. Она видела Илью, но не в линялом сером халате. Нет. Мама видела красавца старшего лейтенанта Илью Мальшева, командира взвода полковой разведки. Не раз и не два ходил Илья со своими ребятами за линию фронта и всегда возвращался с ценными сведениями и «языком». С первых дней войны везло Илье, он был как заговорённый. Пули и осколки пролетали мимо. Менялся состав взвода, но Илья неутомимо тренировал своих парней и шёл на очередное задание. В середине 1944 года, когда бои шли за пределами границ СССР, счастье изменило лихому командиру взвода. При переходе линии фронта, обратно к своим, группа была обнаружена, и на разведчиков обрушился смертоносный дождь из мин и снарядов. Фашисты боеприпасов не жалели. Илью, изрешеченного осколками, бойцы смогли вытащить из-под обстрела и доставить на советские позиции.

Зрелище было жуткое. Врач медсанбата, посмотрев на кровавое месиво, что осталось от затылка, покачал головой и сказал:

– Не жилец.

Он распорядился вколоть Илье обезболивающее и оставить в покое. Утром никто из медперсонала не чаял видеть Илью живым. А он жил. Илья хотел жить и его глаза кричали об этом. Военврач понял, что этот парень будет бороться за свою жизнь. Как доктор собирал голову Илье, никто не знает, но в тыловой госпиталь его привезли живым. Без малого год врачи боролись за жизнь старшего лейтенанта. Недостающие кости затылка заменили стальной пластиной. Был уже август 1945 года, когда Илья пришёл в себя и стал передвигаться. Первым делом он подошёл к зеркалу, что висело в палате, и посмотрел в него. Из глубины стекла него глядел незнакомый старик с голым багровым черепом, исполосованным шрамами.

– Бывает и хуже, – буркнул Илья и отошёл от зеркала.

Он ещё не знал, что такая операция не пройдёт бесследно, но не хотел думать об этом. Война закончилась без него. Илья не роптал на судьбу.

– Этим ещё хуже, – бубнил он себе под нос, когда мимо него проезжал на самодельной коляске инвалид без ног. – У тебя ещё голова есть, хоть и дырявая.

Его взяли в школу ФЗО на курс подготовки помощников мастеров прядильно-ткацкого производства. Выучился Илья на помощника мастера и пошёл работать в цех. Там у Ильи начались головные боли, да такие, что его не раз и не два находили без сознания у станка. Пришлось расстаться с фабрикой. Для Ильи это было страшным ударом: он женился, и супруга ждала первенца. Как инвалида войны, его определили в артель по ремонту обуви, где он и постиг сапожное мастерство.

Так шли годы. Илья распрощался с артелью и обосновался как холодный сапожник – летом под акацией, зимой – на кухне. Остальное вы всё знаете.

Вспомнили о дяде Илье в послевоенные годы только на День Победы в 1965 году. Партией и правительством было дано распоряжение архиву Министерства обороны и военкоматам развернуть работу по поиску пропавших без вести и нахождению участников войны, которые были представлены к наградам, но по каким-то причинам не смогли найти своих кавалеров. Одним из таких героев был наш сосед, Илья Малышев, по уличному – дядя Ля. Его с 1944 года искал орден Ленина. И нашёл. В старом деревянном доме, без малейшего намёка на удобства, ютящимся с тремя детьми в комнате двенадцать квадратных метров. Представитель горисполкома только посмотрел на эти, так сказать, жилищные условия, на ветерана, согнутого над горой старой обуви, вручил приглашение на торжественное заседание и вышел. На заседании, на котором Илье Малышеву вручали орден, ему выдали ордер на благоустроенную трёхкомнатную квартиру. Но прожил в комфорте и уюте дядя Ля совсем недолго. Он не вышел из очередного приступа головной боли...

Вечная вам память, мои дорогие соседи, ветераны Великой Отечественной войны.

Палагин Сергей Вячеславович

Родился 26 марта 1968 года в городе Саратове.

Военный лётчик, подполковник. Участник боевых действий в ходе осетино-ингушского конфликта, Первой и Второй чеченских войн, антитеррористической операции в Дагестане (август – сентябрь 1999 года) и вооружённого конфликта в Южной Осетии (2008 г.).

Герой Российской Федерации (2004 г., медаль «Золотая Звезда» № 818).

Награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, тремя орденами Мужества; орденом «За военные заслуги», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», Нестерова и другими наградами, в том числе ведомственными и общественными.

ТРИ НОВОГОДНИХ ДНЯ ВОЙНЫ

Мы выполнили посадку на площадку вблизи Грозного. Недалеко маячили кварталы Катаямы. Погода мерзость, всюду непролазная грязь. После того как заглушили вертушку, я вышел из кабины и направился к раненым, махнул им рукой на погрузку, и те потихоньку стали преодолевать расстояние слякотной поверхности до вертушки. На площадке остался лишь один «старлей», кажись, танкист, сидевший на валявшемся бревне. Он не реагировал на окружающую обстановку и, уйдя в себя, смотрел куда-то далеко и, скорее, в мыслях находился не здесь. Я подошёл к нему и, тронув за плечо, вывел его из забвения.

– Как дела, браток, заснул, что ли?

– Да нет, так задумался, – немного с холодком ответил он.

– Серёга, – представился я ему и протянул руку.

– Саня Суфрадзе, – ответил «старлей».

– Откуда Санёк, где был? – спросил я, присаживаясь рядом.

– Я с Грозного, из 131-й бригады, – ответил Санёк.

– Обладеть, нам сказали что вы там все полегли! – удивлённо смотрел я на собеседника, как будто вернувшегося с того света.

Все мы уже знали, что сводная группа этой бригады полегла на улицах Грозного в новогоднюю ночь. А сейчас передо мной сидел живой свидетель этих событий.

– Полегли, почти все полегли, – со скорбью произнёс Суфрадзе.

– Санёк, рассказывай, что у вас там случилось, мы же ничего не знаем, ты хоть просвети, что там произошло? – уговаривал я танкиста.

Тот невесело улыбнулся, и эта улыбка выдавала всю ту боль потерь, которую этот человек пронёс за эти три дня.

– С чего рассказывать-то? – спросил он меня.

– Да с самого начала, с чего хочешь, всё равно сидеть будем и ждать подхода «брони» с «тяжёлыми».

Саня задумался, видно, думал, что рассказывать летуну и пойму ли я тот трагизм, что испытал он за эти несколько дней.

– В общем так, выдвинулись мы в направлении Грозного. У нас молодняк только что прибывший из учебки, ну и те, кто год отслужил, экипажи собирали наспех, многие не слажены, дембелей только что домой отправили, вот молодняк и сел в танки с минимальными навыками управления – и сразу в бой. Некоторых по фамилии только и знал записанными в блокнотик. Холод, ветер, метель, палаток нет, тёплого белья нет, вместо него только броники. Воды нет, кухня хрен знает где, хорошо, если хоть что-нибудь раз в день привезут. А если привезут, то баланду какую-нибудь подгоревшую. Иногда что-то от местных перепадало, но это капля. Вскоре мы закрепились на Терском хребте. Сказали, что до Нового года никуда не двинемся, стали окапываться.

И тут нам вдруг объявляют о создании штурмовых отрядов и о том, что идём в Грозный. Всех построили, сделали по полю круг для тренировки экипажей, зачитали задачу, и вперёд. При этом всем сказали, что сопротивления не ожидается, поэтому занимать только административные здания, в частные постройки и жилые дома не лезть, ущерб не наносить, будем отвечать вплоть до уголовной ответственности.

Пошли колоннами по разным направлениям, но основное – на совхоз «Родина». Подошли к Нефтянке, там на мосту слетел танк и перевернулась «бега», пока возились, один экипаж – сержанта Эдика Балета – ушёл в город, там его первым и сожгли. А потом уже разведка и наши штурмовые группы вступили в бой, понеслась вакханалия. Связь отрывочная, многие ничего не слышат и не разбирают что и где. Но вроде вышли на рубежи и начали окапываться. И тут вдруг снова вперёд, теперь уже в город. Карт города нет, какие есть – все старые. Улочки узкие, а ведь предупредили, не наносить ущерба. Задачи ставят по старым названиям улиц, ещё советских времен, а «чехи» их переименовали, куда двигаться, сам чёрт не разберёт, то в тупик угодим, то вообще на окраину заедем и снова разворачиваемся, ищем, куда и на каком перекрёстке повернуть. Но вышли к вокзалу. Духи били из гранатомётов по технике и бойцам на всех улицах из проёмов окон пятиэтажек. Они подготовились и ждали, когда мы к ним придём, понастроили кучу ловушек, баррикад.

Пошли потери в технике и людях. В танках половина боекомплекта – бронебойные снаряды, ими только против танков воевать, а не по зданиям. Выстрелишь, а снаряд только дыру насквозь в стене делает, и всё.

С нами в Грозный вошёл 81-й полк из Волгограда, их тоже начали жечь. Конечно, все мы огрызались, но в городских кварталах это сложно, да ещё и с молодыми. Только высунешься – граната, только за угол повернёшь – сразу подарок в борт, некоторые машины по 6 – 8 выстрелов из гранатомёта получили. А тут «чехи» навалились, некоторых бзяли в плен, а в основном резали и достреливали, над некоторыми издевались и живём жгли. В эфире неразбериха, мат, то там подбит, то там горит, то там нужна помощь, а на улицах – только бы не остановиться. Плюнули на все указания и стали заезжать во дворы, ломать заборы. Когда технику подбивали, то занимали в домах оборону или даже просто загоняли технику в дома, чтобы хоть как-то осмотреться и укрыться от гранатомётчиков.

На меня порой выходили на связь экипажи, просили указаний о дальнейших действиях. Запрашиваю – где они, а в ответ, что не знают, начинают описывать местность, как будто я этот город знаю. Дал указания действовать по обстановке.

1-й штурмовой отряд начал занимать оборону у вокзала и близлежащих улиц, началось движение в район Беликовского моста. Улицы узкие, мы не помещаемся в них, а тут еще «чехи» глушилки врубили, помехи, ничего не разберёшь. Манёвр каналами почти ничего не давал, они быстро нас сканировали. На перекрёстке улиц Суботников и Табачки встретили «чехов», и закрутилось, понеслось. Кровь, ранения, смерть. Бойцы, сначала не понимавшие, куда вляпались, осознав, что это не игра в перестрелку, впали в оцепенение. Им ставишь задачу – вперёд, прикрыть танк, а они только головой мотают, сидят под зданиями: «Нет, не пойдём!» «Чехи» носятся, как привидения, со всех сторон и жгут из всех зданий. А тут двинуться невозможно, манёвра нет, то дерево мешает, то фонарный столб, то угол дома. Танк жгут, экипажу надо его покидать, а на всех один автомат и набор гранат, эти бараны наверху не удосужились выдать автоматы и пистолеты, считая поход в Чечню прогулкой. Как могли, отстреливались. Начали отход назад, на Привокзальную площадь. Уже к вечеру там собрались и 1-я штурмовая, и остатки 2-й штурмовой группы. Заняли круговую оборону по периметру вокзала и примыкающих улиц. Стоящие вокруг пятиэтажки под контролем чеченцев. Тут узнаём, что комбрига ранило, но он продолжал руководить боем. С наступлением вечера огонь со всех окон усилился. Полковник Савин поставил капитану Андрею Чёрному и мне задачу – своими танками завалить бетонный забор, огораживающий стройку рядом с вокзалом, чтобы боевики не

могли скрытно сосредоточиться на левом фланге бригады. Эта задача нами была выполнена.

Дальше крутился на узком пространстве, но в районе семнадцати часов в наш танк попал выстрел гранатомёта. Говорю своему механику-водителю – старшему лейтенанту Виталию Данилову:

– Виталя, уходим за угол дома.

– Командир, не получается, машина не слушается, у нас, походу, двигатель горит, – ответил Данилов.

В это время на меня вышел командир 2-го батальона с просьбой вытащить их с товарного двора, где их «чехи» зажали.

– Не могу выдвинуться, танк горит, покидаю машину, – ответил в эфир я и скомандовал, чтобы экипаж покинул горящий танк. Но выйти было невозможно, пули цокали по броне, не давая высунуть и головы.

Наш радиообмен с комбатом 2-го услышал капитан Юрий Щепин. Его Т-72А расположился прямо на площади, так как свободного места у вокзала уже не было. Он поспешил на помощь моему экипажу и подошёл к нашему танку. Под его прикрытием мы успешно покинули горящую машину. Выскочив из танка, прикрылись его бронёй. Вокруг сплошная трескотня и разрывы, это не на полигоне, здесь не знаешь откуда и что прилетит.

Именно в это время противник усилил огонь. В крышку люка танка Щепина попала граната из РПГ. Осколки проникли внутрь башни, Юрка получил смертельное ранение в голову и грудь. Я с парнями забрался под огнём на броню и вытащил его, но у того уже была агония, отнесли его к вокзалу.

Раненых размещали в подвале вокзала, а убитых уносили на улицу и складывали вдоль стены. А с наступлением темноты вообще жуть началась. Техника на вокзале плотно стояла, вот духи её жечь и начали. Ну и, естественно, били по вокзалу и по тем зданиям, которые мы ещё контролировали. Обстановка ухудшалась с каждым часом. Мы просили помощи, но она пришла только от волгоградцев из 81-го полка, который бился с нами в Грозном. Прорвалась танковая рота капитана Игоря Вечканова. Позывной у него был «Каток», но и его роту вскоре тоже при боях в районе вокзала и за вокзал сильно потрепали.

Наступил Новый год. Многие этого даже не заметили. Минут на тридцать – сорок наступило небольшое затишье, видно, «чехи» тоже отметили наступление праздника. А потом всё началось заново. Обстрелы, подрывы, ранения, смерти. Отбивались, как могли, просили помощи, стали экономить боекомплект. На вокзале скопилось уже человек шестьдесят раненых.

Утром нам на помощь пошла колонна техники, которую возглавил

заместитель командира нашей бригады полковник Андриевский. Колонна состояла из брони и колёсной техники. Везли боеприпасы, медицину, ну и всё остальное. Но и эту колонну «чехи» перехватили.

Гранатомётчики сидели в каждом доме и методично жгли сверху машины. А ещё они артиллерию подтянули и танки. Стало ещё тяжелее.

Вроде бы и десантура тоже пыталась прорваться на помощь, но «братишек» встретили, дали им по зубам и те отошли. Мы остались одни, остались погибать. Боеприпасов с гулькин нос, медикаменты кончились, раненых больше шестидесяти, в общем, к вечеру комбриг принял решение пробиваться к нашим и оставить вокзал. Тем более что прорывающиеся к нам подразделения оттянули на себя силы чеченцев и ослабили их натиск.

Уходили на трёх БМП, прикрывал отход тогда капитан Рустем Клуппов, геройский мужик, последним уходил с вокзала, когда «чехи» уже ворвались в него, сдерживал боевиков со своей малочисленной группой до последнего.

Там Ковалёв, правозащитничек, сволочь продажная, для «чехов» во всю старался. И в плен нам предлагал сдаваться, и технику им передать, в общем, шукура, как таких Россия терпит.

На броню, куда можно, загрузили раненых по максимуму, под завязку и внутрь и снаружи. Двинулись вдоль железки в сторону парка Ленина, но попали под обстрел, дальше развернулись и пошли в сторону аэропорта. Доехали до какого-то перекрёстка и тут по первой «бехе» пошла работа «духов» из гранатомётов. Раненых снесло взрывами, погибли почти все, вторую накрыли метров через пятьдесят, оружия у тех, кто выжил, было мало, «чехи» подходили и добивали раненых, от взрыва гранаты погиб и комбриг – полковник Савин.

Я уходил на танке уже в последних рядах, как бы прикрывая колонну комбрига сзади, хотя вооружение на машине уже не действовало. На броню загрузили раненых, и вперёд по путям. Сзади наседали «духи», отбивались от них, как могли, лишь бы держать на удалении. Мы держались железки, а на развилке пошли по левой ветке, она нас вывела через микрорайон Подгорный, а дальше мы уже продвинулись к горному склону в район дач. Там танк заглох. Пришлось его бросить, но поставили растяжку. Минут через пятнадцать после того как мы покинули танк, услышали там взрыв, нас преследовали. Взяли всех раненых, кто лёгкий и мог двигаться, пошёл сам, а тяжёлых понесли. Я со своим наводчиком Денисом Шачневым на стволах автоматов понёс капитана Дмитрия Аденина. Он был тяжело ранен в бедро, все вымотались до звёздочек в глазах. Потом вышли в расположение 503-го полка, вот так, – закончил своё грустное повествование о героическом подвиге своих сослуживцев Александр Суфразде.

На площадку, раскидывая грязь, подъехала техника и привезла тяжёлых «трёхсотых», мы разместили их на вертушке. Махнув на

прощание отважному танкисту, запустили борт и через десяток минут уже были в воздухе, увозя из этого пекла очередную группу раненых.

После проведённого спустя несколько лет расследования было выяснено, что бойцы и офицеры бригады во главе со своим комбригом выполнили поставленную им боевую задачу с честью, проявив при этом высочайший героизм, как бы это обыденно ни звучало для того, кто читает эти строки. Многие награждены орденами и медалями, в основном посмертно, а Ивану Савину, Рустему Клапову присвоено звание Героя России.

Хохлова Василиса Андреевна

Родилась в 2004 году в Калуге. Учится в 9-м классе гимназии №19 города Калуги.

Увлекается спортом и журналистикой. В будущем планирует выбрать профессию, совмещающую в себе эти две сферы. А ещё очень любит свою семью, изучает её историю. Её очерк – результат долгих разговоров с мамой и бабушкой за просмотром семейных фотоальбомов.

ДОРОГАЯ МОЯ

Мы виделись всего один раз. Но я была очень маленькая, а она – очень старенькая. И поговорить не смогли. Поэтому для меня она такая, какой её запомнили мои мама и бабушка.

«Сдала!» – выдохнула третьекурсница Ленинградского педагогического института имени Герцена Лида Панфилова, получив оценку по последнему экзамену летней сессии. Это были основы марксизма-ленинизма. Важный предмет на родном истфаке. И было это 23 июня 1941 года, и на душе была не радость, а тревога. Война. Реальная. Не из учебников. В Ленинграде она одна. Родители в родной Вязьме. Но туда уже не добраться. Да и надо ли? Ведь она нужна здесь. Не зря посещала курсы медсестёр запаса. По приказу Сталина они были обязательными для всех девушек-студенток. В августе предстояло сдать выпускные экзамены. Но тут уже не до теории – практики хоть отбавляй.

Устроилась в госпиталь, который обустроили в школе на улице Восстания. Ухаживала за ранеными. Их было очень много. Койки приходилось ставить в коридорах и на лестничных клетках. Операционная в подвале, в классах – палаты. Раненых много, а значит, и работы тоже.

А вот еды с каждым днём всё меньше. Чаще всего ночевала в госпитале. Он теперь как дом, а коллеги – семья. Когда у Лиды пропала продовольственная карточка, её целый месяц поддерживали всем миром, кто чем мог. Не дали умереть от голода. Знали, что у девушки в этом городе больше никого. А карточку украла подруга. Потом, уже перед смертью, покаялась. А умерла она от голода, ирония судьбы. Украденное не помогло.

Голод, холод, артобстрелы. Хорошо, что госпиталь уцелел. Местный мастер притащил маленький генератор. Так что были со светом, врачи могли спокойно оперировать. Чтобы поддерживать раненых, поили их хвойными отварами. Ёлки – военные витамины. Чтобы согреть, здание жгли всё, что горело. Но только не книги. От школы осталась библиотека. Её никто не тронул.

А ещё запомнился запах настоящей еды. Его этой первой, самой суровой блокадной зимой почувствовала лишь однажды. Земляк, дальний знакомый, пригласил в гости. Он работал интендантом, и в его семье на обед было первое, второе и компот. Хозяйка тогда не на шутку испугались, что их молоденькая гостья умрёт от переедания. А чтобы раненые не умерли от голода, весной начали обустраивать приусадебные участки. Эти овощи потом здорово помогли. Но урожая Лида уже не дождалась – в августе 42-го ушла на фронт. Ленинградский.

Попала в инженерно-сапёрную бригаду. Санинструктором. Здесь уже будни не трудовые, а боевые. Тяжёлые. Очень. В бой идут молодые, здоровые ребята. Потом некоторых, уже раненых, Лида тащит на себе. Перевязывает, подбадривает. Самой тоже без поддержки и защиты тяжело. И они пришли в лице Сергея Дмитриева. Он старше на 6 лет, но почти как на целую жизнь. Воюет с 39-го. Сначала с белофиннами, теперь вот с немцами. Опытный боец. Но такой трогательный ухажёр. Когда в 43-м при прорыве блокады Лиду ранило в ногу, именно Сергей первым прибежал к ней в госпиталь. Это всё и решило. Когда смогла вернуться в строй, расписались. Такой вот военно-полевой роман. Они ещё год воевали бок о бок. Освобождали хоть и не родной, но такой любимый обоими Ленинград. После полного снятия блокады погнали фашистов к границе, но далеко не ушли. В Середском районе тогда ещё Ленинградской, а ныне Псковской области 21 и 22 февраля шли ожесточённые бои. Немцы хорошо укрепились, выбить их было непросто. Сергей Дмитриев тогда командовал отделением. Восемь сапёров должны были протаскать два противотанковых орудия на огневые позиции, а каждое весило полторы тонны. Полкилометра по снегу, под постоянным обстрелом. Четверых убило практически сразу. Оставшиеся в живых поставленную задачу выполнили: орудия дотащили. Только сами не выжили.

Лида тоже была в том бою. Вытаскивала раненых. Уже привычное занятие. И вдруг один из бойцов шепчет страшные слова. Они уже на всю жизнь остались с ней, как звук набата: «Лида. Там... Сергей». Ребят похоронили. И снова в бой. Лида вытаскала тогда более 10 бой-

цов, в том числе офицера. Её наградили медалью «За отвагу», а Сергея – орденом Красной Звезды. Посмертно.

А через полгода у Лиды родилась Надежда. В роддоме тогда загадали: если родится девочка, значит, война скоро кончится. Шёл июль 44-го. Как же тогда все радовались появлению Наденьки. Жаль, что папа Серёжа её не дождался.

Лида так и осталась на всю жизнь бойцом. Всегда была готова дать отпор любым трудностям. Она все же окончила свой институт и посвятила педагогике более четверти века. Преподавала историю, была директором сначала детского дома, потом школы. С той первой блокадной зимы сохранила любовь к хлебу. И даже в мирное, благополучное время никогда не выбрасывала ни кусочка. И никому в своём доме не разрешала это делать. Любила рассказывать внукам о подвигах. Но не своих. О войне говорила редко. Хотя раненная в 43-м нога постоянно о ней напоминала.

Жаль, что мы встретились с ней лишь однажды. Иногда представляю, как сели бы поговорить. Я – уже не слишком маленькая, она – не слишком старенькая. Я бы тогда сказала: «Дорогая моя, прабабушка Лида. Мы нашли могилу твоего Серёжи. И даже съездили к ней. А ещё каждый год 9 Мая вы с прадедушкой вновь в строю – теперь уже Бессмертного полка. А у бабушки Нади уже несколько лет сильно болит нога. В том месте, где у тебя была боевая рана. А моя мама – очень любит чёрный хлеб. И никогда не выбрасывает недоеденные кусочки. И никто в нашей семье хлеб не выбрасывает. Никогда».

Бочаров Анатолий Николаевич

ИСТОРИЯ ЛЮБИ ПО ПИСЬМАМ, НАЙДЕННЫМ В ОКОПАХ

Кое-как прочитав полуистлевшие листки, в большинстве своём лишь догадываясь о написании слова по смысловому содержанию фразы, я долго, в течение месяца, был под впечатлением – не мог солдат под свистом пуль и разрывов снарядов писать такое... Впрочем, всё по порядку... Высота эта за послевоенное время заросла берёзками плотно, почти полностью скрыв шрамы войны – окопы, воронки от разрывов снарядов. Окончательный мазок нанесла густая трава. В траве ползали букашки, пробегали, вильнув хвостиком, ящерицы. Казалось бы, этот подлесок должен радовать глаза и приглашать прилечь для отдыха в тенистую прохладу. Но, приглядевшись, в траве можно увидеть мотки колючей проволоки, ржавые сапёрные лопатки, пробитые пулями каски. Постояв пару минут среди берёзок, начинаешь чувствовать угнетение, взгляды и вздохи за спиной. Мне казалось, что с моей психикой что-то не в порядке и нужно ехать к соответствующим эскулапам. Но такое же состояние и у моих товарищей. Начинаем работать металлоискателем, и с первых же метров земля начинает издавать стон – её тело нашпиговано металлом. Наша лопата сразу уткнулась во что-то объёмное,

металлическое. С осторожностью, не спеша достаём не взорвавшуюся миномётную мину калибра 82 мм. Увеличивая раскоп, вынимаем из тела земли множество осколков, стреляных гильз. Постепенно вырисовывается профиль окопа. Гильзы, гильзы... Гильзы наши, советские. По всем признакам здесь была пулемётная точка. Продолжаем разрабатывать окоп. Вот и ниша, а в ней пустые пулемётные ленты, связка гранат, приготовленная для броска под гусеницы вражеского танка. Больше не использованных боеприпасов нет, но с правой стороны ниши лежит предмет, похожий на офицерский планшет. Тут уж нужна не только осторожность, а сверхосторожность, сверхвнимательность. Планшет заворачиваем в светонепроницаемый материал – его содержимое будем исследовать в палатке при свете фонариков. Продолжаем работу металлоискателем и щупами перед окопом. Осколков множество, но в одном месте более сильный сигнал, видимо, там крупный по размеру металлический предмет. Проверка щупом показывает наличие явно костных останков в нескольких местах на глубине не более 20 – 30 сантиметров. Спустя несколько часов были полностью вскрыты останки трёх немецких солдат и одного нашего офицера – наличие знаков на рукаве указывало на то, что это политрук. Это была рукопашная схватка – у немцев жетоны целые, значит, они не были похоронены. Один вражеский солдат был убит сапёрной лопаткой, так как она лежала на его груди, и несколько рёбер сломаны. Второй солдат был убит штыком – кусок штыка длиной пять сантиметров застрял в крестце. У третьего вражеского солдата был разбит череп. Останки нашего офицера... Череп пробит немецким ножом, и к тому же прострелен насквозь – стреляли с близкого расстояния, две пули застряли в десятом позвонке и одна в правой коленной чашечке. Застрывшие в позвонке пули указывают на то, что выстрелы были произведены с близкого расстояния и сзади. Общая картина прояснилась: в этом месте была пулемётная точка (наличие множества стреляных гильз, пустая пулемётная лента), солдаты пулемётного расчёта были ранены и отправлены в госпиталь или погибли и похоронены в тылу, а для отражения атаки немцев в бой вступил политрук. Видимо, немало положил он врагов из пулемёта и ещё троих в рукопашной схватке, что немцы, по-видимому, раненого, добивали с жестокостью и злостью. Это они выполняли приказ командования – «мало убить русского солдата, его нужно ещё и свалить». И ещё один вывод мы сделали: враг не прошёл, так как оставил своих солдат не похороненными. Выбили врага с этой высоты. Стояли на смерть наши воины. Мне не очень часто приходится работать в полевых условиях, и мне было страшно, и в то же время гордость испытывал за русского солдата. Такие же чувства были и у моих товарищей, которые не один год поднимают останки наших солдат, устанавливая их имена и с воинскими почестями хоронят на мемориалах Славы. Вечером мы расположились в палатке (в тесноте, но всем интересно узнать имя политрука, чтобы сообщить о последнем подвиге родным) для изучения содержимого офицерского планшета. Забегая вперёд, скажу – имя политрука установить не удалось, так как не было документов, а были лишь треугольники писем. Одно письмо с размытыми от времени и не архивного хранения почтовыми штемпелями было явно от женщины, и три неотправленных письма. Мы пытались прочитать адрес, но удалось лишь следующее: «Ро.... обла ... Ре... район село ... ое. Г... вой ... не Ник...» Как видно, при-

вязки к конкретному адресу нет. Область может быть и Ростовская, и Ровенская. Районов же и вовсе большее количество – Ремонтненский, Решетилловский, Резекненский и так далее. Село вообще не поддаётся расшифровке. Фамилия также не конкретизируется, да и может быть по мужу или девичью.

«Г.И.Н. ... Для сохранения психики и душевного равновесия буду разговаривать с тобой эпистолярным жанром, то есть, письм(ами). Буду писать тебе в свободное время. Отправлять письма, конечно, некуда. По последним сводкам знаю, что немцы окуп(ировали) много наших городов и сёл и хотят (зах)ватить Кавказ. Но, выплеснув на бумагу свои мысли и слова к тебе, мне станет легче на душе. Может, на языке психиатров это есть первый признак сумасшествия? Пусть даже и так ...»

В правом верхнем углу каждого письма написанные каллиграфическим почерком, более крупные стоят три буквы – Г.И.Н. Если сопоставить с адресом, то это инициалы девушки, которой пишет письма офицер. Гитлеровские войска рвались к кавказской нефти в августе 1942 года, и бои на высоте, где найдены письма, велись первые две недели августа. И тогда можно смело предполагать, что защитник отечества пишет письма в Ростовскую область.

« ...Роднулечка, крохотулечка моя, нежненькая, я скучаю по тебе. Как жаль, что стёрся твой пот, который оставался при прощании... Миленькая моя! Я как вспоми(наю) тебя – у меня сердце стучает и гудит, кажется, сейчас выскочит из гр(уди) и поскачет по пыльной дороге к тебе навстречу...»

Из архивных материалов известно, что на этой высоте велись жесточайшие бои в течение двух недель, об этом говорят многочисленные осколки и невзорвавшиеся снаряды. Свистят пули, сметает всё на своём пути шrapнель, осколки мин, снарядов и бомб ломают всё на своём пути, а тут пишут письма ... В любую секунду может погибнуть, а он пишет о любви ... Может, это придавало сил и терпения, мужества и отваги при отражении вражеских атак. Из этого отрывка письма можно сделать осторожный вывод: мобилизован не так давно (упоминаются пот, пыльная дорога) – не ранее весны. И можно даже предположить, что срочную службу проходил до войны, до войны же окончил курсы подготовки офицеров и последнее время работал на руководящей должности (не мобилизован в первые дни войны). Мы с ребятами пришли к выводу, что возраст бойца от 25 до 30 лет. В письмах не упоминается о детях, нет обращений, свойственных мужу и жене.

« ...Пишу, пишу и не перечитываю, и не корректирую, так как мозгами ничего не соображаю – всё идёт от сердца к кончикам пальцев, которые и двигают карандаш. Смотрю и думаю, что это карандаш мельтешит ...»

« ... Наверное, мы уже с тобой не увидимся ... Позволь лишь мне любить тебя такой, какая ты есть, видеть тебя во снах своих коротких и суматошных ... Сегодня наши танки пытались сбить фашистов с ближайшей высоты. Два наших танка были подбиты, а один разлетелся на куски от взрыва снарядов в танке ...»

Стрелковые части несут большие потери, немцы отбили нашу танковую атаку и в письме появляется строчка «наверное, мы уже с тобой не увидимся». И опять нет слов о детях. Значит, это не муж и жена, а просто влюблённые сердца и фамилия офицера может начинаться не обязательно на букву «Г», а на любую букву. На другой день мы обследовали соседнюю высоту

и нашли люк башни танка и переднюю броневую плиту танка Т-34. Они использовались немцами для создания огневой точки, прикрывали пулёмётчиков.

«... Скучаю за тобой, снишься ты мне. Приходится стойко переносить все тяготы и лишения разлуки. За что мне Бог назначил такие страдания? Я готов пройти всё, лишь бы знать, что у тебя всё хорошо, может... Ты одна у меня, мне другая не нужна... а если звёзды соизволят, то и увидеть твои глаза-озёра, губки-бантики, шейку точёную...»

Имя воина мы вряд ли когда узнаем, но оно занесено в особых книгах на небесах. Упокоилась его душа, выполнив свой долг перед нами. Я лишь выполняю свой долг перед ним, напомнив тебе, читатель, о чувстве, которое сильнее смерти, о любви. Любите, будьте любимы и помните о тех, кто дал нам возможность испытывать эти чувства.

Кроха Людмила Владимировна

Родилась в 1971 году в городе Канске Красноярского края. Окончила Иркутский государственный педагогический институт в 1993 году. С 1996 года работает в средней школе посёлка Новая Игирма Нижнеилимского района Иркутской области. Преподаёт русский язык, литературу, мировую художественную культуру. Является лауреатом премии Президента в рамках ПНПО. Занимается интеллектуальным развитием школьников, является руководителем поселкового клуба интеллектуальных игр, сотрудничает с Международной ассоциацией клубов «Что? Где? Когда?». Увлекается театром, руководит школьной театральной студией. Её воспитанники – победители и призёры конкурсов, конференций муниципальных, региональных и федеральных уровней.

КРЫЛАТАЯ ДЕВА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Памяти моей землячки Паны Прокопьевой

– Женя! Женечка! В нас попали, сволочи, попали!.. Мы падаем!.. Мама, мамочка! Прости меня, мама...

...Удушающий дым, бешеный рёв раненого мотора, страшная скорость падения. И Женька молчит. Почему? Где она?.. Вот и всё... Я уйду, но уйду не одна, я захвачу с собой вас, сволочи!

Это она, наша землячка, в последнем боевом полёте. Она в числе лётчиц 46-го Таманского женского авиационного полка, наводившего страх на
208

немцев. Она – одна из бесстрашных «ночных ведьм». Она, сгоревшая в самолёте, но выполнившая свой боевой долг до конца. Она, оставшаяся навечно в нашей памяти, словно крылатая Ника, богиня Победы.

...Далёкий 1919 год. Маленькое село Березняки, затерявшееся на севере Иркутской области. В простой крестьянской семье Михаила Прокопьева очередное пополнение: родилась девочка, дочка, Прасковья, Пана. Природа одарила её ярко: активистка, отличница, всегда во главе всех дел. И не до красоты женской, некогда, а потому и стрижка покороче, волосы вьются – и так красиво. Пана – поддержка, любимица, настоящий друг и верный товарищ, не предаст, но и за неправду от неё пощады не жди. Среди комсомольцев Пана не было равных – рассудительная, серьёзная, привыкшая требовательно спрашивать прежде всего с себя. Вожак, одним словом! «Эта далеко пойдёт по комсомольско-партийной линии!» – шушукались за спиной. Так бы и случилось. Но Прасковья была рождена для другого. Для неба. Для Победы. Для памяти. Для вечности...

– Пана! Пойдём скорей на станцию. Там уже уйма народу, – в дверях закадычная подружка Файка Прокофьева, за которой Пана поехала поступать в училище в провинциальное Черемхово. – Ишь ты, платье самое лучшее напялила! Расфуфырилась! Щёки горят!

Станция Черемхово. Вот они – герои! Точнее так – героини! С каким восхищением смотрят на них черемховцы! Ещё бы! Отважные лётчицы: Валентина Гризодубова, Полина Осипенко, Марина Раскова – герои Советского Союза, совершившие первый беспосадочный перелёт из Москвы на Дальний Восток на двухмоторном самолёте «Родина». Они здесь, рядом, красивые, молодые, счастливые. Толпа беспрестанно скандирует: «Молодцы! Герои!» Митинг – и дальше, в Москву, на специальном поезде, увитом цветами. «Девушки! В небо!» – такими были последние слова знаменитых лётчиц.

– Я тоже, Фая, так хочу! Я тоже хочу в небо!

– Что ты! А как же школа? Из тебя получится хороший учитель, ты же хотела? Ну какая ты лётчица? – затараторила Фаина, затараторила и поняла: Пана её не слышит, горячий огонёк упорства, такой знакомый, промелькнул в глазах лучшей подруги.

Пана буквально заболела небом. Благо, в Черемхово и аэроклуб есть. Вступила, первые прыжки с парашютом. «Отчаянная!» – хвалил каждый раз инструктор. А она снова и снова «набирала» прыжки, чтобы однажды сесть за штурвал самолёта. И вот мечта сбылась – через восемь месяцев первый полёт! А ей всего девятнадцать!

В своём дневнике (давняя привычка – дисциплинирует) школьница Пана Прокопьева однажды написала: «Хочу быть артисткой или физкультурницей. Но чувствую, что буду учительницей или прокурором».

Странный набор профессий... Учительницей? Ну да. Мечта сбылась – в кармане заветный диплом педагогического училища. И школа определена: Черемховская, 25-ая. Но желание покорять небо никуда не исчезло: в другом кармане – удостоверение лётчика-инструктора. В 1938 году как подающая надежды талантливая лётчица отправлена в Херсон в школу штурманов. А потом опять Черемхово. Любимая начальная школа... Здесь обрываются дневниковые записи Прасковьи Михайловны Прокопьевой...

... Спокойный, но обжигающий, пронизывающий до кончиков пальцев голос из репродуктора: «Сегодня, 22 июня 1941 года, в 4 часа утра, без объявления войны...» Пана в Иркутске – всё-таки пошла «на повышение» по комсомольско-партийной линии – инструктор обкома комсомола.

«Война?! Я лётчица! Мне надо срочно на фронт!»

«На фронт? Ну что вы, девушка! – оглушил мягкий, но категорический отказ в военкомате. – Надо будет, обязательно вызовем! Хотите летать? Отправляйтесь обучать лётчиков, нам нужны ваши знания». Так Пана оказалась ... в Монголии. Работы здесь было невпроворот – кроме подготовки лётчиков, она перевозила по отдельным айманам и сономам (селениям) гражданские грузы. Но душа болела: там, на Родине, война, народ гибнет, освобождается город за городом, а она тут сидит! Случайно узнала: есть такой 46-й Таманский женский авиационный полк, который занимается ночными бомбардировками врага. Наудачу, не надеясь на ответ, в начале 1943 года написала письмо той самой Марине Расковой, что видела когда-то на станции в Черемхово в числе других женщин-героев, знаменитых лётчиц-рекордсменок. А весной! Так быстро! Да-да, той самой весной сорок третьего пришёл вызов из полка «ночных ведьм» и направление на фронт.

... Вот последнее письмо Паны Прокопьевой. 23 марта 1944 года... Несколько торопливых строк, и в каждой – беспокойство о родных, о том, что так редко пишут. О себе скупое: «Я живу по-прежнему. Воюю с немцами». Сдержанно, коротко, по-военному...

А 9 апреля 1944 года, за год и месяц до Победы, – тот последний, героический полёт, прервавший жизни двух молоденьких девушек – Жени Рудневой и Паны Прокопьевой.

... У-2 – смешной, фанерный самолётик. Почти игрушечный. Какая из него военная техника? Груза – всего 250 кг бомб. Ни пулемёта, ни пушек, только пистолет у лётчицы и ракетница у штурмана. Даже парашюты не берут, ни к чему, если уж подобьют, то наверняка, а так бомб можно побольше взять. Зато можно подлететь пониже, почти бесшумно, а увидев всего лишь маленький огонёк от сигареты часового, сбросить бомбы, обнаружив вражеские позиции. Летом девушки успевали совершить по 5–6 боевых вылетов, зимой – по 10 – 12. Это кажется, что легко! Попробуй

подвесить авиабомбу в 50 – 100 кг! А на морозе? Кожа с рук порой оставалась на замёрзшем металле орудия, отдирали руки с кровью, слёзы капали, но всё молча, преодолевая боль, в перчатках-то неудобно. Хрупкие, 20-летние, наравне с мужчинами, занимаются тяжёлым военным делом, не своим, не женским. Только бы победить, только бы уничтожить врага, только бы отстоять Родину! А старший техник эскадрильи только успеваet подбадривать: «Ничего, девчата! Немцам от наших «подарочков» только хуже будет!»

В самолёте летишь, вроде ничего, цель впереди – уничтожить врага и склады, а у других цель другая... Вызвать на себя огонь вражеских зенитных батарей. Каждый полёт как последний... Страшно? Да! Вот только страх свой запрячь подальше – под тобой родная земля, и топчет её враг. С земли наблюдать ещё страшнее. Мощные немецкие прожектора, пересекающие небо длинными голубыми линиями. И зенитный обстрел в сторону обнаруженного самолёта. Вот такая «геометрия»: сплошные линии прожекторов и пунктирные – зениток...

Но 46-й гвардейский Таманский авиационный полк совершает настоящие чудеса – за три года войны 24 тысячи боевых вылетов, сброшено 3000 бомбового груза (около 100 вагонов). В полку 23 Героя Советского Союза. Вот только Пана – безымянный герой в могиле неизвестного солдата...

«Хорошо лететь к своему дому, где тебя любят и ждут! На войне этот дом – мои боевые товарищи, они тебе и семья, и любимые, – вспоминает лётчица Калерия Рыльская. – Там, на горушке, неоновая мигалочка, чтобы не заблудиться. И техник томится, тебя ожидаючи.

Садимся. Вдруг слышим:

– Кто прилетел?

– Рыльская! – враз кричим со штурманом, почуяв неладное».

Тот пожар, что видела под собой Калерия, возвращаясь к аэродрому, был горящим самолётом лётчицы Паны Прокопьевой и штурмана Жени Рудневой.

«Пана – серьёзный и спокойный пилот. Ей не хватило боевого опыта», – так объясняет Калерия Рыльская гибель девчат. Боевого опыта... Именно так в свои 23 Пана уже была опытной лётчицей. Вот только бы сразу, с первых дней, может, теперь того самого опыта хватило бы... Она небу служить хотела, только в мирных целях.

Что чувствовали девушки, видя свою неминуемую смерть? Почему Женька молчала? Наверное, в эти секунды тоже успела подумать о своём... Некоторое время горящий самолёт продолжал лететь на запад, надо было сбросить листовки, потом повернул на восток. Перед падением пламя самолёта потасло. Можно было катапультироваться... Но парашютов не было... Погибали, но знали: боевое задание выполнено – с земли видели,

что девушки успели сбросить бомбы с уже пылающего самолёта. Вдурт из первой кабины стали вылетать ракеты. Может быть, это Пана и Женя прощаются с боевыми подругами... А Пана ещё и с родными: с мамочкой, Шурой, Валей, Витей, а Женя – с женихом, который теперь её не дожждётся...

Уже всем было ясно, это Пана с Женей погибли. До утра «подарочки» для немцев «украшали» надписями: «За Пану», «За Женю» ... Девушки не дожили два дня до полного освобождения Керчи... Несколько дней «ночные ведьмы» искали обломки самолёта в окрестностях села Булганак. Поиски были тщетными. Не знали ещё тогда, что самолёт упал в центре Керчи между зданием горкома и каменной стеной, и девушки уже похоронены местными жителями. С Женей всё более-менее было ясно, она похоронена в парке им. Ленина. Её отбросило за несколько метров от самолёта, сильно она не обгорела. Пану же не узнали: обуглившееся тело и огромные мужские сапоги – вот всё, что осталось. Она похоронена в братской могиле на военном-гражданском кладбище в числе 800 погибших при боях за Керчь бойцов и жителей. Лишь через три месяца комиссар полка Евгения Рачкевич найдёт в себе силы написать родным Паны: «Скорее всего, ваша дочь погибла за Родину. Хоронить её нам не пришлось. Возможно, она сгорела вместе с Женей Рудневой, и ветер развеял их пепел». Правду о Евгении Рудневой и Прасковье Прокопьевой удалось узнать только в 1966 году. Родители Паны получили похоронку, надежды не стало, хотя они до последнего верили в расплывчатую формулировку «пропала без вести», а значит, может быть жива...

... Не успевшие повзрослеть, не успевшие стать матерями, героини-лётчицы шагнули в бессмертие, добавив к Вечному огню Славы свою искру личного подвига. Они на крыльях несли Победу. Крылатые девы Великой войны...

Тарасюк Наталья Сергеевна

Родилась 2 июня 1999 года в городе Заводовске Тюменской области. Была призёром и победителем нескольких десятков районных, областных и всероссийских конкурсов. В 2013 году вошла в энциклопедию детских достижений Тюменской области. В 2017 году окончила школу с медалью за особые успехи в учении. Сегодня студентка третьего курса Тюменского государственного университета по направлению «Журналистика». Интересуется военной публицистикой.

ПОЕЗД ВСТРЕЧ, ПОЕЗД РАССТАВАНИЙ

Поезд не спеша перебирал рельсы, несясь сквозь утренний туман в Ленинград. В забитом вагоне негде было яблоку упасть. Измотанные долгой дорогой пассажиры сидели лавках, в проходах, прикрыв глаза. Состав резко дернулся и замер. За окном появилось маленькое здание вокзала. В вагон с сумками и чемоданами вошёл десяток человек. Среди них три семнадцатилетние девчонки, внимательно перебирая глазами пассажиров, начали пробираться вглубь вагона. Стоило им подойти к двум лавочкам, стоящим напротив, как две полные женщины встали.

– Скоро поезд будет поворачивать, замедлит ход, и мы будем выходить. Нам в деревню надо, а до неё ещё 4 км идти пешком. Вы садитесь, – поднимая узлы с вещами, сказала одна из них.

– Спасибо, – смущенно улыбаясь, проговорили девчушки.

Поезд снова дёрнулся и начал медленно ползти. Мимо пролетали разрушенные деревушки. Белые берёзы, будто спрятавшись ветвями друг за другом, стояли в стороне. Жёлтая пшеница привалилась к земле. Появившаяся просёлочная дорога ещё хранила на себе следы авианалётов.

Семнадцатилетняя Маша с грустью смотрела на унылое утро. За окном менялись знакомые картины природы, а перед глазами стояли голодные солдаты, которые делили с её семьёй скудные обеды, холодные дни на лесозаготовках, немцы в Тихвине. Смахнув со щеки одинокую слезу, она оторвала взгляд от окна и стала смотреть на пассажиров. Пожилые, дети, рабочие, молодые девушки... Её глаза остановились на лавках справа – два молодых солдата, офицер и молодая женщина, красивая, в новом платье, шляпке и с маленьким кулоном на шее.

– Мы демобилизовались, теперь возвращаемся домой, в Ленинград. Мы до войны жили в одной квартире, учились вместе, потом война, – белокурый солдат с веснушками на лице тихим, осторожным голосом рассказывал про их жизнь.

Маша отвела немного взгляд, наклонила голову и стала прислушиваться к разговорам соседей.

– Нас в сорок втором призвали в разные полки. Встретились уже накануне Победы. Домой едем, в Ленинград. Правда, дома почти не осталось. Всю нашу квартиру разбомбило, – белокурый парень произнёс последние слова и умолк.

– А вы откуда? – увидев смущённость друга, заговорил молодой человек рядом.

– Я родом из Ленинграда. Это моя вторая жена, – офицер взял за руку молодую женщину. – Я в Ленинграде жил до войны. У меня жена была,

другая, и дочка. Окна нашей квартиры выходили на Неву. В сороковом жена дочку родила, а меня сразу в командировку, в Польшу. А куда с младенцем ехать? В чужую страну? Вот и решили мы, что я устроюсь и заберу их. Уехал, устроился, а забрать не успел. Немцы, война, блокада. Писал, искал. Сказали только, что они эвакуироваться успели, а куда – неизвестно. Дочке уже должно быть пять лет. А я так и не знаю, что с ними – живы или нет. Второй раз женился 6 месяцев назад. Мы теперь вместе их ищем. Родители ещё помогают, но всё тщетно.

Офицер опустил голову, женщина положила свою руку на его. В проходе появилась девочка с протянутой ручкой. Маленькая, тоненькая с растрёпанными детскими волосами, она подходила к каждой лавочке с надеждой на помощь. Солдаты достали рюкзаки и вытаскивали по одному сухарю. Молодая женщина открыла сумочку и подала девочке печенье. Девочка замерла. Детский голосок пролепетал: «Спасибо». И она скрылась в начале вагона. Между пассажирами после рассказа офицера повисло молчание. Девчушка лет пяти снова появилась рядом с офицером и его женой.

– Девочка, а ты почему просишь поесть? Куда ты едешь? С кем? – офицер не выдержал и стал расспрашивать девочку.

– Я еду с мамой домой, в Ленинград. Мама очень сильно болеет, поэтому я прошу покушать, – не смотря на офицера, ответила она.

Убежала и через несколько минут снова оказалась рядом с офицером. Схватила его за руку и давай тянуть его за собой.

– Пойдём, пойдём со мной.

Офицер сидел неподвижно и вглядывался в лицо девочки.

– Петя, сходи, пожалуйста, с ней, – попросила молодая женщина.

Офицер последовал за тоненькой ручкой. Она подвела его к лавке, на которой лицом к стенке лежала исхудавшая женщина в старом платье. Он осторожно развернул её и оторопел. Сел на лавочку и закрыл руками глаза. Потом прижал к себе девочку, голос дрожал, слова путались.

– Слава Богу! Я вас, вас нашёл. Я нашёл вас.

На руках с ребёнком он побежал к середине вагона.

– Люся, это моя дочка, – офицер громко и радостно прокричал на весь вагон.

Молодая женщина поправила волосы девочки и пошла в начало вагона. Пассажиры сидели в оцепенении. Маша нервно теребила в руках платок. В глазах солдат стояли слёзы. Рукавом гимнастёрки стирали солёные капли, катившиеся замысловатой нитью по лицу.

Молодая женщина присела рядом с первой женой офицера и стала внимательно всматриваться в её лицо. Под потухшими глазами выделялись синие полосы. Потускневшие волосы выпадали из

тоненькой косы и спадали с плеч. Бледные губы сливались с оттенком лица.

– Слушай меня внимательно, мы с Петей поженились 6 месяцев назад. Но я доеду до Тихвина и вернусь назад к своим родителям. А Петя должен тебя в Ленинграде положить в госпиталь и вылечить, – решительно говорила Люся.

Истошённая женщина в ответ только неуверенно кивала.

– В моем чемодане много вещей. Сейчас они тебе большие будут, но, когда ты поправишься, они тебе будут в самый раз. Вы, как только в Ленинграде устроитесь, – дайте знать, мы с родителями вам поможем. Будем присылать продукты и одежду.

Молодая женщина расчесала её волосы, сняла кулон и повесила на худую шею. Потом ещё раз посмотрела на бледное лицо, обняла её и пошла вглубь вагона.

Поезд, будто чувствуя, что от него зависит судьба людей, летел по полям, приближаясь к Тихвину. Стали появляться первые дома города. Поезд успокоился, стал тормозить. Оцепеневший вагон начал дышать. Славочек стали вставать люди. Но тишину ещё боялись нарушить, чтобы не спугнуть нечаянно настигшую удачу.

– Петя, проводи меня, пожалуйста, – коротко произнесла Люся.

Они вышли из вагона. Люся достала из сумочки пачку денег, отщипнула немного купюр и положила их в сумку.

– Этого вам должно хватить на первое время, – сунула неполную пачку ему в руки, – обещай, что вылечишь её.

– Обещаю.

Молодая женщина с сумочкой в руках направилась в здание вокзала. Офицер не двигался с места и смотрел ей в след. На перроне толпились люди. Провожающие дарили последние объятия, и торопящиеся пассажиры спешно заходили в вагон.

– Люся!

Молодая женщина, выделяющаяся из толпы, остановилась и повернула голову.

– Спасибо!

Она улыбнулась краем губ и стремительным шагом покинула платформу. Поезд резко загудел, раздался первый стук колес, второй. Офицер развернулся и запрыгнул в уходящий поезд.

P.S. История основана на реальных событиях, произошедших в 1945 году после окончания войны. Её свидетельницей стала Мария Тимофеевна Козицких (Иванова), которая рассказала мне об этой счастливой встрече.

А Я ИХ ЖДАТЬ БУДУ...

*Рассказ из жизни моего папы –
Савелия Андреевича Адлера.
Светлая ему память...*

Очень часто случается так, что люди в какой-то момент перед совершенно незнакомым человеком раскрывают самые сокровенные тайники своей души, рассказывают то, что особенно дорого их сердцу, памяти. Так получилось и в этот раз.

Мы ехали в поезде. Напротив у окошка сидел пожилой, интеллигентного вида человек, совершенно седой. В его светло-голубых глазах светились ум и тоска. Я подумала: «Наверное, он много пережил, этот старик».

Проводница принесла чай и пакетики с сахаром. Я опустила два кусочка в свой стакан, размешала, попробовала.

– Что, дочка, не очень сладкий, – спросил спутник, – возьми мой, я всё равно люблю пить чай без сахара. Бери-бери, не стесняйся.

Он сам положил мне кусочки. Вдруг его глаза наполнились слезами.

– Что с вами, дедушка?

– Ничего-ничего, доченька, просто вспомнил своих дочерей, у меня их три было...

Старик прижал пальцы правой руки к глазам и тряхнул головой, как будто прогоняя горькие воспоминания. Рукав его рубашки опустился, оголив широкий, неровный шрам, который был немного темнее, чем остальная кожа, и блестел, словно полированный. Старик устало опустил руку и стал смотреть в окно. Долго смотрел, как будто забыв и про чай, и про меня. Я молчала, боясь нарушить его грустную задумчивость, тихонько пила чай и смотрела на шрам.

– Это осколком. Я в войну пулемётчиком был, – словно очнувшись от тяжёлого сна, произнёс старик, – если бы руками лицо не закрыл, то... Осколок прошёл через руку от локтя к кисти, задел переносицу и застрял под кожей в голове.

– Какой у вас приятный, мягкий акцент, – сказала я.

– Да, почти 45 лет в России живу, а чисто говорить так и не научился, русский язык очень сложный. Я ведь родился и жил в Польше, когда пришла пора паспорт получать, то не придавал особого значения, чью национальность взять – отца или матери, отец – еврей, мать – полячка, записали «еврей», а в 1939 году

понял, какое это роковое слово. Пришли фашисты... Мы с женой Марией и дочками Розой, Лизой и Оленькой решили бежать в Россию.

До границы оставалось совсем немного, когда нас остановили немцы.

– Юден (еврей)? – был первый их вопрос.

К счастью, я отлично владел немецким, сказал, что мы немцы, наш дом сгорел и мы идём к матери.

– Отвести их в церковь, утром разберёмся, – приказал офицер.

В церкви было уже много людей. Мы расположились на полу, рядом с симпатичной белокурой женщиной. Она горестно смотрела на кучу своих вещей, чемоданов и причитала на немецком языке:

– Ах, как же я всё это одна донесу? О, майн гот! (о, Боже мой).

– Не беспокойтесь, моя семья вам поможет.

Она заулыбалась и заранее начала благодарить. А я сидел и думал, что это последний шанс, остаётся надеяться на эту, видимо, настоящую немку, знание языка и счастливую звезду, ведь документы я спрятал и показывать их не собирался.

Зашли фашисты, как видно, соскучившись по своей кровавой работе. Они отвели в сторону нескольких евреев и начали «развлекаться».

– О, какие вы заросшие и лохматые, сейчас мы вас будем стричь и брить.

Один палач держал человека, а второй срезал ножом волосы вместе с кожей. Стоны и крики мучеников заглушал дикий хохот мучителей. Тех, кто терял сознание, пристреливали и оттаскивали на улицу в ров.

В немом ужасе смотрели на это взрослые, безвременно поседели их волосы, до припадков кричали дети, которым матери старались закрыть глаза, прижимая к груди их крошечные родные головёнки. Казалось, что этой ночи не будет конца... Но утро всё же наступило. Кто-то ждал его как спасение, кто-то уже ни на что не надеялся, а одна безумная, широко раскрыв глаза и волоча за руку заходившегося плачем ребёнка, кричала:

– Где Йозеф, где Йозеф, куда вы его дели?

В другой руке она сжимала кровавый клочок волос... Её пытались остановить, не пускали к выходу, но она вырвалась и, по-прежнему волоча за собой ребёнка, кинулась в двери, которые только что открыли немцы. Мы услышали два выстрела и голоса фашистов:

– Выходите!

Наша немка пошла первой, а вместе с нею и мы. Младшая, Оленька, ей было всего два годика, цепко держалась за узел, который несла Мария, и будто понимала, что нам грозит смертельная опасность, бежала и молчала.

Боже мой, моя девочка, она ни слова не сказала на еврейском языке.

Немка кокетливо улыбнулась проверяющим, документы её были в порядке:

– А это мои помощники, – сказала она, и мы благополучно миновали страшную черту.

Когда скрылись из виду, попрощались с немкой и заспешили вперёд. Ещё чуть-чуть, ещё совсем немного, всего несколько километров – и мы добрались до реки Сан. На другом её берегу – русские. С польского берега собралось много народа, все кричали русским, чтобы они дали лодку.

Началась переправа. Каждый хотел поскорее уплыть, лодка еле-еле выгядывала из воды, переполненная людьми. Наконец и я вместе с женой, Олей и Лизой втиснулся в лодку, а Роза не успела. Мы переплыли, а Роза протягивала руки и кричала:

– Татусю! Татусю!

Я стал просить русского сплавать ещё раз, объясняя, что там осталась дочь. Он разрешил. И вот мы все вместе, на русском берегу, живы... Только продукты наши утонули в Сане. Дети просили есть. Я отстегнул свои швейцарские часы, чудесные часы умелого мастера, и пошёл к другим женщинам. Удалось выменять на часы полбуханки хлеба...

После проверки нам предложили места работы, мы решили ехать в Донбасс на шахту. Приехали, устроились с жильём, я стал шахтёром, наладилась жизнь, но ненадолго...

В 41-м Мария обнимала меня, рыдая, всё просила:

– Вернись! Вернись!

Я-то вернулся, а вот она и дети... Угнали немцы... Так мне сказали после войны. А куда угнали – неизвестно. Сколько лет я искал их! Куда только ни писал...

Пожалели меня тогда знакомые, не сказали сразу, что угнали моих девочек и Марию к шурфу шахты и бросили туда живых... Вот только теперь я узнал об этом. Раньше не мог туда ездить, сердце не выносило, так и прожил всю жизнь в Поволжье. А когда пришла пора на пенсию идти, поехал в Донбасс, чтобы те годы работы в трудовой стаж вошли. Вот и нужно было оформить кое-какие документы.

Приехал. Сделал всё, зашёл в магазин. Навстречу идут молодые женщины. Я посмотрел на одну из них и остолбенел. Это была Мария! «Но почему такая молодая?! – стучало в голове. – Кто же это?»

Ноги стали ватными, я собрал все силы и пошёл за ней. Так вышли на улицу, я переставлял слабеющие ноги, язык не слушался, во рту пересохло. Женщина почувствовала устремлённый на неё взгляд и обернулась:

– Мария... – прошептал я.

– Нет, я Людмила, папаша, вы, наверное, ошиблись.

И она пошла дальше. Ночью я не сомкнул глаз. Рано утром направился к единственному знакомому, которого случайно встретил здесь, но поговорить не успел. Рассказываю ему, что вчера случилось, спрашиваю, кто эта женщина, так похожая на мою жену?

– А ты разве ничего не знаешь? Это же твоя четвёртая дочь, она без тебя родилась. Когда Марию со старшими девочками угоняли, то ей всего две недели было. Жена твоя уговорила соседку взять малютку.

У меня потемнело в глазах, не помню, как шли, я только просил:

– Ты скорее отведи меня к ней, я так хочу её видеть.

Дома Людмилы не оказалось, нас встретила пожилая женщина. С трудом, но я узнал в ней бывшую вахтёршу с шахты.

– Вы воспитали дочь? – спросил я.

Она как будто испугалась этих слов и сказала:

– У меня есть только одна родная дочь.

И тут я всё понял. Понял, почему эта женщина молчала столько лет. У неё никогда не было детей. Люда – единственная. Как осудить человека, заменившего девочке мать, воспитавшего крошку с двухнедельного возраста. Если бы она откликнулась на мои поиски сразу после войны, всё могло быть иначе и для меня, и для неё...

– Я её отец.

Женщина наконец узнала меня и начала рыдать.

– Что же вы плачете, успокойтесь, я же не отнимаю у вас дочь, я так рад, что хоть одна моя кровинка жива. Спасибо вам, спасибо! Я теперь так счастлив, пусть она по-прежнему живёт с вами, ведь я всё понимаю – родной тот, кто воспитал, но и вы меня поймите, поймите же и моё сердце! Она всё-таки моя родная дочь...

Старик умолк. Спазмы перехватили горло.

Я и сама плакала, не в силах сдержать слёзы.

– Сейчас вот от них еду, а в следующий раз они ко мне обещали приехать. Я их очень сильно ждуть буду...

Емелин Евгений Викторович

Родился 30 января 1984 года в городе Козьмодемьянске Марийской АССР.

Образование: школа-лицей города Козьмодемьянска (1991 – 2001 гг.), историко-филологический факультет Марийского государственного университета, (2001 – 2007 гг.). Старший научный сотрудник отдела учёта и хранения муниципального учреждения «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс». Первое стихотворение сочинил в 1991 году.

ПАМЯТИ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

В хмуром небе блуждали свинцовые тучи.
Вой сирен тишину разрывал, словно нож.
Был в блокаде прославленный город могучий.
До сих пор пробирает от этого дрожь.

От черты городской неслись звуки разрывов –
Враг пытался прорвать обороны кольцо.
Через лёд и огонь, стужу в ветра порывах –
В сорок пятом году враг ответил за всё.

Голод полз по земле. Своей жадною хваткой
Он утаскивал в бездну больных и детей.
И, пожалуй, для многих осталось загадкой:
Как так – выжить в аду всех цветов и мастей?

Гром орудий линкора Балтийского флота,
Крейсеров, миноносцев и субмарин –
На земле, под водой, в небесах шла охота,
Но итог этой битвы остался один.

Было, как до звезды, далеко до победы,
И по хрупкому льду шли колонны машин.
Как по лезвию шли, чтоб уменьшились беды,
Став «Дорогою жизни» в визжании шин.

Был дороже алмаза кус чёрствого хлеба,
Но работал театр и ездил рамвай.
Не стояли заводы – ковалась победа
Там, где труд был не сахар и вовсе не рай.

Жуткий призрак нацизма не взял Ленинграда.
Но запомнить пора, наконец, нам самим:
Забывать наше прошлое, люди, не надо.
Это нужно не павшим, а нужно живым!

Лунёв Николай Геннадьевич

ПИШИ, ПОЭТ!

Ни сына нет, ни дочери,
Родных – тех тоже нет,
Погиб солдат на Одере,
Пиши о нём, поэт!

Пиши о нём по памяти,
Как будто лично знал,
Делил печали, радости,
В боях не раз бывал.

Пиши о нём по-честному,
И не криви душой.
У Бога все известные,
И ты, и кто другой.

Пиши, поэт, без пафоса,
Война – ведь не курорт,
В ней погибали массажи,
Вначале и потом.

Плохое и хорошее
У жизни не отнять.
И, возвращаясь в прошлое,
Всё честно вспоминать.

Про страх до отупения,
Про слёзы, дрожь в руках,
Про горечь отступления
Почти на всех фронтах.

Про дни и ночи трудные,
Про сёла, города,
Разбитые, безлюдные
Сожжённые дотла.

Пиши, поэт, пожалуйста,
О каждом трудном дне,
О благородной ярости,
Священной на войне.

Пусть за словами, строками,
Увидится на миг,
Как погибали ротами
В атаках штыковых.

И все твои читатели
Увидят пусть во сне
Горящих танков факелы
И Сталинград в огне.

Пиши, поэт, из жалости
О тех, кто не придёт,
Но будут вечны в памяти,
Пока весь мир живёт!

Сижук Тамара Михайловна

Детство провела в Украине и в Венгрии, так как отец был кадровым военным. Школу окончила в городе Юрге Кемеровской области, куда был направлен отец для дальнейшего прохождения службы. Окончила Томский государственный университет по специальности филолог. По распределению вуза работала в Узбекистане (город Навои). Жила в ГДР, куда был направлен муж. Сейчас живёт в ближнем Подмосковье. Стихи публиковались в различных сборниках и журналах. В 2019 году вышел сборник её стихов «Поэзии боготворящий лик».

МНЕ БЫЛО 19

*Посвящается моему отцу, кадровому офицеру,
Михаилу Пантелеевичу Бугаёву*

Стоим в строю мы, блестят погоны,
Присягу дали и – в эшелоны!
Перрон вокзальный позёмкой выюжит,
Рассвет прощальный, в слезинках – стужа ...
В тепле вагона *дымится вечер,
Стучат колёса войне навстречу.
Война – заноза: болит, не вынуть!
Но мы ведь сможем, враг должен сгинуть!
На место прибыл под залп орудий,
Смерть рядом бродит, и нет здесь судей!!
Стоят «катюши», готовы к бою.
Победа б только... любой ценою!
Фашист звереет, не ждал расплаты:
По Беларуси – под пеплом хаты ...
Колодцы-склепы, дымятся пашни,
Хатынь, скелеты... В душе мурашки!
Деревни смотрят ослепшим взглядом:
Отмщенья просят фашистам... гадам!
... Весна ... И небо синее мирно,
И нет как будто войны... не видно ...
Под кроной чащи щебечут птицы ...
Но вдруг из леса, как черти – фрицы!
Не знал в той жизни страшней потерь я,

Чем рукопашный – в оскале зверя!
Смешались роем штыки и руки,
Стон, ругань воем неслись в округе!
Фашист, как робот... Глаза – в упор мне!
Стою, как вкопан... ну, ёлки... вот же!
С землёю слившись, взметнулись оба,
Руками впившись друг другу в горло!
Разрывы бомбы взорвали землю
Огнём сжигая, что было целью!
Потерь так много, бойцов не слышно...
Убит комвзвода. Ну вот, как вышло...
Без командира – быть под прицелом,
Я здесь один служу офицером.
Ну вот задача... Бойцы затихли.
Я должен, значит... Мне – «карты вышли».
Стою всё злее! Душа дымится!!
«Стройсь, батарея!» Светлеют лица!
«Огонь по немцам!! Огонь по зверям!!
За всех погибших!» В победу веря,
В грязи, с дождями идём по следу,
В боях кровавых ряды редуют...
«Прощайте, братцы, земля вам пухом!
Дорогой к раю пусть будет путь вам!»
Под Кёнигсбергом фашист взбесился:
Кольцом «железным» в тот город впилился.
Под трое суток без передышки
Взрывались с гулом дома, как вспышки.
Орешек – крепость, но мы не хилы.
Вот здесь, фашисты, вас ждут могилы!!!
Дым, гарь... В мгновенье вдруг стало тихо...
Неужто, братцы, пропало лихо?
Прижавшись к пушкам, уснули стоя,
Хоть миг... минутку... часок покоя!..
С рассветом – вести, что город взяли,
Нас наградили, вручив медали!
Ещё мы долго в осаде жёсткой
Искали немцев под пулей скользкой.
Прилечь бы только да чуть проспаться.
Сквозь сон, как громом: «Победа, братцы!!!»
Бегу к бойцам я: «Ура! Победа!!!»
Готовься к салюту, чтоб был в полнеба!!!»

«Ура-а!» Как нервом пронзило счастье.
«Пли, батарея!!» Душа – на части!
«Огонь, Победа!!» За нас всех, братцы,
Салют за всех тех, кто смог не сдаться!!!
Победа! Знаем, потерь так много...
Пли, батарея, кто с нами в ногу!!!»
Кричу всё громче, себя не слыша:
«Салют, ребята, кто правдой дышит!!!»
В победе – орден, сияй, как память!
Потомки, в скорби вам павших славить.
«Пли, батарея! За нас всех, братцы!»
А мне всего лишь... мне девятнадцать.

* Дымится вечер – накурено.

Решетняк Александр Васильевич

ПЕСНЯ “КАК ПОД ВЕЧЕР–ВЕЧЕРОК”

Как под вечер вечерок
Сотня шла с похода
Налетел тут ветерок
Да вместе с бедою.

И скрепит зубами враг,
Корчась, умирает.
Что за люди казаки?!
Что им помогает?!

Три раза перекрестясь,
Господи, помилуй,
Шашки вон и на врага
Двинулись лавиной.

Супостату невдомёк –
Сил даёт земля родная,
А от пули бережёт –
Вера Православная.

Летят пули и шрапнель,
Бьют нещадно пушки.
Не сдаются казаки,
Рубятся братушки.

Как под вечер вечерок
Сотня шла с похода
Пролетел тут ветерок
Да вместе с бедою.

Сотня, тысячи* супротив
Бьются меж собою,
Уж напоены клинки
Вдоволь вражьей кровью.

* Тысячи поётся как тыщи.

Петрова Ксения Юрьевна

Родилась в 1987 году в городе Ленинграде. Окончила школу в 2004 году. Поступила в РГПУ им. А.И. Герцена на юридический факультет, который в 2011 году окончила с дипломами учителя права и юриста. Работала по специальности. Сейчас педагог, и это помогает творить.

Пробует иллюстрировать свои детские рассказы.

Участствует в подготовке и проведении литературно-музыкальных вечеров, квартирников.

Самое любимое и плодотворное время для творчества – осень.

ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!..

Константину Дмитриевичу Воробьеву –
писателю, фронтовику – посвящается...

Вдоль сиреневых сумерек
Да под небом расстрелянным
Шли шагами широкими
Те, которым во времени

Будет китель с медалями,
Будут вёсны с апрелями.
А пока – шли «За Сталина!»
Фронтowymi неделями.

Шли курсанты кремлёвские
Караула почётного –
Очертания броские

За фигурую ротного.

Шли, как сталь, закалённые
Декабрём сорок первого.
Небеса прострелённые
Тоже мёрзли, наверное.

Шли шагами широкими
Вдоль сиреневой тьмы...
«Освети путь наш, Господи!
Это мы! Это мы!..»

Татауров Владимир Владимирович

ОСТРОВ ШУМШУ

Не судите.
И я не сужу.
В польхающих красках заката
на забытом Курильском Шумшу
наш десант и солдаты микадо

поросли и травой, и быльём...
Там же дзоты и ржавые танки...
Но под дёрном сцепились вдвоём
в смертной схватке
останки.

Здесь никак не окончится бой
Самураев и наших морпехов.
Им салют – океанский прибой!
Им шторма – как минувшего эхо!

Нераздельного тлена комком
двое бьются в раскопе траншеи.
Первый – русским гранёным штыком,
А второй – самурайским клинком,
Даже в прахе не зная прощенья.

В ожидании Судного дня
они кровью сроднились, как братья...
Ну а мы их стальные объятя разомкнули...
И Бог нам судья.

Яскевич Сергей Капитонович

Родился 27 октября 1957 года в посёлке Куйтун Иркутской области.

По образованию – инженер-механик, трудился в лесной промышленности, работал журналистом в районной газете «Сельская новь», преподавал основы безопасности жизнедеятельности в средней школе посёлка Залари. Литературной деятельностью занимается с юности. Как автор – поклонник самоиронии и философского анализа. В творческой копилке более 500 произведений стихотворного жанра и малоформатной прозы. В разные годы публиковался на страницах газет и альманахов Иркутской области, участвовал в выпусках поэтических сборников, тематических газет литературного объединения «Зелёная лампа». Его произведения доступны на страницах порталов «Стихи.РУ», «Изба-Читальня», «Неизвестный генный», «Авторы. РУ».

КОМБАТ

*Памяти деда Григория Пахомовича Шиштаренка,
ст. лейтенанта, погибшего в Восточной Пруссии
27 января 1945 г.*

...Скамейка в скверике. И вязы
Листвой ажурной шелестят.
... Жалею об одном – ни разу
Не посидел со мной комбат ...
Не покурил, бои не вспомнил,
Не бросил дружески: «Крепись!»
Не от того ли тяжело мне,
Что так суетна наша жизнь?
...В далёкой дикой передраге,
Шагая в огненный дурман,
Жизнь непознавшие парняги
К тебе тянулись, капитан.
Мы шли. Ползли. Бежали. Плыли.
Стреляли мы. Стреляли в нас.
И небо, бурое от пыли,
Совсем не радовало глаз.
Ты до конца всегда был с нами –
Солдатский строг в боях учёт.
И побелевшими губами
Ты хрипло нам кричал: «Вперёд!»
Ты, как мужик, погиб красиво –
В сирены вой из-под небес
Шагнул ты прямо в куст разрыва
И в вихре пламенном исчез ...
Одним дыханием в атаке
Последний пройден Рубикон.
Оставлен за спиной во мраке
Друзей погибших легион.
Ты – среди них, комбат наш вечный...
Ты изо всех последних сил
И жил, и умер – безупречно.
И смертью – Жизнь благословил.

...Случается такое редко,
Но все ж бывает иногда –
Осталась целою планшетка
И орден Красная Звезда ...

Тебя добром все поминали,
Не тратя лишних пышных фраз.
А похоронки не писали –
Ты был детдомовец у нас.
... В теченьи дней протяжных, длинных
Проходит жизнь, забот полна.
Пропах мой китель нафталином
И потускнели ордена ...
Лишь память чётко, достоверно
ШтрихОм рисует вдалеке
Дымы пожаров в 41-м
И отблеск солнца на штыке ...

Осипов Виктор

ПОМНЮ ДЕНЬ

Помню день, весна, восьмое мая,
Мне двенадцать, шестьдесят седьмой;
Лёгких облачков резвится стая,
Небосвод хрустально-голубой ...

Мы с отцом копались в огороде,
Грядки ладили, ботву сухую жгли,
Тополя в весёлом хороводе
Взгляд прозрачной зеленью влекли.

А отец, опёршись на лопату,
Всё смотрел, как кружится весна,
С выдохом усталого солдата,
Он сказал вдруг: «Кончилась война ... »

Я тогда не понял этой фразы,
Нет войны, всё мирно, всё цветёт,
Школьные уроки вспомнил сразу:
Сорок пятым был победный год.

«Пап, скажи, давно уж ведь Победа,
Что заговорил ты о войне?» –
«Парень, помни, только от ПОБЕДЫ

Ты сегодня рад своей весне.

Сколько было горя, смерти, тягот,
Никому б и никогда не знать,
И, как заповедь святую, я вот
То хочу сейчас тебе сказать:

Этот праздник лучший есть и будет,
Сколь далёко б ни ушли года.
Ты, надеюсь, тоже не забудешь:
День Победы – главный, навсегда!»

Пролетело с той поры полвека,
И отца-фронтовика уж нет...
С понимаем пожилого человека
Повторяю я его завет:

«Этот праздник лучший есть и будет,
Сколь далеко б ни ушли года».
Внукам говорю я: «Не забудьте:
День Победы – главный, навсегда!»

Конарева Валентина Александровна

Родилась 11 сентября 1942 года в городе Малмыже Кировской области. После школы окончила историко-филологический факультет Кировского пединститута. Работала учителем в школах Севера, Украины, Урала. Много лет посвятила работе с детьми-сиротами. Участвует в работе Совета ветеранов учителей и Совете ветеранов посёлка Горняк. Отдельные стихи публиковались в сборниках поэтов Копейска.

УХОДИЛ НА ВОЙНУ ПАРЕНЁК,

Был красив он, играл на гармошке,
Провожали его всем селом,
Даже кошка глядела в окошко.
На прощанье подружка его

«Буду ждать», – прошептала на ухо,
А сельчане кричали ему:
«Возвращайся живым, ждём, Андрюха!»
На войне он в атаку ходил,
А в разведке на мину нарвался,
В плен попал, хоть и не было сил,
Но держался Андрюха, держался.
Немец подлый его не щадил,
Всё просили назвать наши части,
Но Андрюша молчал, только в мыслях просил:
«Боже мой, я в твоей только власти».
В наступление наши пошли,
Немцев этих громил наш солдат,
И Андрея от смерти спасли,
Отправляя его в медсанбат.
Осмотрели хирурги его –
И пришлось ампутировать ноги.
И поехал Андрей на село,
Помогали ему все в дороге.
Был он сильным, отважным в бою,
А у дома совсем растерялся:
Как явиться калекой ему?
Как пред девушкой не оплошаться?
Увидали в окошко его мать с отцом,
Выбегают и плачут:
«Слава Богу, сынок, ты живой,
Боже спас тебя, не иначе».
Тут и Катя, невеста его,
Прибежала, целует, смеётся:
«Слава Богу, Андрей, ты живой,
Остальное всё наживётся».
Легче стало на сердце Андрея,
Понял он: и без ног он любим,
Надо заново жить поскорее,
Коль добиться чего-то хотим.
И скупая слеза покатилась
На шинель, ордена и на руки,
И сердечко Андрея сильнее забилося
От того, что конец разлуке.
Пусть без ног он, но силы остались,
Пригодится и он для людей,

Ведь награды по праву достались,
Надо только братья смелей.
Приходили к ним вдовы и жёны,
Поздравляли его с возвращеньем,
Говоря про него: «Бережёный»,
Приносили с собой угощенье.
Из села только двое вернулось,
Все погибли, пришли похоронки,
Каждый раз все тихонько молились
У старенькой чьей-то иконки.
Пусть проходят года,
Будем помнить всегда
Мы войну и Победу в Берлине,
Вспоминать каждый раз
О погибших за нас,
Помнить год, помнить день, помнить час.

Царик Сергей Петрович

Родился в 1956 году в городе Севастополе. С 1974 по 1977 год проходил срочную воинскую службу в ВМФ. В 1978 году поступил в Симферопольский государственный университет имени М.В. Фрунзе на факультет иностранных языков. После окончания университета работал в школе. В настоящее время работает преподавателем в Севастопольском филиале Новороссийского морского университета имени Ф.Ф. Ушакова.

Автор двух поэтических сборников.

ДЕВЯТЫЙ

Захару Герасимовичу Бабенко, начальнику уголовного розыска,
крымскому партизану, посвящается...

В моря синь, блеск озёр, леса зелень
Вторгся цвет чужеродный, мышинный.
По дороге, пыля всю неделю,
Шли гружёные смертью машины.

Наводя пулемёты на тропы,
232

Шла пехота фашистская мимо.
Докатилась война из Европы
До курортного южного Крыма.

Тем, кто смерть нам несёт – место в клетке,
Не должно им пройти это даром.
Дан приказ партизанской разведке:
Сделать ночь для фашистов кошмаром.

Крики немцев, горящие здания –
Мсть народная встала из сосен.
Шло их девять на это задание,
Возвращалось обратно лишь восемь.

А «Девятый», убив немцев много,
Прикрывал до последнего вздоха ...
По суровым военным итогам
Рейд прошёл в целом очень неплохо* ...

Герцог Валерий Данилович

Родился в 1958 году в селе Актасте Вишинёвского района Целиноградской области.

Пенсионер МВД, майор милиции в отставке.

В 1998 году переехал в Краснодарский край, в город Тимашевск.

Продолжает работать в ООО «Южная Охранная Фирма» охранником.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству.

Лауреат четвёртого краевого фестиваля «Во славу Кубани, на благо России!».

И ГОРЕТЬ БУДЕТ ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ!

Лихолетье уносится в прошлое,
Угасающей болью войны!
От беды заслоняя непрошенной,
Встали насмерть Отчизны сыны!

Заросли и сравнялись воронки,
Заживающим шрамом большим ...
Страшным сном стали те похоронки;
Отголоском прошедшей войны!

Только память народа нетленная,
Не забудем героев своих!
Поменялись уже поколения,
Стали деды примером для них!

И, сменяясь, идут поколения,
С благодарностью к предкам своим,
Той отваге не будет забвения;
Безупречную славу мы чтим!

И какую ценой наши деды
Сберегли для нас Родину-Мать!
О значении Славной Победы
Наши внуки обязаны знать!

Снова радуя сердце цветением,
Как обычно, весна к нам идёт,
День Победы с душевным волнением
Будет праздновать русский народ!

В Полк Бессмертный торжественно встанем
И держать будем внуков ладонь!
Ветераны идут с орденами,
И гореть будет Вечный огонь!

Маркина Ирина Владимировна

*Родилась в городе Калуге в 1979 году.
Окончила Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского. Работает в библиотеке. Пишет стихи, занимается исследовательской работой в области краеведения.*

ПЕСНЯ “ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДА КАЛУГИ”

Мы каждый раз идём, как в первый,
И каждый раз должны дойти.
И до предела будут нервы
Напряжены в этом пути.
Он будет долгим, будет светлым,
Он будет трудным— путь туда,
Где миномётный залп рассветный,
И снег — горячая вода.

Припев:

Простые русские ребята,
А многим было двадцать лет,
Прошли до нас тот путь когда-то,
Оставив свой в Победе след.

И встанут павшие герои,
Защитники земли родной,
Перед фашистким чёрным роем
Неодолимою стеной.
И мы пройдем их путь заветный,
Ведь нам сегодня по пути.
Пусть тишина, как залп ответный,
Не даст им навсегда уйти.

Припев:

Пивоварцева Виктория Николаевна

Родилась в октябре 1970 года в Башкирской АССР, в городе Стерлитамаке. Творческая династия (петь, писать) в семье Бурды-ко переходит из поколения в поколение.

Сейчас работает педагогом дополнительного образования, руководителем образцовой эстрадной студии «Планета детей» ГБУ ДО Центр развития творчества детей и юношества.

Всё свободное время посвящает вокальному искусству.

Искренне благодарена организаторам и творческой команде Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» за кропотливую и бесценную работу.

ПЕСНЯ «УШЕДШИХ В НЕБО ПОМЯНИ».

А мы, ребят своих сегодня вспомним,
Полегли те соколы на войне в Чечне.
Людям поимённо о каждом мы напомним.
Обелиск– как память живущим на земле.

Припев:

Сыны Российской Армии,
Бесстрашные ребята!
Атаки, бой дивизии,
    Нам не забыть комбата.
    Ушедших в небо помяни,
    Кого уже нет с нами.
    Пусть светятся звездой они,
    На груди в медали.

Ефрейторы, сержанты и просто рядовые...
Да разве важно звание, чтоб подвиг совершить?
Когда-то мы парнями были молодыми,
О славе не мечтали, хотели просто жить!

Припев: 2 раза

Борисов Юрий Анатольевич

Родился в апреле 1937 года в городе Бийске Алтайского края.

Служил в Белоруссии, два технических образования – ПГС, механизация и электрификация сельского хозяйства. Авторские песни начал писать в 1980 году, записано 32 альбома, дипломант, лауреат ряда фестивалей авторской песни. В 2007 году издана книга «Песни моей души». С 1984 года живёт в Тюмени. В настоящее время пенсионер.

К ОБЕЛИСКУ

К обелиску, тихонько ступая,
Подходила старушка седая,
Пробежала глазами по списку,
Поклонилась, крестясь, обелиску.
Нет имени на обелиске,
Не попал сын в трагичные списки,
Есть порядковый номер и дата,
Неизвестное имя солдата.
Чует сердце, что в братской могиле
Сына тоже её схоронили.
Видно так получилось в бою,
Номер только достался ему.
Пошептавши молитву, склонилась,
За лежащих в земле помолилась,
Покачав головою слегка,
Слёзы вытерла краем платка,
Положила букет к пьедесталу,
Почитая солдатскую славу
У горящего рядом огня,
Все они для неё сыновья.
Верит, кто-нибудь всё же найдётся.
И на слёзы её отзовется—
Впишет имя героя солдата
Там, где строчка пустая и дата.

ОБЛАКА

Провожали отцов наши матери
На защиту родимой земли.
Они стойко прощались
И ждать обещались,
А слёзы всё сами текли.
Надо мной плывут облака
Каждый раз издалека.
Может быть, они видели бой,
Мой отец вместе с тобой.
В небе юнкерсы бешено мечутся,
Шквал огня и снаряды летят.
Много гибнет солдат,
Но ни шагу назад
Отступать ни на пядь не хотят.
Надо мной плывут облака,
Как тогда, издалека.
Может, видели, как «ястребок»
Падал с неба, пылал его бок.
Все окопы и рвы заросли травой,
Не вернулись отцы в край родной.
Где они полегли – там одни ковыли
Лишь качают своей головой.
Надо мной плывут облака,
Как тогда, издалека.
Может быть, они видели, как
Своей грудью закрыл дзот моряк.
Много лет уж прошло
С той проклятой войны.
Мы узнали цену тишины.
Многих нет среди нас,
Но мы помним о вас
И забыть никогда не должны.
Надо мной плывут облака
Каждый раз издалека.
Может быть, они видели бой,
Мой отец вместе с тобой.

Михайлова Полина Александровна

Родилась 29 января 2006 года в Нижнем Новгороде. В настоящее время ученица 7-го класса МАОУ «Школа № 161». Член патриотического движения «Юнармия», Полина неоднократно участвовала и побеждала в литературных конкурсах и проектах.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству. Искренне благодарна за помощь в написании работы своей маме, Виктории Владимировне.

ПЕСНЯ «ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗИМНИЙ САЛЮТ»

Им снится мир, цветенье вишен
И детский смех среди берёз...
И метроном почти не слышен,
Ведь он блокадный, он замёрз.
Над Ладогой синее небо –
Дорога для ушедших в рай,
И на снегу кусочек хлеба
Покроет иней, как хрусталь.

Припев:

А в веке будущем салютов пламя
Над Петербургом в каждом январе,
И правнуки бывшего Ленинграда
Несут цветы ушедшим в той войне.
А в веке будущем на фото в рамке
Не тронет время тех счастливых лиц,
И ребятишек белые панамки
Как крылья ангелов, не знающих границ,

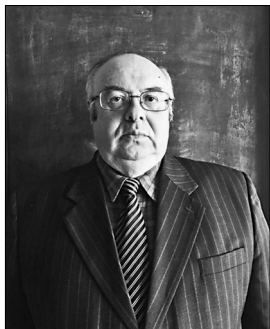
В «буржуйке» тлеют книг страницы,
Слова и буквы невпопад,
В окне багряные зарницы
Кровавым пламенем горят.
Усталым сном сомкнутся веки –
Бомбёжек нет и тишина...
Сон длится больше полувека,

Давно закончилась война.

Припев:

Рассвет коснётся осторожно
Закованной в гранит Невы,
И как-то сразу станут строже
Дворцовой набережной львы.
Застыли в бронзеobeliski,
Печать безмолвия на них,
Но вечной молодости искры
В глазах пронзительно живых.

Архипов Сергей Александрович

Родился в Москве в 1958 году. В 1981-м окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Кандидат экономических наук.

С 1989 по 2017 год на военной службе. В настоящее время военный пенсионер.

Увлекается поэтическим творчеством.

СОЛДАТ-ОСВОБОДИТЕЛЬ

Уходят медленно года
в свою бессмертную обитель,
но остаётся навсегда,
но остаётся навсегда
среди нас солдат-освободитель.
Он видел землю не такой,
когда пожарища пылали,
и мир истерзан был войной,
и мир истерзан был войной,
и люди мирные страдали.
Врагов сметая на пути,
в Берлин вошёл он за победой,
тот путь он должен был пройти,
тот путь он должен был пройти,

чтоб прекратить войну и беды.
Застыл он в бронзе на века,
над ним листвою года кружатся,
любил он жизнь наверняка,
любил он жизнь наверняка,
чтоб среди нас живым остаться.
И если нам войной грозит
какой-то мира покоритель,
он вас собою защитит,
он вас собою защитит
живой солдат-освободитель!

УРОКИ ДОБРОТЫ

Я где-то прочитала фразу: все мы родом из детства. Детство – самое замечательное время в жизни человека. В детстве ребёнка окружают любящие и заботливые родители. Самые яркие детские впечатления остаются в памяти на всю жизнь. А если детство пришлось на военные годы? И этот период, несомненно, останется в памяти, пусть не весь, но что-то оставит след в душе. Так было и с моей бабушкой Еленой Петровной Закревской.

Бабушка родом из Смоленской области. По Смоленской земле война прошла катком, много страданий выпало на долю Смоленщины. Моя бабушка – ребёнок войны. Когда началась война, ей было всего 4 года. Могла ли четырёхлетняя девочка понять, что значит война, лишения, голод, смерть? Конечно, нет! Ведь бабушка росла в обеспеченной по тем меркам семье: отец – директор Ярцевского молокозавода, мать – образованная женщина, занималась воспитанием шестерых детей, а в страду помогала колхозу. Дети, подрастая, помогали родителям по хозяйству по мере своих сил. Жизнь шла своим чередом: родители работали, дети – радовали их своими успехами, иногда огорчали, как и все дети. Но война лишила семью крова, т.к. при бомбёжке был разрушен дом, и семье пришлось из Ярцево перебраться в деревню Застенки. Война разрушила семью, потому что отец пропал без вести. А единственного шестнадцатилетнего брата увезли куда-то, наверное, в Германию на работу, а может, не оставили в живых ... Как же страшно было смотреть моей бабушке на обезумевшую свою маму, бегущую за грузовиком, в котором находился её сын (старший брат бабушки), и умолявшую отдать его! Не знаю, что произошло с немцем, но он вытолкнул Анатолия из грузовика: «На, матка!» Но во второй раз, когда пришла облава, мать не смогла спасти сына, и его увезли. Куда? Она так и не узнала. Осталась она с пятью дочками, среди которых моя бабушка почти самая младшая, а самой маленькой ещё не исполнился год.

В свои 82 года она отчётливо помнит тот страшный вой самолётов, который гонял детей с матерью в вырытую землянку, чтобы укрыться от бомбёжки. Бабушка очень бережно относится к продуктам, особенно к хлебу и картошке, потому что никогда не забывала и не забудет постоянное чувство голода, которое заставляло, рискуя своей жизнью, пробираться на свой (!) огорожок за оставшимися в земле картофелинами, порой сгнившими. Никогда не забудет бабушка своих

сестёр, ослабевших и вспухших от голода. Помнит она и свои «толстые» ноги, которые не слушались и «не хотели передвигаться». И сегодня у бабушки идёт в ход даже самая мелкая картошка – память не даёт выбросить её в мусорное ведро, так же как и чёрствый хлеб. Никогда не выкидывает бабушка их! Знает цену этим простым продуктам!

Бабушка не любит рассказывать о войне, ссылаясь на то, что «не помнит, забыла». Но я-то знаю, что помнит! Просто здоровье уже не то, и не хочется лишний раз расстраиваться. Но всё же об одном памятном случае, который повлиял на её судьбу, бабушка мне рассказала.

В их доме жили немцы. А мать с детьми была вынуждена жить в сарае, где когда-то держали скотину. Моя бабушка, маленькая девочка, в свои годы поняла и научилась жить «потихоньку», не привлекая к себе внимания и не раздражая немцев. Но вскоре немцев всё же стали раздражать девочки, их голодные глаза, внешний вид, плач самой младшей девочки, которой было около года. С какими усилиями мать (моя прабабушка) и девочки вырыли позади двора, подальше от глаз немцев, землянку, в которой и жили. Вскоре женщина тяжело заболела и не могла вставать, всё время лежала. Девочки очень испугались за маму и плакали, тем самым привлекли внимание немцев, которые проживали в их доме. Да они и сами заметили, что куда-то подевалась «матка Янина». Один из них, увидев состояние бедной женщины, дал ей какие-то таблетки. Не знаю, может быть, это был тот самый немец, который в первый раз вытолкнул из грузовика брата Анатолия. Когда прабабушка выпила таблетки, ей стало лучше, и она поправилась. А когда моя бабушка Лена подросла, она решила стать врачом и помогать людям.

И бабушка стала врачом! Моя бабушка, Елена Петровна Закревская, – врач, детский врач. И хотя она сейчас не работает, она по-прежнему врач. Если у нас в семье кто-то заболел, она обязательно вылечит, поставит на ноги!

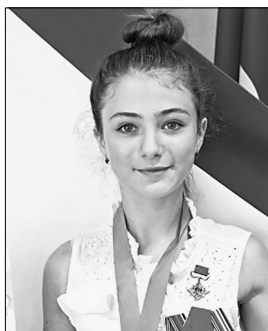
Сколько людей вылечила бабушка! Но особое внимание она уделяла детям. Часто она забывала про своих сыновей, забывала про еду и отдых, дни и ночи проводила в палате «тяжёлого» ребенка, чтобы «всё видеть своими глазами и назначить верное лечение». И самой большой радостью для бабушки было видеть, как ребёнок шёл на поправку. «А большего мне и не надо было, лишь бы ребёнок здоровеньким был», – так говорит бабушка.

Сегодня её маленькие пациенты уже взрослые люди, кто-то помнит мою бабушку-врача, кто-то – нет. Да это и неважно. «Главное – они живы и здоровы. Я сдержала клятву Гиппократата», – любит повторять

бабушка. Но я-то вижу и слышу, как благодарны бабушке родители, чьи дети когда-то попали в руки врача Елены Петровны Закревской. А ещё моей бабушке благодарны не только краснознаменцы. В 1981 году бабушка была награждена орденом «Знак Почёта», а в 1987 году ей было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР». А сколько у неё грамот и благодарностей! Я очень горжусь своей бабушкой! Нет худа без добра, это точно. Как верно подметил русский народ. Думаю, тот случай с немцем и таблетками во время войны повлиял на выбор профессии. Бабушка проработала врачом 42 года. Много! 42 года и днём, и ночью бабушка спасала жизни.

Наша бабушка очень обрадовалась, когда мой старший брат Антон тоже решил стать врачом. Сейчас он учится в Смоленске на пятом курсе в том же университете, где когда-то училась она. Это радует бабушку ещё и потому, что через внука она чувствует единение со своей родиной, а значит, со своим детством.

Несмотря на страшные годы, на которые выпало детство бабушки, она не озлобилась, не стала жестокой и равнодушной. Нет! Напротив, она выбрала самую гуманную и человечную профессию – профессию врача. Значит, тогда, в годы войны, жизнь преподнесла ей хороший урок – урок доброты, которой бабушка Лена в свою очередь делится с нами, внуками, и окружающими.

Глушко Лилия Сергеевна

Родилась в 2007 году в Симферополе. Ученица 7-го класса МБОУ «СОШ №18».

Лауреат почётного знака «Горячее сердце-2019», обладатель многих памятных медалей, 3-ый обладатель медали школы Президентских грантов «ПатриУМ», участник Международной патриотической ассамблеи «Вечный огонь-2019» в «Артеке», победитель и призёр международных, всероссийских, республиканских и муниципальных литературных конкурсов.

ных конкурсов.

СМЕРТИ ВОПРЕКИ

75-летию снятия блокады Ленинграда посвящается

Аннушка лежала уже третью неделю. Слабость расплзлась по всему телу и душила её. Не было никаких сил, чтобы пошевелиться.

На пятый день она уже не могла даже пить. Аннушка вспоминала школу. Её воспалённые мысли прервал звук в коридоре – пришёл Степан, сосед по коммунальной квартире: «Здравствуй, Нюра! – услышала Аня его обращение к бабушке. – Я вот гробик для Аннушки принёс, славный такой гробик, ей будет хорошо в нём, Нюра». Бабушка заплакала, наверное, она думала, что внученька уже умерла. Аннушка напряглась изо всех своих последних крошечных сил и пискнула: «Ба..» Бабуля метнулась к девочке, крепко прижала к себе, приговаривая: «Мы ещё с Аннушкой поживём, Степан, мы ещё поживём...» С этой минуты Аннушка стала поправляться.

Примерно через месяц Анята опять пришла в школу. Здесь были организованы завтраки и обеды для детей, что очень поддерживало силы ребят, измождённых блокадным голодом. В свободное от уроков время она с друзьями убирала улицы, подъезды домов, навещала одиноких и ослабевших жителей. Ребята объединялись в группы по 3–4 человека и просто ходили по домам. Звонили в каждую дверь и спрашивали: «Не нужна ли какая помощь?» Если дверь не открывали, то интересовались у соседей: «Где жители этой квартиры?» Ставили специальные отметки, если узнавали, что квартира необитаема. Однажды Аннушкина группа нашла уже мёртвую женщину. Случилось это в страшную зиму 1942 года. Надя, Таня, Анна и Серёжа ходили по Литейному проспекту, по чётной стороне улицы. Обход делали раз в неделю. Двери одной из квартир были открыты. Дети робко заглянули за дверь и окликнули хозяев. Молчание. Потихоньку вошли. Ужас смерти, застывший на лице лежавшей на софе женщины, сразил их наповал. Они онемели от страха! Серёжа всё-таки осмелился и затормошил женщину, а Таня умчалась звать соседей – вдруг ещё человек жив! Но, увы, они пришли слишком поздно и теперь всю свою долгую жизнь Аннушка переживает тот случай вновь и вновь, корит себя: «Если бы мы пришли пораньше, может быть, она была бы спасена».

22 декабря 1942 года в возрасте 12 лет Анна Шапакова была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Балахонова Полина Владимировна

Родилась 1 февраля 2010 года в селе Норовке Нижнеломовского района Пензенской области.

В сентябре 2016 года поступила в 1-й класс МБОУ СОШ № 2 города Нижний Ломов Пензенской области. В настоящее время учится в 4 «Б» классе.

Занимает активную жизненную позицию, участвует в школьных мероприятиях как развлекательного, так и научно-исследовательского характера. Принимает участие в различных конкурсах регионального, российского, международного уровня. Неоднократно занимала призовые места, имеет дипломы и грамоты. Увлекается спортом. В свободное время пробует писать сама.

Искренне благодарна своему учителю, Ольге Дмитриевне Мецериновой, за помощь в написании работы.

ФАШИСТУ НАС НЕ ПОБЕДИТЬ!

Михаилу Фёдоровичу Кусморову посвящается

*Он не любил говорить о войне,
а когда вспоминал – плакал;
слёзы горьких воспоминаний
катились по его щекам.*

О прадедушке своего двоюродного брата – Михаиле Фёдоровиче Кусморове я узнала из рассказов его мамы и бабушки. К сожалению, многое стёрлось из их памяти, но остались некоторые факты его биографии.

Михаил Фёдорович Кусморов родился 22 ноября 1915 года в селе Замуравские Выселки Нижнеломовского района Пензенской области, о чём свидетельствует запись в свидетельстве о рождении.

Михаил Фёдорович родился в крестьянской семье, был третьим ребёнком. Окончил 4 класса школы и пошёл работать в колхоз. Летом работал с матерью на колхозном поле, полел. Зимой подрабатывал на колхозной ферме. Да и в доме-то работы вдоволь находилось: иногда подрабатывая пастухом, вставал в 4 утра, сгонял скотину в стадо, ложился затемно. Уже тогда понимал, с каким трудом достаётся каждый фунт зерна.

Старший брат его обосновался в Москве, к нему-то в 30-х годах

и переехал Михаил Фёдорович. Был призван на действительную военную службу 10 октября 1937 года Щелковским РВК Московской области. Проходил службу в 68-м танковом полку с октября 1937 года по октябрь 1940 года. В июле 1941 года Михаил Фёдорович призван по мобилизации Дзержинским РВК г. Баку. Проходил службу в 73-м медико-санитарном батальоне с июня 1941 по май 1942 года. Участвовал в Великой Отечественной войне с 27 июля 1941 года по 9 мая 1942 года.

Из воспоминаний Михаила Фёдоровича:

«Служил я во Второй ударной армии. На фронте был шофёром. На своей полutorке вывозил раненых с поля боя, подвозил медикаменты, питание, боеприпасы. Фронтовым шофёрам не было равных в мире. Они могли провести свою машину там, где даже пешеходу пути не было, – по любому бездорожью, по размытым дождями, изрытым воронками большакам и по занесённым снегом просёлочным тропинкам, по равнинам и болотам, через леса и в открытой степи, под бомбёжкой и губительным огнём противника. Я ехал напрямую, никого и ничего не боясь. Когда на пути нашего следования встречались разрушенные деревни и сёла, я заходил в опустевшие, брошенные дома, искал еду. Из найденных овса и пшеницы варил похлёбку, а вместо хлеба жевал траву лебеду. Кипятил воду, бросал в кипяток горсть каких-нибудь листьев и пил чай.

Оставшуюся крупу я бережно и тщательно упаковывал в мешочек, брал с собой, чтобы поделиться с сослуживцами.

Извездил я много дорог. Много повидал горя, слёз. Но было самое страшное – обстрел. Когда начиналась бомбёжка – небо сравнивалось с землей.

Молодые, ещё не обученные солдаты, бежали по полю и кричали: «Мама! Мама!» Этот крик помощи и отчаяния смешивался с разрывами снарядов. Жуткое это было зрелище. Во время обстрела во мне просыпалась безудержная злость. Мне хотелось свести личные счёты с каждым немецким солдатом, офицером, с фашистской техникой и даже ненавистно свистящими пулями. Я хотел мстить за каждого убитого русского, за каждый разрушенный дом, за каждую травинку, вытопанную врагом. Я не боялся войны! Только благодаря этому я остался жив».

Летом 1942 года командующий Второй ударной армией, попавшей в окружение, генерал-лейтенант А.А. Власов добровольно сдался в плен германским войскам и предложил им свои услуги. Он написал письмо Гитлеру, в котором предлагал

подчинить ему все воюющие на стороне Германии русские воинские части, объединив их в Русскую освободительную армию (РОА). В начале предложения Власова не устраивали Гитлера, поскольку он надеялся разгромить СССР силами Германии. Однако в связи с осложнением в ходе военно-политической обстановки по настоянию командования вермахта и СС Гитлер в конце концов согласился с необходимостью использования советских военнопленных – «борцов против большевизма» – в составе германских войск, как это уже делалось в отношении нерусского населения*.

В начальный период ВОВ в плен попало до двух миллионов военнослужащих РККА. Они содержались в нечеловеческих условиях и при малейшем ослушании уничтожались. Вначале они использовались немецким командованием на тяжёлых работах, а после провала блицкрига начали привлекаться к службе в вермахте. У пленных было две альтернативы: или погибнуть в лагере, или идти на службу к немцам. При этом военнослужащие подвергались идеологической обработке, доказывающей неизбежность поражения СССР. В сложившейся ситуации, значительная часть военнопленных выбирала второй путь. *

Михаил Фёдорович Кусморев до конца жизни остался верен своей родине, проведя 3 года в плену в Германии (с 9 мая 1942 года по 9 мая 1945 года).

В конце войны большая часть власовцев сдалась союзникам и обратилась к ним с просьбой о предоставлении политического убежища. Однако все они, включая руководство РОА, были переданы советскому командованию. Руководство РОА было передано суду, следствие закончилось летом 1946 года и содержало 29 томов. Материалы следствия точно установили, что Власов и его окружение до сдачи в плен не имели претензий к советскому строю и даже наоборот – делали всё для его поддержки, т.е. переход на сторону врага не был связан с какими-либо идейными соображениями, а был обусловлен стремлением к обеспечению личного благополучия. Суд, проходивший с 30 августа по 1 сентября в Москве, признал Власова и 11 его сподвижников виновными в измене Родине и приговорил их к высшей мере наказания через повешение.

Про плен Михаил Фёдорович всегда рассказывал лишь одну историю. Говорил, что бережёт сердца потомков от прошлого ужаса.

Ю.В. Скорыходов. Что мы знаем и чего мы не знаем Великой Отечественной войне

Из воспоминаний:

«Нас вели на каторжные работы за город. Когда колонна пленных передвигалась по городу, жители, ещё издали завидя нас, закрывали окна и двери, а кто посмелее кричал: «Рус, рус, вон!» Это была идеологическая обработка населения фашистами.

Стояла ясная солнечная погода. Солнышко так и играло. Нас построили для проверки на большой вырубленной поляне посреди леса. И вдруг из кустов на поляну, как будто и нет войны, выскочили зайцы, один, второй, третий! Они играли, перепрыгивая через кусты. Я, словно отрешившись от всего мира, восторженно смотрел на этих беззаботных животных.

Это было чудо! И вдруг жестокий удар плёткой по голове, лицу, по всему телу. Хотелось упасть на землю, закрыться руками, но этого делать было нельзя. Немец тебя забил бы до смерти. Изнемогая от боли, почти теряя сознание, я стоял в строю и ненавидел их – это злодейское отродье. А они с каждым взмахом плётки смеялись и плевали мне в лицо. Этот кошмар прекратили автоматные очереди – по зайцам. Но свободолюбивые животные оказались умнее и хитрее врагов. А я стоял и думал: «Не победить тебе, фашист, ни человечество, ни природу».

9 мая 1945 года. Вот и закончились муки ада.

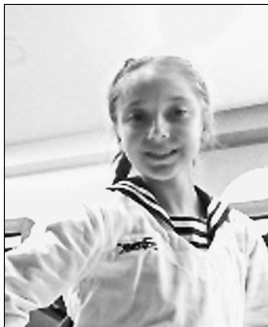
После освобождения из плена Михаил Фёдорович с мая по октябрь 1945 года продолжил службу в Красной Армии в 39-м гвардейском стрелковом полку.

После службы возвратился в родную деревню. Началась новая жизнь. В 1949 году Михаил Фёдорович женился на Антонине Васильевне Кусморовой. Построили дом, завели скотину, нарожали четверых ребятишек. Михаил Фёдорович работал в колхозе. За свой труд был награждён медалью «Ветеран труда».

Держал небольшую пасеку. Говорил, что пчела – самое трудолюбивое насекомое, оно даёт нам сладкую жизнь, а горькая – пусть останется в прошлом. Не любил смотреть фильмы о войне, но был в восторге от балета. Мог часами сидеть у телевизора и смотреть, как танцуют артисты балетной труппы. А в конце программы делал заключение: «Они, как пчёлы, порхают мирно. Вот и вы, дети, старайтесь жить мирно, легко и счастливо».

Умер Михаил Фёдорович Кусморов 23 июня 1985 года от болезни.

Ефремова Виктория Геннадьевна

Родилась 22 ноября 2007 года на хуторе Чаплыгин Гулькевичского района Краснодарского края. В 2013 году стала ученицей МБОУ СОШ № 24 имени Героя Советского Союза И. Я. Максименко, ученица 6-го класса. Всё своё свободное время посвящает литературному творчеству и музыке.

Выражает особую благодарность учителю истории, классному руководителю, Виктору Викторовичу Удовкину, за помощь в сборе материала для написания конкурсной работы.

СОЛДАТ ВОЙНЫ НЕ ВЫБИРАЕТ

*Их со школьной скамьи
Жизнь швырнула в военные будни,
И в далёкий Афган
Попросила поехать страна.
Если честно, не знали они,
Что работой их станет война...*

Смотрю на футбольное поле: мальчики, забив гол, радостно кричат, обнимаются. Мирное небо, свобода выбора, счастливое детство. Цена счастья очень высока – жизни людей, погибших на войне, чтобы жили мы. Пятнадцатое февраля – День памяти о солдатах, исполнявших долг перед Отечеством в далёком Афганистане. Афганская война – одна из самых трагических войн, она длилась девять лет один месяц и восемнадцать дней, не принесла нашей стране ни славы, ни почестей. Забрала самое дорогое – жизни молоденьких солдат, сердца матерей, потерявших сыновей в той войне.

Об одном таком сердце матери хочу рассказать в своем сочинении. Ведь историю страны можно понять и прочувствовать на примере отдельно взятой семьи.

В десяти километрах от нашего хутора раскинулось красивое село Пушкинское. Жители села бережно хранят память о своём земляке – воине-афганце Викторе Николаевиче Плюще.

Родился Витя 1 ноября 1966 года, он был старшим ребёнком в семье. Его мама, Валентина Александровна, работала в колхозе дояркой, рано осталась без мужа. Витя рос очень ответственным, порядочным, добрым. Он и помощник, и единственный мужчина в доме. С детства любил рисовать, мечтал поступить в художественное училище, но

судьба распорядилась иначе. Когда Витя окончил десятый класс, сестра Галя ещё училась в школе, мама одна не справлялась. Витя пошёл работать трактористом в колхоз. 10 ноября 1984-го его призвали в ряды Вооружённых Сил СССР. Окончив учебу, получил звание сержанта мотострелкового отделения и был добровольцем отправлен в Афганистан. Он свято верил, что помогает афганскому народу отстаивать демократические права.

Виктор писал письма не только своим родным, но и бывшей классной руководительнице – Евгении Дмитриевне. Учительница с гордостью зачитывала эти письма в школе на линейках, и все ребята с замиранием сердца вслушивались в эти строки:

А мальчики ни в чём не виноваты:

Ни в том, что родились в шестидесятых,

Ни в том, что на планете неспокойно,

Ни в том, что не сдавались в плен без боя.

Виктор Николаевич принимал участие в семи боевых операциях, проявил мужество, стойкость, отвагу, высокую доблесть и мастерство. 4 мая 1986 года, находясь в составе роты в засаде, первым заметил продвижение вооружённого отряда противника. В ходе боя взвод был остановлен сильным пулемётным огнём, в этой критической ситуации, действуя смело и решительно, Виктор вышел во фланг боевикам и, ворвавшись на их позицию, огнём из автомата и гранатами уничтожил расчёт пулемёта. За этот бой Виктор Плющ был награждён орденом Красной Звезды. Но получить свой орден Витя не успел. Через двадцать три дня, закрыв собой новобранца, Виктор Плющ героически погиб. Второй орден Красной Звезды ему присвоили посмертно.

Июньский день 1986 года собрал всех жителей села Пушкинского проводить в последний путь Героя – Виктора Николаевича, двадцатилетнего мальчика Витю. Солнечного лучика, как называли его в школе. Пришли все – от мала до велика. Почётный караул, цинковый гроб, прощальный звонок со школьного двора, звенящая тишина и крик несчастной матери: «Верните мне сына! Мне не нужны ордена!» Всё это осталось в памяти каждого жителя села.

Эхо Афганской войны ещё долго будет жить в памяти людской, потому что её история написана кровью солдат и слезами матерей.

Имя Виктора Николаевича Плюща навсегда останется во Всемирной книге Памяти СССР среди ещё 15 тысяч унесённых жизней. В двадцать первой Пушкинской школе барельеф, Почётная доска и местный музей бережно хранят историю жизни и гибели героя-земляка.

И нам, молодому поколению, необходимо помнить о тех страшных событиях Афганской войны, помнить, чтобы не повторить!

МОЙ ПАПА СЛУЖИЛ В АФГАНИСТАНЕ

Декабрь 1979 года – начало трагедии, вошедшей в историю нашей страны как Афганская война. Десять лет 1 месяц и 19 дней воевали в Афганистане наши ребята. 15 февраля исполняется 30 лет со дня вывода Советских войск из Республики Афганистан. 30 лет прошло с тех пор, как наш последний солдат ушёл с афганской земли. Но до сих пор Афган острой болью отзывается в сердцах россиян, потому что слишком дорога была цена помощи. Через горнило этой войны прошло 5137 солдат и офицеров из Пензенской области. Война страшна не только тем, что уносит жизни. Она калечит выживших, ломает их души, психику. Трудно залечить искалеченную душу, облегчить сердце, пропитанное своей и чужой болью.

Афганская война оставила след и в нашей семье. Весной 1984 года Михаил Викторович Конаков получил повестку для прохождения службы в армии. Служить или не служить? – перед ним, как и перед всеми тогда мальчишками, не стоял такой вопрос. В Наровчатском военкомате сказали, что служить, скорее всего, отправят в Германию. Но уже в Саратове на пересылочном пункте стало известно, что новобранцев отправят для прохождения службы в Афганистан.

Три месяца учебки в городе Октемберян в Армении, и 1 августа 1984 года он был отправлен в Демократическую Республику Афганистан. На самолёте прилетели в город Шинданд, где пробыли три месяца. И снова смена места дислокации – город Гиршик. Поэтесса Юлия Друнина написала такие слова: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Папа не скрывает, что поначалу было страшно, но со временем ко всему привыкаешь. Постоянно приходилось принимать участие в спецзаданиях: выезды на охрану колонн, везущих из Союза боеприпасы, продукты, медикаменты, ходили в рейды по кишлакам, оказывали помощь мирному населению. По словам папы, практически каждый день солдатам приходилось действовать в экстремальной обстановке. Все силы отнимало, изматывало постоянное ожидание опасности: автоматные очереди, мины, разрывающиеся под ногами, горная дорога, каждый метр которой таил опасность, изнурительная жара +40 градусов, обжигающий горячий ветер с пылью, на зубах скрипит песок, под ногами раскалённая земля, а ночью холод такой, что зуб на зуб не попадает. По очереди несли ночные дежурства, если кто-то засыпал, строго наказывали, потому что от постового зависела жизнь солдат и офицеров. Были случаи, когда на посту караульные засыпали, «душманы», воспользовавшись этим, с помощью ножей убивали

наших солдат. Не хватало продовольствия, медикаментов, но больше всего и чаще всего не хватало воды. Её привозили в бочках с водокачки, разливали в термосы и раздавали по частям.

«Но самое главное, – говорит папа, – это не трудности, с которыми нам пришлось встретиться, а армейская дружба, крепче которой не может быть ничего». Только сплочённость, доверие, понимание, крепкий боевой дух помогли ему и его сослуживцам с честью перенести все тяготы военной жизни. Всякое пришлось видеть воинам-афганцам, а может быть, и не раз заглянуть в глаза смерти. Они знают о жизни, о мире гораздо больше, чем их сверстники. Они знают и страшную боль – боль потери друзей. За время прохождения службы папа награждён медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» и другими медалями, значками и грамотами. Свою службу в рядах Советской армии отец закончил в звании младшего сержанта в 1986 году. По окончании службы вернулся в своё родное село Малая Кавендра, устроился на работу, женился. У нас большая многодетная дружная и счастливая семья. Мой папа – добрый, сильный, трудолюбивый, честный. Он не любит рассказывать о тех страшных днях, ведь для него по-прежнему это самые суровые страницы жизни. Немного фотографий сохранилось, но они очень дороги ему, на них его друзья и сослуживцы. В очередной раз вспоминая о своей службе, папа сказал, что война – самое страшное, что может быть на земле, и мы, современная молодёжь, не должны допустить очередного кровопролития, сделать всё возможное ради сохранения мира на земле. Я очень люблю своего отца и горжусь его мужеством, стойкостью, честностью, верностью воинской присяге и Родине. Когда мы узнали, что в средней школе села Наровчат создаётся кадетский класс, я, не раздумывая, пошёл в кадеты. Ведь кадеты – это защитники Родины.

Старцева Светлана Анатольевна

МОЯ ЛЮБИМАЯ КНИГА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Раньше, когда я слушала истории о Великой Отечественной войне, я очень сильно презирала абсолютно всю немецкую народность и то, что с ней связано. Я всегда задавалась вопросом: как такое могло случиться? Неужели эти люди могли принести столько горя и невзгод не только нашей стране, но и всей Европе? Как народ мог допустить к власти такого тирана, как Гитлер, как обычное немецкое население могло смотреть на весь ужас, который творят Фюрер и стадо верных ему фанатиков? Если народ не помешал им, значит, они заодно, считала я. Но, когда

прочитала книгу австралийского писателя Марка Зуака «Книжный вор»*, моё мнение резко изменилось. Действие происходит в Германии, начинается с января 1939 года. Рассказ ведётся от лица Смерти. Главная героиня романа – это простая немецкая девочка Лизель Мемингер. Лизель досталась нелёгкая ноша, отец без вести пропал, мать не в силах прокормить семью и поэтому отдаёт своих детей: сына и дочурку – на воспитание приёмным родителям. Брат Лизель тяжело болен, и поэтому, когда они ехали к новым родителям, он умер прямо на глазах девочки. Его похоронили на кладбище, где Лизель подобрала свою первую книгу – «Наставление могильщику».

Вскоре она приехала в город Моль Кинг к своим приёмным родителям, Шансу и Розе Губерманам, маклеру и прачке. Мать девочку встретила не очень ласково, даже грубо. Но Лизель быстро привыкла к здешнему общению и сблизилась с приёмной матерью, которая оказалась очень добрым и искренним человеком, спрятавшим доброту под покров грубости.

Губерманы – антифашисты, что играет немаловажную роль в развитии дальнейших событий. Девочка быстро находит друга. Им становится соседский мальчик Руди. Он мечтает стать атлетом. Все события друзья переживают вместе.

Папа учит Лизель писать и читать. Это занятие так увлекает девочку, что она начинает красть книги, из неё получается настоящая «воровка книг». Её второй книгой стало «Рукопожатие», которую она стащила с пепелища, когда командование приказало сжечь все книги «расово неполноценных» авторов. Вскоре она начинает красть книги из богатого дома, книги становятся для неё всем, они единственная отрада в её нелёгкой жизни. Когда она читала книги, она улетаала в другой мир, мир прекрасного... Увлечение чтением перерастает в зависимость, и кража книг становится основным занятием четырнадцатилетней девочки. В кульминационной части у Лизель появляется новый друг – Макс, беглый еврей, которого семья девочки согласилась спрятать, отец Макса спас Ганские во времена Первой мировой войны, и отец девочки решил вернуть долг старому товарищу. Макс быстро сдружился с Лизель, стал для неё духовным наставником, ведь они были очень похожи, оба были помешаны на чтении. Макс подарил Лизель книгу собственного сочинения, которая написана на страницах национальной книги про Фюрера. В 1942 году он всё-таки покинул дом Губерманов, так как возникла угроза его обнаружения.

Вся жизнь Лизель пропитана событиями Второй мировой войны: гонение евреев, разделение нации на тех, кто за Гитлера и против него. Губерманы – это обычная немецкая среднестатистическая семья,

которой не нужна эта жестокая война, они сами страдают от неё. Люди Германии хотят жить в мире, они не считают, что немцы – это высшая раса, а все остальные – это их рабы, но, к сожалению, они не могут высказать свою точку зрения, так как в то время это было невозможным. Людей, которые так считали и заявляли об этом открыто, немедленно казнили, ссылали, избивали и лишали всего, что они имеют.

Всегда так получается: войну объявляет один человек, а страдают все люди. Я поняла своё заблуждение о немецкой народности. Ведь они тоже страдали, как и мы, и роман «Воровка книг» описывает именно то, что в войнах всегда страдают обычные люди, независимо от того, кто начал войну. Судьба Лизель получилась тяжёлой, к сожалению, её родители умерли при бомбёжке, которая произошла из-за нелепой ошибки. После войны она встретила Макса, они поженились и в зрелости стали писателями.

*«Книжный вор» – роман австралийского писателя Маркуса Зузак, написанный в 2006 году.

Кротова Софья Владимировна

Учится в школе, оканчивает первый класс. Однажды на уроке учительница рассказала ребятам о Бессмертном полке. Придя домой, Софья расспросила маму о родственниках, воевавших на войне. Две истории её потрясли. И она записала...

ОНИ МНОГОЕ МОГЛИ БЫ...

Сергей Сергеевич Крылов родился 14 сентября 1915 года в деревне Асенеvской Боровского района Калужской области. Семья была большая. У Сергея был старший брат и 4 старшие сестры. В 1917 от тифа умерли мама и папа. Воспитанием детей занялся старший брат, Александр, ему тогда уже было 18 лет, и бабушка Екатерина. Дети помогали по хозяйству бабушке. Бабушка содержала чайную. Летом они ходили в лес по ягоды, собирали грибы. Жилось без родителей нелегко. Сергей окончил школу. С детства он мечтал летать.

Он решил поехать в Москву поступать в авиационное училище. Поехал и поступил. Началась увлекательная учёба. Сёстры не теряли связь с братом, приезжали к нему, писали письма. Вскоре сёстры переехали поближе к брату в Монино Московской области.

В 1941-м началась война... Сергей помогал бить врага с воздуха. Не забывал про сестёр, регулярно присылал им свои продуктовые карточки и письма. В 1943 году прекратились письма... Сёстры стали узнавать, где их брат и что случилось. Узнали единственное, что его самолёт разбился на границе с Японией. Ещё долгие годы они пытались узнать о судьбе брата, но так ничего и не нашли...

Я надеюсь, что мы рано или поздно найдём информацию о гибели прадеда Сергея.

Филипп Андреевич Костяков родился в 1921 году в деревне Зотино Омской области. В семье было 6 детей. Занимались земледелием. Жили дружно. В школу приходилось ходить в соседнюю деревню Кормиловку: 7 километров туда, а потом обратно. Война застала Филиппа, когда ему было 20 лет.

Закончилась война для Филиппа 16 августа 1943 года. Он был командиром взвода противотанковых ружей 1342-го стрелкового полка 234-й стрелковой дивизии.

О его месте захоронения долго было ничего не известно. Только в 2016 году мама нашла о нём данные через ОБД «Мемориал». Похоронен он в братской могиле Духовщинского района Смоленской области.

Мама связалась с представителями поискового отряда «Комбат», выслали фото и данные о Филиппе для внесения в Книгу памяти. Летом мы семьёй поедem поклонить колено перед могилой прадеда.

Они многое могли бы успеть в этой жизни... Жениться, построить собственный дом, родить детей, радоваться жизни и радовать родственников своим присутствием, но не успели... Им было чуть больше 20 лет...

Но они успели главное – 3 года отважно били врага: один – с неба, другой – с земли. Ценою собственной жизни заплатили за мирное небо над нашей головой!

Синько Кирилл Дмитриевич

Родился 27 апреля 2009 года в городе Владивостоке Приморского края в семье офицера-подводника. Позже семья переехала на Камчатку, в город Вилючинск, посёлок Рыбачий.

С 2016 года обучается в СШ № 2 города Вилючинска в настоящее время – в четвёртом классе.

Занимается самбо, принимает участие в городских и районных соревнованиях. Является членом военно-спортивного клуба «Подводник». Участвует в различных олимпиадах

и конкурсах. Увлекается литературой.

МОЯ ПРАБАБУШКА

Тамара Терентьевна Витюкова родилась в 1921 году. Она росла, училась, работала, пока течение её спокойной и умиротворённой жизни не прервала война. Тогда Тамара Терентьевна, будучи совсем молодой, встала на защиту своей родины. Поначалу она служила артиллеристской, подвозила снаряды. Так в постоянной опасности проходила её военная жизнь. Как и все солдаты, она стояла лицом к лицу со смертью и была готова отдать жизнь за свою Родину.

В один день Тамара Терентьевна стала водителем генерала Константина Константиновича Рокоссовского, так как предыдущий водитель был убит во время бомбёжки. Моя прабабушка была коротко подстрижена и в военной форме вполне походила на молодого мужчину, поэтому, можно сказать, по случайности оказалась за рулём автомобиля генерала. Так Тамара Терентьевна исполняла эту должность несколько дней, пока не выяснилось, что она девушка.

Когда секрет был раскрыт, её сняли с должности, и она вернулась на прежнее место службы. На этом её работа водителя закончилась, но не её удивительная история.

Позже моя прабабушка была серьёзно ранена, когда рядом с ней взорвался один из снарядов. Её доставили в госпиталь для выполнения сложнейших операций. Какое-то время Тамара Терентьевна восстанавливалась на больничной койке, а когда поправилась, снова отправилась на службу. Через какое-то время выяснилось, что во время операции врачи не заметили один осколок, и он остался где-то в теле. По словам врачей, он не мог навредить здоровью, и так моя прабабушка прожила оставшиеся годы с этим осколком внутри.

Мне не довелось увидеть прабабушку, но каждый год 9 Мая я несу её портрет в рядах Бессмертного полка. Я очень горжусь своей прабабушкой Тамарой Терентьевной, храню память о ней в своём сердце. Она является для меня примером смелости и отваги. Я считаю, что каждый из нас должен знать о подвигах своих прародителей, рассказывать их истории и равняться на них.

Князева Варвара Игоревна

Родилась в 2007 году в городе Нефтегорске Самарской области. Учитя в 6-м классе с математическим уклоном. Занимается рисованием, танцами, вокалом, плаванием, иногда пишет стихи. Является автором публикации в журнале «Литературное творчество школьников». За свои достижения трижды была награждена путёвкой в Международный детский центр «Артек».

СПАСИБО ЗА МИР НА ЗЕМЛЕ!

Наши прадеды и деды
Воевали на войне.
Одержали там Победу!
Дали мир тебе и мне!

А в тылу мечи ковали
Дети, бабы, старики.
Не жалея сил, здоровья,
Всем канонам вопреки.

Четыре года пролетело,
Мир вздохнул – конец войне!
Ярче солнце засветило,
Тихо стало на Земле.

Трактора лишь загудели,
Стали вспахивать поля.
В космос люди полетели,
Мирно зажила Земля!

Селянинов Никита Сергеевич

Родился в 2008 году в Ишиме Тюменской области. Учится в 5 «А» классе МАОУ СОШ № 8 города Ишима.

Занимается литературным творчеством. В будущем мечтает стать учителем русского языка и литературы и продолжить педагогическую династию своей семьи, общий педстаж которой более 325 лет.

Гордится своим дедом – Иваном Николаевичем Селяниновым, который 15-летним мальчишкой ушёл на фронт и стал сыном

полка.

Искренне благодарен маме, Наталье Селяниновой, за помощь в написании работы и бабушке, Нине Ивановне, за то, что прививает ему любовь к родному языку.

НЕЗАБУДКА

Бутон незабудки примят сапогом
Майора, убитого в ходе сраженья ...
И взгляду покажется на мгновенье,
Победа войны над помятым цветком!
Сквозь серость и мрак, запах копоти, дыма,
Пожаров огни, залпы ружий стальных,
Как символ дочуркиных глазок любимых,
Как весточка с тыла от самых родных!
Зачем ты, малыш, для войны народился?
Не время ещё, дорогой, погибать!
Ты вдоволь рососою ещё не напился
И солнца лучей не узнал благодать!
Влюблённые руки тебя не дарили,
И нежные губы, дыша чистотой,
Тебя не лелеяли и не любили!
Не грели у сердца счастливой весной!
Бутон незабудки примят сапогом ...
Как детство и юность замяты войною!
Без спросу она ворвалась в каждый дом ...
И небо уже не блестит синевой!
Под взрывами, полными страха и тьмы,
Под полчищем танков, что губят святое,
Цветок незабудки из пыльной травы

Победно качает своей головою.
Мальш, не сдавайся! Ты, милый, расти!
И к солнцу своей красотой пробивайся!
Ты должен на это всё силы найти!
За жизнь свою вместе с Россией сражайся!
Победа придёт! Небосвод засияет,
Овеянный лёгкостью облаков!
Смотри: вновь поляны благоухают,
И пчёлы нектар пьют из нежных цветов!
Июнь... Незабудки на клумбе сияют:
Их бабушка любит с момента войны...
Они ей как память о братьях важны:
Где были убиты, никто и не знает...
Однажды в письме, что вернулось с войны
Как добрая весточка, искорка будто,
Среди пожеланий, что были важны,
Внутри красовался цветок незабудки...
Проходят года быстротечностью дней...
Но память хранит в своём сердце страницы,
Война как сорняк наших русских полей,
Где плачут цветы, вытирая ресницы...

Косякова Алина Вадимовна

Учится в 6-м классе МБОУ «Меgetская СОШ» Ангарского района Иркутской области. Сочиняет стихи с 5 лет. Искренне благодарна своему учителю русского языка и литературы, Елене Леонидовне Сухичевой, за помощь и поддержку.

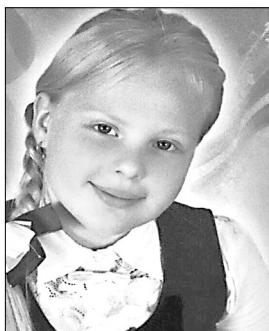
ВОЙНА

Как гром среди ясного неба
Прозвучало слово «война»!
Не увидим в ближайшее время мы хлеба...
И горюшка выпьем до дна.

Сменялись дни один за одним,
И так они были похожи.

Голод и холод, да танковый строй,
Но наши солдаты стояли стеной.

Война унесла много жизней людей,
Но помнить мы их будем вечно.
Теперь вы посмертно герои наших дней,
Мы обязаны вам бесконечно!

Таранова Амалия Витальевна

Родилась 20 августа 2007 года в Ставрополе. Живёт в городе Подольске Московской области. Учится в 6-м классе МОУ СОШ № 18 имени Подольских курсантов.

С 6 лет увлекается поэзией, пишет стихи. Победитель многих всероссийских литературных конкурсов. В 2017 г. вышел в свет её первый сборник стихотворений «Вот так!», а в августе 2017 года её стихотворение «Моя Россия» вошло в сборник «Междуречье»

У Литературного конкурса «Горю поэзии огнём».

СКАЖИ МНЕ, ПРАДЕД

*Памяти моего прадеда,
Дмитрия Андреевича Неплюева, посвящается...*

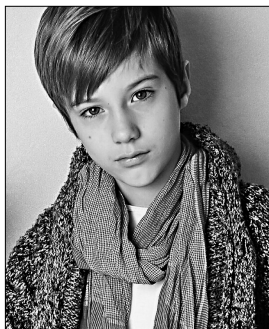
Передо мною прадеда портрет:
Он молодой, красивый здесь сидит.
И, кажется, что глядя мне в глаза,
Со мною по душам он говорит:
«Ты знаешь, внучка, страшная война,
Всем боль и горе принесла.
И уходя на фронт, в глухую ночь,
Просил прабабушку твою сберечь я дочь».

«Скажи мне, прадед, как ты воевал?
Скажи мне, прадед, как ты выживал?
Как ты в концлагере сидел, фашистов клял,
Собрав всю волю, дважды убегал.
Ты Расскажи, как смог врага ты победить,
И научи меня так Родину любить!»

«И на войне я думал о семье.
В окопе, лагере, в бою.
Мечтал я в полной тишине
Увидеть доченьку свою.
Ты знаешь, внучка, главное – семья.
Нас защищала, всех нас берегла.
И если будешь ты свою семью ценить,
Тогда и Родину научишься любить!»

«Скажи мне, прадед, как ты воевал?
Скажи мне, прадед, как ты выживал?
Как ты в концлагере сидел, фашистов клял,
Собрав всю волю, дважды убегал.
Ты расскажи, как смог врага ты победить...
Буду, как ты, я Родину любить!»

Передерий Владислав Дмитриевич

Родился 2 июня 2009 года в городе Красно-
даре.

Занимался тхэквондо, плаванием. Сейчас
продолжает успешно учиться в МБОУСОШ
№42. Параллельно учится в школе искусств на
отделении гитары.

Со своим авторским стихотворением
«Мой прапрадед» занимал призовые места во
многих литературных конкурсах.

Пишет прозу и пробует себя в разных жан-
рах.

МОЙ ПРАПРАДЕД

Его именем улица названа,
И он сын кубанской земли.
Он посмертно герой, прапрадед мой –
Степан Дмитриевич Передерий.

Говорят «один в поле не воин»,
Но – казак он, артиллерист,
Заслонил Краснодар собою,
Свою пушку установив.

Помогали ему ребята
Подносили снаряды ...
И в бронь
Улетала ярость солдата –
В оккупанта метала огонь.

Три часа длился бой тот неравный.
Что он пережил – трудно сказать.
Город был за его плечами –
Он старался его отстоять.

Три часа: пыль, огонь, снаряды,
Грохотала, летела земля.
Задыхались помощники рядом.,
Содрогались вдали тополя ...

Мой прапрадед теперь –
Только память.
Эту память хранить я готов.
Пусть по миру она шагает
В лицах прадедов, дедов, отцов ...

РАССКАЗ О МОЁМ ПРАДЕДЕ

Меня зовут Алёша Белов. В нашей семье Беловы это: папа Женя, я, брат Петя и брат Лёва. Беловы – это наша фамилия, которая передаётся из поколения в поколение. Имена даются тоже неслучайно. Мой папа мне рассказал, что меня он назвал в честь его деда, моего героического прадеда Алексея Петровича Белова.

Он родился в 1904 году в деревне Щавёво Ивановской области в семье крестьянина. С детства учился всё делать своими руками, а когда стал взрослым, то пользовался заслуженным авторитетом у жителей деревни. Алексей Петрович был мужик энергичный, развитый физически, смел, ловок, увёртлив, умён, спортсмен в молодости. При этом Алексей Петрович был очень добрый и отзывчивый человек. В деле, где излишняя сила могла только навредить, он был точен и аккуратен, обладал моментальной реакцией.

В двадцатые годы прошлого века, работая электриком, устанавливал столбы и тянул провода в родную деревню. Так в деревне моего прадедушки забыли о лучинах и узнали про «лампочки Ильича». Электрический свет ночью был не только на улице, но и в каждом деревенском доме. За заслуги Алексея Петровича выбрали председателем колхоза.

Мирная жизнь прадеда закончилась летом 1939 года, когда он был призван рядовым пехоты для участия в боевых действиях на реке Халхин-Гол. Мой прадед даже на войне ощущал себя в душе крестьянином и, возвращаясь с Дальнего Востока, за пазухой привёз домой маленькие саженцы. Так в его деревне и в округе появилась крупная дальневосточная жёлтая слива.

Летом 1941 года вся деревня узнала, что началась Великая Отечественная война. Как это было, я узнал от бабы Риты – моей двоюродной бабушки – дочери Алексея Петровича: «Летом 1941 года 22 июня объявили войну. Сразу везде по всем деревням пошли проводить митинги. Сделали митинг в деревне Поддорожново. Все старые и малые бегом бежали, чтобы услышать, о чём говорят. Мы с Валею бежали задворками. Он у меня сидел на закорках, а потом мне тяжело его было нести, и я ему говорю: «Беги сам ногой!» А он немного побегал и опять просится: «Лита, возьми меня». И я его снова взяла на спину. Митинг уже вовсю шёл. Взрослые и старые женщины плакали, мужчины все были взволнованы. А мы, дети, войну особо не очень близко воспринимали. Наш отец, придя домой, сделался очень серьёзным и сказал, что эта война с немцами будет очень нелёгкой».

Как провожали на войну Алексея Петровича, мне рассказывал мой дед Валя: «На фронт отца сразу не взяли по двум причинам: хороший специалист оборонного завода и отец пятерых детей. С передовой приходили письма от братьев и племянников. Приходили в деревню Щавьёво и похоронки. Немцы очень быстро продвигались в сторону Москвы. Новобранцев без подготовки сразу же посылали воевать, а у моего отца уже был боевой опыт на реке Халхин-Гол. Конечно, можно было ждать, когда передовая подойдёт к родной деревне, но отец уговорил руководителя завода снять с него бронь, а на завод пойдёт работать его сын, а мне брат – Виктор. Бронь сняли, и отец отправился 27 сентября 1941 года в РККА по мобилизации.

Помню, как мы провожали отца на войну. Никто тогда не знал, что мы его больше не увидим. Я был самый младший в семье и самый неугомонный, поэтому кричал: «Папка, я с тобой на войну!» Перед отъездом отец сказал, что таких маленьких на фронт не берут, поднял меня над головой и пожелал, чтобы я рос таким большим и помогал матери. Затем мы сели в бричку. Я, вцепившись в шею отцу, кричал: «Я хочу с тобой!» Уже за пределами деревни Щавьёво, когда доехали до вершины первой горы и остановились, мне показали вдаль на купола Майдаковской церкви, где в это время были грозовые облака. Отец серьёзным голосом сказал: «Туда нельзя! Там война!» И мы остались провожать отца только взглядом.

Конечно, фронт был совершенно в другом месте, и в этом немалая заслуга и моего отца, и других щавьёвцев-фронтовиков. С этой войны в родную деревню живым почти никто не вернулся. Фашистов остановили только на подступах к Москве и уже оттуда гнали обратно на Запад».

Для наших солдат много было ожесточённых боёв позади, много впереди, но для моего прадеда бой 9 января 1942 года был последним. Это известие принесла похоронка со страшными словами: «... верный воинской присяги, проявив героизм и мужество погиб 9 января 1942 г.». Старшие дети её спрятали, потому что мама была беременна, а через полтора месяца было уже шестеро детей. 23 февраля 1942 года родилась дочь Галя. Детей Алексей Петрович очень любил. Воспитывать детей матери пришлось одной в то тяжёлое военное и послевоенное время, за этот подвиг она была награждена медалью материнства.

Как погиб Алексей Петрович, красноармеец 324-й стрелковой Верхнеднепровской Краснознамённой дивизии 887-го артиллерийского ордена Александра Невского полка, рассказал его друг из деревни Овсяницы Заволжского района Ивановской области – Иван Павлович Кропотов.

После войны Иван Павлович Кропотов проживал в городе Заволжске

и уже оттуда написал письмо жене Алексея Петровича – Марии Савельевне Беловой. Из письма в семье узнали, что он вместе с моим прадедом служил в артиллерийском полку.

«В начале 1942 года под городом Сухиничи проходили очень тяжёлые бои. Местность под городом Сухиничи в основном равнинная и за каждую небольшую высоту приходилось сражаться несколько раз. Днём 9 января 1942 года во время боя очередным штурмом была отбита от немцев машинно-тракторная станция (МТС). Но фашисты планировали наступление на данном участке. Близ города Сухиничи уже были построены три современных аэродрома. Авиация противника регулярно наносила бомбовые атаки по нашим позициям. Артиллеристы всегда первыми принимали на себя налёты вражеской авиации.

Необходимо было передать по связи новые координаты противника и прекратить обстрел уже отвоеванных территорий. Совсем внезапно произошёл сильный вражеский налёт авиации. Наши позиции бомбили 14 немецких самолётов, в результате взрывом бомбы перебило телефонный провод с командным наблюдательным пунктом. Бомбардировка закончилась, но огонь врага были настолько сильными, что было страшно поднять голову из окопа. Для восстановления связи в такой ситуации требовался только доброволец. Конечно, Алексей Петрович был артиллеристом, а не связистом, но его мирная профессия была электрик, он занимался электрификацией своей родной деревни. Он один вызвался отыскать обрыв и установить связь. Уже на обратном пути, когда до наших окопов оставалось несколько десятков метров, опять налетели самолёты. Пулемётной очередью с немецкого самолёта он был ранен двумя пулями в брюшную полость и самостоятельно передвигаться уже не мог.

Зима 1942 года вошла в историю как самая суровая зима XX века. В тот роковой день мороз достиг сорокадвухградусной отметки. Более получаса сослуживцы, находящиеся в окопах, слышали стоны Алексея Петровича сначала громкие, а потом всё тише и тише. Но помочь ему никто не мог, так как местность простреливалась фашистами. Сейчас очень сложно сказать, смертельно ли он был ранен или врачи могли бы ему помочь, но ясно одно, что это была мучительная и героическая смерть. По восстановленной связи с наблюдательным пунктом были переданы новые координаты свои и противника, что сохранило многим жизнь, но самое главное – добровольцев на восстановление связи больше не требовалось. Только когда стемнело, фронтовые друзья смогли добраться до героя, но было уже поздно. Выяснилось, что раненый красноармеец пытался передвигаться в сторону окопов, где ему могли помочь, но в метровом сугробе вместо перемещения копалась только траншея.

Похоронили его в братской могиле в нейтральной зоне у деревни Стрельна, в районе МТС Сухиничский, от города Сухиничи в полутора километрах».

Сам Иван Павлович Кропотов в похоронах не участвовал, так как в это время шёл бой, и более точного места погребения указать не мог.

Уже после войны в городе Сухиничи Калужской области возвели мемориал Победы, где в камне выбиты имена героев, и в том числе имя моего прадеда – Белов А. П. Старожилы рассказывали, что возле машинно-тракторной станции было две братские могилы, на местах боёв теперь колосится рожь.

Я горжусь своим героическим прадедом, мне нравится моё имя, и я постараюсь его достойно пронести по жизни.

Макаров Сергей Евгеньевич

РОССИЯ НАЧИНАЛАСЬ НЕ С МЕЧА...

Россия... Родина... Отечество... Русские... Как много значат эти слова для каждого из нас! Эти слова составляют главную ценность нашего народа, они выстраданы нашими дедами и прадедами, за них заплачено миллионами жизней ради мира на земле! Ради жизни на земле...

Святая Русь... Моя Россия... В чём же наша уникальность? Чем мы отличаемся от других народностей? Почему не могут нас уничтожить?.. В чём же наша сила? В чём миссия России?

Мне, ученику 9-го класса, хочется найти ответы на эти непростые вопросы, чтобы понять: а кто я для России и что Россия значит для меня? Что я могу сделать для своего народа?

Мои мысли переносят меня из реальности в великое далёкое историческое прошлое... Ледовое побоище... Чудское озеро... Александр Невский... Его знаменитые слова, сказанные перед боем братьям: «Не в силе Бог, а в правде!» И долгожданная победа... Такая сложная и такая необходимая в период княжеских междоусобиц... и нашествия татаро-монгольского ига...

Другая картина... Куликово поле, усеянное павшими русичами... Восемь суток хоронили тех, кто, не задумываясь, не пожалел «живота своего за други своя...» Некому оплакивать храбрых воинов... Никогда им не встать с этого поля... Никогда...

Ещё видение... Отчётливо различаю образ великого князя Дмитрия Донского, который, готовясь выступить в поход, просит у Сергия Радонежского благословения и молитвы.

«Если враги хотят от нас чести и славы, – сказал ему преподобный, – дадим им; если хотят золота и серебра – дадим и это; но за имя Христово, за веру православную надо душу свою положить и кровь пролить».

И Сергей Радонежский в монашеском одеянии благословляет Дмитрия Донского на подвиг со словами: «Ты победишь!»

...Бородино! Поле Бородинское! Есть разгуляться где на воле... Невдалеке вижу Наполеона, французы ликуют пред боем, а русские надели чистое бельё, прекрасно понимая, что для многих – это последний бой... «Не будь на то Господня воля – не отдали б Москвы...» Строки, знакомые нам с детства... Строки, от которых мурашки по телу...

И вдруг... другая картина – блокадный Ленинград... Разруха... Холод... Ужас... Голод... 125 граммов блокадного хлеба, который и хлебом назвать трудно... обойный клей... нет ни одной собаки, ни одной кошки... Съели всё, что можно съесть, но не притронулись к запасам Вавиловской коллекции семян... сохранённой для будущего...

И невыразимое величие духа, достоинства... мужества... Дети блокадного Ленинграда... Как вы выстояли? Как выжили! Отмороженные руки и ноги... И смерть каждый день... Каждый день... Они знали и понимали, что «ныне лежит на весах и что совершается ныне...»

Кёнигсберг... В 1944 году фактически стёрт с лица земли британскими ВВС. Тысячи тысяч погибли... Треть из них были дети... Невиданная жестокость союзников...

И последнее видение... Главное...

Берлин... Треть парк... Тринадцатиметровая фигура русского солдата, на руках которого маленькая немецкая девочка... спасённая из развалин поверженного Берлина...

Бой идёт за улицу... Огонь врага страшен... Вдруг плач ребёнка... Молодой русский парень принимает решение – вытащить девочку из зоны обстрела, попросив прикрыть его огнём. Девочку он спас, но был ранен. История знает имя этого героя. Николай Масалов, прикрывая девчужку своим телом, под пулями вынес малышку в безопасное место... Как? Откуда доброта, жалость, милосердие... Как удалось сохранить человеческое... после ужасов и ада долгих военных лет....

Да, прав Эдуард Асадов, утверждавший, что «Россия начиналась не с меча...».

И победить мою Родину невозможно, потому что «русского плеча ни разу в жизни злоба не касалась...»

Злобы никогда в душах русских людей не было. Не было желания кого-то унижать, уничтожать, сокрушать... А только прощать, защищать, освобождать...

Я горжусь нашей историей, я счастлив, что я часть этой великой

страны, я гражданин России, и уверен, что у моей Родины особая миссия – миротворческая, миссия спасти человечество от злобы, ненависти, вражды...

Моё поколение должно знать историю своего народа, чувствовать и беречь хрупкую связь времён. Вряд ли стоит призывать к патриотизму, любовь к родной земле стоит прививать с детства, начиная с малого: любви к своей семье, месту рождения, дому. Ключом же к уважению, пониманию истинных ценностей, по моему мнению, является знание родной истории. Гражданин – тот, кто бережно хранит наши корни. А корни – это наше прошлое, история и национальная культура.

Окотэтто Анастасия Ивановна

Родилась в 2003 году на Алтае. В 2006 году с родителями переехала за Полярный круг, в посёлок Анטיפаюта Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Училась в Анטיפаютинской школе-интернате. В 2019 году поступила в Горно-Алтайский экономический техникум, студентка I-го курса. Всё свободное время посвящает литературному творчеству.

Искренне благодарна Эльвире Рамазановне Сагачеевой, учителю русского языка и литературы, за помощь в написании работы.

ВОЙНА В СУДЬБЕ ПРАДЕДА

Каждое лето мы с родителями едем отдыхать в Астраханскую область, там живёт мой прадед. В этом году ему исполнится 95 лет. Приезжаем мы туда обычно в июле, это самый жаркий месяц. Температура на солнце достигает +40 С. Мне, жительнице Ямала, такая температура просто невыносима. Чтобы не получить солнечный или тепловой удар, я отсиживаюсь в доме, смотрю телевизор или читаю книги. Дом у деда деревянный, за ночь он остывает, в нем уютно и прохладно.

Как-то раз, перебирая книги в поисках, что бы почитать, я наткнулась на большую, в синем переплёте книгу, на ней золотыми буквами было написано «Книга памяти». Открыв её, я увидела множество фамилий, списки участников Великой Отечественной войны Астраханской области. На открытой странице были фамилии пропавших без вести солдат, все они начинались на букву «И». В глаза бросилось огромное количество Ивановых, у моего деда такая же фамилия. Что-то заставило

меня пробежать взглядом по строчкам, и от удивления я замерла: Иванов Александр Иванович, дата рождения – 14 ноября 1924 года, уроженец села Никольское, пропал без вести. Не может быть! Все паспортные данные совпадали с данными моего деда. Неужели был ещё один такой же человек, не может быть такого совпадения!?

Я дождалась, пока дед проснётся, он тоже, пережидая жару после обеда, всегда отдыхал в доме.

– Дед, это ты? – я «тыкала» пальцем в строчки книги, сунув её под нос только что проснувшемуся деду.

– Да, в этом списке действительно я. Так порой случалось на войне: человек терялся, например, был ранен или отстал от своих, находился в окружении... Тогда родным сообщали, что солдат пропал без вести, а он потом объявлялся живым и невредимым. Так случилось и со мной. Пока я был в окружении, в Астраханский военкомат сообщили, что я пропал без вести.

– Дед, расскажи о войне, – попросила я.

Он задумался и неторопливо стал рассказывать. Меня всегда удивляло, что дед, рассказывая о войне, помнил даты, названия небольших населённых пунктов, фамилии и имена своих однополчан, хотя после войны прошло много лет.

Встретился он с фашистами раньше, чем попал на фронт, а произошло это так. В 1941 году после окончания ветеринарной школы дед приехал работать в родное село. К тому времени всех опытных ветврачей призвали на фронт и его, восемнадцатилетнего парня, поставили заведовать большим молочным комплексом. Конечно же, он просился на фронт, но его не брали: инвалид детства. Когда ему было 14 лет, он шёл из школы по улице, где мальчишки играли в футбол, мячом ему попали прямо в глаз, который врачам пришлось удалить, с тех пор у деда в левой глазнице протез.

Так вот, он работал в колхозе, обходил фермы, проверяя, здоровы ли коровы. Рядом с комплексом была бахча, на которой выращивали арбузы. Астраханские арбузы очень знамениты, хотя от прежних, как говорит дед, осталось одно название. Немцы в то время подходили к Сталинграду, это в пятистах километрах от Астрахани. Они прорывались на Кавказ. Ведь там, на Кавказе, – нефть, а значит, горючее для их танков, самолётов и другой техники. В грандиозных планах Гитлера о господстве над миром – захват Кавказа был очень важным этапом.

Доярки собирались на вечернюю дойку, а дед отправился на бахчу поболтать со сторожем. Старик-сторож ругал незнакомого человека за сорванный без разрешения арбуз, который тот с трудом держал в руках. Незнакомец, казалось, был немцем. Деду его поведение показалось странным, в деревне был немой, который общался со всеми при помощи специальных

знаков, а этот подозрительный какой-то. Поскольку получалось, что арбуз был сворован, дед со сторожем связали незнакомца и на телеге увезли в деревню, сдали участковому. Как потом выяснилось, это был немецкий десантник, которого забросили к нам в тыл самолётом. Этого горе-разведчика погубила любовь к сладкому. Позже была взята вся их группа.

Дед каждую неделю ездил в военкомат и просился на фронт. И вот в начале августа 1942 года его просьбу удовлетворили, в Астрахани формировалась 28-я армия. В этот момент, когда девятнадцатилетний парень получил долгожданную повестку, ему казалось, что нет большего счастья, чем Родину защищать.

Деда привезли в калмыкские степи, здесь шла заготовка сена для обозных животных. Оказалось, что из десяти человек, которым поручили эту работу, только молодой ветеринар умел правильно прессовать сено. За хорошо выполненную работу ему и ещё двум солдатам дали увольнительную на три дня. Из увольнительной вовремя вернуться не удалось: опоздали на несколько часов, так как не было попутного транспорта. По закону военного времени их могли расстрелять на месте или отправить в штрафбат, но они были так молоды, что их просто отправили на передовую.

В Калмыкии была сформирована отвлекающая конница, вместе с ней военным ветеринаром дед и попал на передовую. Медицинскую помощь в первую очередь дед оказывал, конечно же, людям и только потом, в минуты затишья, лошадям. У тех и других ранения были и пулевые, и страшные рваные раны от осколков мин и снарядов. Раненых солдат перевязывали и отправляли в медсанбат, лошадей, если они могли идти, оперировали здесь же, на передовой, вытаскивали пули и осколки, рану обрабатывали, перевязывали.

Через несколько дней ожесточённых боёв деда отправили в медсанчасть, там не хватало людей для оказания медицинской помощи, раненых было очень много. Бои шли тяжёлые, нельзя было немцев пускать за Волгу. В войне должен был наступить переломный момент. Отступить дальше нашим войскам было некуда, они готовились к наступлению.

В медсанчасть доставляли солдат с различными ранениями, делали экстренные операции. Из-за нехватки лекарственных средств, оборудования и отсутствия высококвалифицированных военных хирургов оказываемая помощь не всегда была правильной. Даже деду с его ветеринарным дипломом было понятно, что руки и ноги солдат можно было бы спасти, но их ампутировали, так как на лечение больше времени и сил уходило. А как жить теперь будет калека? Это уже его проблема.

– Главное, живы, – говорили им.

Как только прибыло пополнение медиков, дед снова ушёл на передовую.

28-я армия двигалась по левой стороне Дона, отвлекая на себя фашистов

от Сталинграда. Когда в бою за станцию Батайск, что в семи километрах от города Ростова, разорвался миномётный снаряд, на теле деда были только царапины, но его сильно контузило. Он ничего не слышал, из ушей шла кровь, от страшной боли в голове хотелось кричать, из-под пуль его вынесла медсестра. Так первый раз дед попал в госпиталь.

После лечения его направили учиться на наводчика артиллерийских орудий. И снова на фронт он попал уже наводчиком противотанковой батареи.

Я спрашивала деда:

– Как же ты с одним глазом и наводчиком был?

Дед смеялся:

– Зато прищуриваться не надо было.

После освобождения Донбасса произошла перегруппировка войск, и деда направили в 18-й отдельный сапёрно-автомобильный батальон. Они искали удобные места для переправы танков и пехоты, а если таких мест не находили, то строили понтонные переправы и мосты. Одну из таких переправ они возводили возле местечка Барановичи. В этом штурме участвовал и 18-й батальон. Поставленную перед ними задачу они выполнили, немцы отступили, помогла внезапность. В танк, на котором ехал дед, в самом конце боя попал фугас, загорелась машина и люди. У деда обгорели руки, спина и грудь, следы от ожогов остались на всю жизнь, но в госпиталь он ехать отказался, подлечился в своей медсанчасти.

Так с боями, проходя города, деревни и сёла, дивизия, в которой служил старшина ветеринарной службы, освободила Украину, Белоруссию и дошла до Польши. Был тёплый весенний день, солдаты расположились на отдых в большом саду в пригороде Кракова. И только дед прилёг, как раздались вой сирены воздушной тревоги. Солдаты подскочили, посмотрели в небо и через ослепляющие лучи солнца увидели низко летящие вражеские штурмовики. Пронзительно засвистели падающие бомбы. Земля задрожала, оглушительные взрывы преследовали бегущих солдат. Спрятаться было негде. Дед добежал до рва в конце сада, и тут одна из бомб взорвалась почти под ногами. Очнулся только в госпитале. Контузия была настолько сильной, что два дня изо рта его шла кровь. Больше всего на свете мой дед боялся уколов.

– Лучше в сыром окопе под пулями, чем в чистой палате с иголкой в мягком месте, – говорит он.

Выйдя из госпиталя, он быстро догнал своих, войска продвигались медленно, так как ожидалось открытие второго фронта.

– Дед, а сколько фашистов ты уничтожил? – спросила я.

Он стал вдруг очень серьёзным, долго молчал, а потом сказал:

– В первом бою, когда в руках у меня оказалась винтовка, ни одного

не убил, потому что стрелял, не целясь, как попало. Когда я выплянул из окопа и увидел бегущих на меня людей, меня охватила паника, нет, не страх, а какое-то жуткое чувство, от которого трудно было дышать. Я ведь жизнь животным спасал, как же можно у людей эту жизнь отнимать? После боя мне было неловко перед бойцами, но никто меня не ругал, никто надо мной не смеялся. Пожилой солдат подошёл ко мне, похлопал меня по плечу и сказал: «Не переживай, парень, первый раз всем тяжело. Только разве это люди? Они пришли на нашу землю, убивают наших жён, детей, матерей, сжигают города и сёла. Они хуже, чем звери». Скольких я потом убил, не считал, зачем? Это ведь не охотничьи трофеи, чтоб их по головам считать.

Домой дед вернулся только в ноябре 1945 года. Вернулся старшим мужчиной в семье, единственным из ушедших на фронт. Погиб на войне его отец, который командовал пулемётчиками, где-то в Донецкой области, точное место захоронения неизвестно. Нет могилки, некуда прийти помянуть, цветы положить. Погибли его дяди, братья отца, ушедшие на фронт совсем молодыми.

Есть у деда парадно-выходной костюм, который он надевает по особым случаям – 9 Мая. На мундире медали и ордена. Рассматривая их, я спросила:

– Какие из наград особо дороги тебе?

Из всех наград дед назвал три: орден Отечественной войны, медаль «За взятие Кёнигсберга», медаль «За отвагу».

– А вообще, моя дорогая внучка, главное – не награды, а мирное небо над головой.

Толстик Таусия Евгеньевна

Родилась 16 марта 2007 года. Проживает в небольшом городке России – Горно-Алтайске. Учится в 6-м классе. У неё читающая семья, это явилось важным обстоятельством для появления в семье читающих детей, старшего брата и Таусии. Увлекается русским языком и литературой.

НОЧНАЯ ВЫЛАЗКА

*Петру Ивановичу Кудрявцеву,
моему прадеду, посвящается...*

Стояла глухая ночь. Над лабиринтом окопов курился густой белёсый туман. То тут, то там мелькали огоньки папирос, которые курили солдаты Красной Армии, стоявшие в ночном патруле.

На изгибе окопа, рядом со входом в командный штаб, стояли два солдата. Они внимательно вглядывались через окоп в сторону линии фронта. Где-то далеко за чернотой ночи за пригорком притаились фашисты. Ещё днём тут кипел ожесточённый бой, но сейчас было тихо и спокойно.

– Закурим? – спросил солдат постарше, смотря на молодого парня.

– Не курю, батя, – покачал головой парень.

– Молодец, боец! – одобрительно кивнул солдат. – Как звать?

– Рядовой Кудрявцев, Пётр, -- отчеканил солдат.

– А меня Иван Иванович зовут, -- представился тот, пожимая руку Петру. – Я вот тоже не курю и никому не советую!

– А зачем спрашивал тогда? – улыбнулся Пётр.

– А просто проверяю того, с кем в ночной дозор поставили, какой ты человек, – ответил Иван Иванович. – Вижу, хороший ты парень, Петя! Откуда ты?

– С Алтая, деревня Тюгурюк, – медленно и мечтательно ответил Петя, вспоминая родные края. – А ты?

– Из Читы, слышал про такой город? – Иван Иванович подмигнул Петру.

– Да, конечно, туда декабристов сослали, – ответил Петя.

– Молодец, знаток! – похвалил Иван Иванович. -- Давно служишь то?

– С 1942 года на Северо-Западном фронте, там и ранение получил, – вздохнул Петя, показывая свою руку. – До сих пор побаливает, не зажила.

– А в 97-й армейской роте с какого года?

– С июня 44-го, то есть месяц как, – ответил Петя.

– Как же ты с такой рукой воевать собрался? – покачал головой Иван Иванович.

– Как и все остальные, – коротко ответил Пётр, смотря в небо.

Иван Иванович улыбнулся и что-то достал из своего армейского вещмешка, лежащего рядом.

– Вот тебе, поправляйся, боец!

Он протянул Пете банку тушёнки.

– Спасибо, а тебе?

– Да я не голоден, лопай! – сказал Иван Иванович с улыбкой.

Петя достал складной нож, открыл банку, достал из-за голенища сапога ложку. Он уже приготовился отведать тушёнки, как вдруг из командного штаба выскочил сержант Иванов. Он увидел бойцов и быстро заговорил:

– Ребята, выручайте, наш связной ранен, контузия, а нам срочно нужно донесение доставить в штаб 2-го эшелона армии!

Не успел он договорить, как Пётр шагнул вперёд:

– Товарищ сержант, я готов выступить хоть сейчас!

– Спасибо, браток! Выручаешь! Стой здесь! – Иванов быстро убежал в штаб.

Пётр спрятал ложку за голенище, а банку тушёнки засунул во внутренний карман военной куртки.

Иван Иванович посмотрел на Петра.

– Ты хоть понимаешь, на что согласился? У тебя же рука не в порядке! Добраться до штаба – не увеселительная прогулка, нужно мимо линии фронта двигаться!

– Мне уже неважно бездействие, – решительно ответил Пётр. – Я справлюсь!

Иван Иванович с сомнением посмотрел на него и покачал головой.

Из штаба вышел сержант Иванов с запечатанным конвертом. Волнуясь, он объявил:

– Рядовой Кудрявцев, теперь ты назначен связным нашей роты! Вот срочное донесение, нужно его доставить в штаб армии. Но нужен ещё один человек для подстраховки!

Пётр посмотрел на Ивана Ивановича. Тот на миг задумался и улыбнулся:

– Я готов!

Сержант пожал руки обоим солдатам. Иван Иванович и Пётр кивнули друг другу.

– В путь!

Через некоторое время Петя и Иван Иванович пробирались через густой кустарник по полю вдоль линии фронта. Приходилось быть очень осторожными, ведь совсем рядом могли находиться патрули фашистов.

– Успеть бы до рассвета, – прошептал Иван Иванович.

Оба солдата почти ползком продвигались под густой кроной кустарников. В разрывах было видно обширное поле, а за ним виднелись мелькающие огоньки от точки, где располагались фашисты.

– Успеем, – так же шёпотом ответил Пётр, вглядываясь в сумерки.

Вдруг откуда-то сбоку послышался лай собаки и какой-то шум.

– Тихо, – прошептал Иван Иванович.

– Фрицы с собакой, – охнул Пётр.

Шум приближался. Солдаты замерли на одном месте под кустом. Лай собаки становился всё громче. Были слышны неразборчивые немецкие слова. Кусты затрещали. Солдаты напряглись. Внезапно прямо из кустов выпрыгнула огромная немецкая овчарка.

Овчарка мгновение смотрела на людей, зарычала и приготовилась нападать... Иван и Пётр в ужасе застыли, понимая, что сейчас она привлечёт сюда фашистов. Стрелять было нельзя. Пётр напряг руки, прижав их к груди словно боксёр на ринге. Он вдруг почувствовал что-то твёрдое под одеждой. Когда собака уже собиралась с рычанием и лаем напасть, Пётр швырнул в её сторону открытую банку тушёнки... Овчарка

инстинктивно схватила банку зубами и начала вытаскивать оттуда куски сочного мяса, словно забыв про людей.

Пётр и Иван медленно откатились под защиту кустов подальше от этого места. Они слышали, как фашисты звали собаку, которая увлечённо ела тушёнку. Потом пёс побежал на зов своих хозяев, и они продолжили свой ночной обход.

Иван и Пётр благополучно добрались до штаба армии и вовремя передали важное донесение. Оба получили благодарность от руководства.

Угрюмова Анастасия Николаевна

ПАВЕЛ УВАРОВ – МУЖЕСТВЕННЫЙ СОЛДАТ!

В далёкой деревеньке Верхнее Березино, что стоит на границе бывшего Савинского сельсовета Вологодской области, жила и трудилась семья Ивана Васильевича и Агнии Андреевны Уваровых. Вели хозяйство, трудились в колхозе, воспитывали детей, которых в семье было пятеро. Как только началась Великая Отечественная война, ушли на фронт отец и сын Фёдор. Позднее пришла повестка и сыну Павлу. Он вспоминает: «Перед глазами почти постоянно стояла мать, Агния Андреевна. Она с невыразимой тоской в глазах перекрестила меня и, плотно сжав губы, чтобы не зарыдать, тихонько подтолкнула к дороге: «Иди... Что уж!»

Так проводила на фронт Агния Андреевна очередного воина. Не знала мать, вернётся Павел живым или нет. А на хрупких руках матери-труженицы оставалось ещё трое детей: два младших сына и дочь. Тяжёлые испытания выпали на долю солдатки Агнии Андреевны.

Где-то в начале войны сложил свою голову в бою, защищая Родину, её старший сын Фёдор. Книга памяти по Лузскому району Кировской области свидетельствует, что Уваров Фёдор Иванович, 1918 года рождения, красноармеец, пропал без вести в сентябре 1941 года. Его имя занесено в список погибших воинов Лузского района и выгравировано среди других на обелиске, что стоит у районного Дома культуры «Юность».

В апреле 1942 года пришла похоронка на мужа Ивана Васильевича.

На фронт Павел ушёл семнадцатилетним, в марте 43-го. Учился в Львовском военно-пехотном училище, эвакуированном в Киров. Павел Иванович вспоминает: «Нам, 300 курсантам, не дали доучиться, а отправили в воздушно-десантные войска под Москву,

в город Дмитров. Там мы учились прыгать с самолёта, аэростата. В июне 44-го нас бросили в Южную Карелию. В миномётной роте я начал подносчиком мин, дорос до наводчика (нас ещё «самоварниками» звали). Это был 82-миллиметровый батальонный миномёт. Миномёт переносили на себе, а расчёт был из пяти человек, так что хватало «весу» на всех. Кроме того, противогаз, карабин, противотанковая ракета да ещё граната, шинель-скатка, сапёрная лопатка сбоку поколачивает. Всё нужное – с собой. Один раз эту лопатку потерял, так пришлось окапываться финкой, руками, лишь бы голову спрятать, а остальное – уж ладно».

Под Олонцом три года, с октября 41-го, фашисты укрепляли берег реки Свирь. Подготовка к наступлению началась ещё в мае 1944 года. И наконец наступило 21 июня – день начала операции по форсированию Свири.

Вот и наши первые лодки двинулись через реку. В бой вступают наши орудия прямой наводки, поджидавшие момента, когда выдадут себя ещё не уничтоженные вражеские пулемёты и орудия.

Река здесь широкая, течение её быстрое, а глубина порой достигает до семи метров. Рядовой миномётного расчёта Павел Уваров неотрывно смотрел, как пенилась, вздымалась от разрывающихся снарядов вода. От томительного ожидания, от (хочешь – не хочешь, а в голову лезет) недоброго предчувствия солдата била мелкая дрожь. Мигом забылось всё. Глаза уставились на кипящую, взрывающую тонны воды речную поверхность. Страницы книги А. Я. Мизарбаева «Пешим по-десантному» свидетельствуют: «– Пошли, – толкнул заряжающий. Неимоверным усилием П. И. Уваров оторвал тело от земли и, почти ничего не видя, устремился вперёд – туда, в самую кипень водоворота. Как оказался на правом берегу, – сейчас, пожалуй, не вспомнить. Знал одно: переправившись, их расчёт моментально начал обстрел позиций противника, а он принимал в нём участие. Значит – переплыл. Остался живым».

Это первое боевое крещение. Так личный состав подразделения после этого мощного прорыва, в составе которой была и миномётная рота, где служил Павел, стала носить почётное звание 98-й гвардейской воздушно-десантной Свирской Краснознамённой ордена Кутузова дивизией. Было это 22 июня 1944 года в сражении при форсировании реки Свирь в районе города Лодейное Поле и прорыве сильно укрепленной обороны противника. За освобождение Южной Карелии наш земляк Павел Иванович Уваров награждён медалью «За боевые заслуги».

Между тем Павел Иванович продолжает свой боевой путь. Пошли

дальше в наступление. В августе зашли на территорию Финляндии. Тут и контузило.

Читая книгу Александра Якубовича Мизарбаева «Пешим подесантному», обратила внимание ещё на один эпизод о моём деде (Павел Иванович – брат моего деда Геннадия Ивановича Уварова, и я с гордостью его также называю дедом): «Курьёзный, можно сказать, эпизод произошёл в минроте 203-го полка. Она спешила на помощь подразделениям, ведущим бой в городе. Двигались чуть не бегом. В колонну ударила вражеская мина. Всех, кто находился рядом, разметало взрывной волной. Поднявшись, миномётчики увидели воронку и в ней засыпанного землёй бойца, от которого наружу торчали только ноги. Молча попрощались и пошли дальше, уверенные, что следом идёт похоронная команда.

– А кто там остался? – спросил у соседа рядовой Д. Спицын.

– Павел Уваров, – вздохнул сосед. – Хороший хлопец был.

– Уваров?! – ахнул Спицын.

Это был его приятель и к тому же земляк.

– Чего оставили? Хотя бы документы взяли! – сказал он и вернулся к воронке.

Отрыв землю, вытащил земляка. Встряхнул его и... Павел Уваров очнулся, какое-то время он вращал ничего не видящими глазами, ощупывал себя. Через несколько минут земляки догнали своё подразделение. Несмотря на контузию, Уваров участвовал в боях за освобождение Олонца. И только после того, как прозвучал последний выстрел, согласился, чтобы его отправили в медсанбат. Три дня в санбатальоне побыл. Мужественный солдат после короткого пребывания там вернулся в свою часть и воевал до Победы».

Вот какой был мой дед! «Дошли до границы, Карелию освободили. В августе перебросили нас в Белоруссию (Могилёв), там мы обучали молодых ребят парашютному делу. Потом в Польшу, под Варшаву, дальше в Венгрию. Это был третий украинский фронт. 4 апреля 1945 года на территории Австрии тяжело ранило в предгорьях Альп: разрывной пулей пробило правую руку. Провалялся в госпиталях несколько месяцев, так что день Победы встречал в Венгрии, в госпитале. После выздоровления вернулся в родной Лузский район.

После войны рука была короче на четыре с половиной сантиметра. А вообще-то хотели отнимать. Два дня скрывался от врачей: войне конец скоро, куда я молодой такой без руки! Когда в 4-й раз операцию делали, на операционном столе во сне заревел,

приснились фашисты: «А, рус, сейчас руку будем отнимать!» По щекам бьют – а это, оказывается, меня врачи будят. Я сразу – на руку. На месте. Только вот осколки повреждённых ниже локтевого сустава лучевых костей пришлось удалить – оттого и короче стала рука. И потом ещё много осколков из кости выходило. Даже сейчас чувствую один в руке», – позднее вспоминал Павел Иванович.

На вопрос, страшно ли прыгать с парашютом, Павел Иванович отвечал: «Раньше, когда в доме трубку чистил на крыше, голова кружилась. Куда уж, думал, в десантные войска: прыгать буду – сердце разорвётся. А ничего. Первый прыжок с аэростата с высоты 400 метров сделал. А всего за войну – 13 прыжков (4 – с аэростата и 9 – с самолёта). Потом и других учить довелось».

О своих наградах Павел Иванович говорил коротко и скромно: «Языка не приводил, дзот в бою не закрывал. Шёл в общем строю рядовым. Медаль «За боевые заслуги» представили за высоту, которую держали вдвоём с Николаем Квашенко, пареньком с Украины. Он тогда погиб. Всё хотел я его родным написать, да так и не собрался. В висок ему снайпер попал, а мне в тот момент, когда я перекинул за спину автомат (хотел прийти на помощь товарищу), пробило разрывной пулей руку. Это и было моё последнее ранение». Ещё имеет дед орден Отечественной войны 1-й степени (всего 13 медалей и орден).

Очень ярко и образно было сказано в приветственном адресе к 60-летию Павла Ивановича Уварова от президиума Совета ветеранов родной ему дивизии: «Бои в Карелии, Венгрии, Австрии, Чехословакии принесли славу нашим гвардейцам. Столица нашей родины семь раз салютовала в честь одержанных нашим соединением побед, в которых была и частичка вашего ратного труда», – писали боевые товарищи.

Я горжусь своим дедом и фамилией своей

Рахуба Екатерина Александровна

Родилась в 2004 году в Иркутске. Учится в 9-м классе МБОУ СОШ №31 города Иркутска.

Литературным творчеством занялась относительно недавно. Увлекается живописью. Её вдохновляет природа родного Прибайкалья. Любит рисовать пейзажи и писать о природе.

С отличием окончила хореографическое отделение детской школы искусств № 8. Сейчас танцует в народном ансамбле.

«ВОЕННАЯ ТАЙНА» ЗАПРЕТНОГО ЯЩИКА

Я очень любила бывать в гостях у моей прабабушки Юны Николаевны Ораловой. Она жила в центре Харькова, в доме послевоенной застройки. Всё у неё в доме было необычно, особенно старинная мебель. Почти все обращали внимание на шкаф для посуды из красного дерева с резными стёклами. Я очень любила рассматривать стоящие на полках статуэтки, фарфоровые чашки, разрисованные блюда. Внизу шкафа три выдвижных ящика; в одном лежали ложки, вилки, ножи, в другом – скатерти, а что в третьем, я не знала, так как он был закрыт. Прабабушка говорила, будто покажет, что в ящике, когда я подрасту. Эта тайна не давала мне покоя.

И вот однажды наступил для меня долгожданный «момент истины». Прабабушка посадила меня на диван, открыла заветный ящик и достала старый альбом и какие-то коробочки. Альбом был необычный: основание – большая металлическая пластина, страницы из плотного серого картона, окантованные алюминиевой лентой, прикреплены к основанию скобками. Между страницами лежали пожелтевшие фотографии, с которых смотрели на меня незнакомые люди в военной форме. «Это альбом твоего прапрадеда – полковника Александра Ивановича Оралова, а в коробочках его награды», – сказала прабабушка. Я знала, что прапрадедушка мой был военный, но была до этого разговора ещё слишком мала, чтобы всё понять. Прабабушка листала альбом, перебирала снимки и рассказывала: «Александр Иванович, отец моего мужа, родился в 1910 году в городе Кохме Ивановской области. В семье было шестеро детей. Его родители, старшие братья и сёстры работали на ткацком комбинате. Но твой прапрадедушка с детства мечтал стать военным. После

школы Александр Иванович окончил пехотное училище в Иваново, затем служил в артиллерийских войсках, откуда его послали в Москву на учёбу в военно-политическую академию. Первое боевое крещение он прошёл в 1939 году во время финской войны».

Держу в руках снимок: прапрадед в белом полушубке, перетянутом ремнём, стоит рядом с орудием, правая рука лежит на стволе. Наверное, это была передышка во время боёв, когда он смог сфотографироваться. Я залюбовалась этим человеком: высокий, статный; спокойный, но задумчивый взгляд... Видно, с военной техникой он был на ты. А прабабушка продолжала рассказ. «К началу Великой Отечественной войны Александр Иванович служил недалеко от города Луга Ленинградской области. В июне 1941 года их воинская часть была в летних лагерях в Белоруссии. Стрелковые тактические занятия проходили по плану. Летнее воскресенье 22 июня обещало недолгий отдых, бойцов ожидал футбольный матч, к которому они готовились две недели, и воскресный обед со вкусной сдобой и компотом. Когда в половине пятого утра раздался протяжный гул бомбардировщиков, и земля вздрогнула от сильных взрывов, не все сразу поняли, что происходит.

Твой прапрадедушка читал донесения из штаба армии, предупреждающие о том, что со стороны немецких войск, которые стояли возле наших западных границ, могут быть провокационные действия. Но то, что происходило, мало напоминало провокацию. Бомбы сыпались одна за другой. Солдат, перебегающих от одной воронки к другой, лётчики-стрелки убивали из пулемётов, установленных на самолётах. Стало ясно, что началась война. Бойцов охватил панический ужас. Нужна была большая сила воли, боевой опыт, охлаждённый ум, чтобы самому осознать произошедшее и привести подразделения в состояние боевой готовности. Александр Иванович и другие командиры сделали это очень быстро и своевременно, потому что вскоре появились первые немецкие мотоциклисты. Нужно было принимать первый бой.

Александр Иванович не раз говорил, что первые дни, недели войны были самыми тяжёлыми. военный городок, где остались жена с двумя детьми (сыну Саше было шесть, а дочери Ире – полгода), ему вернуться уже не удалось. Уже потом он узнал, что из городка семьи комсостава вывезли на машинах, из вещей ничего взять не успели. По дороге колонна грузовиков была разбита. Дальше шли пешком, помогая друг другу, останавливаясь на ночлег то в поле, то у незнакомых людей. Так дошли до Иваново, где жили родные прабабушки. Чудом остались живы.

С тяжёлыми боями и крупными потерями в живой силе и технике, но не потеряв своего знамени и номера. Стрелковый полк твоего прадеда продвигался на восток».

На другой фотографии прапрадедушка в старой военной форме: широкие галифе, хромовые сапоги, ромбики на петлицах. Лицо серьёзное, брови сурово сдвинуты, взгляд напряжённый. На обороте надпись: «1942 год. Ленинградский фронт». Глядя на это незнакомое лицо родного человека с фотографии, я понимаю причину напряжённости его взгляда. Ведь снимок сделан в период обороны Ленинграда. Нелегко было противостоять отборным гитлеровским войскам, да ещё при их превосходстве в численности и технике. Но в этой суровости прапрадедушки чувствуется уверенность в разгроме вражеской силы и в том, что никогда город Ленина не перейдёт в руки врага.

А вот ещё один снимок: бойцы сидят на земле, возле стола, сколоченного из досок, стоит прадед, он держит в левой руке маленькую книжечку, а правой пожимает руку офицеру. Прабабушка поясняет:

«Это твой прапрадед вручает на фронте партийный билет. В первые годы войны он был политруком (политическим руководителем). Такая должность была в воинских подразделениях с 1919 по 1942 год, позже переименована, этих офицеров стали называть замполитами. Они занимались политическим и воинским воспитанием личного состава в духе преданности своей Родине».

Чувство гордости переполнило моё сердце. Позже, читая учебники истории, книги о войне, я узнала, что именно политруки вселяли в бойцов уверенность в победу, первыми поднимались в атаку с призывом: «Вперёд! За Родину! За Сталина!» и вели за собой солдат на штурм больших городов и маленьких посёлков, первыми показывали пример бесстрашия и мужества. И среди них – мой прапрадед!

Очередная фотография: больничная палата, прадедушка в халате сидит на краю кровати, похудевший, осунувшийся, но в глазах искорки улыбки. Узнаю следующее: «Твой прапрадед несколько раз был тяжело ранен в боях, лежал в госпиталях Ярославля, Кирова, в Подмосковье. Это он снялся в 1943 году в Ярославле, когда уже шёл на поправку. После этого получил короткий отпуск и первый раз за войну смог поехать на родину и встретиться с семьёй».

Я задумалась. Насколько надо было любить Родину и ненавидеть врагов, несмотря на тяжёлые неоднократные ранения, прапрадедушка вновь и вновь возвращался в строй, чтобы приблизить Победу! Мне

было радостно оттого, что моему прадедушке удалось встретиться с семьей. Это большая радость для воина. Вот отчего искорки в его глазах на снимке.

Снова перебираю фотографии: вот прапрадед стоит на подножке знаменитой военной полуторки, небольшого грузовика; вот с бойцами на привале на опушке леса. А этот снимок сделан в Польше на фоне старинного замка. Прапрадедушка с боями прошёл от Ленинграда до столицы Германии. Участвовал в операции по взятию Берлина, он тогда служил в войсках 1-го Белорусского фронта, которым командовал знаменитый русский полководец Георгий Константинович Жуков. Наш Александр Иванович был награждён двумя орденами Красного Знамени, Отечественной войны двух степеней, орденом Красной Звезды. Перебираю медали, читаю надписи: «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За отвагу». Войну прапрадед окончил в Берлине в звании полковника, находясь на должности начальника политотдела дивизии.

Я счастлива, что его не сразила вражеская пуля смерти. Вообще все люди, выжившие в той жуткой войне, – это святая частица истории.

Конечно же, мне было интересно узнать, как сложилась судьба прапрадедушки Саши после Великой Отечественной войны. Оказывается, его военная служба продолжалась. Прапрадедушка остался в Германии, был комендантом города Магдебурга. Семья приехала к нему. Затем их перевели в военный городок под Чугуевом, который расположен рядом с Харьковом. После выхода в отставку прапрадедушка трудился до последних дней. Он был заведующим партийного кабинета Харьковского электро-механического завода. Его очень уважали, приглашали на все торжественные собрания, встречи ветеранов, которые проходили в Москве и Ленинграде. К нему приезжали сослуживцы, однополчане. На память об этих встречах остались фотографии.

Листая старый альбом, я смотрю на этих простых русских людей и ловлю себя на мысли, что не были они богатырского сложения, саженного роста, но какие в них были сила духа, мужество, патриотизм. Это позволило выстоять и победить в страшной «мясорубке», именуемой войной. 1418 дней длился этот ужас, о котором, по словам прабабушки, прапрадед не любил вспоминать. Но мы должны об этом помнить. Я горжусь тем, что могу прикоснуться к славной истории своей страны, своей семьи. Все прапрадедушкины награды, орденские книжки, фотографии военных лет наша семья хранит как память об этом замечательном, бесстрашном человеке и солдате Великой Отечественной войны. И доверена эта «военная тайна» обычному ящику в старинном шкафу.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Наверное, никогда не наступит время, когда можно будет сказать: хватит, достаточно, всё уже сказано о Великой Отечественной войне. Всего сказать не удастся никогда, потому что нет меры трагизму войны, нет меры героизму людей, проявленному в ней, нет меры горечи и страданию.

Когда началась эта страшная война с фашистами, 11 семнадцатилетних ребят из нашей школы ушли на фронт прямо с выпускного бала. А домой, в родное село Воскресенку, вернулся только один из них – Александр Иванович Баженов.

Дорогой друг, я удивляюсь тебе, горжусь тобой, восхищаюсь твоим упорством и твоей любовью к Родине, твоей верностью, трудолюбием.

Так я веду мысленный разговор с моим сверстником из далёкого прошлого, и наш мысленный диалог уходит назад, в 40-е роковые. И он говорит со мной, смелый и гордый мальчишка, готовый пойти за Родину в огонь и в воду.

Мне вдруг сразу захотелось увидеть его, пожать его сильную руку, опереться на его надёжное плечо. Узнать о нём как можно больше. Я хочу знать всё о нём, понять его, понять, сможет ли он помочь мне разобраться в моих проблемах. И вот уже между нами завязывается диалог.

– Было ли тебе страшно, когда твою страну бомбили и разрушали? Хотелось ли тебе убежать куда-нибудь, где тебя никто не нашёл?

– Да, мне было страшно, страшно было всем, даже самым бесстрашным. Но у меня никогда не было такой мысли. Мы хотели победить фашизм и защитить своих сестёр и матерей.

И я, раздумывая о нашей молодёжи, говорю ему:

– Как ты думаешь, если бы наша молодёжь – молодёжь XXI века – попала в те огненные годы, мы бы выиграли войну?

– Я не знаю, – говорит он задумчиво. – Может быть, в ней проснулось бы чувство любви и жалости к Родине, к своим родным, может, они испугались бы стать рабами и старались, как мы, победить.

Он рассказывает мне, как убегал на фронт, помогал советским солдатам. Ходил в разведку. И я мысленно попадаю в ту нашу страну. Вижу, как он, раненый, пытается перейти линию фронта. Вижу его в лесу у партизан, на танке, показывающего дорогу солдатам... Представляю его горящим в танке или самолёте, или в плену, или в лагере для военнопленных.

Я молчу и думаю. Да, их поколение было настоящее, а наша молодёжь разная. А чтобы построить лучший мир, надо быть честным, трудолюбивым, уметь глубоко думать и учитывать свои возможности.

Вы, юноши и девушки Великой Отечественной войны, наверное, смеялись бы над нашими проблемами. Тогда вы голодали, жили в плохих условиях, теряли родных, но всё равно держались и старались выжить. А мы? Бегаем на дискотеку, употребляем спиртные напитки, «отмазываемся» от армии.

А ты, смелый парень 17 лет, был бы только рад, если бы тебя взяли на войну.

Я горда тем, что живу в той стране, в которой жил ты. «Большое спасибо за твоё рвение к победе, к свободе!» – говорю я ему. А он, тихо улыбаясь, медленно уходит в прошлое, и я снова остаюсь со своими мыслями в этом трудном XXI веке.

Сегодня мы, дети, внуки, правнуки ветеранов ВОВ, низко кланяемся вам за мужество и стойкость, терпение и милосердие, за беспредельную любовь к Отчизне и горячую веру в Победу.

А закончить свой очерк хочу словами, которые должен и обязан знать каждый из моих сверстников: «Молодёжь!!! Помните!!! Храните!!! Память о тех, кто ценою своей жизни подарил нам мирное небо, свободу и право жить в этой великой, могучей стране – России!!!»

Типцова Анастасия Александровна

Родилась в 2003 году в городе зернограде Ростовской области. В 2006-м с родителями переехала на Кубань, в станицу Гостагаевскую Анапского района. Учится в 10-м классе общеобразовательной школы. Занимается актёрским мастерством, играет на скрипке, свободное время посвящает литературному творчеству. Искренне благодарна Е. В. Панкратовой за помощь в написании работы.

ОНА СЛУШАЛА СВОЁ СЕРДЦЕ

Сценарий спектакля о разведчице Евдокии Федорченко

Действующие лица:

Ангел (сопровождает Евдокию на протяжении всей жизни)

Евдокия Федорченко (в детстве)

Евдокия Федорченко (школьница)
Евдокия Федорченко (в юности)
Евдокия Федорченко (взрослый период)
Отец
Эрик, сын Евдокии
Учитель
Партизан
Мавра и Меланья (односельчанки Евдокии, убежавшие с немцами в Крым)
Степан (полицай)

Сцена первая. Дом

Ангел сидит на краю сцены, читает книгу. Из-за кулис выбегает маленькая девочка с мячом в руках. Она спотыкается и падает. Мяч катится в противоположную кулису. В это время ангел подбегает к девочке, помогает ей подняться, гладит по голове и уходит. Из-за кулис выходит отец с мячом в руке; девочка подбегает к нему, и они вместе уходят.

Отец: Пойдём, доня, домой пора, мама ждёт...

Сцена вторая. Через несколько лет. Школа

На сцене находится парта, за которой сидят две девочки. У доски стоит учитель.

Учитель: Эмилия Гутброт, тебе, немке, стыдно получать «хорошо» по немецкому... Евдокия Федорченко, у тебя снова «отлично» за контрольную. Я рада, что с немецким у тебя всё хорошо, но не забывай про другие предметы...

Евдокия: (улыбается) Спасибо подружкам, помогают...

Ангел стоит рядом с Дусей, кладёт руку ей на плечо, одобрительно кивает. Звонок. Все уходят.

Сцена третья. Разговор с подругой

Дуся: Неужели завтра, я поверить не могу, Миля, завтра моя свадьба!

Миля: Я очень рада за тебя! К свадьбе всё готово?

Дуся: Ах, конечно!

Ангел: Ну покажи ей!

Дуся: Пойдём скорее...

(Уходят в кулисы).

Сцена четвёртая. Дом.

Из-за кулис выходит мальчик, сын Евдокии.

Эрик: Мама, мама!

Дуся (из-за кулис, одеваясь): Что, Эрик?

Эрик: Когда же мы пойдём?

Ангел: Ну почему так долго? Бедный ребёнок уже заждался.

Дуся: Сейчас, сейчас...

(Выходит Дуся, берёт за руку Эрика и вместе уходят).

Сцена пятая. (Звуки войны, тревожная музыка). Дом.

Дуся: Отец, ну как ты не понимаешь?! Я должна...

Отец: Нет, ничего ты не должна, ты, ты женщина, у тебя ребёнок, в конце концов! А если с тобой что-нибудь случится, я же не переживу, дочка...

Дуся: Глупости, ничего со мной не случится, я всего лишь буду работать переводчиком, добросовестно работать. Никто ничего даже не заподозрит. Правда!

Отец: Что удумала? Работать в комендатуре! А если... Они же звери! Ты же знаешь, что они творят!

Эрик: Мама, ты куда?

Дуся: Я на работу, сынок, слушайся дедушку, люблю вас... Всё будет хорошо! Не беспокойтесь! Я буду осторожна!

Отец (держит за руку Эрика, смотрит вслед Дуся, тяжело вздыхает)

... Как же так? Что же это будет... Боже мой, что она творит? Храни тебя Господь, дочка...

(Уходят)

Сцена шестая. Комендатура.

Дуся (сидит за столом, что-то переводит): Как же это переводит-ся?

Ангел (стоит за спиной Евдокии): Движение техники, отступления...

Дуся (натывает на важную информацию, свёртывает бумагу, прячет её) Как раз сейчас у меня встреча... (уходит).

Сцена седьмая. Тихая глухая улица.

(Выходит Евдокия, оглядываясь, встречается с русским партизаном):

Партизан: Ну как? Есть что-нибудь?

Дуся: Да, только что получила, скорее передай! Я побегу, а то моё отсутствие заметят... Вот тут я всё записала... Это важно! Обязательно передай!

Партизан: Понял, сделаю!

Сцена восьмая. Дом

На сцене Дуся и Ангел.

Дуся: Что мне делать? Немцы отступают – это хорошо, да, но... я! Мне-то как быть?

Ангел: А что сказали наши?

Дуся: Отступить вместе с ними...

Ангел: А как же Эрик, сын погибнет без матери!

Дуся: Сына оставляю со своими или...

Ангел: Нет, подумай! Это рискованно! Это опасно! Это страшно!

Дуся: По-другому я не могу! Когда всё закончится, я вернусь из Крыма, и мы снова заживём... А, может, это моё предназначение...

Ангел: Предназначение? Предназначение... Откуда тебе знать, в чём твоё предназначение?

Дуся: Сейчас всем трудно, война – это страшно... На фронте не легче...

(Уходят)

Сцена девятая. Крым

С узелком в руке, на середине сцены стоит Дуся в задумчивости, а с краю стоит Ангел.

Ангел: А может, вернёшься?

Дуся: А может, и правда вернуться? *(решительно накидывает на плечи платок)* Нет! Поздно!

(Уходит только Дуся, Ангел же продолжает стоять, нарастает тревожная музыка).

Сцена десятая. Крым.

На сцене две девушки, Мавра и Меланья, Степан.

Мавра: Зачем только мы сюда ехали? Что дальше будет?

Меланья: Сейчас бы там нам досталось... А здесь и паёк дают, и деньги, да ну, выживем!

Степан: До революции у нас всё было: много имущества, и мастерская, доход. Думал, немцы освободят от большевизма и вернут старые порядки. Вот и пошёл в полицаи. Теперь куда?

Меланья: Чего хныкать?! Всё успокоится, уедем!

Мавра: Ой, смотри, это же та, чудная, ну, помнишь, я тебе рассказывала. Дуська...

(Дуся, быстро шагая, опустив голову, выходит из-за кулис. Её окликает женщина).

Дуся: Мавра? А ты что тут делаешь?

Мавра: А ты как из станицы выбралась?

Дуся: Да я в комендатуре служу.

Мавра: Неужели? Так ты с немцами ушла? А кто ещё с тобой?

Дуся: Ушла одна. Ладно, а то ещё опоздаю *(пытается уйти, но Мавра задерживает).*

Мавра: Хорошо платят?

Дуся: Платят. Хватает. Я пойду (уходит).

Степан: *Неспроста она тут, надо бы поспрашивать, как бы чего...*
(Немного стоит в изумлении, но потом, опомнившись, уходит)

Сцена одиннадцатая.

Дуся сидит за столом, пишет письмо отцу. Закончив, уходит. Ангел подходит к столу и читает письмо, в это время фото письма с замазанными строчками проецируется на экран.

Ангел: Здравствуйте, дорогие мама, папа и Эрик!

Как соскучилась я по вам – передать невозможно. Вот уже четыре месяца, как я из дому, а кажется целая вечность. Как много хочется сказать вам, но на бумаге не передашь того, что чувствуешь. Скажу только одно, что я завидую вам, вы там все вместе, а я одна и в чужом городе. Там, вместе с вами, было легче переносить все невзгоды. А тут я живу неплохо материально, но как переживаю ... – вам этого не понять. И ещё сильнее стала ненавидеть проклятого врага. Много я увидела за это время, и сейчас хочется только одного: быстрее добить врага, освободить нашу священную землю от этих извергов, чтобы дать народу свободно дышать. Прошу вас всеми силами восстанавливайте хозяйство, очень хочу вам помочь, но в этом году не могу. Кажется, упала бы и расцеловала свою Родную землю, как ни хорошо здесь, а где родилась и выросла – самое дорогое.

Встретила многих своих земляков....

Ангел (*замечает в сторону*) Замажут потом это место...
(*продолжает читать*):

Обо мне не горюйте, я живу неплохо, только скучаю. Но придёт время – увидимся, будем радоваться вместе нашей победе над врагом. От вас я вряд ли получу письмо, но сама буду писать при возможности. Пока не ищите, думаю, скоро сменю адрес. А как бы хотелось узнать хоть слово о вас. Так переживаю, скоро весна, а Эрик и голый, и босой, и я ничего не могу сделать, хотя имею возможность.

Целую и крепко обнимаю. Учите Эрика понемножку, придёт время отдавать его в школу... Будем надеяться, что скоро увидимся. Ещё раз целую. Молитесь за мою удачу и мою жизнь.

Евдокия.

(*Кладёт письмо и уходит*)

Сцена двенадцатая. Дом.

На краю сцены стоит Ангел, за столом сидит отец и читает похоронку, в ней ошибка в фамилии.

Отец: Ваша дочь, красноармеец Федоренко Евдокия Григорьевна, в бою за Социалистическую Родину, верная воинской присяге, проявив героизм и мужество, погибла 19 марта 1944 года. Похоронена с отданием воинских почестей в районе Симферополя Крымской АССР.

(в ужасе)

Нет, нет, нет! Это не моя дочь... Моя, моя дочь Федорченко, ведь так? Это не она?

Ангел: Это она, она, советская разведчица, сожжена на костре. Её предали... А может... это её предназначение?

(Проходит на середину сцены к экрану, на фоне горящего пламени).

Да, это моё предназначение! Огонь не сжигает чистую, правильную, открытую душу. Огонь сжигает оболочку. Навсегда остаётся память о человеке. А его душа летит за новыми подвигами!

(На экране потухает огонь, Ангел уходит, отец остается за столом, плачет, выбегает Эрик).

Эрик: Дедушка, что с тобой, что-то случилось?

Отец: Нет, Эрик, дорогой, пойдём скорее...

На экране подлинные фотографии Евдокии Федорченко, других участников войны ст. Гостагаевской.

Лапшина Анастасия Михайловна

Родилась 22 марта 2005 года в Санкт-Петербурге. В настоящее время ученица 8-го класса школы № 189 Центрального района Санкт-Петербурга. Победитель и призёр ряда литературных конкурсов. Рассказ «Его первый сбитый самолёт» Анастасия посвятила своему прадедушке – Алексею Титовичу Пимченкову, память о котором бережно хранится в её семье на протяжении долгих лет.

Искренне благодарна Светлане Валентиновне Григорьевой, учителю истории и общезнания, за помощь в создании работы.

ЕГО ПЕРВЫЙ СБИТЫЙ САМОЛЁТ

Я смотрю на ясное звёздное небо любимого мною города. Летняя ночь обволакивает меня. Петербург... Восемнадцатый год двадцать первого века ... Спокойно на душе, тепло и уютно на сердце. Впереди

прекрасные годы жизни, за плечами всего тринадцать лет. Я на берегу Невы, волны спокойно накатывают на гранитную набережную, звёзды серебристым светом освещают мой город. Я люблю смотреть на ночное небо, думать о будущем, мечтать.

Неожиданно налетает прохладный ветерок. Я ёжусь и невольно представляю далекий сорок первый год...

Звёздная летняя ночь. Младший лейтенант, стоя у зенитной батареи, с тревогой всматривается в небо над Ленинградом. Ему двадцать семь, вся жизнь впереди. Но сейчас его единственная мечта – защитить любимый город... Идёт второй день Великой Отечественной войны. И пока не знают ни лейтенант, ни его бойцы, ни ленинградцы, что скоро наступят страшные испытания голодом, холодом, бомбёжками и артобстрелами, смертью близких...

Этот молодой лейтенант – мой родной человек, мой прадедушка Алексей Титович Пимченков.

Прадедушка хотел стать военным и стал им, окончив Михайловскую артиллерийскую академию. В рядах Красной Армии Алексей Титович служил с тридцать шестого года. В 1939 году прадед стал участником войны с белофиннами.

Через год после окончания советско-финской войны небо над нашим городом оказалось снова в опасности. Прадедушка встал на страже Ленинграда в составе 194-го зенитно-артиллерийского полка Ленинградского военного округа, командовал 15-й зенитной батареей на Сестрорецком рубеже.

В ночь на 23 июня 1941 года в Ленинграде была объявлена первая воздушная тревога.

Я снова мысленно возвращаюсь в ту июньскую ночь сорок первого. Я представляю, как командир батареи Алексей Пимченков окинул взором огневую позицию. Час ночи. Бойцы у орудий бодрствуют, охраняя покой ленинградцев. Все зенитки в полной боевой готовности. В любую минуту длинные дула орудий могут извергнуть смертоносный огонь против фашистских самолётов.

В половине второго ночи командир батареи и его товарищи слышали отдалённый грохот разрывов. Где-то стреляли пушки. Младший лейтенант Пимченков и разведчики (их целью было оповещать зенитчиков о появлении вражеской авиации), поворачивали головы и осматривали небосвод. Но в небе было пусто. «Не за облаками ли враг?» – подумали зенитчики.

Но из-за облаков никто не появлялся. Неподалёку от огневой позиции чернела стена хвойного леса. Пимченков внимательно осмотрел небо над ним. И в ту же минуту где-то в глубине леса

застрекотали зенитные пулемёты. След пуль терялся в высоте. Словно грозовые молнии, продолжали вспыхивать их очереди. Но где самолёт? Как ни старались бойцы обнаружить вражескую машину, им это не удавалось.

Люди, застыв в боевом напряжении, стояли наготове у орудий. Наводчики Башкатов, Усенко, заряжающие Семёнов и Поплаев, командиры орудий старший сержант Коцюба и младший сержант Шаров, все остальные номера расчёта ждали приказа своего командира.

Вспыхнула и растаяла в небе последняя трассирующая очередь.

Напрягая слух, люди напряжённо вслушивались, не услышат ли они рокота авиационных моторов. В это время чуть ли не вровень с вершинами вековых елей неожиданно показался чёрный бомбардировщик. Так и есть – машина летела на не очень большой высоте. Лишь секунда на раздумье: «Чей самолёт?» – ушла у командира батареи Пимченкова. Сомнений не осталось – это враг, появился неожиданно в зоне действий батареи.

Младший лейтенант громко скомандовал:

– По штурмовому...

Едва были произнесены эти слова, как зенитные расчёты сразу же приступили к действию. Это были привычные движения, так хорошо усвоенные в дни мирной учёбы. Последовали данные для стрельбы.

Раздался первый оглушительный залп. Чёрный гитлеровский коршун резко колыхнулся. Стрельба была меткой. Фашистские лётчики, почувствовав, что им так или иначе придётся совершить вынужденную посадку, решили поскорее освободиться от груза бомб.

Раздался взрыв. Бомба, наспех брошенная спасающими свою шкуру гитлеровцами, не причинила никакого вреда. Тогда они открыли пулемётный огонь по зенитчикам.

– Ах, вы так... Ну получайте! – прошептал один из наводчиков.

Грянул второй залп. Фашистский бомбардировщик сильно накренился. Последовал третий залп. И, наконец, последний – четвёртый. После этого удара во вражеской машине что-то взорвалось. Она перевернулась и в таком положении поплыла над вершинами деревьев.

Как только это произошло, зенитчики не выдержали и закричали «ура». Самолёт упал где-то в лесу. Как потом оказалось, в расположении воинской части, находившейся рядом с Песочным. Это был «Юнкерс-88».

В первую минуту командир батареи Пимченков подумал, что надо

бы захватить экипаж самолёта. Но тут же, вспомнив, что в том районе находится другая часть, отказался от этого решения. Тем более что не была исключена возможность нового налёта.

Вскоре к месту падения вражеского бомбардировщика прибыли бойцы соседней части.

Я попыталась представить, как четверо немецких лётчиков, подняв руки, сдаются в плен. Они, наверно, были такими жалкими...

При них была карта. На ней условными знаками были отмечены объекты. Это был ценный трофей.

Чуть позже моего прадеда вызвали к телефону. Командир соединения объявил всему личному составу благодарность за отличную стрельбу.

Эта радостная весть сразу облетела всех бойцов и командиров.

Тогда же, воспользовавшись минуткой, Алексей Титович записал в своём походном дневнике: «В ночь на 23 июня в час сорок минут был сбит фашистский бомбардировщик». И в скобках добавил: «№ 1».

По-прежнему напряжённо вглядывались разведчики в посветлевшее небо, по-прежнему бдительно несли бойцы-зенитчики боевую вахту, охраняя воздушные подступы к Ленинграду.

Вы подумаете, что я всё это выдумала? Как я могу так точно описать июньскую ночь сорок первого года? Всё просто. Эта история бережно хранится в моей семье на протяжении долгих лет. А рассказал её своим дочерям мой прадедушка.

За точный огонь батареи и сбитый «Юнкерс-88» прадедушка был награждён орденом Красного Знамени, а его боевые товарищи: политрук батареи М.М. Левичев, старший сержант М.А. Коцюба, младший сержант Л.М. Шаров, красноармейцы Г.И. Усенко, К.А. Соломинов, Е.А. Башкатов – медалями «За боевые заслуги».

На счету батареи моего дедушки были и другие сбитые вражеские самолёты. Но этот был первым, уничтоженным в первые дни войны.

Алексей Титович прошёл всю войну, защищая город «над вольной Невой», свой любимый город.

Я смотрю на звёзды над Петербургом и с благодарностью думаю о прадедушке. Его мечта сбылась. Небо Ленинграда отстояли, как и сам город. Отстояли бойцы Ленинградского фронта, среди которых был и мой прадедушка, а ещё – старики и женщины, подростки и дети. Спасибо тебе, мой родной человек, за мирное небо над головой, за то, что я могу мечтать, глядя в это бездонное звёздное небо, и слушать, как плещутся волны Невы...

ПИСЬМО ДЕВЧОНКАМ НА ВОЙНУ

Здравствуйте, дорогие девочки, мои ровесницы, чья юность опалена войной, кому выпало нелёгкое время. Обращаюсь к вам, как к живым, потому что пока мы помним – вы живы! Я чувствую, что между вами и мною существует связь – тоненькая ниточка, которая переплетает наши судьбы, заставляет по-новому посмотреть на действительность, дать оценку многим поступкам, совершённым мною.

Как мне хочется побывать с вами там, на передовой, в мае тысяча девятьсот сорок второго года на разъезде коменданта Федота Евграфыча. Встретиться с вами, поближе узнать и понять вас, проверить себя. Пойти с вами в разведку и пройти жизнь к смерти и от смерти к бессмертию в необыкновенном мае той военной весны. Говорят, он был великолепен в буйном цветении деревьев, в изумрудной зелени молодых листочков, «а дни стояли тёплые, безветренные, и все ваше первое отделение во главе с командиром младшим сержантом Осяниной загорало на каменном брезенте, в чём мать родила».

Рита, Риточка Муштакова. Я, как и ты когда-то, на пороге выпускного школьного бала. Мне, как и тебе тогда, предстоит выбрать дорогу в жизнь. Ты о многом мечтала, тихая, скромная девочка, ученица девятого «Б» класса. Наверное, и жизнь твоя должна была быть тихой, размеренной, как мечталось. Но в твоей жизни, сверстница, всё оказалось стремительным: встреча с лейтенантом Осяниным. Первый поцелуй, первое прикосновение, от которого «мурашки по телу». Любовь... Любовь большая, на всю жизнь, о которой мечтает каждая из нас. Ты спешила, но как ты могла знать, что так мало судьбой отмерено. В этот короткий жизненный миг ты смогла вместить столько, что иному и на всю жизнь хватило бы. Ты любила, Рита, и была любима, ты очень любила мужа, не могла представить с собой другого мужчину. «Один был мужчина – тот, что вёл в штыковую поредевшую заставу на втором рассвете войны».

Сонечка Гурвич. Ты случайно попала на фронт, умная и талантливая девушка из хорошей семьи, читающая «нараспев, точно молитву», стихи Блока из томика, подаренного любимым парнем, который так недавно ушёл на фронт добровольцем. И ты в засаде читала его. О чём успела ты подумать, напоровшись на немецкий нож? Как очевидна связь поколений: Блок – ты – я, нас не могла не волновать судьба России.

Женька Комелькова, ты – душа компании, там, где ты, – смех, шутки, песни. Высокая, стройная, с чудесными рыжими волосами и зелёными русалочьими глазами. Ты и ведёшь себя, как избалованная девчонка, – заводишь роман с женатым полковником: «– Как же ты могла, Женька ... – А вот могла! – Женька с вызовом тряхнула рыжей шевелюрой. – Сейчас воспитывать начнёшь или после отбоя?» Но я понимаю, у тебя есть и своя боль. Твоего отца, красного командира, мать, сестру, братишку расстреляли. Тяжко тебе было всё это видеть, Женька!

Маленький романтик Галя. Жизнь оказалась намного жёстче, чем ты её представляла. Ты и на войну просилась, потому что мечтала о подвиге. Реальный же мир требовал не героических порывов, а неукоснительного исполнения военного устава. И ты растерялась. И плакала по ночам. Я не имею права осуждать тебя, Галя, за то, что ты не могла преодолеть в себе страха. Как бы я повела себя на твоём месте? Всё время спрашиваю себя об этом. Не знаю.

Лиза, Лизавета Бричкина, ты, казалось, лучше всех была готова к военным трудностям. Хорошо знала лес (выросла в нём), была крепкого телосложения. Тёплым от тебя тянуло, «как от русской родимой печки», а главное качество твоё, Лиза, что ты обладала великим женским искусством – умением ждать. И ты все девятнадцать лет прожила «в ожидании завтрашнего дня». Это чувство близко и понятно мне. Я тоже, как и ты, живу в ожидании чего-то необыкновенного и прекрасного: любви, утверждения себя как личности, счастья.

На грани безумия был старшина Васков. Не сохранил, не уберёт! Он понял, что не жить ему, если он позволит фашистам свершить задуманное. Нет, он должен довести своё дело до конца. Старшина, вы не только выполняете свой воинский долг, но и мстите за убитых девчат. Я знаю, вы не могли погибнуть, вы думали о сыне Риты Осяниной, которого вам предстояло вырастить, вы своей жизнью оправдываетесь за погибших девчат. Я понимаю, это нелегко – жить с таким грузом, но вы, старшина Васков, сильный человек.

Девочки, я расстаюсь с вами, но не прощаюсь. Ещё не раз я мысленно приду к вам сверять свои дела, мысли, поступки. И почему так складывается жизнь, что «покой нам только снится»? Я не говорю о покое болота, но покой для созидания, творчества, счастья тоже должен быть.

Девчонки, я не плачу, я помню, потому что мёртвые не уходят из жизни тех, кто их любил. Они только не стареют, оставаясь в сердцах людей вечно молодыми.

Расскажи!
Ранен был? А в плен не сдался?
Шрамы от ранений покажи!

Дед, нахмурил брови,
отстранялся:
«О войне я, внучка, вспоминать
не рад».

Но однажды... Будто бы
поддался,

Рассказал, как защищали
Ленинград.

– Расскажу тебе я о блокаде... –
Помолчал немного, сделал жест,
– Немец сжал кольцо
под Ленинградом –

Враг повсюду, много миль
окрест.

Было это в самый лютый холод,
Минус сорок, сорок второй
год,

Обжигал мороз, терзал нас
голод,

И пришёл приказ: «Идти
в поход».

Белые костюмы и винтовки,
Плащ-палатка, лыжи, сухпаёк.
Кралась тихо, как лиса-
плутовка,

Сутки шли, а отдых – на часок.

Но, увы, в лесном глухом
овражке

Немец обнаружил наш привал.
Опясал минною растяжкой,
Как блоху к ногтю отряд
прижал... –

Усмехнулся дед бывалой шутке,

Тяжело вздохнул и замолчал,
Но уже опять через минутку,
Свой рассказ нелёгкий

продолжал:

– Мы попали, внучка,
в окруженье,
Трое суток бой вели в снегах,
Получил я ног обмороженье,
Многие погибли на глазах...

Воздух раскалился до предела,
Всё смешалось: снег и стылая
земля.

Голова кружилась и звенела,
Кровью обагрились белые
поля.

Ранен был в бою я несерьёзно,
Лёгкая контузия, пустяк.
А вот ноги подводили больно,
Отставал, идти не мог никак.

А когда свои нас подобрали,
Истощённых, мёрзлых, чуть
живых,

В госпиталь военный отослали,
Первого меня, затем других.

Госпиталь, кровати, запах
боли...

Здесь лечили раненых солдат.
И врачи, собрав остатки воли,
Оперировали сутками подряд.

Это тоже подвиг, дорогая,
Вылечить бойца, поставить
в строй.

Но моя история другая:
Подлечили и отправили домой.
«Всё, шаша, боец, отвоевался,

–По плечу похлопал мне комбат.
–Радуйся, парнЁк, живым остался,
Для тебя война окончена, солдат».

– Ладно, много лет уже минуло
С той жестокой и большой войны...
–Дед распутал, развязал бинты.
Мою душу иглами кольнуло...
Сколько их, дедов, простых
и скромных,
Защищавших Родину и честь,

В деревнях и городах огромных
Сколько было их? Уже не честь!
Утекают годы, жизнь так быстротечна,
Новое столетье, новая страна...
Юным поколениям сохраним
навечно
Славных тех героев имена!

Соловьёва Анна Артёмовна

СТРАШНЫЙ СОН ДЕВЧОНКИ

Сон дурной мне приснился
однажды.
Очень страшный, навязчивый
сон.
Будто солнце закрыли
под стражу.
И в тюрьму заключили добро.
Я бегу без разбора дороги...
На щеке пересохла слеза.
Где же вы, Васильки - недотроги!
Прокричите свои имена!
Спой игривые песни, синица!
Посчитай мне, кукушечка, год!..
Но вокруг только пепел
кружится,
И стальная машина ревьёт...
Завывает фашистская пуля,
И огонь разыгрался, как зверь!
Я споткнулась, и острые зубы
На меня он направил теперь!..

Пепел бедную за ноги держит,
Дым мешает мне ровно дышать..
Только сильное громкое:
“Мама!” –
Я сумела тогда прокричать.
От объятия я пробудилась,
Кто-то нежно коснулся щеки:
– Тебе, мамочка, это приснилось.
Успокойся, родная, поспи.
Уж и дочка моя повзрослела.
Да и я не девчонка теперь.
Только чувствую, не улетела
Память горьких военных тех
дней.
Пусть тогда растеряла старуха
В чёрном дыме ребячьи часы,
Сохранила для дочки и внука
Голубые мои васильки.

Косолапова Галина Владимировна

Родилась и живёт в Нижегородской области.

Литературного образования не имеет. Серьёзно стихи начала писать два года назад, прозу – год назад.

Является победителем районного литературного конкурса поэзии и прозы. Имеет публикации в районной газете «Городецкий вестник», а также публикации в проекте «Библиотека современной поэзии» в коллективном сборнике «Краски жизни».

Некоторые её произведения размещены на сайтах «Стихи.ру» и «Проза.ру».

НАМ НАДО ПОМНИТЬ КАЖДОГО ИЗ НИХ...

Вновь весна возвратилась в страну,

Скоро праздник придёт –

День Победы!

Будем мы вспоминать ту войну,

И погибших на ней наших дедов.

Добрым словом их всех помянув,

В день такой нам не стыдно поплакать...

... Защищали солдаты страну

В зной, мороз и осеннюю слякоть...

Шли по всем направленьям бои,

Было нашим войскам не до скуки.

Протянул враг до Волги свои

Беспощадные грязные руки:

Жёг дома и бомбил города,

Всюду были следы от пожарниц...

Всё в крови – и земля, и вода,

Воздух – чёрный от дыма и гари!..

Наш народ захлебнулся войной,

Никогда ещё не было хуже.

Раздавался везде бабий вой

По убитым – отцу или мужу,

Сыну, дочери, брату, сестре –

Смерть косила их всех без разбора...

Отсидеться тихонько «в норе»

В годы те все считали позором...

Их без счёта тогда полегло,

Среди них были два моих деда,

Хоть по тридцать им было всего –

Ни один не дожил до Победы.

Почти сразу погиб первый дед –

Это бабушка мне рассказала,

Где? когда? похоронен иль нет? –

И сама она толком не знала,

О войне не могла говорить,

И поэтому, я так считаю,

Тему эту старалась сменить...

Вот что только про деда я знаю:

Он работал с зари до темна,

Но Смерть их догнала, ударив в спину,
Убавила рукой костлявой жизнь
Кому на треть, кому наполовину.
Так рано наступил их смертный час,
И сердце встало, и глаза застыли...
Они отдали жизнь свою за нас,
Чтоб мы свободно и спокойно жили...
Нам надо помнить каждого из них –
Кто день иль год не дождал до Победы,
Кто, прошагав через огонь войны,
Глотка Победы так и не отведал,
Кто воздухом её не подышал,
И майской красотой не наслаждался,
Кто жизнь свою за Родину отдал
И кто домой с войны не возвратился...
Да, им, погибшим, важно, чтобы мы
Их Подвиг никогда не забывали,
Хранили его в сердце, и своим
Потомкам по-наследству передали.
От нас зависит – жить ли им Века,
Или забытыми в сердцах родных
и мильх
Пропасть, в безвестность кануть
навсегда
В поруганных, затопанных могилах.

Ведь если оборвётся эта Нить,
Что держит вместе наши поколенья,
То так легко нас будет победить
Тем, кто Россию видит «на коленях»,
Тем, кто попробует заставить
нас забыть,
Как гибли под огнём отцы и деды,
Себе присвоить или очернить
Такой ценой добытые победы.
Чтоб этим подлым планам помешать,
Мы всей страной должны
объединиться.
Пришла пора теперь и нам решать –
Во что Земля родная превратится?
В прекрасный, мирный и
цветущий Сад,
Где будут жить и улыбаться дети,
Или в сверкающий от страшных
взрывов Ад,
Где только боль и кровь по всей
Планете?
Чтоб снова Мир не запылал войной,
Чтобы опять Земля не зашаталась,
Нам нужно помнить всем, какой ценой
Великая Победа та досталась!..

Калугина Татьяна Ивановна

Родилась 26 августа 1966 года в деревне Нечунаева Каргапольского района Курганской области.

Окончила Катайское педагогическое училище. Работала много лет воспитателем. В настоящее время работает заведующей культмассовым сектором Дома культуры «Лучезар». Является руководителем литературного объединения «Катайские дали», автором сборника рассказов «Искушение судьбы».

Её стихи и рассказы вошли в многие коллективные сборники.

Участница многих областных конкурсов.

Стихи и очерки Татьяны Ивановны постоянно печатаются на страницах районной газеты «Знамя».

Подарила жизнь двум сыновьям – Владимиру и Константину.

БУШЕВАЛА И ЗЛИЛАСЬ МЕТЕЛЬ...

*Посвящается ветерану Великой Отечественной войны –
Михаилу Семёновичу Колпакову*

За окном воет непогода. Ветер, замерзнув от холода, пытается укрыться под обледенелой коркой снега. Огромные сугробы не выпускают непрошеного гостя в своё заснеженное царство.

Михаил, наблюдая сквозь оконный переплёт за таинством природы, вспомнил картину из далёкого сиротского детства. Такая же холодная зима с пронизывающей до самых костей метелью. Он, полураздетый, стоит у проруби. Вдруг перед глазами всё расплывается, и он теряет сознание. Очнувшись, слышит злую брань мачехи...

Сырость и холод одежды пронизывают детское тельце, неприятно щиплющая боль охватывает его. Слезы накатываются с неистовой силой и затрудняют дыхание. Мачеха по-прежнему ругается, и её жуткая брань далеко разносится в морозном воздухе...

Оторвавшись от воспоминаний, Михаил возвращается к действительности. На улице продолжается вьюга, воет и стонет ветер. Только он закрыл глаза, как ожил ещё один эпизод...

Вновь зима, злая и холодная. Небо молчаливо смотрит на происходящее на грешной земле. Михаил, молодой сержант, только что призванный на фронт, гордо стоит в ряду таких же молодых солдат. Он ещё не знает, что его ожидает впереди и что ему предстоит испытать...

А впереди – переправа через Ладожское озеро. Солдаты заполнили

трюм, погрузились на палубу. Вода от вражеских снарядов и мин, казалось, бурлила, поглощая корабли и тела убитых, образуя единое месиво с красноватым оттенком. Михаил в ужасе от увиденного бросается к борту, но ему преграждают путь и приказывают покинуть палубу. Он на полусогнутых ватных ногах спускается в каюту и долгое время, обхватив руками голову, сидит на полу...

После переправы Михаил принимает участие в боях на Ленинградском направлении (у Синявино, Колпино и других населённых пунктах.) ...Михаил открыл глаза и не спеша подошёл к комоду. Открыв один из ящичков, достал листок многолетней давности. Это было «Приглашение на встречу». Глаза побежали по написанному: в ночь с 19 на 20 сентября 1941 года штурмовой батальон 576-го стрелкового полка капитана Дубика В. П. скрытно форсировал Неву, освободив Московскую Дубравку, рабочий посёлок № 1 и создал плацдарм для наступления советских войск по деблокаде Ленинграда.

Бои на Невском пятачке по тяжести условий и массовому героизму воинов не имели себе равных. Пятьдесят дней велись ожесточённые схватки с немецко-фашистскими захватчиками на этой обугленной земле.

Батальон испытал всё: бомбёжку, и танковые атаки врага, жар огнёмётов, непрерывные разрывы снарядов и мин, сплошной пулемётный и автоматный огонь, скудный ленинградский паёк, осеннюю слякоть и холодную воду Невы. Об этих днях писал А. Прокопьев:

Здесь в скрежете металла и огня

Земля, снега и наша кровь кипели.

Сильный гул в трубе оборвал воспоминания. Михаил подошёл к печи и прикрыл вьюшку. Затем вернулся в комнату и присел на кровать. Метель, стучавшаяся в оконное стекло, вновь напомнила о прошлом.

...43-й год. Впереди Ленинград. Зима. Оледеневшее железо на крышах уцелевших домов гремит на ветру. Часть, в которой находился Михаил, прочёсывает один из населённых пунктов. На одной из улиц за полуразрушенными кирпичными зданиями показалась деревянная постройка. Бойцы с опаской подошли к ней и осторожно приоткрыли двери.

В помещении от попавшего дневного света что-то блеснуло, словно сосулька. Михаил с товарищами пошире открыли двери и вошли внутрь. Там они, как один, замерли, оцепенев от увиденного: около стены высветились обледенелые тельца, сложенные, словно дрова, в поленицы...

В эту минуту всё ранее пережитое от ран и потерь товарищей для Михаила потускнело и ушло на задний план. Остался лишь миг неизгладимого ужаса от фашистского варварства над детьми (гитлеровцы использовали их кровь для своих раненых).

– Миша, – вдруг раздался громкий голос супруги, – ты будешь обедать?

Михаил вздрогнул и, придя в себя, произнёс:

– Нет, что-то нет аппетита...

Супруга не стала настаивать, а лишь добавила:

– Еда на столе.

Михаил повернулся к окну. Там бушевала и злилась метель, вновь и вновь вороша его память, в частности, обстоятельства ранения. Февральский холод 43-го года. Взрывная пуля, угодившая в предплечье, опрокинула солдата в забвенье. Далее – госпиталь и долгое лечение.

... Война уже позади, но судьба не приносит ему семейного счастья. Михаил едет на заработки в Челябинскую область, где работает на строительстве сельских объектов.

Прибыв на место, Колпаков пытается разместиться в бараке, но лишних мест не оказывается, тогда он направляется в один из домов. Переступив порог и оглядевшись, замечает ухоженность помещения и домашний уют. И этим же вечером переходит сюда жить.

Молодой, красивый, статный мужчина привлекает внимание девушки, живущей в этом же доме. Михаил это видит, но не даёт надежды на ответное чувство. Между тем строительство подходило к концу, и вскоре бывший солдат уезжает восвояси. Таня (так звали хозяйку) глубоко переживала отъезд постояльца, успев привязаться к нему всем сердцем.

Пролетел год. И однажды на пороге её дома показался он. Девушка засияла от счастья... В 1956 году новая семья переехала в Катайск, где и родилась дочка Валя.

С тех пор минуло немало лет. Но зима с её метелями и холодами по-прежнему напоминает Михаилу фронтовые дни. Скрипнула дверь, вошла супруга. На душе у солдата стало тепло и спокойно.

– Вот и всё. Прошла жизнь. Хорошо, что у меня есть две любимые женщины, – с лёгкостью произнёс Михаил.

Татьяна тихо подошла к мужу и положила руку на плечо:

– Мы с тобой вместе, а это главное. Ради этого стоило жить, несмотря ни на что.

Филатова Наталья Александровна

Родилась в 1968 году и живёт в городе Борисоглебске Воронежской области.

Окончила педагогический институт, работает в школе учителем начальных классов.

Была победителем конкурса лучших учителей РФ приоритетного образовательного проекта «Образование». Ведёт предмет основы православной культуры.

Увлекается историческим краеведением. Любит путешествовать, созерцать природу, общаться с интересными людьми, читать, смо-

треть хорошие фильмы, художественные и публицистические, трепетно относится к театру. Иногда пишет стихи.

КРЕПКИЙ ТЫЛ

В память о Великой Отечественной войне.

У небольшого бугорка, где
похоронены солдаты,
Стоит и плачет паренёк, скомкав
в руках письмо от брата.
«Спасибо вам, – писал он в нём, –
что вы за нас в тылу молились,
Что, отказав себе во всем,
самоотверженно трудились.
Что в час, когда под градом пуль,
мы шли в атаку штыковую,
Вы на полях растили рожь,
готовя пайку боевую,
Что у токарного станка

боеприпасы нам точили,
На фронт шинели шили вы,
а сами старое носили...»
Скатилась жгучая слеза, в груди
от боли сердце сжалось,
И младший брат сказал о том,
что ненаписанным осталось.
В ответ хотел он написать:
«Спасибо за защиту брату,
Что хоть семнадцать лет ему, он
был уже в военкомате...»

Львова Елизавета Витальевна

Родилась 7 ноября 2005 года в городе Краснодаре в семье офицера. Учится в 8 «Б» классе средней общеобразовательной школы № 32 имени Ф. Э. Дзержинского МО г. Краснодар.

Активно занимается спортом. Награждена золотым знаком отличия ГТО III ступени. Член движения «ЮНАРМИЯ». Занимается литературным творчеством, победитель и лауреат литературных фестивалей и конкурсов. Выражает искреннюю благодарность своим школьным учителям за прекрасное

преподавание литературы и истории, а также всем организаторам Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы».

ПОСЛЕ МУЗЕЯ

За стеклом в Фелицынском* музее

Я прочла об ужасах войны.

Обо всех погибших сожалея,

К обелиску принесла цветы.

Алой кровью на седом граните

Две гвоздики красные лежат.

Люди!!! На минуточку замрите.

Вспомните о подвиге солдат.

Числа, сорок первый – сорок пятый,

Пофамильный список в три ряда.

Наша память будет им наградой

На века, а значит –навсегда.

Жалко, здесь не ставят фотографий.

Мы не видим повседневных лиц,

Жизненных не знаем биографий.

Нет о них в учебниках страниц.

---

*Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Фелицына.

Мухина Ксения Анатольевна

Родилась в Смоленске в 2004 году. В 2014-м с родителями переехала в село Гусино Краснинского района Смоленской области, в 2018 году перешла в МБОУ Трудилловскую СШ Смоленского района, где учится и сейчас.

После окончания школы планирует пойти учиться на парикмахера.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству – сочинению стихов.

Искренне благодарна своей маме за то, что привила ей любовь к стихам.

А МАМА ЖДЁТ...

Сыночка с войны ждала мама...
Вот год пролетел, вот другой...
Она всё скучала, мечтала:
«Лишь был бы Алёшка живой».

И кажется ей, что бежит
по лужайке
Мальчонка с цветочком в руке,
Вот мячик гоняет футбольный
С ребятами в школьном дворе.

Рос умным и смелым Алёшка.
За правду всегда он стоял.
И маме, и сёстрам, и старшим –
Безропотно всем помогал.

В десятом влюбился в Наташку.
Семью собирался создать.
Закончить хотел он учебку,
Чтоб лётчиком в будущем стать.

Война никого не щадила...
Забрали Алёшку на фронт.
«Вернусь обязательно, мама,
Лишь лето с зимою пройдёт!»

«Вернётся, вернётся, вернётся!» –
Твердит себе мама стократ.
Но нет ни сыночка, ни писем,
Прошёл уж победный парад...

Титова Татьяна Сергеевна

Родилась в 2006 году в городе Севастополе.

Учится в Билингвальной гимназии. Увлечения: журналистика, путешествия. Мечтает стать дипломатом.

Чувство юмора гипертрофированное. Ценность в жизни - семья, страна, собака...

Пишет стихи с 2014 года. В 2019 году выпустила две книги: «Сны севастопольской девочки» и «Поколение дилетантов».

Искренне благодарна своим наставникам – Гречишниковой Ольге Эдуардовне – моему самому «классному» классному руководителю,

Бонь Тамаре Николаевне – руководителю творческой студии «Ньюмедия» и многим другим, которые помогали, подсказывали, наставляли.

Отдельное спасибо – сотрудникам музея «35-я береговая батарея» (директор В.И Володин) за конкретную поддержку и предоставленные материалы и экспонаты.

О ТРИДЦАТЬ ПЯТОЙ И НЕ ТОЛЬКО...

отрывок из поэмы

На мысе, где лежал когда то Херсонес,
Описанный ещё самим Страбоном,
Не вырастет зелёный буйный лес,
Здесь каждый метр железом нашпигован!
Под ноги не смотри. Теперь здесь благодать,
Всё чистенько, в бетоне и граните.
Но тыщи павших предков из небес молят:
«Храните память вы о нас. Храните...»
«Линкор подземный», батарея тридцать пять,
Фашисты называли «Максим Горький» ...
Я побывала. В шоке. Но приду опять
Впитать в себя инстинкт Победы стойкий.
Ты тридцать лет ждала своей войны
И показала свою силу в полной мере,
Как могут воевать российских матерей сыны
И наверху, в степи, и в подземелье...

Был третий штурм. Настырный и кровавый.
Фашист умелей и гораздо опытней в войне.

Враг смелый, дерзкий, наглый и упрямый,
На наших наши танки шли – «КВ».
Трофей законный, взятый из-под Керчи,
За 20 дней там перемолот Крымский фронт,
Есть немцам чем стрелять, людей калеча,
Есть пополнение для германских рот...

Но сослагательству история не внемлет.
Что было бы? И что могло бы быть?
Наверно, к счастью, имеем что имеем
И только в спорах продолжаем ныть.
Погода жаркая. Сейчас бы дождь и облака ...
Напомню – шёл последний день июня.
Все послезнание вон, ну а пока
Присмотримся к вокруг снующим людям ...
Как много лиц... Как мало их имён
История и время сохранили.
Вас помним и на праздник помянем,
Вы больше жизни Родину любили.
Стон раненых разносится кругом,
Казалось, что сама земля стонала,
Десятки тысяч пущены на слом,
Какая армия бесславно погибала!
Есть нечего, как нечего и пить.
Снарядов – ноль и мины на исходе.
Эскадру ждут. Она уже спешит,
Четырнадцать идут. Они уж на походе.
Но только здесь не Крит, и не Дюнкерк,
Не близкая душой Одесса-мама.
– А если не достанет мест на всех,
Тогда уйдём мы в горы к партизанам.
Держались ночь, держались ещё день.
Потом по новой – день и ночь ещё держались.
За каждую воронку, камень, каждый пень,
Они за честь страны своей сражались.
Но тщетно всё... Нет у причала кораблей.
Прорыв на Балаклаву в крови захлебнулся.
Стрелялись комиссары в нишах галерей...
Творился ад. Бог почему-то отвернулся...
Тот редкий случай, когда не было измен.
Готов был каждый к бою и ко смерти.

Пугал бойцов один лишь только плен
Поэтому и дрались словно черти.
Ножи, дубины и сапёрные лопатки—
В ход всё пошло, что было под рукой.
Зубами в горло. Злой, звериной хваткой
Приморская вела последний страшный бой.
Нет сил держаться за мирскую твердь?
Сломался стержень или разум помутился?
Два выбора осталось: плен и смерть,
А тут уже на что ты сам сгодился.
И прыгали с обрыва в море, в камни.
С отчаяньем помянув святых ...
... Идёшь по батарее... не спеши.
Отставь в сторонку хлопоты мирские,
Задумайся о прошлом, им дыши,
Здесь мозг прочистят запахи морские.
Смешались ароматы степных трав
С безвкусием прогретого бетона.
Здесь армия, все трудности поправ,
Зачислена на стены пантеона.
Зайди в него. Постой и помолчи.
Ни что от мыслей глупых так не лечит,
Как звёзды, замерцавшие в ночи,
Как лица, превратившиеся в свечи.
Среди тех лиц ты не найдёшь знакомых,
Они похожи живостью в глазах...
Остались вечно на последних бастионах.
Тела не память, превратились в прах,
Пускай они не все известны поимённо.
Кто был на батарее – тот поймёт
Как много лиц свято одухотворённых
Ушли без шансов и надежды на почёт.
Прийти сюда ты можешь без цветов,
Их без тебя возложат, без сомненья,
Предупреждаю – будь же ты готов
К тому, что поменяешь мира зренье.
Переоценка ценностей придёт.
Не сразу всё прочувствуешь на шкуре.
Но капелька с годами камень бьёт.
Ты приходи сюда на целый день в июле.
Придя на батарею – не спеши...

Здесь каждый метр пропитан русской кровью,
Услышишь крик не упокоенной души
В степных ветрах и шуме летнего прибоя.
Финальный штрих... Даётся мне с трудом.
Девчонка я, а не пропахший дымом воин.
На тридцать пятой бой не конченный отцом,
Сегодня с временем ведёт капраз Володин.

Я севастопольская девчонка в четвёртом поколении. Еще не знаю, как сложится моя жизнь, какие перипетии ждут впереди, с какими испытаниями придётся столкнуться. Одно только с уверенностью могу сказать: я не предам Херсонеса.

Лилия Мальшева

Родилась в 1986 году в Московской области, в посёлке Румянцево.

Окончила колледж телекоммуникаций технического университета связи и информатики, а в дальнейшем – и сам университет. Сейчас получает второе высшее образование по специальности юрист.

Работает старшим инженером в области телекоммуникаций.

Поэзией увлекается с 11 лет.

ПОДВИГ

«Герою Советского Союза товарищу Савельеву Валентину Дмитриевичу

За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 10 апреля 1945 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник.

**Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.
Москва. Кремль. 22 мая 1946 г. И»97П».**

Это текст подлинного документа Президиума Верховного Совета СССР. Он как дорогая семейная реликвия хранится у моей тётушки, Нины Валентиновны Савельевой. Долгое время этот документ в рамке висел на самом видном месте в квартире Савельевых. По рассказам родителей, мать деда, Евдокия Ивановна – моя прабабушка, когда к ней приходили в гости её знакомые, снимала эту рамку и показывала гостям. «Это моему младшенькому, Валеньке, из самой Москвы прислали... Он ведь у меня Герой Союза», – говорила она.

Судьба моего дедушки, Валентина Дмитриевича Савельева, складывалась непросто. Родился 23 февраля 1925 года в деревне Подолы Новопетровского (ныне Истринского) района Московской области в семье крестьянина. Русский. Жил в посёлке Румянцево. Окончил 7 классов. Работал в колхозе. Отца лишился рано. Старший брат, Егор, погиб в первый же год войны.

В ноябре 1941 года, несмотря на героические усилия Панфиловской дивизии на Волоколамском шоссе, гитлеровцы пришли в посёлок Румянцево, и вместе с матерью Валентин оказался в оккупации. Перенёс и голод, и холод, и разруху. А когда Красная Армия освободила Подмосковьё, Валентин, хотя ему не было ещё и восемнадцати, стал обивать пороги райвоенкомата и проситься в армию.

Призвали его 23 января 1943 года. Попал он в Удмуртию, где в запасной части его определили в пулемётчики. Учёба шла в невероятном темпе. Время распределялось так: короткий сон, считанные минуты на приём пищи, а все остальные часы суток – учёба, учёба и учёба. Дедушке казалось, что сутки у него летели, как секундная стрелка часов. Переутомление в расчёт не бралось, хотелось скорей на фронт. И вот школа позади. За полгода учёбы он овладел навыками работы со станковым пулемётом, получил звание младшего сержанта и вместе с пополнением в начале сентября 1943 года был направлен на Брянский фронт в состав 121-й гвардейской стрелковой дивизии 3-й армии. Там он был зачислен в штат 340-го гвардейского стрелкового полка.

Боевое крещение Савельев принял в ходе Брянской операции, участвуя в броске к Двине в районе населённых пунктов Кальцы и Домны. Эти две деревни были первыми, освобождёнными на его длинном боевом пути. А позднее – переправа через Днепр. Теперь он уже смелее чувствовал себя, перестал кланяться каждому снаряду. Вместе с товарищами шёл и шёл вперёд.

Пулемётчики на фронте были в большой чести, их всегда выдвигали туда, где накалялась обстановка, где требовался мощный пу-

лемётный огонь. Дедушка уже понимал это. В бою он действовал в контакте с товарищами. «Станкач» в его руках был послушным. Сам научился отыскивать цель, поражать её первой очередью. Это заметили не только командир пулемётной роты, но и командир полка гвардии майор Герасимчук. Если где-то появлялось осложнение, Герасимчук подсказывал командиру пулемётной роты, чтобы он передвинул туда Савельева, ведь он знал, что дедушка сделает всё, что надо.

Затем его дивизия участвовала в наступлении к границе Белоруссии, освобождала райцентры Мглин, Сураж. В ноябре 1943 года полк Савельева действовал уже в Кормянском районе Гомельской области. Здесь в боях с 24 по 29 ноября при наступлении к Днепру севернее города Рогачёва в районе деревень Реут и Новосёлки он уничтожил 17 гитлеровцев и 3 ручных пулемёта с расчётами, чем обеспечил успех наступления полка. За отличие в этих боях гвардии младший сержант Савельев был представлен к совершенно новому ордену – Славы 3-й степени, но за неимением ещё таких в наличии был награждён медалью «За отвагу». Тогда же он стал сержантом и был назначен командиром пулемётного отделения.

В каких только боях не участвовал мой дед. И всё та же смелость, напористость.

В январе 1944 года дивизия, в которой воевал пулемётчик Савельев, была передана в состав 13-й армии 1-го Украинского фронта, и бойцам пришлось проехать и прошагать несколько сот километров по болотистому полевому краю к городу Коростень. Уже в конце января 1944 года в ходе начавшейся Ровно-Луцкой операции бойцы пошли вперёд на запад. В боях с 26 января по 3 февраля 1944 года в районе сёл Маща, Лесополь и Волошки, что в окрестностях райцентра Ровенской области – посёлка Костополь, Савельев пулеметным огнём уничтожил пять автомашин, переполненных удиравшими гитлеровцами. Были подавлены 2 пулемётные точки противника, а также уничтожен расчёт противотанковой пушки, которая стреляла с открытой позиции по нашим наступающим подразделениям. В числе наступавших он первым со своим пулемётом ворвался в город Ровно, поражая врага смертельным огнём. За отличие в боях на подступах к городу Ровно гвардии сержант Савельев был награждён второй медалью «За отвагу». Тогда же он стал сержантом и был назначен командиром пулемётного отделения.

К лету 1944 года дивизия, в которой воевал Валентин Дмитриевич, держала оборону южнее города Луцка против частей вражеской Бродской группировки. В марте 1944 года в одном из боёв в этом районе он был ранен и лечился в медсанбате.

13 июля 1944 года гитлеровцы, стремясь воспрепятствовать началу наступления Красной Армии в ходе Львовско-Сандомирской операции, неожиданно предприняли контратаку самоходками с десантом на броню на позиции полка, в котором он воевал. Пулемётчик фланговым огнём своего пулемёта уничтожил 15 гитлеровцев из числа десанта, чем способствовал отражению атаки.

18 июля 1944 года уже в ходе наступления в районе польского села Кобыляны Савельев выдвинулся вперёд и уничтожил пулемётную точку противника, мешавшую продвижению нашей пехоты. В последующие дни он участвовал в боях за польские города Пшевурск, Жешув, а с начала августа 1944 года – в боях на Сандомирском плацдарме за Вислой. За отличие в боях на подступах к Висле гвардии сержант Савельев был награждён орденом Славы 3-й степени.

...Пришёл январь сорок пятого. Забегая вперед, скажу: этот год был для дедушки и вершиной славы, и черной трагедией. К этому времени гвардейцы 121-й стрелковой дивизии вышли на Одер. Подразделения готовились к переправе. Командир полка Герасимчук и тут не забыл Савельева. Он приказал ротному, чтобы старший сержант переправляется со своим пулемётом со стрелковыми ротами первым. «ему там будет много горячих дел», – сказал он.

Переправляться пришлось под непрерывным огнём противника. Как ни трудно было в этом крошечном аду, но гвардейцы зацепились за левый берег Одера. И Савельев сразу выкатил на удобную площадку свой станковый пулемёт и открыл уничтожающий огонь по врагу. Стрелкам рот стало легче «дышать». А тем временем другие подразделения накапливались и накапливались.

Веда бои, гвардейцы зарывались и углублялись в землю, готовили боевые ячейки, траншеи, накапливали боеприпасы. Валентин Дмитриевич со своим расчётом тоже не терял зря времени. Кроме основной огневой позиции, он оборудовал запасную. Рядом для укрытия отрыл для себя глубокую щель. Одним словом, всё делалось для того, чтобы достойно, стойко встретить врага, когда он бросится в контратаки. А в том, что эти контратаки будут, – никто не сомневался.

В день переправы через Одер – это было 26 января – гитлеровцы предприняли три контратаки. Гвардейцы устояли. Они отбили все попытки противника сбросить наши подразделения в реку. Потеряв сотни солдат убитыми и ранеными, враг сник, прекратил контратаки. Но на следующий день, получив подкрепление, немцы с ещё большим ожесточением стали контратаковать гвардейцев. На

этот раз враг бросал на наши боевые порядки не только пехоту, но и танки. Одна атака захлебнулась – фашисты поднимались во второй раз. Вторая отбита – они шли в третью. Всего за этот день противник предпринимал шесть отчаянных контратак. Были моменты, когда танки врага врывались в наши боевые порядки, крушили все живое. Казалось, всё, конец пришел! Но оживали траншеи, летели на врага гранаты, в упор из орудий расстреливались его танки. Оборона жила!

Уже потом, когда дедушка вернулся домой, когда у него была своя семья, росли дети, в зашедшем разговоре о фронте кто-то спросил:

– А было на фронте страшно?

– Страшно? – с раздумьем переспросил Савельев. И на ум ему пришёл тот бой на плацдарме у Одера. – Страшно – это, пожалуй, не то слово, – сказал фронтовик. – Бывало страшнее, чем страшно!

И он рассказал жене, Капитолине Петровне, своим дочерям о том, что случилось с ним тогда, на Одере.

– В самый разгар боя я косил фашистов из своего пулемёта. И вдруг на мою позицию вихрем вылетел вражеский танк. Спасла какая-то доля секунды: почти из-под гусеницы я успел броситься в щель. И сразу надо мной – противный лязг гусениц. Меня стало заваливать землей. Понял: стальная громадина волчком вертится, чтобы вместе с землей меня стереть в порошок. Ужас! На голове каждый волосок дыбом поднялся. А дальше я уже не знал, что происходило. Только и на этот раз наши устояли. Давивший меня в моей щели танк дымился неподалеку, меня мои товарищи быстро откопали, и я пришёл в себя. Там, где стоял мой пулемёт, земля вся была перепахана гусеницами, а от пулемёта остался его изуродованный остов... Вот как случалось на войне. А вы спрашиваете, было ли страшно...

С одерского плацдарма дивизия с боями пошла вперёд. Вместе с гвардейцами полка шёл и Валентин Савельев. Но он тогда ещё не знал, что спустя всего два дня после гитлеровских контратак, 29 января, на него по цепочке вверх уже ушли документы на звание Героя.

А полк тем временем с боями теперь уже шёл по Германии. И случилось так, что в бою за хуторок, который и на карте-то значился еле заметной точкой, Савельев был ранен в ногу. Пришлось с 12 февраля по 12 марта пролежать ему в госпитале.

И снова своя часть, снова бои рядом с товарищами, сроднившимися в бесчисленных сражениях. Впереди, где-то в дымке, уже маячил Берлин. Гвардейцы с непрерывными боями держали туда

путь. Дедушка, как всегда, шёл в числе первых, в авангарде. Вот он, разгоряченный боем, ворвался в небольшой городок. Улица. Большой дом. Зная, что фашисты оставляют на чердаках своих снайперов, Савельев «прошёлся» очередью по слуховым окнам дома. В целях «профилактики». А в центре улицы находился небольшой запущенный парк. На него-то в суматохе Валентин Дмитриевич не обратил внимания. А там в кроне одного дерева сидел снайпер. Он-то и сразил старшего сержанта разрывной пулей в правое плечо, когда тот спиной повернулся к врагу. Савельев свалился как подкошенный. Без сознания.

Вражеского снайпера бойцы, конечно, сразу убрали. Но Савельев... Надо спасать друга. В себя он не приходил. Горлом шла кровь, дышал прерывисто, с трудом. Быстро доставили в госпиталь. Но врачи, осмотрев раненого, безапелляционно заключили, что операция бесполезна. Рана тяжелейшая, большая потеря крови – не выдержит. Востали друзья: «Как не выдержит? Он же молод, ему всего двадцать... Крови сколько надо, столько и берите! Мы дадим...»

Беда случилась 18 апреля 1945 года. В полку уже все знали, что Савельев – Герой Советского Союза. Поэтому и стояли все горой, чтобы спасти любимца.

Врачи без уверенности за исход взялись за операцию. Она была сложнейшей. Пуля разорвала правое легкое раненого, повредила два ребра. Ввели донорскую кровь. Повреждённое легкое и два ребра пришлось удалить...

С апреля до сентября 1945 года пролежал дедушка в госпитале. Воскрес из мертвых, стал ходить. Вернулась к нему озорная веселость, возвращались силы.

Домой в Румянцево он приехал инвалидом 2-й группы. Рана давала о себе знать, не затягивалась. Выходила его в домашних условиях тогдашний главный врач Ново-Петровской районной больницы Анна Васильевна Граховская. Эта забота плюс молодой организм сделали свое дело. Он встал на ноги.

В мае 1946 года в Кремле получил высшие награды Родины. Несмотря на ранение, Савельев сразу же окунулся в активную жизнь. В райкоме партии ему предложили возглавить районную организацию ДОСААФ, потом взяли в партийный аппарат инструктором. Позднее его избрали членом бюро райкома партии. Молодой фронтовик был активен, энергичен, но сам чувствовал, что ему ещё не хватало знаний, опыта, и попросился на учёбу. Окончил курсы в Выборге, школу начсостава в Саратове. Некоторое время Саве-

льев работал в бывшем Михневском районе, возглавлял контору «Заготзерно». Затем вернулся в родное Румянцево, стал заместителем директора Румянцевской фабрики медицинской мебели по хозяйственной части.

К этому времени у Валентина Дмитриевича уже была семья. Вместе с женой – Капитолиной Петровной – они растили трёх дочерей. Старшая – Нина Валентиновна, которую я уже упоминала, после окончания Коломенского пединститута стала учительницей и преподавала математику в той же школе, где когда-то учился ее отец. Средняя – Любовь Валентиновна – тоже имеет высшее образование, за её плечами инженерно-экономический институт, работала в отделе труда и зарплаты на Румянцевской фабрике. Младшая дочь – Светлана Валентиновна Савельевых окончила педучилище.

Теперь бы Валентин Дмитриевич мог наблюдать, как растут его внук и две внучки.

Но не суждено было Герою войны дождаться внуков. Он умер 5 ноября 1974 года, когда ему было всего лишь 49 лет...

Антон Иванов

Родился 27 августа 2007 года в селе Останино Ленинского района Республики Крым.

Учится в останинской средней общеобразовательной школе в 5-м классе.

Увлекается музыкой и рисованием. Любит читать. Посещает детскую школу искусств по классу гитары и живописи.

Дипломант и победитель республиканских и всероссийских конкурсов.

Вошел в шорт-лист победителей Всероссийского детского литературно-художественного конкурса «Звезды Ориона» и удостоился специального приза «Пояс Ориона» за работу в номинации «Эссе» – «Орион – небесный охотник».

Является членом историко-краеведческого клуба «Истоки» при останинской сельской библиотеке.

Юнармеец. Имеет знак отличия «Юный защитник Отечества».

СРОКА У ПОДВИГА НЕТ

Было тёплое майское утро. Степь буйно цвела после тёплых и редких в этих местах дождей. Пахло травами. Пели жаворонки. И была такая благодать, что хотелось смотреть в бездонное небо и не думать о чём-то тревожном.

Мы с бабушкой ехали на машине из нашего села Останино в Ленинское, рядом с которым проходит дорога Керчь – Феодосия. Это одна из древнейших дорог на Керченском полуострове. Здесь, в селе Ленинском, а раньше оно называлось – Петровское, находилась почтовая станция Аргин, где Александр Сергеевич Пушкин менял лошадей, когда ехал из ссылки. Недалеко от села стоит Екатерининский столб, указывающий на то, что Екатерина II тоже проезжала по этой дороге.

Сейчас здесь развернулось грандиозное строительство Федеральной трассы «Таврида». Осторожно работает экскаватор. Ведь земля таит столько секретов!словно хирург скальпелем, вскрывает он землю: слой за слоем. И вдруг обнажился окоп, а в нём – солдаты, застывшие в момент, когда оборвалась их юная жизнь.

Они успели основательно подготовиться к встрече с врагом, равшимся захватить районный центр – село Ленинское, где был расположен штаб Крымского фронта. Но силы были неравными. Гитлеровцы бросили на штурм авиацию, танки, пехоту, артиллерию.

До последнего защищали свой боевой рубеж десять воинов. Вот лежит солдат, в его винтовке остался всего один патрон. Рядом лежит граната. Её он, скорее всего, оставил на потом. И не успел. Аккуратное пулевое отверстие в каске свидетельствует о том, что вражеская пуля сразила бойца. Обилие стреляных гильз, осколков снарядов и бомб говорит, что воины приняли яростный бой.

Надо было удержать позицию до подхода основных сил. Держать и, судя по всему, отбивать жестокие контратаки пришлось долго. Может, с рассвета и до полудня, может, день и больше. Увидели ли они подход своих или погибли, защищая раненых солдат, женщин и детей, которые находились в селе? Не угадаешь теперь всего этого. Ясно одно, что ни один из них не дрогнул.

В почерневшем от времени медальоне нашли клочок полуистлевшей бумаги. Такие медальоны выдавались всем бойцам, но многие записки не писали – верили в примету, если это сделать, то уж точно погибнешь.

По этому клочку бумаги и определили имя погибшего. И полетело письмо в Краснодарский край с вестью о том, что младший лейтенант командир взвода 390-й Армянской дивизии Израил Хачикович Кейджян погиб в Крыму, защищая от фашистов село Ленинское. Как долго ты шла, весточка, от любимого сына и брата. Долгие 75 лет родные не знали, где покоится его прах. Наконец-то, нашёлся! Но не застала эта весть отца с матерью, они так и не узнали, где сложил голову их сокол. В путь-дорогу снарядились родственники Кейджяна.

И вот сегодня все собрались на центральной площади у братской могилы погибших советских солдат в годы Великой Отечественной войны в селе Ленинском, куда мы тоже приехали, с воинскими почестями предать земле останки солдат и командира Красной Армии. На гранитной плите появилась ещё одна надпись – Израил Хачикович Кейджян. К подножию обелиска легли венки и горсть земли с малой родины героя, которую привезли родственники. Внесена ещё одна строка в летопись Великой Отечественной войны.

**Всероссийский литературный конкурс
«Герои Великой Победы»**
Сборник работ победителей конкурса- 2018 – 2019гг.

Литературный редактор **О. И. Рябов**
Дизайн и вёрстка **Е. В. Рябова**
Корректор **М. В. Юрченко**

Подписано в печать 15.12.2019. Бумага офсетная. Формат бумаги
84x108/32. Способ печати офсетная. Усл. печ. л. . Заказ № .
Тираж 1000.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Полиграф-Юг».
385000, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.
Телефон для справок 8 (8772) 52-23-92.
E-mail: guripp2@yandex.ru